

ББК 88.5

Б 31

Вниманию оптовых покупателей!

Книги серии «Великие тайны» и других жанров
можно приобрести по адресу:
129348, Москва, ул. Красной сосны, 24.
Акционерное общество «Вече»,
телефон: 188-16-50, 188-89-59.

ISBN 5-7838-0322-7

© В. Бацалев, А. Варакин, 1998

© "Вече", 1998.

Бацалев В. , Варакин А.
Б 31 Тайны археологии. Радость и проклятие великих открытий. — М.: Вече, 1998. — 416 с. («Великие тайны»).

ISBN 5-7838-0322-7

Книга «Тайны археологии» рассказывает о множестве загадок, с которыми сталкиваются археологи, пытающиеся проникнуть в самые потаенные глубины истории человечества. Авторы предлагают свои варианты разгадок этих тайн, охватывая период от первобытных времен и самых древних памятников до библиотеки Ивана Грозного и морских катастроф нынешнего века.

В. БАЦАЛЕВ, А. ВАРАКИН

ТАЙНЫ АРХЕОЛОГИИ

Генеральный директор *Л. Палько*
Ответственный за выпуск *В. Еленский*
Главный редактор *С. Дмитриев*
Редактор *И. Никифорова*
Корректор *Н. Киселева*
Верстка *О. Фирсова*
Разработка и подготовка к печати художественного оформления — «Вече-графика»
В. Крючков, К. Астахов, А. Косарев

ЛР № 064614 от 03.06.96
Издательство «Вече», 129348, Москва,
ул. Красной сосны, 24.

Подписано в печать 1.04.98. Формат 84x108 1/32.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 13,0. Тираж 16 000 экз. Заказ

СОДЕРЖАНИЕ

ДЕТИНЕЦ НА ДЕТСКИХ КОСТЯХ.....	5
ПОТОП В ПЕЩЕРЕ ШАНИДАР.....	17
ПЕРВЫЙ ГОРОД ИЕРИХОН.....	24
СТОУНХЕНДЖ И ДРУГИЕ МЕГАЛИТЫ.....	32
1. История вопроса.....	32
2. Хокинс и история строительства.....	40
3. Хокинс и его открытия.....	47
4. Стоунхендж-98.....	52
ДРЕВНЯЯ ИНДИЯ.....	56
МЕЖДУРЕЧЬЕ: БЕСКОНЕЧНАЯ СМЕНА ЭПОХ....	66
КОРАБЛЬ ХЕОПСА ПО ИМЕНИ "МЕНЕЦЕТ".....	87
ПРИАМ, ТРОЯ И ШЛИМАН.....	97
ОСТРОВ МЕРТВЫХ.....	105
ФЕСТСКИЙ ДИСК.....	112
СОЛНЕЧНОГОРСК, РАЗРУШЕННЫЙ ВО СЛАВУ А М О Н А.....	127
СЕМЬ ПРЕТЕНДЕНТОВ НА ЗОЛОТОЙ ГРОВ.....	139
ЗАГАДКИ ГРОВНИЦЫ ТУТАНХАМОНА.....	157
КОНФЕДЕРАЦИЯ «ТЫСЯЧИ БОГОВ» (Фантазия на лингвоисторическую тему).....	181
1. Хеттия — феодальная страна?.....	181
2. Как и когда открывали хеттов.....	187
3. Превратности XX века на страже хеттологии... ..	193

АРХЕОЛОГИЯ НА ДНЕ МОРСКОМ	367
ИСПЫТАНИЕ СПОРЫМ НАВОЛОКОМ (Почти погибшая экспедиция)	379
МИФ О ДЖОНЕ ФРАНКЛИНЕ	386
ИСКУССТВО ГРАВИТЬ.....	397
...Умышленно	397
...Ненароком	400
...По совести	405
...Дураков	411

ДЕТИНЕЦ НА ДЕТСКИХ КОСТЯХ

Летом прошлого года я присутствовал при закладке нового сруба в деревне. В восточном углу дома будущий хозяин вырыл ямку и бросил горсть монет.

— Зачем? — спросил я.

— Так положено, — ответили мне.

Кем? Когда? Почему? — ответить никто не мог. Положено — и все.

Пришлось выяснять это самостоятельно. Правда, раскапывая древнегреческие города, я уже сталкивался с чем-то подобным: находками монет в фундаментах. Тогда это объяснялось просто: на счастье. Чтобы дом стоял на деньгах. Но все оказалось гораздо сложнее и куда как древнее денег.

Еще один из первых и виднейших археологов СССР, автор учебника по археологии, А. Арциховский писал: "Неизвестно, чем вызваны погребения, встречаемые в мустьерских стоянках разных стран: страхом перед мертвым, заботой о нем или просто желанием уберечь покойника от зверей. Во всяком случае эти погребения дали нам основной антропологический материал по неандертальскому человеку". Несуразностей тут две.

1. В пещерах или на стоянках жили тысячи лет и тысячи поколений, а находят один, два, три костяка; за что такой почет и куда делись остальные?

2. Почему большинство похороненных — дети или подростки (мальчик из Тешик-Таш, сунгирские дети и т.д.), за что им такой почет?

Ответ, как ни странно, дали не археологи первобыт-

ного общества, а современные этнографы и историки культуры. Именно они наткнулись и заинтересовались древней и жестокой тюрингской легендой. Чтобы сделать замок Либенштейн неприступным, за большие деньги купили ребенка и решили замуровать в стену. Пока каменщики делали свое дело, ребенок сидел в нише и ел пирог. Иногда он кричал находившейся рядом матери: "Мама, мне тебя видно... Мама, мне все еще тебя видно... Мама, я вижу тебя в щелочку... Мама, а теперь я ничего не вижу".

Вскоре выяснилось, что подобные обряды были не только у немцев, а у всех народов Европы без исключения. Стены Копенгагена, например, несколько раз обрушивались, пока строители не прибегли к радикальному средству: взяли невинную голодную девочку и посадили за стол с игрушками и кушаньями. Пока девочка насышалась и играла, двенадцать (сакральное число?) рабочих сложили свод. Затем во все время возведения стен около склепа играла музыка, чтобы заглушить вопли несчастной. В итальянских преданиях можно найти историю о мосте через реку Арту, который все время обрушивался, пока в него не заложили жену строителя. Мост стоит, но его периодически трясет от рыданий и проклятий несчастной женщины.

В Шотландии вам и сейчас расскажут, что древние пикты орошали человеческой кровью закладку всех своих построек. В Англии помнят о Вортингерне, который не мог закончить башню, пока не пролил на фундамент кровь ребенка, рожденного матерью без отца. Даже святая Колумба зарыла святого Орана живым в основание своего монастыря, чтобы умилостивить духов земли, которые злокозненно разрушали ночью построенное за день.

Ничем не отличались и славяне. В Сербии три брата решили построить крепость Скадру, но злая вила-русалка год за годом разрушала то, что возводили триста каменщиков. Пришлось умилостивить злодейку человеческой жер-

твой. Решили, что ею станет жена того брата, которая первой принесет рабочим пищу. Братья поклялись хранить решение в тайне, но двое старших предупредили жен, и, когда жена младшего пришла на стройку, ее тут же замуровали в стену. Правда, женщина умолила оставить небольшое отверстие, через которое она могла бы выкормить грудью недавно родившегося ребенка. До сих пор сербские женщины приходят к источнику, который течет по тенам крепости и имеет цвет молока из-за примеси извести.

Славянские князья, приступая к закладке детинца и соблюдая обычай, посылали дружинников на дорогу с приказом схватить первого ребенка, который им попадется. Судьба ребенка очевидна, как очевидно второе название русских кремлей.

В 1463 году крестьяне, обитавшие по реке Ногат (Польша), решили поправить плотину. "Знающие" люди посоветовали им бросить туда какого-нибудь человека, чтобы плотина была крепче. Крестьяне так и сделали: напоили нищего и закопали живым.

Обычай этот оказался столь живучим в Европе, что даже в 1843 году жители германского Галле предлагали в основание нового моста заложить ребенка. Этого, однако, не сделали, посчитав варварством.

Не стоит думать, что обычай закладки жертв для прочности фундамента (особенно культовых зданий) характерен только для Европы. Его нетрудно проследить по всему миру.

В Японии еще в семнадцатом веке существовало поверье, что стена, возведенная над добровольной человеческой жертвой, предохранит будущих хозяев от несчастий. Для этого отыскивали самого несчастного невольника, который смерть предпочитал жизни, и заваливали его камнями в фундаменте. В Полинезии от миссионеров не скрывали тот факт, что опорная колонна храма Мавы воздвигнута над телом человеческой жертвы. Другой путешествен-

ник был очевидцем того, как при сооружении Большого дома на острове Борнео вырыли яму для центрального столба и туда опустили девушку-невольницу. Сам столб висел над ямой; когда веревки перерезали, столб раздавил девушку. В Бирме миссионер Мэсон слышал от очевидцев, что при строительстве новых ворот в городе Тавойя в каждую яму бросили по преступнику, желая умиловить демона. В Мандалае утопили королеву в Бирманском рву, чтобы сделать город неприступным. Радже Сала-Бину никак не удавалось построить крепость в Пенджабе, юго-западный угол все время разрушался. Тогда раджу убедили, что единственный выход — это пролить кровь единственного сына. Такого отыскивали у какой-то вдовы и убили. Дж. Фрезер приводит историю беглого матроса Джона Джэксона, который два года жил среди дикарей острова Фиджи. "Во время его пребывания на острове туземцы стали перестраивать дом местного вождя племени. Однажды, находясь близ места постройки, Джэксон увидел, что привели каких-то людей и живо закопали их в ямах, где были поставлены столбы для дома. Туземцы пытались отвлечь его внимание от этого зрелища, но он, желая убедиться в подлинности факта, подошел к одной из ям и увидел стоящего в ней человека, обхватившего руками столб, с головой, еще не засыпанной землей. На вопрос Джэксона, почему они зарывают в землю живых людей, дикари ответили, что дом не сможет долго продержаться, если люди не будут постоянно поддерживать его столбы. Когда он затем опять спросил, как могут люди после смерти поддерживать столбы, то фиджийцы объяснили ему, что если люди решились пожертвовать жизнью, чтобы подпирать столбы, то сила жертвы побудит богов сохранить дом и после их смерти".

Про Америку и говорить не приходится. Индейцы приносили жертвы так часто и столь многочисленные, что жесткость по отношению к ним со стороны конкистадоров, возможно, и объясняется индейским же отношением к че-

ловческой жизни. (Вот пример подобного отношения. Четверо индейцев переносили через реку конкистадора и решили экспериментально проверить, правда ли, что испанцы бессмертны. Опустив его голову в воду, они выждали некоторое время и вынесли свой груз на берег. Три дня они ждали, не очнется ли "бессмертный", после чего двинулись дальше и, придя, рассказали об этом испанцам.)

Как видно, обычай приносить жертву при закладке зданий не изжит до сих пор, только в некоторых местах он принял более мягкие формы. В Германии, например, при закладке мостов злomu духу обещают в жертву христианскую душу, но обманывают и по готовому мосту первым пускают петуха (вероятно, после многолетних войн с Францией). В России в построенный дом первой запускают кошку, стараясь обнаружить нечистую силу, которая не даст жить. В других странах кошку заменяет собака. В Дании под алтарем новой церкви зарывают агнца, чтобы церковь стояла дольше. Известен случай, когда на вновь обустроенном кладбище первой похоронили живую лошадь. В современной Греции строители на первом заложенном камне приносят в жертву ягненка или черного петуха — символ черных сил. Там же сохранилось поверье, что первый, кто пройдет мимо начавшегося строительства, долго не проживет.

Из всего вышеизложенного понятно, откуда взялись многочисленные предания и истории о привидениях и призраках, разгуливающих по подземельям дворцов, замков и монастырей: старые стены трескались, в нишах находили кости, часто в цепях, остальное уже додумывали человеческая фантазия и страх. Мне известна в Москве одна старинная усадьба, где лет двадцать-тридцать назад в стене обнаружили женские кости и башмаки — все, что не истлело. История их обнаружения тем более странна и необычна, что человек, передавший ее, — скептик чрезвычайный и на мир смотрит через призму физического фа-

культета, который и окончил. Наконец, он главное действующее лицо в ней и вспомнил, только когда я рассказал ему о детинцах на детских костях.

«Я работал в управлении делами, директором которого был мой дядя со стороны матери, но это особенно не афишировали: такие времена были. Однажды вечером понадобилась ему справка, а она лежала у меня в сейфе, в министерстве, и ключ был у меня. Делать нечего, поехал. Зимний вечер, снег, вьюга. Приезжаю. Конечно, некоторый переполох. Сторож у нас был старый и после семи вечера всегда находился в подпитии. Фамилия его Шмулев. Он засуетился, включил фонарь, чтобы не включать общий рубильник и не отключать сигнализацию, и мы отправились на второй этаж. Лестница огромная, темно, в окна вьюга стучит, стекла звенят. Но на нервы мне это не действовало. Шмулев отпирает одну дверь, другую.

Когда мы входили в мой кабинет, то увидели, что кто-то как бы серый выходит в противоположную дверь. Я решил, что это тень от фонаря. Даже не вздрогнул, а подошел к сейфу, присел и говорю:

— Шмулев, посвети сюда.

Едва я присел и воцарилась тишина, как совершенно явственно послышались в соседней комнате шаги.

— Шмулев, — говорю, — там кто-то есть.

— Нет, никого нет.

Наверное, ветер, думаю. Нашел бумаги, запер сейф, только хотел встать, слышу, что там не только шаги, а и стулом кто-то двигает.

— Шмулев, разве ты не слышишь?

— Слышу, — отвечает. — Ну что, пойдете?

— Как так? Посмотрим.

Тут он скорчил недовольное лицо.

— А ну ее. Чего смотреть? Нехай ее.

— Ты про кого?

— Да про бабу, что тут ходит.

— Что ты несешь? Какая баба? Гони ее вон!

Он вытянул шею и повел носом.

— Как ее выгонишь, коли она не живая?

— Ну-у, опять нализался!

— А вы спросите других сторожей. Как девять часов ударит, так и пошла стучать по всем кабинетам... И ребечек на руках.

Меня взбесила эта глупость.

— Идем!

И опять, едва мы вошли в соседнюю комнату, я увидел, как кто-то промелькнул к двери и скорыми шагами направился туда. Сзади ковылял Шмулев и все твердил:

— Оставьте вы ее, товарищ начальник, ну зачем вам?

В третьем кабинете я уже ясно видел, как между столов, торопясь и кутаясь, шла невысокая худенькая бабенка в платке на голове, в кофте, с чем-то, завернутым в одеяло.

— Что тебе надо? Пошла вон! — крикнул я.

Она на секунду остановилась, испуганно оплянула и затем, быстро семеня ногами, пошла по коридору. Я за ней.

— Стой! Кто ты? Как попала сюда?

Но она не оборачивалась, не останавливалась. Я решил догнать ее во что бы то ни стало, завести ее в тупик. Но тут-то и произошел казус. Она, очевидно, прошла сквозь запертые двери, и я остался ни с чем, хотя почти уже дотрагивался до ее плеча. Холодный пот выступил на моем лбу, я растерянно взглянул на Шмулева.

— Ну? — сказал он совсем хмуро. — Взяли? Охота вам со всякой, можно сказать, мерзостью возиться.

— Шмулев, да что же это? — спросил я. — Ты ее часто видишь?

— А кто не видит? Все сторожа видят, в хозяйственной службе видят, когда спирта обопьются и ночуют. Она у них по коридору ходит, она и теперь там...

Я прошел в комнату сторожей и жадно выпил два стакана воды. Второй сторож насупившись писал что-то в книге дежурств или в моем присутствии делал вид, что работает.

— Мы опять ее видели, — сообщил Шмулев.

— То-то я смотрю, как вы воду лакаете, — сказал мне второй сторож. — А нам каково? На прошлой неделе она заявила сюда, прямо в дежурку, с младенцем. Никифоров так и грянулся.

— С этим надо разобраться, — решил я.

— А как вы разберетесь? Ходит видение из загробного мира, нас смущает. Что ж тут поделывать? Разве молебен отслужить, да не позволят. Но в таких случаях и молебен не помогает: это ведь не наваждение, а самый натуральный покойник.

— Нет, надо разобраться, — настаивал я.

— Очень обяжете. А то дежурить невозможно без бутылки...

Министерство наше расположено в старинной городской усадьбе, образующей флигелями полукруг, с большим внутренним двором. Подвал как будто был еще древнее. Только этот факт и заставил меня отнестись к происшествию более серьезно. Но когда полчаса спустя я рассказал о пережитом в квартире дяди, где собрались и другие начальники, так как в любой момент их могли вызвать "на ковер", мне не поверили, даже подняли на смех. Тогда я предложил всем пойти ночью в министерство и убедиться. Среди хохота и шуток все согласилось и даже заключили пари. Определен был и день.

Я предварительно собрал сведения, где по преимуществу появляется это странное существо. Оказалось, что чаще всего оно блуждало по длинному коридору, вдоль которого располагались хозяйственные службы. Если кто-то показывался в коридоре, баба ждала его приближения, качая ребенка, а затем уходила всегда в одну и ту же сторону:

откуда пришла. Собралось нас пять человек, желающих изловить призрак, все — коммунисты. И два сторожа.

В десять вечера мы сели в одной из комнат отдела снабжения, достали карты и начали писать "пулю". Уже одно это обстоятельство показывает, насколько серьезно мы отнеслись к появлению тени. Немало было смеха и по поводу охотничьего ножа, который я захватил: говорили, что в моей должности надо ходить с плеткой, что советнику по дореволюционной иерархии тем более прилично сражаться с бабами, которые привечают сторожей и хозяйственных забулдыг. Впрочем, на нашем столе тоже стояли коньяк и закуски. Словом, было очень весело до той минуты, когда Шмулев, стоявший у двери, шепнул:

— Идет!

Карты выпали из наших рук. Все побледнели. Я схватился за нож, сторожа включили фонари. Сердце колотилось как барабанная дробь. Мерный стук шагов раздавался явственно и гулко по пустому коридору. Шмулев повернулся ко мне и сказал:

— Ну?!

Я распахнул дверь и вышел в коридор. Она была возле меня и при моем появлении сразу остановилась. Свет фонаря падал на ее старый вылинявший платок. На руках ее что-то шевелилось, завернутое в тряпки. Она смотрела на меня исподлобья, черты лица точно колыхались: то расплывались, то проступали ясно... Наконец я овладел собой и сделал шаг к ней. Она быстро повернулась и пошла прочь.

— Свети! — крикнул я и кинулся за ней.

Но и она побежала. Свет прыгал вокруг меня и изредка освещал ее спину. Ноги ее шлепали быстро, стуча башмаками. Ноги были без чулок, худые, посиневшие, а башмаки свободно хлябали на них. Я даже видел ее крупную пятку...

Она выскочила на черную лестницу и стала спускаться. Удивительно, как она не теряла обувь, прыгая через две

ступеньки. Один пролет, второй. Она бежит все дальше, мы задыхаемся, но бежим: нельзя же терять ее из вида. Я опережаю всех и все еще вижу ее. Последний поворот, и я наткнулся на какую-то дверь — дальше хода нет. Подбегает Шмулев с фонарем. Это дверь в подвал, объясняет он. Вокруг голые стены, в углу — транспаранты, на двери — амбарный замок. Мы столпились. Что делать? Послали за ключом.

Шмулев бегал за ним минут десять, еще повозились, чтобы открыть тугой замок. Наконец дверь пустила.

Обыкновенный подвал, красные кирпичи по стенам, внизу белые из камня, запах затхлости и сырости. Огляделись.

— Много не найдем, — сказал кто-то.

А она стоит неподалеку и смотрит на нас. Я — к ней. Она опять повернулась и пошла. Бежать тут неловко: надо прыгать через ящики и мусор. Но и она не торопится: идет в трех шагах от нас. Дошла до одного угла, опять оглянулась и прижалась спиной к стене. Шмулев поднес фонарь чуть ли не к самому ее лицу, она отклонилась и вдруг словно стала уходить в стену, точно ее вдавливало туда, и тут же на наших глазах ушла совсем, осталась только кирпичная стена.

Мы стояли молча, будто ждали чего-то.

— Что же делать? Что там за стеной?

— Земля, — ответил Шмулев, — дом-то за столько лет просел.

Тут я заметил, что в одной руке у меня нож, а в другой — карандаш: я как собрался записывать мизер, так и не выпустил его из рук. Я начертил большой крест на том месте, где она исчезла, и мы ушли.

Позже я настоял, чтобы под моим крестом вынули ряд кирпичей. Постройка была фундаментальная, крепостная. На высоте в полметра от пола было найдено пустое пространство. Там лежали кости женского скелета. Платье и

мелкие кости истлели, но башмаки остались. Я побоялся взять их на память. Детского скелета не было. Знакомый историк сказал мне, что башмакам лет двести-триста и такие носила только прислуга в городах. Потом я тайком отдал их вместе с костями священнику, и тот их отпел и похоронил за мой счет. Больше я о привидениях в нашем министерстве не слышал. Жалко, что в те времена о таких вещах в печати не сообщали”.

По всей видимости, в данном случае мы имеем дело как раз с принесением жертвы, только здесь мать последовала с ребенком. Хотя, зная самодурство наших бар, их склонность к массонским играм и прочему экзотическому сектантству, можно предположить и другое решение.

Для полноты картины надо указать, что существовали и более мягкие формы “жилищного ритуала”. В некоторых местах, например, довольствовались цыпленком. В Крыму при раскопках городища Генеральское в юго-восточном углу помещения было обнаружено ритуальное захоронение собаки. Для этого были вынуты несколько камней из нижнего ряда, образовавшуюся нишу отгородили подтесанной плитой. Затем насыпали ровный слой мелких раковин, на который уложили собаку, сверху ее засыпали толстым слоем золы. В золе нашли запечатанный светильник, небольшой горшочек и чашку. Археологи сразу вспомнили, что еще два подобных ритуальных захоронения известны по городищу, отождествляемому с Зеноновым Херсонесом, и пришли к выводу, что морские раковины, по всей видимости, символизировали воду; зола и светильник — огонь, а сосуды — достаток в доме. Это атрибуты любого благополучного жилища. Собака же — страж дома, символ безопасности и к тому же спутник Гестии — богини домашнего очага.

Однако самый примечательный факт обрядового захоронения был отмечен при раскопках в городе Гезере, в Палестине. Под фундаментом здания С. Макалистер обна-

ружил верхнюю часть скелета семнадцатилетнего юноши и два скелета взрослых мужчин, лежавших во всю длину. Вокруг них было много глиняной посуды. Рука одного из мужчин была опущена в чашу, чтобы достать пищу и подкрепиться для тяжелой работы подпираания стен. Но если с мужчинами все ясно, то почему с двумя живыми захоронили половину мертвого? К этому надо добавить, что неподалеку С. Макалистер открыл высеченную в скале гробницу, где находились 14 мужских скелетов и верхняя половина скелета девушки в возрасте 14 лет. Обе находки датировались временем до исхода евреев из Египта. Дж. Фрэзер предположил, что хозяин дома и еще кто-то в чем-то поклялись, стоя на трупах девушки и юноши, затем они разрубили или распилили трупы и унесли с собой "свидетелей" клятвы.

Таким образом обряд принесения жертвы для прочности жилища и защиты от посягательств на него злых сил, вероятно, древнейший, который удалось проследить археологически. Разница лишь в том, что неандерталец боялся души медведя, которого убил, чтобы завладеть пещерой, а современный человек трясется от барабашек...

ПОТОП В ПЕЩЕРЕ ШАНИДАР

Из многих явных противоречий и несоответствий библейского Потопа одно из ярких — количество “всякой твари по паре”: по Карлу Линнею одних только млекопитающих на Земле около трех с половиной тысяч видов, и среди них такие тяжеловесы, как слон, бегемот, носорог; особого отношения требовали даже мелкие хищники, не говоря о крупных; а еще — двадцать тысяч видов птиц; а еще миллион видов насекомых, — и всех **по паре, и кормить!** — а хищников?.. Тем не менее взрыв недоверия ученого мира к библейскому сюжету произошел из сущего пустяка.

В 1872 году Джордж Смит, реставратор Британского музея, восстанавливая и **читая** глиняные таблички, обнаруженные при раскопках Ниневии, столицы древней Ассирии, разобрал клинописную надпись на одном из фрагментов, которая была... **описанием Великого Потопа в тех же деталях, но с другими героями!** Причем это была **поэма!** И библейский Ной звался в ней Утнапиштимом, а Арарат — горой Ницир. Правда, Потоп длился всего шесть дней и семь ночей (в Библии — 40)... Поэма называлась “Эпос о Гильгамеше”.

Джордж Смит совершил невероятное: он отправился в Месопотамию и нашел-таки недостающие фрагменты сказания! Там говорилось о Ковчеге и о голубе, и о “всем живом”, которое Утнапиштим должен был погрузить на свой корабль. Правда, этот более ранний, чем Ной, старец взял с собой еще и “всех мастеров” (не забыл!). История о Потопе была одиннадцатой из двенадцати табличек эпоса. А всего в найденной библиотеке Ашшурбанипала (повели-

теля Ассирии) хранилось двадцать тысяч клинописных табличек! Стало очевидным, что совпадение не случайное, и библейскому иудейскому народу предшествовал народ с культурой не только не меньшей, но и сложившейся **прежде** иудейской. Впрочем, ассирийцы заимствовали миф у более древних вавилонян. А в нынешнем веке археологи обнаружили и еще более древний текст — у шумеров!

Арне Пибель опубликовал в 1914 году перевод шумерской таблички, хранившейся в Филадельфии, в музее Пенсильванского университета. В них рассказывается о том, что набожный и благочестивый царь Зиусурда получил указание от Уту (бога солнца) и отправляется на корабле, спасаясь от Потопа, бушевавшего семь дней и семь ночей. За несколько тысяч лет до Библии шумеры рассказали, причем тоже в поэтическом жанре, о том же самом событии — Великом Потопе. Разбирая письмена, археологи (шумерологи) наткнулись и на первую **текстологическую** ошибку еврейского перевода шумерских мифов о сотворении мира: из-за этой ошибки две и более тысяч лет ломали копья теологи и теософы, — речь идет о сотворении Евы из **ребра Адама**. Слово "ти", неправильно переведенное в Ветхом Завете, у шумеров означало и "ребро", и "давать жизнь". Впрочем, Ева по-древнееврейски и означает "Давущая жизнь" — то есть переводчики привели (на всякий случай) два толкования "ти".

Впервые же археологическое доказательство того, что Потоп — не чистый вымысел, — обнаружил английский археолог Леонард Вулли, на протяжении 12 зимних сезонов занимавшийся раскопками древнего Ура на юге Ирана. Задавшись целью найти истоки шумерской культуры, он заложил шурф размером 1,5х1,5 метра и, расчищая культурный слой, где была "обычная, столь характерная для населенных пунктов смесь мусора, распавшихся необожженных кирпичей, золы и черепков", вдруг через метр наткнулся... "на чистые речные отложения". Однако, измерив

глубину и поняв, что материку быть рано, Вулли приказал копать глубже. "Араб неохотно начал углублять шахту, выбрасывая на поверхность чистую землю, в которой не было никаких следов человеческой деятельности. Так он прошел еще два с половиной метра, и вдруг появились кремневые осколки и черепки расписной посуды..."

В следующий сезон, уже догадываясь о том, что столкнулся с **доказательством** Потопа, Вулли заложил на царском кладбище, раскопанном прежде, прямоугольник двадцать три на восемнадцать метров и дошел в раскопках до глубины 19 метров.

Однако раскопки Ура и Эль-Обейды, а затем в Эриду показали, что и шумеры создавали свою культуру на базе предшествующей. Именно дошумерские обитатели Междуречья Тигра и Евфрата сумели перейти от первобытного состояния к раннеклассовой цивилизации. Это они каменные орудия заменили металлическими, изготавливали предметы роскоши... "Это их культура пережила Потоп, — писал Л. Вулли. — ...Среди прочих ценностей они передали шумерам и легенду о Всемирном Потопе". Сегодня мы точно знаем, что эти люди шумерами не были, не были шумерскими и названия шумерских городов: Эриду, Ур, Ларак, Ларса, Урук, Ниппур, Киш — это названия из совершенно другого языка.

С. Крамер и другие исследователи условно назвали этот народ "убаидцами" (от Эль-Обейда). Убаидскими были даже наименования профессий в древнем Шумере: крестьянин, плотник, купец... По ряду черт язык убаидцев сближается с дравидийскими языками — языками людей, населявших древнюю южную Индию.

И там ученые обнаружили версии Великого Потопа! Ману — дравидийский Ной, а помогла ему спастись от гибели некая рыба джхаша (в которую воплотился творец мира Брахма, а по другим версиям — хранитель мира Вишну). "Шатапатха Брахмана", содержащая эту историю, тоже

старше Библии! О Потопе же говорит и "Махабхарата". Отличие индийских дравидийских текстов от библейского и вавилонского (шумерского) в том, что Ману носился вслед за рыбой на корабле "много-много лет", однако приволокла его рыба туда же — "на высший хребет Химавата" (Гималаев), названный Наубандхана ("Привязь корабля"). В числе других отличий — и философское объяснение Потопа: "мировое истребление" ради завершения прежней юги (эры) и начала новой.

Разновидностью дравидского сказания о Потопе является одна из длинейших пуран (историй какого-либо божества) — "Бхагавата-Пурана". Вместо Ману там действует подвижник и дравидийский царь Сатьяврата, спасшийся с помощью все той же рогатой рыбы, выращенной им сначала в кувшине, потом в пруду, потом отпущенной им же в реку Критапалу. А уж спасенный от Потопа, Сатьяврата, милостью Вишну, стал "сыном Витасвата, Ману новой юги".

Памятники протоиндийской цивилизации раскапываются, начиная с 20-х годов нашего века. В долинах Инда и Ганга, в Катхияваре и в Гималаях, на юге Индии и Аравийском побережье раскопаны и раскапываются города и селения дравидов. Хотя сама их прародина не найдена. Одна из дравидийских семей, нынешние тамилы, по преданию, жили "в городе Мадурай, поглощенном морем".

Схожие мифы распространены и в Шри-Ланке, в Китае и Японии. Индонезийцы, малайцы, австралийцы говорят в древних сказаниях о Потопе. Но в них чаще фигурирует женщина, причем не спасительница, а погубительница человечества. У полинезийцев люди спасаются на самой высокой вершине — Мбенга. Интересно, что на Гавайях мудрый волшебник Нуу (Ной?!) спасает от Потопа лишь очень немногих людей.

Только на острове Пасхи история катастрофы существенно отличается от общего потока мифов о Потопе. Впро-

чем, эта тема – тема другого повествования. Противоречивые легенды народов Америки о Потопе в целом совпадают с вышеизложенными, но во многом “испорчены” христианскими миссионерами и Конкистой.

Потопы у эллинов пересказываются в трех версиях и относятся, вероятно, к частным, местным наводнениям. Зато по-древнегречески эти истории красочны и захватывающи. Первая – о царе фессалийского города Фтии Девкалионе, по совету отца своего Прометея спасшемся на корабле и родившим от Пирры родоначальника эллинов – сына Эллина. Вторая – о царе Дардане, сыне Зевса и Электры, основавшем у подножья горы Ида Трою. Третья (самая древняя) – о царе Беотии Отигесе.

И в Древнем Египте Атум залил водами океана землю, но спаслись те, кто был с ним в ладье. История фигурирует в “текстах пирамид”. Языческая история о Потопе записана в XIII веке в Исландии.

Не последняя по времени, но самая значительная катастрофическая легенда принадлежит Платону (миф о гибели Атлантиды в “Тесее” и “Критии”. Правда, археологических находок на эту тему до сих пор нет. А что же есть?..

Обращаемся к единственной “улике” – **пещере Шанидар**.

На границе северного Ирака и Ирана в 1956–1957 годы и в 1960-м работала экспедиция американцев во главе с Ральфом Солецки. Занимаясь, в основном, палеолитом, Солецки даже не предполагал, какого свойства открытие может ожидать в этом районе. Он и не понял этого сразу: раскопав пещеру, спустился в долину, где занялся раскопками поселения. Конечно, поселение имело к пещере непосредственное отношение, но было значительно более поздним – почти на полтора тысячелетия. Пещеру называли Шанидар. Поселок – Зави-Чеми-Шанидар. Поселок в долине дал, может быть, самые первые данные о том, чем занимались оседлые люди каменного века: среди костей

животных (охота) одну шестнадцатую составили кости коз, а из них примерно три пятых принадлежали овцам моложе года. Это свидетельствовало о том, что овца была одомашнена: человек палеолита забивал годовалых ягнят, чтобы доить маток. Еще вызывает интерес множество орудий — в том числе серпов. К сожалению, орудие, которым возделывалась земля, не сохранилось — вероятно, это были заостренные деревянные палки или лопаты. Но большое количество каменных серпов (кремний) с костяными рукоятками и каменных очень тщательно обработанных топоров говорит об оседлости населявших поселок людей. Кроме того, найдены костяные и каменные зернотерки и даже примитивная каменная (докерамическая) посуда.

Собственно, к долине наш интерес этим исчерпывается. Перейдем к пещере Шанидар. Ее уникальность в том, что в ней **постоянно жили древние люди**. Самый старый культурный слой относится к 65–60 тысячелетиям, поздний — к XI тысячелетию до н. э. На границе 30–20 тысячелетий неандерталец был вытеснен человеком кроманьонского типа. Этот же или примерно этот же тип человека, называемый *homo sapiens*, перестал использовать пещеру в качестве жилья как раз в XI тысячелетии. Кроманьонец, трудно отличимый от человека разумного (современного), видимо, передал тому пещеру мирно и без боя, в то время как неандертальца пришлось вытеснять. Но и это не главное. Главным оказалось то, что культурные слои пещеры Шанидар перемежались слоями ила, песка, ракушек и мелкой гальки. И это в пещере, которая **никогда не была морским дном!**

Археологи обнаружили **четыре** катастрофы, постигшие не только саму пещеру, но и жившего в ней человека. Один из потоков сопровождался мощным землетрясением: десятки погибших неандертальцев не просто утонули, — их придавило обвалившейся стеной. Видимо, струсившись от страха перед стихией у стены пещеры, древние люди

так и были погребены под массой рухнувшей земли. Среди них подросток лет 13–14, оставшийся в сидячей позе.

Всякий раз после катастрофы человек продолжал селиться в пещере, разводя огонь, делая орудия охоты и труда, осуществляя погребения здесь же, в пещере.

Только последний Великий Потоп “выгнал” древних людей из-под естественных сводов Шанидара в примитивные круглые жилища, раскопанные Ральфом Солецки в Зави-Чеми-Шанидар.

ПЕРВЫЙ ГОРОД ИЕРИХОН

После исхода из Египта и смерти Моисея израильтян возглавил Иисус Навин. Согласно воле Яхве, он повел их завоевывать Ханаан. Первым городом на его пути почему-то оказался Иерихон (вопрос не прояснен и до сих пор): он вовсе не лежал ни на пути из Египта, ни на пути из пустыни. Крепость испокон веков считалась неприступной, поэтому Иисус выслал разведчиков. Очевидно, лазутчики подтвердили самые худшие опасения израильтян относительно мощи иерихонских стен, ибо выбранная Иисусом полководцем тактика осады не имеет аналогов в мировой истории.

Справив пасху, Иисус заставил все мужское население Израиля пройти обряд обрезания, который не применялся со времен исхода. После этого израильтяне на протяжении шести дней ходили на безопасном для жизни расстоянии вокруг стен Иерихона. Шествие возглавляли воины, за ними шли мужчины и обреченно дули в дудки и трубы, следом жрецы несли ковчег, а замыкали эту процессию старики, женщины и дети. Всего 4 миллиона человек, все зловеще молчали, воздух оглашали только вой и свист дудок. Осажденные с большим удивлением наблюдали столь странный способ осады, подозревая магический смысл происходящего, но не сдавались на милость богоизбранного народа.

На седьмой день Иисус Навин (кстати, в нарушение завета отдыхать на седьмой день) решился на штурм. Израильтяне обошли стены шесть раз, сохраняя гробовое молчание. А на седьмом круге они дружно и громко возопили. Стены не выдержали криков и воплей — и рухнули. Вероятно, вместе с ними попадали в обморок и ханаанейцы...

Израильтяне ворвались в город и перебили всех жителей до единого, и даже животных. Пощажена была только проститутка Раав, которая **пустила переночевать** израильских лазутчиков. Сам город был выжжен дотла...

Много было потрачено сил на то, чтобы найти Иерихон ханаанейский. Много энергии израсходовано исследователями в поисках Иерихона израильского. Особенность поисков заключалась в том, что наука пыталась согласовать Библию с историей: большинство ученых-археологов прошлого были христианами. Они искали подтверждения Ветхому Завету в Египте и Сирии, Вавилоне и Палестине. Из поисков фараона, при котором произошел исход из Египта, возникла целая проблема, на столетия неразрешимая. Вот почему так важно было найти Иерихон — уж он-то, если существовал, должен был стоять на прежнем месте, на Иордане... Правда, не представляли — какой же именно: ханаанейский или израильский Иерихон? Не был обнаружен ни тот, ни другой.

Иисус Навин проклял ханаанейский Иерихон (Кн. И.Н., VI, 25). В середине XIX века Тоблер и Робинсон предполагали примерное место, где он должен был находиться, этот проклятый Иерихон. Выбрав холм среди равнины, неподалеку от Иордана, они начали на нем раскопки и ничего не нашли. В 1868 году Уоррен тоже копал на холме, и тоже ничего не было найдено. В 1894 году Блайз обратил внимание ученых на тот же холм, полагая, что под ним все же скрывается Иерихон. А немец-археолог Зеллин в 1899 году изучил поверхность холма и обнаружил несколько черепков ханаанейской посуды. Он пришел к выводу, что его предшественники были все же правы: вероятнее всего, под наслоениями скрывается древний город. Тем более что здесь сохранилась деревня под названием Эриха... И Иордан недалеко.

В 1904 году немцы Тирш и Гельшер побывали здесь и собрали новые данные, указывавшие на правильность вы-

водов всех, кто пытался обнаружить Иерихон именно в окрестностях Эрихи. Но честь первооткрывателя все же принадлежит Зеллину. В 1907 году Зеллин добыл материалы, подтвердившие все, о чем мечтала археология: он обнаружил дома и часть городской стены с башней (пять рядов каменной кладки и сырцовая кладка высотой 3 метра). Наконец, в 1908 году Восточным обществом Германии были организованы более серьезные раскопки, руководили ими Зеллин, Ланген-Эггер и Ватцингер. В 1909 году к ним присоединились Нельдеке и Шульце.

Холм, в плане напоминающий эллипс, протянулся с северо-северо-востока на юго-юго-запад, город занимал площадь 235 000 квадратных метров. Археологи раскопали полностью (на севере) ширину городской стены, равную 3 метрам, открыли вторую городскую стену шириной 1,5 метра. Была открыта еще часть стены на том же северном склоне холма с каменным цоколем и сырцовой кладкой высотой 7 метров. Исследовав площадь 1350 квадратных метров между городскими стенами и пробными северными раскопками, ученые обнаружили в верхних слоях позднее мусульманское кладбище, а в нижних – остатки городских построек.

Раскопки на западной стороне холма обнажили каменные лестницы, сооруженные после разрушения городских стен, под лестницами также находились остатки значительно более ранних домов. В северной части холма были открыты стены хеттского здания (здание "Хилани"). Ближе к восточной стене, которая не сохранилась, – остатки домов. Неподалеку от внутренней городской стены – кварталы домов, а также улица под стеной. На площади 200 квадратных метров к западу была обнаружена городская стена и остатки зданий, а под стеной нашли византийский некрополь. Возле юго-западной стены раскопали остатки дома иудейской эпохи.

Первоначально археологи насчитали восемь наслоений,

сменявших один другой: мусульманский, самый поздний, представленный могилами; слой византийский; позднеиудейский, с обломками аттической посуды классической эпохи; древнеиудейский (дом над древней стеной); израильский, к которому относятся дом "Хилани", дома в центре (ближе к отсутствующей восточной стене), могилы, лестницы и внешняя городская стена; позднеханаанейский (находки между внешней и внутренней городскими стенами и керамика); древнеханаанейский — остатки города с домами и внешней и внутренней городской стеной; наконец, первоначальный слой, тоже разделяющийся на несколько периодов, к которому относятся дома под внутренней городской стеной, некоторые массивы кирпичей на северо-западе...

Несмотря на значительные недостатки, с которыми были произведены раскопки, даже на то обстоятельство, что ученые непременно желали "подогнать под Библию" многие открытия, главный вклад Зеллина и его коллег в науку состоит в том, что история Иерихона перестала быть исчисляемой с Иисуса Навина, и ученый мир получил самый древний из известных на Земле город, уходящий корнями (в представлении 1920-х годов) в IV тысячелетие до н. э.

Город назывался Лунным из-за культа Луны. Начальный и ханаанейский периоды Иерихона, из которых последний обозначен разрушением массивных кирпичных стен на северо-западе и возведением двух городских стен — наружной и внутренней, наподобие двух колец. Особенно неприступен город был с востока, откуда донимали кочевники. Население города, и в начальный период, и в ханаанейский, было одно и то же. В древнейшем слое были найдены орудия из кремния, орудия из других камней, так называемые "чашечные" камни.

После разрушения города начального периода Иерихон несколько сдвинулся к югу холма. Ханаанейские стены воз-

вели уже в III–II тысячелетии до н. э. Факт разрушения Зеллин соотнес с нашествием “четырёх царей Востока” (Кн. Бытия, гл. 14).

Двойная защитная стена Иерихона – исключение для Палестины. Зато у хеттов это был обычный способ защиты.

Ханаанейский Иерихон очень красивый. В нем присутствуют эгейские и вавилонские мотивы, хотя, в основном, он самостоятелен. В одном из домов был найден каменный божок, аналогичный изделиям Гезера. Погребений Ханаанейского периода в городе не обнаружили. Город был разрушен с востока, где уничтожена вся городская стена, и подожжен (всюду следы пожара), после чего некоторое время оставался почти необитаемым. Впрочем, часть населения продолжала жить в Иерихоне, и это археология связывает с позднеханаанейским периодом. Период характеризуется так называемой наколотой керамикой. Зеллин считал, что на этот раз Иерихон был разрушен израильтянами. В израильскую эпоху в городе долго жили ханаанейцы, пока целиком не ассимилировались с завоевателями. Однако раскопки начала века показали, что позднеханаанейский период не оставил никаких следов присутствия другого народа. До нашествия израильтян в середине II тысячелетия до н. э. оставалось еще несколько столетий... Собственно, израильский слой в Иерихоне сам Зеллин датировал XI–IX веками до н. э.

В израильском Иерихоне была необычайно оживленная жизнь. Сказывалось влияние связей с арамейскими областями. Были построены лестницы поверх разрушенных стен, возведена новая импозантная стена, дворец “Хилани” в хеттском стиле. Археологи обнаружили много разноцветной разнообразной керамики, даже стилизованной под металл. Дворец и стену израильского Иерихона строил Хилл, вероятно, наместник царя Ахава. Иерихон сделался центром значительной области, а крепость защищала от моавитян.

В израильском Иерихоне раскопали погребения во дворах

домов. При костяках обнаружили глиняные сосуды. Дети погребались под полом домов.

В конце VIII века до н. э. царство израильское погибло (722 год). Были разрушены стены израильского Иерихона. Но город не прекратил своего существования. Над ним два свои периода – ранний и поздний – прожил иудейский Иерихон. Город уже не был укрепленным, но в нем кипела жизнь. Ранний иудейский город находился у восточного склона холма. Иерихон торговал с Кипром и Египтом. Среди находок встречаются кипрские вазы, индийская керамика, аттические и эллинистические сосуды, амулеты, божки и демоны. Иудейский город подвергся разрушению при Содекии вавилонским царем Навуходоносором, напавшим внезапно: в домах осталось много утвари. Город выжгли, и много людей увели в плен. Новый Иерихон стал отстраиваться на севере (в пределах прежнего).

В 350 году до н. э. город был снова разрушен, и все жители были уведены в плен. До середины II века до н. э. маккавейский город находился в 2–3 километрах на северо-запад от холма. В конце II века Иерихон опять ожил, правда, тоже не на холме, а у Вади-Кельт. Но в 70 году I века н. э. был разрушен Веспасианом. При Адриане его восстановили. Тогда еще “живы” были развалины “Хилани”, которые почитались, как “дом Раав”. И, хотя этот дом более поздний, его представляют домом предательницы города, которая помогла Израилю.

В 614 году город разрушили персы. Сохранились следы византийского периода: гончарная печь, множество посуды – керамической, стеклянной, бронзовой, железной...

Город существовал и в VII–IX веках, и позже. С XIII века в нем был мусульманский поселок, который в середине XIX века снес Ибрагим-Паша... Но жизнь на холме не прерывалась: осталась деревня Эриха...

Что же касается Иерихонских труб, то, вероятно, это не легенда, а остаток чудесного древнего знания, извест-

ного тогда, но забытого нами. Так зиккурат Чичен-Ицы Кукулькан в дни весеннего и осеннего равноденствия "с точностью швейцарского хронометра" (Г. Хэнкок "Следы богов") на ступеньках северной лестницы из треугольников света и тени складывал изображение гигантской извивающейся змеи. Три часа двадцать две минуты длилась иллюзия... замечательные храмы Древней Америки, по восторженным воспоминаниям самих индейцев, строились "под звук божественных труб": многогранный блок сам укладывался в сложную геометрическую кладку. Эти стены стоят по сей день. Точно так же под звуки лиры Орфея камни сами собой складывались в стены, а деревья пускались в пляс. Возможно, и Иерихонские стены были разрушены столь же невероятным способом... Правда, детям Израиля пришлось изрядно потрудиться, обнося "Святой Ковчег" вокруг города целых семь дней...

И, как ни странно, исследования Зеллина показали, что стены Иерихона действительно упали! Наружная — наружу, внутренняя — вовнутрь. На несколько десятилетий возник спор: когда?.. И пока единого мнения на этот счет среди ученых нет. Рискнем предположить, что все-таки на рубеже XIV–XIII веков до н. э. эта версия не отвергается частью специалистов.

Дальнейшие события были сопряжены с новыми открытиями. В результате случайного взрыва гранаты на холме в 1918 году была обнаружена древняя синагога.

С 1929 года раскопки в Иерихоне вел англичанин Джон Герстенг. В 1935–1936 годах он обнаружил нижние слои поселения каменного века! Люди, не знавшие керамики, уже вели оседлый образ жизни. Жили сначала в круглых полуземлянках, а позже в прямоугольных домах. В одном из подобных раскопанных домов был обнаружен парадный зал с шестью деревянными столбами — это остатки храма. Предметов домашнего обихода ученые здесь не нашли, зато обнаружили много фигурок животных из глины: лошадей,

коров, коз, овец, свиней, а также пластические скульптуры символов плодородия. В одном из слоев доисторического Иерихона обнаружены групповые портреты (скульптуры) мужчин, женщин и детей в натуральную величину (глина на тростниковом каркасе).

Дальнейшие открытия в Иерихоне сделала Катли Кэ-нхон в 1953 году. Именно тогда об Иерихоне заговорили, как о древнейшем городе мира.

Крепость VIII тысячелетия была окружена толстой каменной стеной с мощными башнями, и ни один из более поздних городов на этом месте не имел таких мощных башен. Стена окружала площадь 2,5 гектара, на которой жили примерно 3 тысячи человек. Скорее всего, они занимались торговлей солью с Мертвого моря.

К тому же древний Иерихон, вероятно, является "родоначальником" традиции обезглавливать покойников перед похоронами. Вероятно, это связывалось с культом Луны и символизировало надежды на возрождение. Во всяком случае, головы хранились (или хоронились) отдельно от тела. Этот обычай до сих пор сохраняется у некоторых народов.

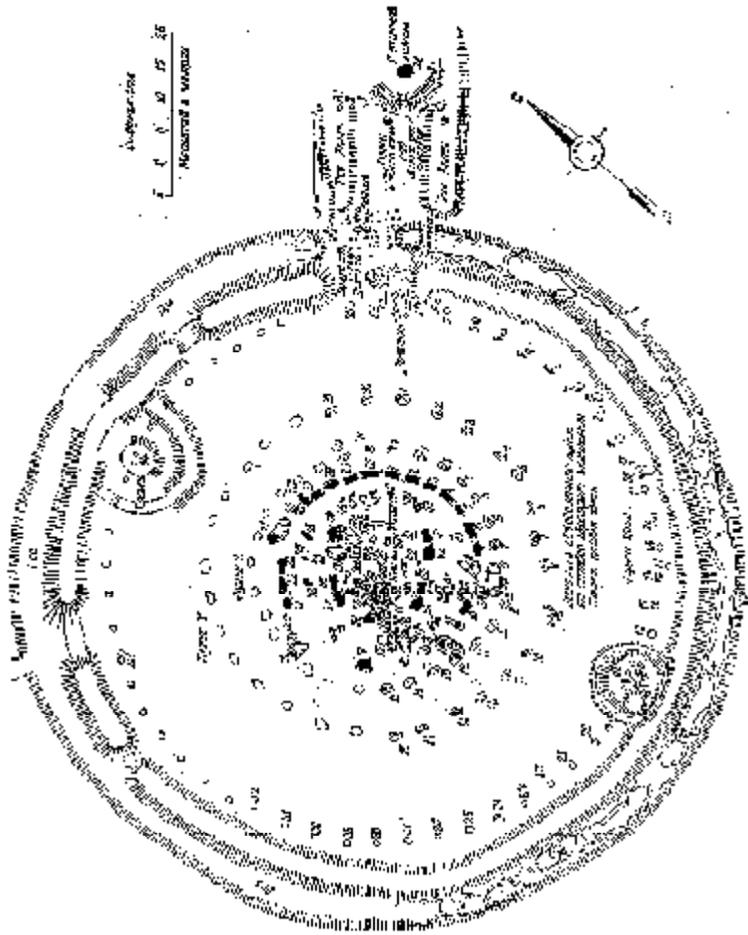
Таков был самый древний на Земле город Иерихон.

СТОУНХЕНДЖ И ДРУГИЕ МЕГАЛИТЫ

1. ИСТОРИЯ ВОПРОСА

В античном мире насчитывалось семь "чудес света", из них пять — из камня. В число чудес не входил Стоунхендж — доисторическое сооружение из каменных глыб чуть моложе знаменитых египетских пирамид, если верить принятым методам датировки. Не впечатлил он ни греков, ни римлян: груда развалин! То ли дело классический храм или Великая пирамида! Да и Солсберийская равнина в Англии, где находится этот памятник, уж очень мрачна и не располагает к восхищению...

Возможно. В самом деле, ну что еще севернее можно было придумать? Разве что мифических гиперборейцев с их Храмом Солнца, в котором каждые 19 лет происходили... праздники Луны!.. Не ознакомиться ли для начала с этими заметками? Оставил их знаменитый Диодор Сицилийский (I век до н. э.): "Этот остров... расположен на севере и населен гиперборейцами, которых называют таким именем потому, что они живут за теми краями, откуда дует северный ветер (Борей); их земля плодородна, и все, что на ней сеют, дает хороший урожай, а так как там необычайно умеренный климат, они собирают два урожая в год... Лета (мать Аполлона и Артемиды, отцом которых был Зевс) родилась на этом острове, и поэтому гиперборейцы чтят Аполлона больше, чем других богов; их считают жрецами Аполлона, так как каждый день они

План Стоунхенджа

безмерно восхваляют его в песнях и воздают ему великие почести. И есть также на этом острове великолепное святилище Аполлона, а также прекрасный храм, украшенный многочисленными жертвоприношениями, сферический по

форме... Говорят также, что с этого острова Луна видна так, будто бы она очень близка к Земле, и глаз различает на ней такие же возвышенности, как на Земле. Говорят также, что бог посещает остров каждые 19 лет; это период, за который звезды завершают свой путь по небу и возвращаются на прежнее место... и поэтому девятнадцатилетний период греки назвали метоновым циклом". Метон — греческий астроном V века до н. э. — обнаружил, что 235 лунных месяцев равны 19 годам (солнечным), и каждые 19 лет полнолуние наступает в один и тот же календарный день.

Если мифическая Гиперборея — не Земля Санникова, остается лишь предположить, что страна, о которой писал Диодор (и не только он!), находилась там, где сегодня поражает британцев и весь мир своими загадками Стоунхендж ("Висячие камни").

Впрочем, развалины Стоунхенджа не произвели впечатления только на древних завоевателей. Барды средних веков воспели его в своих балладах. Короли и князья, путешественники и ученые ломали головы: кто его возвел?

Молва приписывала авторство великому магу Мерлину, который служил при дворе короля Артура. Однако в XII веке историк и мифотворец Готфрид Монмутский собрал и изучил древние мифы и выяснил, что Мерлин служил вовсе не Артуру, а Амвросию. Это при нем предводитель саксов Хенгист созвал британцев и саксов на совет у Солсбери и перерезал внезапно 460 британских князей. Мерлин сказал Амвросию Аврелиану: "Коли желаешь ты украсить могилу этих людей достойно, дабы вовеки была она отмечена, пошли за Пляской Великанов, что в Килларосе, на горе в Ирландии. Ибо камни эти таковы, что в нынешнем веке не мог бы их поставить никто, если только не будет ум его велик в меру его искусства. Ибо огромны камни эти, и нигде нет других, наделенных равной силой, а потому, поставленные кольцом вокруг этого мес-

та, как стоят они ныне, простоят они тут до скончания века". Амвросий отправил 15 000 воинов на кораблях за камнями, но ни один из них не смогли они сдвинуть с места (попутно они разгромили войско короля Ирландии Гиллаиана). Только собрав хитроумные механизмы, сам Мерлин сумел это сделать, равно и как возвести каменный поминальный круг в Солсбери, потому и осталась в веках слава о нем, а не о тех 460 загубленных душах.

На самом деле, в Ирландию британцы плавали, наверно, не за этим: происхождение камней чисто британское. Самая дальняя точка, откуда доставили в Стоунхендж громады весом до 50 тонн, находится в 47 километрах к северу, остальные — ближе. И возводил сооружение не Мерлин (хотя никто не отрицает, что этот чудесник действительно историческое лицо), потому что уже в XIV веке до н. э. Стоунхендж был старым, и **никто не помнил его истинного назначения**. А вот пригласить князей на совет к этому памятнику сакс Хенгист вполне мог. Мог и перерезать приглашенных. А усилиями Мерлина, при помощи хитроумных машин, вблизи древнего памятника могли разве что возвести могильник... Он и сейчас там — круг диаметром в 1,5 раза меньше сооружения, о котором идет речь. Круг, над которым возведен невысокий холм. Правда, могильник еще не раскопан. Скорее всего, он относится к тому же времени, когда возводился Стоунхендж.

В Англии, как и везде, сохранились легенды о живших когда-то, до первого Потопа, гигантах, — им-то и приписывается строительство каменного сооружения.

Готфрид Монмутский говорил еще о необыкновенной силе, которой якобы обладают, все до единого, камни. Впрочем, о ней же говорил и Мерлин. В народных легендах бытуют две версии передвижения камней Мерлином: "машинами" (это, вероятно, отголосок реального способа) и "волшебным словом" (вспомним чудеса Орфея, Иерихона или Виракочи-Кецалькоатля). Кстати, сам Мерлин, по ут-

верждению Джона Риса (1886 год) — не кто иной, как кельтский Зевс Мэрддин: до появления людей Британия называлась “Клас Мэрддин”... Правда, в полный миф Стоунхендж полностью не превратился: он есть, его можно пощупать и разглядеть, — потому легенды о возведении каменного памятника Мерлином на том и кончаются, и в дальнейшей деятельности волшебника не фигурируют.

“Английская хроника” XV века, написанная неизвестным автором, отвергает причастность Мерлина к установке камней. В XVI веке Полидор Вирджил также не верил в это, хотя и приписывал сооружение памятника королю Амвросию. А Уильям Кэмден писал: “Наши соотечественники считают его одним из наших чудес и диковинок и много любопытствуют, откуда привезены были столь огромные камни... Я склонен не спорить и опровергать, но с великой горестью оплакивать забвение, коему преданы создатели столь величавого монумента”. Дальнейшее замечание историка Елизаветинской эпохи требует внимания: “А ведь некоторые полагают, что камни эти не простые, вытесанные из скалы, но изготовлены из чистого песка и **неким клейким и вяжущим веществом собраны и сложены всецело...**”

Многие-многие авторы, в том числе чрезвычайно ученые и высокородные, интересовались тайной происхождения Стоунхенджа, похожего на лежащую на болотистой равнине королевскую корону невиданных размеров. Король Яков I посетил его! Пораженный в самом сердце монарх приказал знаменитому архитектору Иниго Джонсу срисовать план сооружения и установить доподлинно, кем и когда оно было создано. Однако Иниго Джонс не оставил потомкам ничего, касающегося Стоунхенджа, если не считать вышедшую в 1655 году книгу его зятя Джона Уэбба “Самая замечательная древность Великобритании, именуемая в просторечии “Стоун-Хенг”, восстановленная”, написанную по заметкам тестя. Из заметок он извлек архи-

тектурные измышления Джонса, ибо, как специалист в узкой области, королевский архитектор... **достроил развалины до стадии, представлявшейся ему приемлемой**, а о происхождении Стоунхенджа сказал, что он мог быть возведен лишь древними римлянами и никем больше! Он отменил друидов, поскольку "академии рисования им были неизвестны, публичные лекции по математике среди них не читались"; а "что до нелепой басни, будто Мерлин перевез эти камни из Ирландии, то это всего лишь праздная выдумка". Далее в заметках Джонс якобы записал (по Уэббу): "Но если мне возразят: коли Стоунхенг — это Римская постройка, так почему же ни один римский автор о нем не упоминает? — то я отвечу: их историки вовсе не описывали каждую постройку или деяние римлян, иначе сколь обширными были бы их труды!" Книга полна и других историко-литературных измышлений и напутствий дальнейшим исследователям.

Они, дальнейшие, приписывали Стоунхендж Боаднице (британской королеве, потерпевшей поражение от римлян и принявшей яд после неудачного восстания); датчанам (место коронации их королей); гигантам (великанам)... А некий Сэмюэл Пипс в дневнике, который потом был издан, 11 июня 1668 года записал: "Съездил туда и увидел, что они (камни) столь же громадны, как мне о них рассказывали... А чему они служили, Бог ведает!"

Но! Джон Обри в 1663 году "произвел осмотр" памятника, зарисовал его для короля Карла II и сделал вывод о том, что это был храм друидов. Обри в своем исследовании признался: "Хотя я не пролил на дело ясного света, все же могу утверждать, что из полной тьмы вывел его в легкий сумрак и в сем Эссее я продвинулся далее, чем кто-либо до меня..." Первым осуществив тщательнейший осмотр, Обри значительно омолодил Стоунхендж, оказав "сомнительную услугу" **дальнейшим исследователям**, чего не делали высокоумные выдумщики, жившие до него.

Фразу о "сомнительной услуге" записал в своей книге истинный открыватель назначения Стоунхенджа астроном **Джеральд Хокинс** уже в 60-х годах XX века. Ему принадлежит остроумнейшее и глубокое исследование памятника, результатом чего явилось блестящее открытие.

Стоунхендж — настолько своеобразный и таинственный, настолько редкий для Европы древний памятник **мегалита**, что многие народы и группы еще до всяких исследований пытались присвоить и присваивали его. Особенно отличились в этом как древние, так и современные друиды, использующие камни для совершения своих внутриклановых обрядов, на самом деле не имеющих к памятнику абсолютно никакого отношения, кроме, конечно, формального. Плиний в I веке н. э. описал друидские обряды, в том числе и кровавые, совершаемые в Стоунхендже, но это не говорит о том, что Стоунхендж возведен друидами ради этих целей. Колдуны, судьи, учителя и жрецы у кельтов, друиды были хранителями особых тайн, частично выражавшихся в различного рода "мероприятиях", суть которых до конца понимали только они. Вероятно, когда-то их обряды, несмотря на жестокость, носили и положительный смысл, но к I веку друиды настолько увлеклись, что даже кровожадный Тиберий не выдержал и истребил их за их кровожадность и колдовство, за употребление в пищу — хотя бы и под знаком ритуала — человеческого мяса.

С другой стороны, все, что мы сейчас знаем о них, пропущено позднейшими авторами сквозь призму христианства, и трудно отличить правду от вымысла. Известно лишь, что и нашем веке, в частности, сразу после Второй мировой войны в Англии совершались ритуальные жертвоприношения, хотя это и были единичные случаи. "Древнейший орден друидов" в Лондоне возродился в конце XVIII века, существовали же друиды с V века до н. э. примерно до IV–V веков н. э., исчезнув с победой христианства. Однако возрожденный "орден", возобновивший фор-

мально и приблизительно друидские ритуалы, добился того, чтобы за ним признали неотъемлемое право использовать Стоунхендж в своих целях. Наблюдавший 21 июня 1964 года ритуал друидов в Стоунхендже Джеральд Хокинс писал в книге "Разгадка тайны Стоунхенджа" о примитивности, убогости и немотивированности этого ритуала.

В 1747 году Джон Вуд, описавший Стоунхендж, пришел к выводу, что "британцы и гиперборейцы были одним и тем же народом". Он же первый догадался о том, что камни привезены не из Ирландии, а с Марлборо-Даунс (к северу от Солсбери).

Об ориентации оси памятника впервые было упомянуто доктором Уильямом Стьюкли в 1747 году: используя компас, Стьюкли обнаружил, что Стоунхендж построен с использованием магнитного компаса и с учетом магнитного склонения. Проведя впервые **лабораторные исследования**, доктор Стьюкли даже датировал памятник — 460 годом до н. э.! Недаром Уильям Стьюкли прославился как человек, восстановивший Общество любителей древности, запрещенное в свое время из-за политических интриг королем Яковом I.

В 1771 году доктор Джон Смит (и в самом деле доктор: он изобрел прививку против оспы!) утверждал, что Стоунхендж — не что иное, как численно-мистический календарь. И подтвердил открытие Стьюкли об ориентации оси памятника на точку восхода Солнца в день летнего солнцестояния. Суконщик из Уолтшира Генри Уонси в 1796 году сделал гениальное предположение: древние друиды в Стоунхендже вычисляли затмения! Причем они делали это **очень и очень** точно.

XIX век отличился не только обилием теорий, но и многочисленными раскопками Стоунхенджа. Именно тогда Ричард Коулт Хор (1812 год) раскопал погребения и осколки камней, оставленные строителями. Генри Браун в середине века обнаружил, что "воды Всемирного Потопа

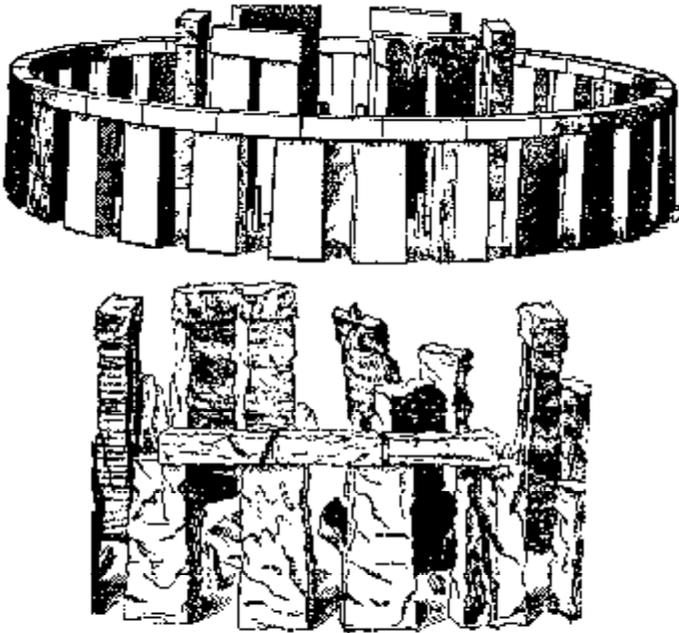
двигались с юго-запада", так как юго-западная часть Стоунхенджа подверглась "небольшому разрушению". А некий Джон Тернам сказал о памятнике: "Немота его красноречиво свидетельствует о том, что он построен не римлянами, так как они обычно заставляли свои камни говорить с помощью надписей... В том, что Стоунхендж был творением британцев, убеждает самая его безыскусственность". В 1886 году У. Лонг приписал памятник финикийцам или бельгам.

В 1870-х годах знаменитый впоследствии раскопками Ахетатона У. М. Флиндерс Питри снял план Стоунхенджа с точностью до 2–3 сантиметров!.. Но и сделал не соответствующий истине вывод о том, что "некоторые камни были установлены позже, в память Аврелия Амвросия, Утера и Константина, а возможно, и других владык, которых время от времени погребали у Стоунхенджа". Постройку Питри относил к доримским временам.

В 1883 году У.С. Блэкот заявил, что Стоунхендж построили люди... из Атлантиды! "Аппалачские индейцы, их жрецы и шаманы – вот кто, несомненно, были строителями Стоунхенджа..." А через год Т.А. Уайз приписал памятник "буддийским миссионерам"!.. Сын астронома сэра Джона Уильяма Леббока – Джон Леббок определил время строительства Стоунхенджа 1500–1000 годы до н. э., что очень близко к нынешнему пониманию, отстаиваемому Хокинсом.

2. ХОКИНС И ИСТОРИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА

Астроном, а еще лучше сказать, палеоастроном Дж. Хокинс в своей книге предупреждал читателей о том, что в астрономии существует несколько циклов, имеющих влияние на дальнейшие открытия, связанные со Стоунхенджем. Во-первых, земная ось медленно описывает конус к плос-

Изображение Стоунхенджа в книге "Стоун-Хенг восстановленный", которое считается принадлежащим Иниго Джонсу и показывает, каким он представляет себе этот памятник

кости орбиты Земли, замыкая круг за 26 000 лет. Кроме того, ось "кивает" (40 000-летний цикл). И, наконец, форма эллиптической орбиты Земли вокруг Солнца имеет период изменений 92 000 лет.

И о народах, населявших Англию. В конце каменного века так называемый уиндмиллхиллский народ, оставивший о себе память в виде каменных и костяных орудий труда и охоты, занимался разведением крупного рогатого скота и, скорее всего, земледелием, первым и начал строительство в Солсберийской долине. "После 2000 года до н. э. туда явились бикеры, а с ними — бронзовый век".

Свое название "бикеры" народ получил по имени чаш для питья, которые укладывались в могилу вместе с покойником. Также в могилах находили кинжалы, топоры, мечи и копья. Трупам бикеры придавали сидячее положение с подтянутыми к подбородку коленями. К 1500 году до н. э. мертвецы уже кремировались. Круглыми могилами бикеров усеяна вся Солсберийская долина и близлежащие районы. Могилы отмечены насыпными холмиками, напоминающими курганы, реже — курганами.

Вскоре после появления бикеров на равнине появились так называемые уэссексы, менее воинственные, чем бикеры. Народ торговал, занимался земледелием и добывал руду. Погребения их вождей богаты и содержат украшения и предметы из Египта, Ирландии, с Балтики, Крита, из Центральной Европы. Стюарт Пиггот, археолог и специалист по Стоунхенджу, считает уэссекцев выходцами из Бретани. А В. Гордон Чайльд называл их продуктом Уэссекса, производным от бикеров.

Дж. Хокинс же считает эти три народа — авторами Стоунхенджа и других памятников Солсберийской равнины.

Датировка, приводимая Хокинсом с точностью до столетия: Стоунхендж был построен в период между 1900 и 1600 годами до н. э. Строительство осуществлялось в **три этапа**.

Стоунхендж I, согласно новейшим методам археологических датировок, построен около 1900 года до н. э. Вначале был сделан кольцевой ров с двумя насыпными валами по обе стороны рва, незамкнутые со стороны северо-востока. Перед входом в кольцо напротив концов рва выкопаны четыре лунки, в которых могли устанавливаться деревянные столбы, а впрочем, назначение их неизвестно. На перемычке, на одной линии с концами внутренней насыпи (вала), сделаны еще две лунки, где, возможно, были вкопаны вертикальные камни, которых сейчас нет. Зато третий камень, известный как Пятый, вкопан в 30 метрах

от кольца к юго-востоку от оси входа. Позднее его обкопали рвом, а ров заполнили дробленным мелом. Внутри кольца были выкопаны так называемые "лунки Обри" в виде "замкнутого" кольца из 56 лунок.

Внешний вал представлял из себя почти правильный круг диаметром 115 метров. Насыпь — шириной 2,5 метра и высотой 0,5–0,8 метра. За валом непосредственно начинался ров, который, скорее всего, служил просто карьером, поскольку состоит и сейчас из отдельных неравномерных ям с перемычками. Ширина ям — от 3 до 6 метров, глубина — от 1,3 до 2,1 метра. О том, что глубина рва не была связана с назначением Стоунхенджа, говорит то, что он оказался забит случайным мусором — кирками из оленьих рогов, скребками из бычьих лопаток, мозговыми костями, глиняными черепками. Но эти находки дали возможность современным археологам датировать время первого этапа строительства.

От внутреннего края рва поднимается внутренний вал диаметром около 100 метров, шириной 6 метров и высотой более 1,8 метра (выше роста человека), предназначенный, видимо, скрыть от взгляда "недостойных" священное место.

Вероятно, Пяточный камень — самый первый камень, установленный в Стоунхендже. Длина его 6 метров, ширина 2,4 метра, толщина — 2,1 метра. Вес — 35 тонн. Песчаник типа "сарсен" встречается в 30–35 километрах от памятника, в Марлборо-Даунс. Камень наклонен в сторону круга на 30°. Из всех сарсенов Пяточный камень — единственный, не носящий признаков обработки. Термин "Пяточный камень" ввел Джон Обри: он носит (вернее, должен носить) след "пяты босоногого монаха". Однако истинная метка, схожая с упомянутой, находится на совершенно другом сарсене — под № 14. Углубление, по утверждению знатока Стоунхенджа Р. Аткинсона, имеет след правой стопы "значительно большей, чем моя".

Лунки Обри неглубоки (от 0,6 до 1,2 метров), в поперечнике — от 0,8 до 1,8 метров. Формы их разнообразны, а расположение очень упорядоченно. Круг диаметром 87,8 метра, по которому с периодом в 4,8 метра расставлены лунки, — большое инженерное достижение того времени. Максимальное отклонение от радиуса — 48 сантиметров, а от среднего расстояния между лунками — 53. Лунки заполняли дробленным мелом. Позже мел выкапывался и вновь засыпался в лунки, перемешанный с кремнированными человеческими костями. Некоторые лунки вскрывались по нескольку раз. Кроме костей, в лунки помещали клинья и костяные булавки, связанные каким-то образом с погребением. Однако в некоторых лунках до нашего времени сохранился первозданный дробленный мел. Всего кремнированных останков найдено более 55. Но, во-первых, точное число останков учесть невозможно из-за недобросовестных раскопок господина Хели, а во-вторых, вероятно, среди них есть уже и останки современных друидов.

К первому этапу Хокинс относит и установку четырех "опорных" камней, примерно на кольце лунок Обри. Они образовывали прямоугольник со сторонами: длинные — перпендикулярны оси входа, короткие — параллельны ей. Только два сарсена из четырех сохранились. Формы и размеры их не совпадают. Один из них длиной 2,7 метра теперь упал на внутренний склон вала, другой — длиной 1,2 метра — стоит вертикально. Исчезнувшие камни были окружены рвами, врезавшимися в структуру внутреннего вала. Камни почти не обработаны.

Важность опорных камней Хокинс объясняет с "исторической, геометрической, ритуальной и астрономической точек зрения".

Другой народ — бикеры — строили Стоунхендж II. Этот этап начался в 1750 году до н. э. Бикеры установили первый ансамбль "мегалитов" — 82 голубых камня весом до 5 тонн каждый. Их установили двумя кругами на расстоянии

около 1,8 метра друг от друга и в 10,5 метра от центра внутреннего кольца. Дополнительными камнями был помечен вход в круг на той же осевой от центра на Пяточный камень. Еще две лунки справа от осевой обозначают направление взгляда, несколько смещенное от Пяточного камня. Эти же строители расширили разрыв между концами рва и провели аллею, 12 метров шириной, окаймленную валами и рвами. Дорога тянулась от входа километра на три, затем сворачивала к реке Эйвон.

Западная часть голубых колец не была построена. В юго-западной части – оставлена пустая яма (на оси от входа через центр). Возможно, в ней стоял так называемый “Алтарный камень”. Теперь он лежит недалеко от оси.

Стоунхендж II, как и Стоунхендж I, строился около 100 лет.

Заключительный этап строительства начинался в 1700 году до н. э. Дата определена довольно точно по осколку оленьего рога из-под камня № 56. Авторство приписывается Хокинсом уэссекцам, поддерживавшим связи с Критом, Грецией, Египтом и предками финикийцев. Возможно, в строительстве участвовал иноземный архитектор. Теорию эту поддержал Р. Аткинсон, он обнаружил средиземноморские черты не только в захоронениях, но и в изысках планировки. К тому же, не считая могильников, это **единственное каменное сооружение уэссекцев**. Значит, традиция привнесена извне.

Непосредственно возле центра сооружена “подкова” из пяти “трилитов” (групп из двух вертикальных камней и одного горизонтального, уложенного на первые два в виде перемычки сверху). Эти трилиты из сарсена окружены кольцом из 30 вертикально стоящих камней, покрытых горизонтальными. “Подкова” открыта на северо-восток, ось ее совпадает с осью входа. Это сооружение, вместе с Пяточным камнем, Хокинс называет Стоунхенджем IIIA. Трилиты имеют высоту 6, 6,5 и 7,2 метра (вме-

сте с перекладиной). Камень № 56, самый большой в сооружении и во всей Британии (из обработанных), весит 50 тонн.

Для увеличения прочности в каменной связке применен принцип деревянного строительства – способ “гнезда и шипа”. Расстояние между вертикальными камнями, составляющими трилит, меньше 30 сантиметров. Визуальный эффект вертикальности подкрепляется разной кривизной граней (внешняя кривизна больше внутренней).

Вертикальные камни кольца весят по 25 тонн каждый. Вертикальным камням придана вогнутость, а перекладинам – выпуклость в местах соединений: они как бы “упали” в лунки. В торцах перекладин сделаны выступы и пазы. Диаметр окружности кольца – 29,6 метра. Камни № 1 и № 30 (около оси) поставлены на 30 сантиметров дальше друг от друга, чем другие камни кольца. Центр этого сарсенового кольца на 0,9 метра севернее, чем центр кольца из лунок Обри.

Под вопросом камень “Эшафот” – сарсен длиной 6,3 метра ушел в землю на всю длину, почти по самую верхнюю грань. Хокинс считает, что строители нарочно закопали его, столкнув сарсен в яму, чтобы было видно Пяточный камень. Возле него самый навредивший раскопщик подполковник Хели откопал бутылку портвейна, закопанную Уильямом Каннингтоном.

Стоунхендж IIIB строился следом за Стоунхенджем IIIA. На этом этапе около 20 голубых камней, убранных затем для возведения сарсенов, вкопали овалом внутри “подковы”. Затем овал разобрали. Причины тех и других действий археологи не выяснили. Также оставлены две лунки Y и Z. Именно после их устройства и был разобран овал внутри “подковы”. Лунки Y и Z неравномерны, их всего 58, на дне каждой найден осколок голубого камня, а заполнены они землей, но на дно успел натечь плотный слой мела. Многие считают, что земля, заполняющая лунки, прине-

сена не строителями, а ветром. Этим объясняется и ее мелкозернистая структура.

Стоунхендж IIIC завершен около 1600 года до н. э. Внутри "подковы" из трилитов (новая устроена из голубых камней) установили другую подкову. Между сарсеновой "подковой" и сарсеновым кольцом вкопали круг из голубых камней. Круг, состоящий из двух неравных "половин" с разными радиусами. Хокинс выяснил, что древние строители Стоунхенджа таким образом искусственно занижали значение числа π ("пи") – соотношения между длиной окружности и ее диаметром, являющегося геометрической постоянной, для удобства своих расчетов доводя ее до значения 3,0.

3. ХОКИНС И ЕГО ОТКРЫТИЯ

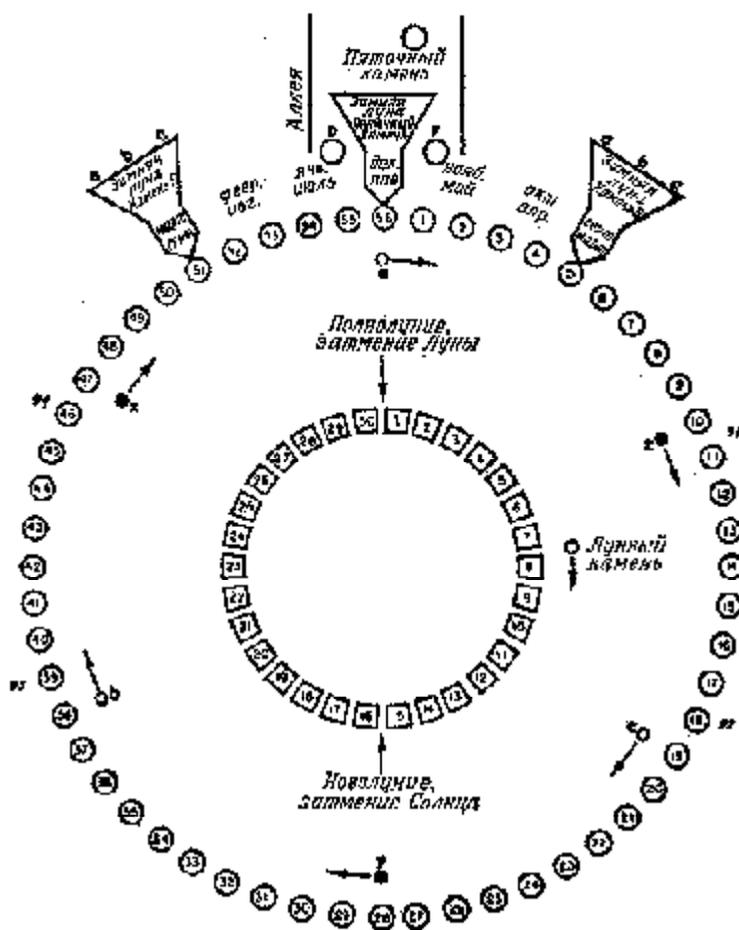
Дж. Хокинс обнаружил, каким образом транспортировались камни к Стоунхенджу. Из различных сортов самый дальний – голубой долерит – из Уэльса (с гор Преселли). По прямой это 210 километров. Морем и по реке – 380. Сюда же включаются и километров 40 по суше, на катках. Крупные сарсены и сейчас есть в Марлборо-Даунс: они разбросаны по поверхности... и в просторечии именуются Серыми Баранами. "Для транспортировки по суше одного такого камня требовалось около 1000 человек. Другой возможный вариант пути – по реке Эйвон, тогда на сушу остается всего около трети расстояния. Затраты на все строительство, составившие примерно 1,5 миллиона человеко-дней (включая все работы, даже изготовление 60 000 метров кожаных веревок, которыми обвязывали камень), сопоставимы с нынешними затратами развитых держав на космические программы. При этом Стоунхендж для тогдашнего населения Британии значил, конечно, гораздо боль-

ше и требовал больших усилий, чем для нынешнего американца — программа освоения космоса. Сопоставлять можно лишь масштабы". Важным заключением было то, что камни действительно все свои, местные, то есть не были заимствованы ни в Африке, ни в Ирландии.

Предположив, что единичный объект типа Стоунхендж лишился бы значительной доли смысла (если не вовсе), Хокинс нашел не менее десятка объектов, подобных Стоунхенджу, или входящих в комплекс, неотъемлемой частью которого является Стоунхендж. Важнейшим открытием было то, что практически все они были древнее Стоунхенджа! А самым значительным из открытого Хокинсом был Вудхендж, отстоявший от Стоунхенджа всего на 3 километра. Его открыли в 1928 году только благодаря начавшимся аэрофотосъемкам. Вудхендж представляет собой то же самое, что и Стоунхендж, но **выполнен из дерева**. Сейчас он уже исчез бесследно, а в 1926–1928 годы там вели раскопки супруги Каннингтоны.

На холме Овертон-Хилл в 27 километрах к северу от Вудхенджа находится еще один деревянный памятник — Святилище. И похоже, что на последнем этапе своего существования там тоже было два кольца вертикально вкопанных камней.

Гигантское каменное сооружение в Эйвбери (27 километров к северу от Стоунхенджа) больше разрушилось, чем знаменитый Стоунхендж. А открыт он был тем же Джоном Обри! Однако о нем все успели забыть. Эйвбери растащили в XIV веке. Оставшиеся камни, в отличие от Стоунхенджа, почти не были обработаны. Вероятно, Эйвбери и Вудхендж представляли собой две "генеральные репетиции" Стоунхенджа. Своеобразную "команду дублеров". Вудхендж также ориентирован на точку восхода Солнца, и тоже главный "визир" несколько смещен к юго-востоку от оси. А в 90 метрах от Вудхенджа находятся "Даррингтонские стены" — гигантский круг 450 метров в диа-

Схематический план вычислительной машины "Стоунхендж"

метре, расположенные почти на главной оси Стоунхенджа! В 25 километрах к северу от Стоунхенджа расположен Сил-бери-Хилл – конический холм с пологими склонами, высота которого составляет 40 метров. Диаметр основания –

180 метров. Назначение неизвестно. Он насыпан на естественной меловой возвышенности. Высота насыпи составляет примерно три четверти холма. Остальная четверть — природная. Работа по отсыпке холма потребовала в два раза больше усилий, чем на Стоунхендж и составляет 3 миллиона человеко-дней.

Гигантские каменные сооружения обнаружены и в Бретани, в окрестностях города Карнак (не путать с Долиной Царей в Египте!). Памятники из мегалитов разбросаны по Франции, Испании, Италии, Греции. Есть на Крите, Мальте, Корсике...

Хокинс не первый применил астрономические знания при изучении Стоунхенджа и других сооружений. В 1901 году астроном Норман Локьер, биография которого плохо изучена, сделал расчет на возможное расположение звезд, при котором осуществлялось строительство Стоунхенджа. Его данные: 1880–1480 годы до н. э. Впрочем, тогда археология не приняла его доводов, ибо он считал восход по появлению верхнего края солнечного диска над горизонтом. Подсчет по первому или последнему лучу дает очень значительную погрешность. Не вдаваясь в подробности, можно лишь сказать, что способ, при котором линия ориентирования памятника проходит через центр и Пяточный камень, отделяет время строительства Стоунхенджа... 6000 год н. э.! То есть памятника как бы пока еще нет... Неудовлетворительны и расчеты Ф. Питри, давшие 730 год н. э.

Хокинс задал электронно-вычислительной машине все возможные направления (азимуты), складывающиеся из камней Стоунхенджа, особенно парных голубых камней двойного кольца, и главные лучи, исходящие из трилитов.

Результат превзошел его ожидания! ЭВМ выдала с огромной степенью точности значение азимутов, которые можно было наблюдать из центра сквозь "окна" в трилитах и направлениях, характерных для 1500 года до н. э.

(дата устанавливалась Хокинсом, уже предполагавшим результат), заданных голубыми камнями. Это были направления на Солнце: в день летнего солнцестояния (+24) – восход и заход; в день зимнего солнцестояния (-24) – восход и заход. Это были направления на Луну: +19 и +29 (зимняя Луна низко и высоко); -19 и -29 (летняя Луна высоко и низко), – это для восхода Луны. Такие же цифры были получены для захода Луны в дни солнцестояний.

Погрешность по Солнцу $0,8^\circ$ и по Луне $1,5^\circ$ связана больше с параллаксом, чем неточностью задаваемых параметров. Пришлось ввести в обиход понятие погрешности из-за плотности атмосферы при низких и почти нулевых углах наблюдения. Трудно или почти невозможно учесть при расчете лгущую географическую карту, дающую иногда громадную ошибку. Ошибка, или погрешность, зависела и от степени точности разметки, которую делали (еще тогда!) жрецы.

Хокинс опубликовал свою первую работу с этими открытиями в 1963 году. Статья немедленно получила огромный резонанс. Даже сдержанные археологи сказали: “Аргументы профессора Хокинса не могут окончательно убедить археологов, но он дал им гораздо больше пищи для размышлений, чем любой другой астроном”.

“Не остановившись на достигнутом” и припомнив Дидора, Хокинс открыл в Стоунхендже способ предсказывать затмение! Пригодился круг из 56 точек – астрономические часы, лунки, по которым двигались упрощенные камни-реперы, пока через 19+19+18 лет действительно не происходило затмение. Причем рассчитать минуту, а возможно, и секунду затмения можно было за несколько дней до него, сопоставляя восход Луны с Солнцем. Идеально настроенный опорный прямоугольник точно указывал на Солнце и Луну, в моменты прохождения светилами летних и зимних крайних точек. Таким образом, Стоунхендж, как обсерватория, был еще и инструментом предсказаний.

А разгадав назначение лунок (56 и 30), Хокинс открыл, что Стоунхендж был еще и счетно-вычислительной машиной, требовавшей "подстройки" примерно раз в триста лет! Двигая камни-реперы из лунки в лунку каждый день (30 лунок) и каждый год (56 лунок), можно было вычислять фазы луны, полнолуния, 19-летние циклы, лунные и солнечные затмения.

Хокинс нашел 11 ключевых точек Стоунхенджа, задающих по меньшей мере 16 направлений крайних положений Солнца и Луны. Кроме того, некоторые камни и лунки либо отсутствуют, либо не расшифрованы.

Все расчеты Хокинс произвел, исходя из времени постройки, датированной по находкам во рве и лунках, — примерно 1500 годом до н. э. А вычисленные на ЭВМ результаты показали, что жрецы считали восходы по последнему лучу, когда светило лежит на горизонте.

4. СТОУНХЕНДЖ-98

Астрономы уверенно вмешиваются в "чужую" науку — археологию. В 1990-е годы потрясающие открытия сделаны Робертом Бьювэлом, Робертом Гантенбринком (это специалист по робототехнике) относительно расположения и ориентировки знаменитых египетских пирамид и ацтекских храмов в Теночтитлане. Свой вклад в датировку Великой пирамиды и Сфинкса внесли геологи.

Стоунхендж датировался прежде, с изобретением радиоуглеродного метода по составу изотопа C^{14} , в 1950-е годы. Датировку можно было осуществить лишь по костям или другим предметам из органики, например, деревянным топорищам и т. п. Именно кости и орудия труда и были извлечены из рва и лунок Стоунхенджа. Результат 2000—1600 годы до н. э. на основе радиоуглеродного анализа дали

найденные предметы. Иной датировки сооружения ни строители, ни археологи не предложили.

Общеизвестно, что фараоны не особенно мучились угрызениями совести, присваивая себе строительство сооружений (особенно пирамид), построенных значительно раньше чаще безымянными предшественниками. Уиндмиллхиллцы не присваивали право первостроителей Стоунхенджа, они просто пользовались этим (и другими) сооружением. Возможно, что они не строили его! **Кем и когда** был построен Стоунхендж – вопрос очень непростой. Обратим внимание: Хокинс, разбирая расчеты на ЭВМ, **выбрал удобный счет восхода по нижнему краю диска**. А если **по верхнему**?.. Археологи отвергли систему счета Нормана Локьера за то, что тот считал восход по первому лучу. А если задать другую дату постройки и снова заложить данные в ЭВМ? Может быть, система Локьера подойдет значительно лучше? Ведь время создания Сфинкса и Великой пирамиды геологи относят к XI тысячелетию до н. э.!.. Что если задать время строительства Стоунхенджа не II, а IV, V тысячелетием?.. Может быть, значительно более логичный первый луч “ляжет” в расчеты вернее? Кстати, поправки на прецессию и иные астрономические циклы могут дать и иное время даже при существующей дате – 1900 год до н. э.! Так или иначе, предварительная датировка по орудиям труда не всегда правомерна. Ведь пользуются же Стоунхенджем современные друиды! Даже делают (делали в недавнем прошлом) захоронения. А если археологи будущего потеряют наши данные и захотят по остаткам этих захоронений датировать Стоунхендж?..

Вспомним безумца Уильяма Кэмдена, вдруг догадавшегося, что песчаник не добывали и ниоткуда не вывозили, а **делали на месте** при помощи “клеякого и вяжущего вещества”!.. Может оказаться, что “пятак босоногого монаха” – подлинный отпечаток тех времен... Десять лет назад на одном из блоков, выпавших из пирамиды Хеопса, об-

разовался скол, а в него... **был впамян человеческий волос!** В природных камнях такого не бывает. Не были ли строители пирамид и Стоунхенджа **одними и теми же людьми?** Или — **не людьми?**.. Во всяком случае, они были великими астрономами. Стало уже избитым утверждение, что астрономия необходима прежде всего народу-мореплавателю. Были ли уиндмиллжиллцы мореплавателями? Ведь для того, чтобы вовремя посеять горох, не надо с точностью до секунды знать широту и долготу точки, в которой находится твое поле. А затмение, в любом случае, можно пережить, и не предсказывая его. Жрецу гораздо удобнее показать себя темным магом, научившись делать фокусы, а не заставляя тысячу человек триста лет строить Стоунхендж, ворочая 50-тонные камни.

А координаты Стоунхенджа, как заметил Хокинс, очень жестко определены самими строителями: $51^{\circ} 17'$ северной широты — не больше и не меньше. Смещение Стоунхенджа на 30 километров на север или юг ломает не только опорный прямоугольник (он бы превратился в косой — параллелограмм), но и угол между крайними точками Луны и Солнца перестает быть равным 90° ! В Мерикилле (США, штат Вашингтон) воспроизведен Стоунхендж: американцы удовлетворили свое тщеславие. Пользоваться им нельзя. Но настоящий Стоунхендж — не бутафория, он до сих пор работает! Как работает Вудхендж (деревянный), если дерево восстановить. Работает шотландский Стоунхендж — Каллениш, группа вертикальных мегалитов, дающих точные те же 11 направлений на Луну и Солнце.

Возникает вопрос: если для строительства Стоунхенджа избрана именно эта, а не другая широта, **были ли авторы Стоунхенджа вообще жителями Британских островов?** Не наезжали ли они на своих прекрасно оборудованных морских судах сюда лишь время от времени? Как Гринвичский меридиан принят нами за нулевой, так в древних картах центром, от которого строили проекции картографы, была

Великая пирамида. Не входит ли Стоунхендж в эту забытую древнюю систему отсчета?

Р. Бьюэл обнаружил, что расположение пирамид Гизы **повторяет** положение на звездном небе **пояса Ориона**. На карте Британии в числе памятников Солсберийской долины есть три объекта, буквально копирующие **тот же пояс Ориона**, но ориентированы они на северо-запад. Вглядитесь в эту "троицу": Святилище, Эйвбери, Уиндмилл-Хилл!.. Очень правильно номинально относят строительство именно к уиндмиллхиллцам.

Скорее всего, Хокинс прав относительно строителей II-го и III-го этапов – бикеров и уэссекцев. Но ведь они, возможно, пользовались уже готовым сооружением Стоунхенджа, изготовленным, например, уиндмиллхиллцами (первостроителями) из дерева! Ведь Вудхендж был тоже построен, и тоже целиком! А поскольку произошло это раньше Стоунхенджа, у бикеров уже был пример разрушения деревянных конструкций Вудхенджа. Голубые камни и трилиты (сарсены) были установлены во II-й и III-й этапы **по причине пришествия в негодность деревянных сооружений**. Точность последователям была нужна лишь в соблюдении размеров прежних, сделанных до них конструкций! Постепенно народу-земледельцу Стоунхендж стал вовсе не нужен. Его "перехватили" друиды для своих кровавых ритуалов.

Кто бы ни был автором Стоунхенджа, когда бы ни был Стоунхендж построен, ясно одно: каменный век породил человека, представления о котором у нас чрезвычайно искажены. Тайна человека неолита еще ждет своего открывателя.

ДРЕВНЯЯ ИНДИЯ

Редкий случай для ученых: в южно-индийской Хараппской культуре можно проследить процесс перехода от собирательства, охоты и рыболовства, связанных с кочевьем, к оседлому земледелию и образованию самобытных и ни у кого не заимствованных поселений и городов.

Если в Иерихоне и других древнейших городах народы сменяли друг друга, перенимая и обмениваясь достижениями, наследуя и ассимилируясь, то довольно замкнутая цивилизация южной Индии "варилась", можно сказать, "в собственном соку", пока не "сварилась до готовности". Отдельно взятый цикл эволюции!

Культуру называют Хараппской условно – по имени города Хараппа в северном Белуджистане. Сюда же относят и другие города и поселения, в частности, Мохенджодаро. Удивительная однородность культуры этих и других исследованных поселений позволяет говорить о том, что мы имеем дело с обширной территорией, на которой господствовала Хараппская культура: более 1100 километров с севера на юг и более 1600 километров с запада на восток.

В 50-х годах XIX века английский генерал А. Каннингем, осматривая древнее городище в Хараппе (ныне Пакистан), обнаружил печать с совершенно не знакомыми знаками. А он руководил археологическими работами во всей Индии! Тем не менее узнать о важности своего открытия ему не посчастливилось: планомерные раскопки Хараппской цивилизации начались только в 20-х годах нашего века.

К настоящему времени известно уже более тысячи "печатей", подобных найденной Каннингемом, с изображениями животных, выполненными в реалистической мане-

ре, и с надписями. Однако, учитывая краткость письма, отсутствие билингвистических находок (наподобие Розеттского камня в Египте), а также большое количество письменных знаков (их более 400), до сих пор источники не прочитаны. Выяснено только, что знаки писались справа налево, и характер языка — дравидийский. Вероятно, население Хараппской культуры пользовалось разговорным языком, исторически относящимся к протодравидийскому. Изучение затруднено еще и тем, что до конца не прояснено назначение квадратных "печатей". Некоторые ученые относят их к религиозно-культовым значкам, употреблявшимся вовсе не для того, чтобы запечатывать что-либо. В самом деле, не найдено ни одного достоверного доказательства того, что квадратные печати использовались для нанесения оттиска, в то время как печати аналогичных форм из Месопотамии как раз использовались по такому назначению. Кстати, печати из двуречья, в том числе и цилиндрические, найдены при исследовании Хараппской культуры. Это говорит о широких торговых связях цивилизации Хараппы и Мохенджодаро.

Исследование древних поселений показало, что на протяжении тысячелетий один и тот же народ постепенно переходил к оседлому земледелию, осваивая земли и приспособляясь к своеобразному климату бассейна Инда. Поселения деревенского типа именно в этом районе датируются началом-серединой IV тысячелетия до н. э. В середине III тысячелетия появились и города, но они были окружены общинными поселениями сельского типа и опирались, конечно, на них, занимаясь внутренней торговлей, что способствовало дальнейшему развитию материальной культуры, и внешней торговлей, осуществлявшейся как по морю, так и сушей. Зона торговли Хараппской культуры простиралась от юго-восточной Азии до континентальной Африки. Есть следы торговых связей Хараппы с восточным Сре-

диземноморьем. "Перевалочным пунктом" между ближайшим морским соседом Месопотамией и Южным Ираном — и Хараппой был Бахрейн. Вероятнее всего, именно здесь происходил торговый обмен между купцами, хотя это, конечно, не исключало того, что хараппские купцы вполне самостоятельно доходили до Аравии и восточного побережья Африки. О морской торговле, развитой в Хараппе и Мохенджодаро, свидетельствуют и печати с изображением мачтовых морских судов, найденные в Лотхале, неподалеку от нынешнего Бомбея.

Чем же торговала Хараппа? Тем, что производила. Население бассейна Инда, при широком использовании ирригации и благодаря климату собиравшее два урожая в год, культивировало выращивание нескольких сортов пшеницы, ячменя, бобовых, занималось садоводством и животноводством — разводило крупный рогатый скот (горбатая корова, бык зебу и обычная корова), коз и овец. Обнаружение множества свиных костей говорит лишь о том, что местная порода кабана употреблялась в пищу, но был ли он приручен и содержался в домашних условиях или добывался охотой — достоверно не известно. В долинах Инда выращивался рис. Вероятно, эта культура и технология ее выращивания были заимствованы из района Ганга. Значительную долю сельскохозяйственной продукции Хараппы составлял хлопок.

Ремесла — гончарное, представленное несколькими видами керамики, а также металлургия (медь, бронза, золото, свинец, серебро) — развивались в основном в городах. В отличие от других южных культур, меделитейшики, кроме бронзы (медь с оловом), использовали сплав меди с мышьяком, эта технология пришла, скорее всего, из Средней Азии. Хараппские мастера владели ювелирной техникой, изготавливали не только золотые украшения, но и предметы из драгоценного и полудрагоценного камня. От-

личительной особенностью является полное отсутствие скрепляющих одежду булавок, что свидетельствует о том, что, видимо, женщины носили платья таких фасонов, когда булавки были не нужны. С приходом варваров (индоарийцев) в ассортименте изделий местных мастеров появилась булавка. Metallурги изготавливали ножи, кинжалы, серпы, топоры. Позже появилась металлическая посуда, но она целиком повторяла керамические формы. Гончарное производство долгое время представляло собой ручное изготовление утвари – грубой и без каких бы то ни было украшений. Позже возник ручной гончарный круг и простой узор, наносившийся режущим инструментом или веревкой. Даже после того, как вошла в обиход облицованная и лощеная керамика, рисунок на посуде остался сдержанным. Используя усовершенствованный гончарный круг, гончары стали производить тонкую и красивую посуду, часто покрытую легкой росписью, и только иногда – возможно, лишь для определенных целей – великолепной и богатой росписью. Они умели производить красную керамику, палевую и розовато-красную, а также серую, использовавшуюся в Уруке. Интересно производство грубоватых чаш с заостренным дном, встречающихся очень часто в тот период, когда уже производилась тонкая изысканная посуда. Ученые считают, что этими грубоватыми чашами для питья пользовались только один раз, после чего их разбивали (так принято у современных индийцев, но содержание ритуала не совсем ясно). В позднейшем слое Мохенджодаро обнаружили полихромную керамику: черные узоры на кремовом фоне заполнялись красной, зеленой или желтой краской, наносившейся после обжига.

Широко использовались изделия из фаянса, статуэтки и браслеты, бусы, маленькие сосуды (а скорее, фигурки сосудов), повторяющие формы крупных. Часть их, даже ранних, покрыта глазурью.

По составу населения Хараппская цивилизация была не однородной, хотя и отличалась удивительной однородностью культуры. Значительную часть жителей составляли "австралоиды" – дравиды. Другая большая категория – люди шумерского типа. Кроме того, в ней присутствовали ярко выраженные монголоидный и европейский типы – не пришельцы, а местные жители. На своеобразной смеси, сплаве этих основных четырех типов, и возросла древняя Хараппская доведийская цивилизация, являвшаяся основой для нынешней культуры Индии.

Городская Хараппская культура возникла около 2500 года до н. э. Города древней Индии представляли собой великолепно организованные геометрически построения. Центр, расположенный на холме и окруженный прочной кирпичной стеной (из обожженного кирпича), где, вероятно, жили правитель, жрецы, находились храмы, а вокруг располагались четкие жилые кварталы с правильными широкими (до 10 метров) улицами, пересекающимися под прямым углом. На самых окраинах были мелкие хижины бедняков (возможно, рабов). Небольшое количество рабов (собственность правителя и, может быть, храмов) жило там же, в центре, за массивными стенами. Скорее всего, за эти стены простые индийцы не допускались: очень узкие лестницы и двери говорят о том, что эти входы были только "для своих". Однако при опасности нападения или наводнениях, вполне возможно, такой своеобразный "замок" использовался как крепость. Внутри или снаружи городской стены размещались здания складов и зернохранилищ. Несмотря на высокую технологичность, стиль жизни продолжал прежние родоплеменные отношения, и вполне может быть, что царь, вождь или правитель по-прежнему избирался народом. Впрочем, знать уже отличалась совсем иной роскошной жизнью: ее дома имели 2–3 этажа и десятки комнат, в то время как дом сред-

него жителя состоит всего из двух комнат. При доме знатного человека обязательно имелся двор с постройками, отделенный от всего остального мира кирпичным забором или стеной. Город был оборудован сетью канализационных стоков с уступами и выгребными ямами, которые, конечно же, регулярно должны были подвергаться очистке. Обнаружены общественные колодцы, которыми пользовались все жители города, а также индивидуальные колодцы "буржуазии", расположенные внутри богатых дворов. А в Мохенджодаро была раскопана общественная баня.

По характеру устройства индийских городов Хараппской цивилизации можно судить, насколько жесткой должна была быть в них организация власти, вызванная необходимостью в разного рода общественных работах по поддержанию чистоты, порядка и пр. В этом и в других смыслах Хараппская культура приближалась, а кое в чем и превосходила существовавшие в то время цивилизации Древнего Египта или Междуречья.

Правда, не выяснено до сих пор, управлялось ли это огромное государство монархом, верховным жрецом или абстрактным законом, которому предписывалось следовать. Во всяком случае, не известно ни одного конкретного имени вождя или царя. Предположительно, в "империи" было все же две столицы – Хараппа и Мохенджодаро, что похоже на существование двух частей государства – северной (Белуджистан) и южной (Индская долина, Пенджаб).

Исследования Хараппской цивилизации, начавшиеся в 1920-х годах, проводили археологи Д.Р. Сахни, Р.Д. Банерджи (Мохенджодаро в переводе с языка синдхи означает "Холм мертвых"), экспедиции под руководством Дж. Маршалла, Н. Маджумдара, Э. Маккея, М. Ватса, М. Уиллера и других. Цивилизация изучалась учеными Индии, Пакистана, Италии, Франции, США и СССР. Конечно, в процессе раскопок и открытий порождались и отстаивались различные

мнения, единства в которых нет до сих пор. Например, некоторые считали, что индийская цивилизация порождена Шумерской, а Э. Эрас, наоборот, доказывал, что Шумер порожден Харатти. Нас же теперь интересует не рождение цивилизации, а ее закат.

Около 1800–1700 годов до н. э. Хараттская цивилизация стала приходить в упадок. Города — **все города!** — опустели, в них практически исчезли власть и порядок. На запрещенных к строительству местах возводились (часто на развалинах прежних домов) новые хижины — значительно меньше и беднее прежних. **Потом и эти поселения были покинуты людьми.** В Мохенджодаро, например, на развалинах общественного амбара появилось множество крошечных домишек. Посреди улицы возводились гончарные печи, улицы застраивались мелкими лавочками и прилавками. Сократилось ремесленное производство, внутренняя, а особенно внешняя торговля: резко уменьшилось количество импортных товаров.

Ученые связывали упадок с нашествием иноземных племен. Арии действительно захватили эту землю, но произошло это значительно позже! Раскопки, касающиеся времен упадка, говорят о том, что на прежнем месте в захиревших городах жили **те же люди.** Культура сохранялась **та же.** Та же культура, что знала период расцвета. Есть некоторые данные о постигших страну несчастьях иного плана. Например, Страбон (XV, 1.19) сообщает: "... (Аристобул) видел страну с более чем тысячью городов вместе с селениями, покинутую жителями, потому что Инд, оставив свое прежнее русло и повернув в другое русло, гораздо более плубокое, стремительно течет, низвергаясь подобно катаракту".

Гидрологическая экспедиция Р.Л. Рейкса выяснила, что в связи с тектоническими толчками уровень воды в Инде повысился, и река затопила города. Эпицентр подземных

толчков находился в 140 километрах от Мохенджодаро, и город погиб. Раскопки показали, что воды заливали Мохенджодаро пять раз! Население строило плотины. Американский археолог В.А. Файрсервис считал, что истощилась земля и экономические ресурсы долины Инда, и жители были вынуждены переселиться в Пенджаб, на юг, и на восток, в долину Ганга. Антропологи же обнаружили, что причиной массовой гибели людей в долине Инда была малярия...

Советский ученый Г.М. Бонгард-Левин привел свои аргументы, напомнив, что в тот период, в начале II тысячелетия до н. э., в Иране и на юге Средней Азии также возник кризис, приведший к упадку многих городов, сокращению общих площадей поселений. Он связывал это не только с природными явлениями, но и прежде всего с эволюцией структуры оседлоземледельческих культур. Правда, признал, что характер этого процесса еще не ясен.

М. Уиллер, исследуя постройки того времени, сделал вывод, что население спешным порядком укрепляло города (например, Хараппу), возводило мощные стены, другие укрепления и было готово к отражению внешнего врага. Впрочем, никаких предположений о том, что это был за враг, ученый не высказал.

Однако, как мы знаем теперь, никакого нападения не было. Варвары пришли, как уже говорилось, значительно позднее. Кроме того, войны не всегда приводят к упадку.

Примерно в то же время Древний Египет был завоеван загадочными гиксосами, и они правили несколько сотен лет, после чего царство фараонов очень долго набирало силы и лишь к XVIII династии сделалось "мировой империей". Вероятно, гиксосы – тоже варвары, и с ними никак нельзя увязать упадок Хараппы. А вот не было ли причиной появления **высокоразвитых завоевателей?**..

Чтобы конкретно определить временные рамки суще-

ствования этих гипотетических завоевателей, желательно сначала **узнать, когда закончилось их влияние на историю народов региона.**

Египет изгнал гиксосов в XV–XIV века до н. э., но в положении других народов ничего не изменилось. Наибольшее оживление происходило в Передней Азии в 1400–1350 годы – в период правления нескольких фараонов – от Аменхотепа III до Тутанхамона. Оживление в Сирии, других провинциях (номах) привело к упадку цветущей Египетской империи. Отчего так оживились покоренные народы – из-за отсутствия в Фивах надлежащей власти?.. Вряд ли.

Прав Г.М. Бонгард-Левин: “эволюция структуры оседлоземледельческих культур” получила новый толчок. Но толчок – **экономический.**

Регион Индийского океана через три тысячи лет еще раз подвергся экономической экспансии, когда в международную торговлю вмешалась Португалия, сделавшись **лишним посредником** и, вопреки всяким разумным пределам, **взвинтив цены.** Тогда наблюдался упадок государств, расположенных на северном берегу Индийского океана и всего западного берега (восточного берега Африки). Скорее всего, в начале II тысячелетия до н. э. произошло то же самое.

Кто были эти экономические “посредники”?

Логика подсказывает, что надо искать мореходную цивилизацию, по уровню не уступающую португальской XV–XVI веков.

И она была! Это Крито-Микенская мореходная цивилизация. К началу II тысячелетия, держа в руках уже всю средиземноморскую торговлю, крито-микенцы вышли в Индийский океан. И стали такими же беззастенчивыми грабителями-посредниками не только на морских торговых путях, но и на побережьях. Внешняя торговля стала **невыгодной** для всего побережья южной Азии. В результате – кри-

зис Ирана, Месопотамии, Хараппской культуры. На одной внутренней торговле Хараппская цивилизация не могла существовать, и государство металлургов, гончаров и хлопкоробов пришло в запустение. Соответственно разрушилась веками державшаяся власть.

А укрепления в Хараппе возводились против наводнений.

Около 1350 года до н.э. в результате катастрофического извержения вулкан Тир ушел под воду, а Микены смыла цунами. Юг Аравии, Иран, Афганистан и Индия стали зависеть только от себя и от отношений между собой.

МЕЖДУРЕЧЬЕ : БЕСКОНЕЧНАЯ СМЕНА ЭПОХ

Уже упомянутый в главе о Всемирном Потопе Леонард Вулли раскопал Смоляной холм – так арабы называли гору, где был закрыт от любопытных глаз великий Ур, город-государство, один из многих городов древней Месопотамии.

Много блестящих открытий на счету археологии уходящего века, среди них и это. Двенадцать зимних сезонов продолжались раскопки Вулли. Но ничто не состоялось бы, не будь у археолога ярких и удачливых предшественников. Междуречью Тигра и Евфрата повезло едва ли не больше, чем Египту: великие мечтатели, великие дилетанты прикасались к древностям этой много повидавшей земли, и у них все получалось. Итальянец Пьетро делла Валле буквально наткнулся на Персеполь – город, сторевший от руки самого Александра Македонского, – а ведь обманутый в своих любовных чувствах странник собирался лишь посетить Иерусалим, чтобы поклониться Гробу Господню. В шестидесяти километрах от Шираза итальянец нашел величественные руины, о которых абсолютно все забыли, но которые все еще охранялись гигантскими статуями львов. Там делла Валле обнаружил древнейшее письмо – клинопись. И было это в начале XVII века. Пьетро подсчитал клинописные знаки, обнаруженные им в покинутом городе: при поверхностном взгляде таких знаков было более ста. Наблюдательность “туриста” позволила ему сделать один очень важный вывод: скорее всего, эта письменность дол-

жна читаться слева направо, поскольку концы "клиньшков", выведенных острой палочкой по сырой глине, смотрят вправо.

Европа была потрясена находкой итальянца. Тут же разгорелся теоретический спор и по поводу клинописи, и по поводу развалин. Не утруждая себя путешествиями, в салонах и библиотеках был сделан правильный вывод: делла Валле нашел столицу древней Персии, основанную знаменитым Киром, завоевателем Вавилона.

Но еще целых два века оставалось до того момента, как клинописные знаки заговорили. Правда, сказали они тоже очень немного, но уже в исследовании древней Азии наступил прогресс. Нельзя сказать, что Георг Фридрих Гротефенд был совсем дилетантом — все-таки учитель латыни и греческого. Да и сам город Гёттинген, где в самом начале XIX века жил учитель, славился университетом и профессорами. Зато Гротефенд был известен, как мастер по разгадыванию ребусов: сейчас это часто именуют хобби. И надо же было случиться тому, что в руки учителя попал текст из Персеполя! И он, поклявшийся прочесть его, причем поклявшийся прилюдно, приступил к разгадыванию. Учитель заметил — ибо взгляд его был свежим и не отягощенным знанием вопроса, — что текст состоит из трех частей. Сделав гениальное предположение, что он написан на трех языках, Георг приступил к изучению древней истории Персии. И, узнав у древних авторов, что царь Кир победил Вавилон, Гротефенд решил, что главным текстом должен быть древнеперсидский, а два других — языки двух самых многочисленных из завоеванных народов. А догадавшись, что один из знаков символизирует царственность, учитель предположил: фраза, повторенная в тексте дважды, является длинным титулом царя. Путем других предположений Георг Гротефенд прочел:

"Царь Ксеркс, сын царя Дария, сына Гистаспа".

Убедившись, что вероятность такого прочтения весьма

высока, учитель нашел девять знаков – алфавитных знаков древнеперсидского письма. Можно сказать, что свою задачу чтец выполнил и клялся он не зря.

А в 1836 году, то есть тридцать лет спустя, другими учеными – Лассеном, Бюрнуфом и Раулинсоном (немец, француз и англичанин) был прочитан весь алфавит языка, на котором был написан текст.

Сделавший головокружительную карьеру в Ост-Индии Генри Раулинсон, один из самых крупных и удачливых резидентов "Интеллидгент сервис", занялся археологией по долгу службы – в качестве официального прикрытия, исключавшего подозрения. И, как уже бывало это с другими агентами, Раулинсон по-настоящему увлекся предметом! Согласитесь, трудно иначе расценить научный подвиг этого человека, который, рискуя жизнью, в течение пяти месяцев при помощи крюков и канатов забирался на отвесную скалу, кое-как привязывал себя к ней на высоте около сотни метров над землей – и тщательно перерисовывал древнюю надпись, так называемую Бехистунскую таблицу, изображение, будто чудом появившееся на неслыханной высоте над торговым трактом Керманшах – Багдад. Этот торговый путь вел когда-то в Вавилон, и Бехистунская скала содержала очень важное послание путешественникам. Четыреста двадцатиметровых строк текста и рисунков, выбитых камнерезами в плоских плитах и поднятых над дорогой на вечные времена.

С нижними фрагментами надписи Раулинсон справился сам: как-никак бывший юнга британского флота! Потом, не успев продумать возможность скопировать верхние строчки, британский посланник был надолго отозван в Афганистан, и только через десять лет возвратился в Бехистун. Годы уже довели над бравым моряком и разведчиком, и он нанял мальчишку курда, который не побоялся спуститься на канате с самой вершины скалы (а это не много и не мало – тысяча метров!) и вбить крючья над

барельефом по всей его длине. Затем, навесив на крюк веревочную лестницу, юный курд забирался по ней снизу и копировал для Раулинсона очередной фрагмент. Следующий участок мальчик перерисовывал, перевесив лестницу на соседние крюки. Таким образом, еще через несколько месяцев Генри Раулинсон стал обладателем уникальнейшего текста на трех языках, который можно было теперь попытаться прочесть. Задачу облегчило то, что один из текстов был написан на языке иранского народа эламитов. При помощи датчанина Нильса Вестергаарда Раулинсон и Норрис, на основании эламского языка, прочли двести знаков древнего текста. Соответственно были расшифрованы эламский столбец и столбец, написанный на древнеперсидском. Третий столбец оказался написанным на ассиро-вавилонском наречии, представлявшем собой сложнейшую смесь пиктографических, алфавитных и слоговых знаков. Сделав эти открытия, Раулинсон опубликовал свои труды, после чего ученый мир сделал вывод, что, вероятно, ассиро-вавилонский язык никогда не поддастся дешифровке..

Но, как это часто бывает в научном мире, помогло почти чудо: француз Ботта в руинах Ниневии откопал около сотни табличек, предназначавшихся.. для школьного обучения родному языку! Фактически это был **букварь с изображениями** тех предметов, точное воспроизведение которых в письме давалось рядом. Мало того: клинопись расшифровывала еще и фонетическое звучание вавилонских слов!

Через несколько лет в Европе появились даже грамматики ассиро-вавилонского языка. А в 1888 году русский ученый В. Голенищев опубликовал словарь ассирийского языка, содержащий более тысячи прокомментированных знаков письма.

В 1836 году Раулинсон, еще до обнаружения Бехистунского барельефа, расшифровал тот же текст про царя Ксер-

кса. В начале века текст поддался Гротефенду. В науке до сих пор считается, что сделал он это, не имея ни малейшего представления о переводе Гротефенда. Но, во-первых, британская разведка не могла не снабдить своего сотрудника всеми возможными знаниями по той области, которой он должен был заниматься по "легенде". А во-вторых, и сам блестящий исследователь, Раулинсон позднее был уличен в плагиате и подделке почтового штемпеля, когда присваивал открытие ассириолога Г. Хинкса по древнеперсидскому языку. Но это, как говорится, к слову. Как бы то ни было, исследования древнего Востока становились на жесткую научную основу, хотя, конечно, дилетантизм еще приносил свои неприятные результаты. Достаточно вспомнить, в каком состоянии поступили в Британский музей шумерские таблички с поэмой о Гильгамеше, расшифрованные Джорджем Смитом: их лопатой сгребли в ящик и (на всякий случай!) отправили в Лондон. Впрочем, самому Смиту это позволило через несколько лет отправиться на место находки и бережно откопать недостающие фрагменты на том же месте, где их "не заметил" Лэйярд!

Бехистунский текст оказался посланием персидского царя Дария, обращенным ко всем, кто проезжал и проходил мимо скалы по торговому пути. После неожиданной смерти в 521 году до н. э. царя Камбиза волнения, охватившие древнюю Персию еще при нем, достигли невиданных масштабов: появились не только претенденты на престол из царствующего дома, но и никому не ведомые самозванцы вроде зороастрийского жреца Гауматы, который выдавал себя за убитого брата царя Бардию, якобы спасшегося из заточения, и собрал вокруг себя огромную армию. Гистасп, наследный принц крови из династии Ахеменидов, официально имевший право на престол, уступил его своему сыну Дарию I, и тот, оказавшийся храбрым и предприимчивым, быстро расправился со все-

ми бунтовщиками во многих уголках страны. А эту историю, прославляющую его самого и в назидание потомкам, царь Дарий приказал выбить на Бехистунской скале на вечные времена.

Дарий I не ошибся: надпись никто не смог уничтожить в течение двух с половиной тысяч лет — даже само время. Вот фрагмент из нее:

"...Отошли от меня страны: Персия, Сузиана, Мидия, Ассирия, Египет, Парфия, Маргиана, Саттагидия, Скифия. И вот что я совершил по милости Ахурамазды. В год, когда началось мое царствование, девятнадцать битв провел я. Провел я их по милости Ахурамазды и девять царей захватил в неволю. Был среди них один, что назывался Гуамата. Лгал он. Ибо так говорил: "Я — Бардия, сын Кира". Бунт он поднял в Персии. Был также другой, Нидинту звался, а был он вавилонянином. Лгал он. Ибо так говорил: "Я — Навуходоносор, сын Набонида". Это он бунт в Вавилонии поднял..."

Ценность надписи на Бехистунской скале не в том, что мир узнал о событиях в древней империи, а в том, что она донесла до нас три умерших или переродившихся языка в том виде, какими они были в I тысячелетии до н. э. Она дала возможность прочесть более древние находки и заглянуть в еще более глубокую древность, о которой молчали Геродот и его современники.

Достоверность прочтения надписи была подтверждена одним любопытным фактом. Однажды, это было в 1857 году, когда следовало убедиться, что клинопись действительно расшифрована, Азиатское королевское общество в Лондоне направило в запечатанных конвертах четверем ученым — Раулинсону, Тальботу, Хинксу и Опперту — одну и ту же

ассирийскую надпись из только что обнаруженных и попросило прочесть ее. Все четыре перевода оказались идентичными!.. Результат был опубликован под названием "Надпись Тиглатпаласара, царя Ассирии, переведенная Раулинсоном, Тальботом, д-ром Хинксом и Оппертом".

Еще один дилетант, двадцатидвухлетний лондонский адвокат Остин Генри Лэйярд, увлеченный Востоком, отправился на поиски.. древних городов, упомянутых в Библии! Ему очень захотелось раскопать холм, под которым покоились останки Нимрода, потомка Ноя. Расспросив местных арабов, а прежде заручившись поддержкой британского посла в Константинополе сэра Стратфорда Каннинга, Лэйярд обнаружил холм, в котором, по местным преданиям, и был захоронен Нимрод. Обследовав его, Лэйярд обнаружил несколько черепков и обломков барельефов и убедился, что, вероятно, он на правильном пути. Но копать было все же не на что: те гроши, на которые молодой авантюрист прибыл на Восток, были на исходе. Каннинг недвусмысленно намекнул молодому человеку, что Британия готова помочь ему в его исследованиях... в обмен на услуги разведке. Не раздумывая, Лэйярд принял предложение и получил деньги на раскопки.

Англичане, чье влияние в Азии усиливалось, подталкиваемые богатствами тамошних недр и конкуренцией, которую составляли на Ближнем Востоке другие страны – Германия и Франция, – уже давно были готовы вкладывать в эту землю большие средства. Тем более что, например, французский археолог Поль Эмиль Ботта, заявлявший, что раскапывает Ниневию, получал свои средства на археологические занятия не всегда от обществ по изучению древностей, но и от британской разведки. В 1842 году Ботта начал раскопки на холме Куюнджик, но за целый год не достиг желаемого. Француз был близок к истине, но удача отвернулась от него: ведь именно под холмом Куюнджик и скрывалась легендарная Ниневия! Перемес-

тившись на другой холм, в Хорсабад, Ботта почти сразу же откопал древние стены и охранявших эти стены чудовищ в виде крылатых быков с человеческими головами. А в течение последующих четырех лет, пользуясь еще и средствами от пожертвований, на которые не поскупилась Франция, Ботта откопал в Хорсабаде дворцовые здания с залами и коридорами, а также внутренними покоями, и остатки пирамиды. Дворец принадлежал ассирийскому царю Саргону II и был построен в самом конце VIII века до н. э., но этот город не был Ниневией. Тем не менее окрыленный француз издал фундаментальный труд "Монументы Ниневии, открытые и описанные Ботта, измеренные и зарисованные Фланденом".

Всего через несколько часов после начала раскопок на холме Нимрода взволнованный Лэйярд обнаружил остатки мощных стен. По фризам и барельефам даже дилетант мог бы сказать: это царский дворец! Однако в самый разгар работ приехал турецкий офицер и вручил британцу документ, запрещавший ведение раскопок. Зброшенный в течение тысячелетий холм тут же понадобился вездесущему паше, излюбленным методом осуществления власти которого была провокация: незадолго до начала раскопок паша-губернатор Керити-Оглы объявил принародно о своей смерти, а затем арестовал и предал казни всех тех, кто наивно радовался уходу деспота.

Удрученный запретом, Лэйярд поскакал в Мосул, но паша, который лично говорил с археологом, покачал головой:

— Никак нельзя: мусульмане возмущены надругательством над могилами правоверных.

Заявления Лэйярда о том, что никаких могил на холме нет, не подействовали, и археолог-юрист помчался обратно. Каково же было его изумление, когда на холме он и правда обнаружил множество надгробных камней!

Через несколько дней офицер под строгим секретом

разъяснил Лэйярду, что паша желает сам найти золото, которое ищет англичанин, а потому и разыграна вся эта комедия, ради которой ему, турецкому офицеру, действительно пришлось осквернить множество могил, чтобы доставить на холм надгробные камни.

Недолго пребывал адвокат из Лондона в шоке: за все злодеяния и злоупотребления паша был арестован турецким правительством, и Лэйярд продолжил раскопки.

Через некоторое время была откопана огромных размеров человеческая голова — часть алебастровой скульптуры. Голова принадлежала туловищу крылатого льва. Местные рабочие, трудившиеся на раскопках, были уверены, что откопали останки Нимрода!

Тогда новый губернатор Исмаил-паша вызвал к себе Лэйярда и посоветовал прекратить на время раскопки — не из-за того, что это было запрещено, а чтобы успокоить местных арабов, считавших, что выкапывание из земли захороненных останков по Корану считалось святотатством. Лэйярд свернул раскопки, оставив минимум рабочих. Через определенное время он заново нанял команду землекопов и сделал несколько раскопов в разных частях холма. Очень скоро количество откопанных чудищ с человеческими головами превысило шестьдесят.

"Египет может гордиться столь же древними и не менее величественными монументами, — писал впоследствии археолог. — Но памятники всегда были открыты взорам людей, восславляя могущество Древнего Египта. Стоящие же перед нами статуи только теперь появились из мрака забвения".

Две из откопанных фигур — самых сохранных — археолог отправил в Лондон. Кроме того, им было отправлено множество найденных мелких вещей: за два года раско-

пок Лэйярд расчистил пять дворцовых сооружений. Ассирийские цари строили их с IX по VII века до н. э. Но открыл он не Ниневию, а другой город — Калах.

Ниневию Лэйярду еще предстояло раскопать. Он сделал это в 1849 году. И где же? На том самом холме Куюнджик! Лэйярд верил, что этот холм тоже не простой. Более того, по всем предположениям, именно здесь и должны были покоиться останки разрушенной библейской Ниневии, захваченной халдеями. Англичанин решился попытаться счастья на холме, не давшем результата Ботта после целого года раскопок. И ему повезло в самые первые дни! Землекопы наткнулись на остатки величественных стен, а чуть позже — и на таких же чудовищ, которые археолог раскопал на холме Нимрода. Раскопанные комнаты, залы и коридоры были выложены по стенам разноцветными изразцами и алебастровыми плитами с барельефами. Однако все это было закопченным или разбитым: руины носили явные следы разрушения после захвата и пожара. И другое было несомненно: перед исследователями богатый царский дворец. Его великолепие и совпадение стиля со стилем дворцов в Калахе говорило о том, что дворец принадлежал ассирийским царям. Дворец был захвачен, в этом не было сомнений. А жители города поголовно истреблены, и сам город разрушен. Среди скульптур, скульптурок и барельефов Лэйярд обнаружил шедевр древнего искусства — барельеф с изображением умирающей львицы, раненой тремя стрелами. Поражала реалистичность изображаемого, но создавший шедевр художник остался неизвестным.

Лэйярд сделал и еще одно потрясающее открытие, как археолог и как агент британской разведки: он обнаружил великолепную **библиотеку царя Ашшурбанипала**, находившуюся хоть и в разбитом состоянии (тысячи глиняных табличек в виде осколков устилали пол двух огромных комнат в глубине холма), но на том же месте, где ее уничтожали варвары. Слои черепков от глиняных табличек с клино-

письму составлял около полуметра. Лэйярд распорядился погрузить осколки табличек в ящики и отправить в Лондон. Больше он к этому вопросу не возвращался. Небрежно загрузили таблички в ящики и отправили. Потом в Лондоне не досчитаются одной из самых ярких находок – “Песни о Гильгамеше”.

Дворец, который раскопал Лэйярд, построил царь Синхериб, царствовавший с 704 по 681 год до н. э.

При Ашшурбанипале государство Ассирия достигло вершины своего могущества. Ашшурбанипал и впрямь был просвещенным монархом: по его приказу в библиотеку доставлялись письменные памятники Шумера, Вавилона и Ассирии. При дворце находилась огромная служба, задачей которой было поиск, копирование и хранение табличек. В них была собрана своеобразная история региона, отражающая все стороны жизни, энциклопедия веков, будто специально для исследователей, которым вздумается через две с половиной тысячи лет раскопать древнюю Ниневию. После смерти просвещенного царя начался период упадка.

Ассирийское государство просуществовало с 1250 по 605 год до н. э., прекратив существование после битвы с халдеями на реке Евфрат у города Кархемиш. А еще раньше, в 612 году, погибла Ниневия.

Несмотря на заслуги Лэйярда, надо признать, что многое из того, что могло и должно было сохраниться, при его раскопках безвозвратно исчезло. Откапывая только крупногабаритные предметы, мелкие он собирал, если по случайности они не были разбиты его же кирками и не засыпаны его же лопатами. Не фиксировались место и глубина находок. Однако выставка находок в Ниневии, открытая Лэйярдом в 1854 году в Хрустальном дворце в Лондоне, поразила ее посетителей величиной и своеобразием. Таким образом, археолог как бы передавал зрителю свою собственную мечту о Востоке. Всеобщий интерес к Востоку в

Англии не иссяк: наоборот, он возрос в конце XIX века и перевалил за рубеж XX.

В следующие после Лэйярда полвека многое произошло. История Месопотамии продлилась в глубь веков на несколько тысячелетий. Было установлено, что земля, прежде очень плодородная из-за богатства влаги, эту влагу теряла, менялись русла рек, и в конце концов она превратилась почти в пустыню. Однако никогда эта земля не становилась безлюдной. Бесконечная смена государств на земле Месопотамии еще не означала смену культур: захватчики не только не навязывали побежденным свою культуру, но перенимали культуру аборигенов. Правильнее сказать – тех народов, которые населяли землю до ее завоевания.

В середине XIX века ученые уже догадывались, что некоторые несообразности, встречавшиеся в письменности Вавилона и Ассирии, отголоски более древней культуры. В 1877 году стало уже совершенно ясно: да, такая культура была! Причем не менее богатая, чем впоследствии ассиро-вавилонская. В 1877 году французский консульский агент Эрнест де Сарзек обнаружил в Телло статуэтку неизвестного периода. И дилетант Сарзек начал раскопки. В той же местности он выкопал новые статуэтки, черепки и клинописные таблички. Все, что находил, француз тщательно запаковывал в ящики и отправлял в Лувр. И всем стало ясно: находки Сарзека относятся, по крайней мере, к рубежу III и IV тысячелетий до н. э., то есть ко времени, когда ассиро-вавилонской культуры еще не существовало. Позже выяснилось, что Сарзек откопал в Телло остатки города Лагаш. Когда-то он был культурным центром Шумера.

Многие ассириологи не хотели верить в Шумер и пытались доказать, что даже материальные находки в виде табличек с клинописью – не что иное, как подделка, или, например, образец культового письма, применявшегося только в обрядах жрецов. Наподобие мертвой ныне

латыни, используемой только в католичестве. Версия о искусственном языке не выдерживала критики: ведь и латинский язык был когда-то живым, на котором разговаривал целый народ. Тогда французский семитолог Галеви решил, что шумерский письменный язык — это образец секретного письма, использовавшегося вавилонскими жрецами или чиновниками. Шумерские таблички, оказавшиеся в Москве и содержавшие странные знаки и рисунки, были сфотографированы и опубликованы. На это французский ученый Менант и некоторые другие европейские ассириологи заявили, что таблички — подделка! Они считали, что "такой нелепой письменности не было и быть не могло в истории человечества".

Однако выдающийся русский ассириолог Михаил Никольский подтвердил подлинность табличек и даже нашел, что они содержат линейно-иероглифическое письмо. А некоторые знаки этого письма ученый даже прочел.

Тем временем археология не стояла на месте. Американцы Петерс, Фишер и Хайнес открыли развалины города Ниппура. Это оказался религиозный центр шумерской культуры. Параллельно с раскопками и полемикой в ученом мире Джордж Смит занимался расшифровкой шумерских табличек с эпосом о Гильгамеше и, вынужденный заняться собственными раскопками, находил недостающие главы. К 1914 году никто уже не сомневался в реальном существовании государства Шумер. А сенсационные находки Леонарда Вулли, раскопавшего в 1922 году древнейший город Ур, перевернули представления о Месопотамии, оказавшейся на несколько тысячелетий старше, чем предполагали. Археология добралась до поселений эпохи неолита, основанных неизвестными народами еще до шумеров. Цивилизацию условно назвали убайдской (по поселению Эль-Обейда). Об этом народе мы говорили в главе о Всемирном Потопе.

Шумеры сами себя называли народом, вышедшим "из-

за моря". Следы шумерской цивилизации, действительно, частично встречаются в долине Инда и в Белуджистане. Однако ведь до земель южной Индии от Шумера две с половиной тысячи километров!.. Отчасти ответ, если не всю разгадку, дает позднейшая находка Вулли в Уре — пустая царская гробница, в склепе которой остались **две серебряные модели шумерских лодок**. Возможно, основатели шумерских поселений приплыли на таких или подобных лодках из-за моря. Интересно то, что до сих пор в этой местности форма лодки точно такая же, как у этих моделей и на барельефах пятитысячелетней давности. Но есть и другая версия: по ней шумеры — высокогорный народ, пришедший в Месопотамию, где нет гор, из южного Ирана. В пользу этой версии говорит тот факт, что для своих храмов шумеры строили специальные пирамиды из необожженной глины (так называемые зиккураты), на срезанной вершине которой возводили храм божеству. В каждом раскопанном шумерском городе имеется хотя бы один подобный зиккурат. Устраивать святилище на вершине горы — обычай горных народов. В Месопотамии не было естественных гор, и пришельцы строили искусственные. Впрочем, этот взгляд относится к упрощенному пониманию пирамиды, как строительного сооружения, необходимого лишь с архитектурной точки зрения. Исследования последних десятилетий, вскрывшие свойство пирамиды сохранять и усиливать положительную энергию (даже задерживать процессы старения, гниения и т. д.!), таят в себе иной ответ на происхождение шумеров, возможно, не имевших к иранским горам никакого отношения.

Как бы то ни было, связанные между собой общностью религии, культуры, способа существования, языка, шумеры на протяжении всей истории не построили в Месопотамии своего государства. Разрозненные и очень сильные города-государства регулярно наносили друг другу ощутимые удары — вероятно, основанием для борьбы были

земли, вода и торговля. У городов-государств не было стремления сплотиться в единое государство с единым царем (или правительством). А вот северные города аккадцев — семитических племен — объединились и легко завоевали себе все города шумеров. Над единым государством установилась власть семитского царя Саргона. Этот завоеватель царствовал с 2369 по 2314 год до н. э. Но не долго властвовали аккадцы над более культурным шумерским населением: восприняв культуру Шумера (впервые чужими руками шумеры построили свое собственное государство), аккадцы просто растворились в ней, и государство почти с самого начала существования стало носить имя побежденного народа.

Ученые, в том числе и Леонард Вулли, считали царя Саргона легендарным и собирательным, а не реально существовавшим историческим лицом. Однако в один из сезонов, заинтересовавшись городской свалкой Ура и начав там раскопки, Вулли сделал множество серьезных находок, он всегда был убежден, что груды мусора, сбрасываемого на протяжении столетий, могут оказаться самой ценной частью поселения. Так вот под грудой шумерского мусора он неожиданно обнаружил... городское кладбище! Всего археолог раскопал тысячу четыреста могил горожан. А под ними нашел богатое захоронение не простых людей, как прежде, а — приближенных царя. Мало того: найденные в могилах две цилиндрические печати с именами и профессиями владельцев позволили узнать, что это были парикмахер (первая печать) — и переписчик и мажордом дочери... царя Саргона!

Ниже могил эпохи Саргона Вулли нашел еще **царские могилы**. Кто в них был захоронен, археолог установить не мог: в двух известных династических списках указывались слишком большие сроки правления первых царей, исчисляемые десятками и сотнями тысяч лет, а потому они были отброшены историками, как недостоверные. Первый из

списков составил шумерский летописец, а второй – вавилонский жрец Берос в III веке до н. э. По крайней мере, допотопные династии никак нельзя было принимать во внимание из-за мифических качеств царей и их "бессмертного" возраста...

Ничего не оставалось делать, как закрыть на это глаза и попытаться все же поименовать безымянные могилы.

Вулли повезло в Эль-Обейде. Там он откопал храм матери богов Нин-хурсаг. И нашел в нем табличку, в которой значилось: "А-анни-падда, царь города Ура, сын Мес-анни-падды, царя города Ура, построил храм для богини Нин-хурсаг".

Известными археологам методами, соотнесенными с характерными для эпохи орнаментами и другими стилевыми признаками, Вулли датировал время строительства храма 2700 годом до н. э. Он занялся этим лишь потому, что требовалось узнать истинное время царствования отмеченного в династических списках царя Мес-анни-падда. А еще потому, что, как оказалось, списки были **подлинными**.

Из найденной же в гробнице Ура надписи Вулли узнал, что покоившийся в ней царь носил имя А-бар-ги. Его в династических списках не было – ни в том ни в другом. К тому же А-бар-ги был старше по времени царствования, чем упомянутый Мес-анни-падда. Этот А-бар-ги уж точно не являлся мифическим царем: его гробница ломилась от сокровищ!

Объяснение нашлось тогда, когда были прочитаны глиняные таблички: около 2700 года Ур приобрел статус главного города Шумера, и потому династии главных царей вошли в список. А те, кто правил Уром до указанного события, в династические списки не попали.

Здесь мы наталкиваемся на еще одно противоречие: в 20-е годы нашего века стало известно, что у Шумера, за четыре века до завоевания его Аккадом (Саргон), была своя столица?.. Почему историки считают, что у древних

шумеров не было единого государства?.. Ответ может быть один: вероятно, это была некая региональная власть Ура всего над несколькими городами, как в свое время А-бар-ги был вассалом Лабаша.

Если Мес-анни-падда стал более значительным царем Ура, чем прежние его цари, становится ясно, почему в годы его правления кладбище царей было превращено в городскую свалку, — из-за незначительности прежних царствований.

Интересны подробности обнаружения царских гробниц.

Разгребая насыпь, рабочие нашли пять скелетов, уложенных в ряд. Впервые в Уре Вулли наткнулся на коллективное захоронение. Оно было тем более необычным, что в других могилах покойники лежали на боку, с подтянутыми к животу коленями, а руки подносили к лицу кубок. Здесь кубки были, но отсутствовала другая ритуальная атрибутика: мертвым давалась в дорогу пища, какие-то предметы обихода.... Если не считать положенных рядом стилетов: только по этой детали можно было предположить, что все пятеро — воины. Вероятно, они не погибли в бою и не умерли одновременно от болезни. За таким захоронением скрывался какой-то смысл. И все пятеро было похоронены без гроба.

Стали копать дальше. Дело в том, что все пятеро лежали на подстланном мате из лозы, и мат располагался не горизонтально, а с заметным уклоном. Более того, часть мата была засыпана вне могилы. Раскапывая в этом направлении, обнаружили наклонный ход. Стала ясна задача, исполняемая воинами: охранять этот ход.

Дальше вдоль галереи лежали останки десяти женщин. Все они были богато украшены. Ожерелья, золотые переливки с инкрустацией камнями из ляпис-лазури и сердолика. И возле них также не было обычных погребальных предметов. Рядом с женщинами были найдены остатки арфы с резонатором, покрытым листовым золотом, а края его ук-

рашала мозаика из сердолика и ляпис-лазури. На арфе лежали останки арфистки. В глубине хода были найдены останки ослов, при них — истлевшая колесница с полозьями вместо колес. Рядом лежали скелеты двух мужчин-возниц. Колесницу украшала мозаика и золотые барельефы львов. Вокруг валялись мелкие предметы, в том числе шахматные или близкие к этой игре мозаичные доски, вазы из золота, серебра, алебаstra, инструменты, туалетные принадлежности и изделия из вулканического стекла. Две львиные головы из листового серебра, представлявшие собой остатки трона, дерево которого истлело полностью. Полуогнившийся ящик с остатками орнамента из раковин и ляпис-лазури.

Когда пришел черед обрабатывать для консервации ящик, он был сдвинут с места, и оказалось, что своим дном ящик прикрывал каменную кладку, в которой существовал пролом вниз. Кладка была частью купола гробницы, ограбленной в незапамятные времена. Там-то, в склепе, и были обнаружены две серебряные модели лодок, о которых уже шла речь. Самой ценной находкой была цилиндрическая печать царя А-бар-ги. В склепе он был похоронен также не один, а либо с любимыми слугами, либо с родственниками. Однако ход, вдоль которого Вулли обнаружил описанные скелеты, вел не в могилу А-бар-ги. Оставив пока эту гробницу, находившуюся в стороне, в покое, археолог решил найти ход к гробнице А-бар-ги. И нашел его двумя метрами ниже раскопанного.

Перед входом также лежали воины — шестеро, в два ряда. У них были копья и бронзовые шлемы. Две четырехколесные повозки (обе совершенно истлели) были запряжены волами. Поверх скелетов волов, чья упряжь была очень богатой, лежали костяки двоих мужчин-возниц. У стены гробницы царя найдены останки девяти сидящих женщин. Золотые украшенные ляпис-лазурью и сердоликом диадемы украшали их головы, у ног археологи нашли

золотые серьги, гребни, многоцветный бисер. Опираясь спинами о стену гробницы, женщины вытянули ноги поперек раскопа. По обе стороны от входа в гробницу стояли вооруженные воины. На удалении лежали две арфистки. Арфы украшали головы быков из листового серебра с глазами и бородой из перламутра и ляпис-лазури. На пластинках из перламутра были вырезаны юмористические сцены из жизни животных.

Вулли установил, кто ограбил гробницу А-бар-ги: те, кто копал гробницу, находившуюся выше. Вероятно, случайно задев кладку и проломив ее, землекопы вошли через образовавшийся лаз в склеп царя и похитили из него все драгоценности. Трупы царя и приближенных были вынесены, чтобы было удобней грабить: в темном склепе и второпях невозможно собрать все золото. А вот выводы, сделанные археологом о двух серебряных моделях лодок, вряд ли соответствуют истине: грабители не забыли и не заметили их. Лодка (ладья) — похоронный ритуальный предмет. Взяв из могилы модель лодки, вор обрекал себя на смерть. У многих народов с древних времен существовал обычай хоронить покойников в лодке. Особенно у народов-мореплавателей, каким, видимо, и были шумеры до того, как поселились в Месопотамии. Такой же обычай существовал и у варягов. Древние греки, чей Харон перевозил души умерших **в лодке**, тоже поняли бы назначение серебряных лодочек в могиле шумерского царя.

Вулли вернулся к гробнице, расположенной выше, и вскрыл ее. В центре склепа на истлевших носилках лежали останки женщины, украшенной очень богато — серебро, золото, кварц, агат, халцедон. Возле уст покоился тяжелый золотой кубок. Возле руки — шпильки и амулеты, с изображениями рыб и газелей. Очень сложный головной убор умершей представлял собой диадему, с которой свисали брелочки в виде золотых листьев и цветов из стекла. Огромный парик украшали золотые витые ленты. Под че-

репом был найден гребень с золотыми розетками. Шнуры, унизанные четырехугольными бисеринками, когда-то имели на концах вырезанные из ляпис-лазури фигурки быка и теленка. К моменту раскопок бисер, естественно, распался.

У носилок сидели две служанки: одна в изголовье, другая в ногах. По полу склепа были разбросаны драгоценности — диадемы, чаши, вазы, масляные лампы, два серебряных жертвенных стола, золотые шкатулки, в которых еще сохранилась помада.

И — цилиндрическая печать с надписью. Так археолог узнал, что в гробнице похоронена царица Шуб-ад. Вулли решил, что она была женой А-бар-ги и что перед смертью выразила желание быть похороненной рядом с мужем.

Всего вместе с царем были захоронены шестьдесят пять человек. С царицей — двадцать пять.

Археологи долго ломали головы над тем, как хоронили приближенных и слуг. Судя по спокойным позам, они были мертвы перед тем, как гробницу засыпали. Возникает естественный вопрос: неужели у всех шестидесяти пяти людей настолько была сильна вера в царя и жрецов, что они позволили убить себя совершенно добровольно?

Вулли нашел ответ: кубки, которые жертвы держат возле рта, видимо, были наполнены каким-то дурманом, и человек накрепко засыпал, выпив его. Трудно предположить также, что это был не наркотик, а яд, — тогда его выпил бы не каждый и в могиле были бы видны следы борьбы. Скорее всего, крепко заснувших людей потом закалывали острым стилетом, и с трупа не падало ни одной бисеринки. Если бы людей переносили в могилу уже мертвыми, тоже был бы замечен некоторый беспорядок. Все позы спокойны, как во сне.

В центре общей могилы остался чан. В нем, наверно, и было то самое зелье, которого отведал каждый.

Любопытна дальнейшая история, связанная с царицей

Шуб-ад. В 1920-е годы стало модным делать реконструкцию лица по извлеченному черепу. Не последнюю роль в этой моде сыграл М.М. Герасимов, чьи великолепные работы, основанные на его собственном методе, были известны всему миру. Британскому музею захотелось иметь реконструкцию головы царицы Шуб-ад, увенчанной погребальным венцом. Работу поручили.. тому же Вулли.

Археолог поначалу взялся было за ответственную и интересную задачу и обнаружил, что по реконструкции царицы Шуб-ад получается отъявленной уродиной! Выставить такую голову в музее просто не представлялось возможным. А весть о работе археолога уже разнеслась. К тому же пресса тоже постаралась.

Экспонат, который числится в музее как голова царицы Шуб-ад (реконструкция), выполнен с прекрасной современницы Леонарда Вулли — с его собственной супруги.

У ученого не было другого выхода!

КОРАБЛЬ ХЕОПСА ПО ИМЕНИ "МЕНЕЦЕТ"

Весной 1954 года рабочие под руководством главного инспектора Департамента древностей Заки Нура и архитектора-египтолога Камаль эль-Маллаха производили расчистку у южного подножья пирамиды Хеопса. Почти столетие место это служило отвалом для многих экспедиций, проводивших раскопки некрополя в Гизе. Оно стало свалкой щебня, мусора и грунта. Приносимый пустыней ветер увеличивал ее размеры, и к началу нашего рассказа дюны около пирамиды стали такими большими, что вблизи не было видно самого чуда света. Проще простого было бы убрать свалку бульдозером, но археологи решились на ручную расчистку в надежде, что могут попасться предметы, упущенные предыдущими экспедициями. Ничего ценного, однако, не попадалось. Но Маллах настаивал на снятии наслоений до скалы. Во-первых, этого требовала сама технология раскопок, во-вторых, Маллах подметил одну несуразицу, совершенно не свойственную древним египтянам, приверженцам строгой симметрии. Когда-то пирамиду окружали стены двухметровой высоты — могильная и священная ограда заупокойного комплекса. Но если северная и южная стены отстояли ровно на 23,6 метра, то южная пролегалa почти на 5 метров ближе. Для этого должна была быть причина.

Предчувствия не обманули Маллаха: на глубине 17 метров пошел новый слой из щебня и грязи, еще во времена Хеопса затвердевшей до прочности цемента. Маллах вооружился щупом и скоро обнаружил следы бледно-розового раствора, который состоял из сульфата кальция и двуокси-

си железа. Это был самый прочный раствор, употреблявшийся в Древнем царстве.

Неожиданно щуп "утонул". Сомнений не оставалось: внутри была пустота. Когда был снят слой щебня и грязи, перед археологами предстали два ряда каменных известняковых блоков, идущих параллельно южной стене пирамиды. Один ряд насчитывал 41 каменную плиту, второй — 40. Все указывало, что они перекрывают две, выдолбленные в скале траншеи. Вес каждой плиты (как потом выяснилось) составлял 16—17 тонн. Качество кладки и примененный раствор не оставляли сомнений в том, к какому времени относится сооружение. Рабочие углубились еще на два метра и обнаружили высеченные в скале выступы, на которых и покоились плиты перекрытия. Сенсация не заставила себя ждать.

26 мая в одной из плит восточного ряда было пробито отверстие. Стоявшие вблизи ощутили запах благовоний, возраст которых приближался к пяти тысячам лет. Маллах взял зеркальце и направил в темноту траншеи солнечный зайчик. Первое, что он увидел, — лопасть весла. Следом спустил фотоаппарат фотограф "Лайфа". На полученных снимках была отчетливо видна носовая часть судна, похожая на пучок стеблей папируса. Фотоаппарат зафиксировал и надпись в картуше на внутренней стене. В нем стояло имя фараона Джедефры — сына и наследника Хеопса. Этим снимался вопрос о хозяине лодки: кому же хоронить Хеопса, как не наследнику.

Одновременно с этим рабочие, расчищавшие блоки, обнаружили с внешней стороны еще одну иероглифическую надпись, оставленную их древними коллегами: "Высота — 1 локоть 3 пяди, ширина — 2 локтя 4 пяди, длина — 8 локтей 2 пяди". Слева от надписи был высечен знак в виде креста, который прочитали как "север".

Находка имела общенациональное значение. Обнаружен самый древний корабль на земле — событие по значимос-

ти третье в ряду после находки бюста Нефертити и гробницы Тутанхамона. (Любоваться им приехал даже Гамаль Абдель Насер.) Священную барку фараона искали очень давно, но каждый раз почти безрезультатно. Вокруг той же пирамиды Хеопса задолго до открытия замурованных траншей были известны три аналогичные, но пустые траншеи. Правда, археолог Райзнер, раскопавший одну из них, нашел на дне куски позолоченного дерева и остатки каната, но этого было явно недостаточно.

Кроме того, были известны барки, высеченные из камня или выложенные из кирпича-сырца, которые служили скорее всего лишь ложем-тайником для хранения так и не обнаруженных деревянных частей. В большом кирпичном лодочном захоронении около мастабы (ступенчатой пирамиды) фараона I династии Гор-Аха в Саккара тоже сохранились куски дерева. В некрополе Абу-Роаш около пирамиды Джедефры было обнаружено каменное ложе в форме челнока. Сохранились нетронутыми пять барок Хефрена, высеченные в скале вблизи его гробницы. Но они не могли служить ложем для деревянных, судя по их строению, и, вероятно, были только изнутри выложены деревом. К этому же типу принадлежит лодка фараона V династии Униса, высеченная вблизи его пирамиды и облицованная известняком. Позади храма Солнца другого фараона той же династии Ниусерра в Абидосе выложена из кирпича большая священная лодка, по форме напоминающая тростниковую. В гробницах знати сохранились многочисленные деревянные модели священных барок и лодок. Следует упомянуть 6 деревянных лодок одинакового размера (длина их 9,09 метра) неизвестного назначения и без снаряжения, найденных де Морганом в Дахшуре вблизи пирамид Среднего царства. Де Морган полагал, что на этих лодках везли царскую мумию и погребальную утварь, потому что с лодками были найдены гигантские сани-волокуши, на которых, вероятно, тащили лодки по пустыне. Вот и все, что к

тому времени было известно о священных ладьях фараонов. Никто не знал не только их устройство, но спорили даже о их назначении.

Департамент древностей принял решение вскрыть одну, уже разведанную траншею, поднять судно и восстановить его. Руководить работами поручили профессору Абдель Монеиму Абубакру, консервацию — доктору Искандеру, реконструкцию — главному реставратору египетских древностей Ахмеду Юсефу Мустафе. Из патриотических соображений египтяне отказались от помощи иностранных специалистов.

Однако принять решение проще, чем выполнить. Ахмед Юсеф (а равно и все остальные) понятия не имел, как строили корабли древние египтяне. Доктор Искандер ничего не знал о состоянии дерева: перенесет ли оно после пятидесятилетнего заточения свежий воздух и солнечный свет. Он вспоминал случай, как едва не повьдирали себе все волосы археологи, которые открыли этрусскую гробницу, и на их глазах пестрые, яркие фрески превратились в пыль за несколько минут. Дабы защитить барку от резкой перемены влажности, над траншеей необходимо было соорудить навес, а чтобы убрать многотонные плиты перекрытия, инженерам требовалось изобрести специальные приспособления.

Но все трудности были преодолены. 23 ноября, через полгода после открытия, в присутствии многочисленных гостей, дипломатов и политиков была поднята первая плита. Это сделали два подъемных крана, страховавшие друг друга, чтобы, не дай Бог, плита не сорвалась и не раздавила барку. Как всегда в таких случаях, вспомнили древних египтян, приволокших эти плиты и уложивших лишь с помощью катков, канатов и рычагов. Место после каждой снятой плиты тут же прикрывали деревянным щитом. Зрители разъехались разочарованными, потому что ничего толком не увидели. Многие из них рассчитывали, что внутри бар-

ки окажется священная утварь фараона, но им не показали даже деревянные части.

Работы велись очень осторожно, и последняя плита была снята лишь 28 января 1955 года. Даже непосвященный понял бы, что барка находится в разобранном состоянии, потому что длиннее траншеи. Сверху ее покрывал слой известковой пыли и кусочков гипса, возникший еще в древности. Затем шел слой материи, которая распалась и восстановлению не подлежала. Доски обшивки были перевязаны веревками и переложены циновками, сделанными из тростника и ситника. Они рассыпались при малейшей попытке взять их в руки. Носовая часть ладьи представляла собой две длинные, изогнутые и заостренные доски. Точно так же выглядела корма. В середине среди мелких деталей и настилов лежало весло, которое увидел Маллах. Стало ясно, что в деле реконструкции барки вся надежда на древних египтян, что они не просто побросали в яму части корабля, а сделали это продуманно и системно. Между тем на восстановление корабля в первоначальном виде ученые очень рассчитывали, так как не могли определить функциональную необходимость этого и подобного ему судам. То ли это катафалк, то ли корабль из флотилии фараона, то ли священная солнечная барка, на которой фараон, сын Солнца-Ра, вместе с отцом совершает ежедневное путешествие с востока на запад.

Только через полтора года после находки траншеи Ахмед Юсеф смог приступить к извлечению деревянных частей, их консервации и реконструкции. Все это время он занимался изучением приемов и техники кораблестроения. Но первые данные об этом относились лишь к римскому времени, когда барке Хеопса уже миновало 2,5 тысячи лет. Правда, в некоторых гробницах имелись барельефы, изображавшие строительство лодок, но подробности на них можно было трактовать двояко, и даже трояко. Реставратор сам работал на верфях, построил множество копий всевозмож-

ных лодок в масштабе один к десяти, и все равно чувствовал, что единственный способ реконструкции — это ощупать каждую доску и найти места состыковки с другими. Как в головоломке. Вот только в руках у него не журнал "Досуг", и ответственность слишком велика, чтобы ошибаться.

В траншее оказалось тридцать слоев. По мере их поднятия и фиксации становилось очевидно, что уложены они в определенном порядке. Следовательно, действуя наоборот, можно было рассчитывать на положительный результат. В июне 1957 года траншея, наконец, опустела. Царская ладья состояла из 651 детали. Большинство из них были сделаны из ливанского кедра, остальные — из акации, сикоморы и юбы. Кроме этого, были обнаружены кусок черного базальта, служившего молотком, несколько медных осколков, камни, служившие балластом, и много метров каната, устлавшего дно. Реликвий и ценностей не оказалось.

Весь первый год Ахмед Юсеф с помощниками делали чертежи и изготавливали модели каждой отдельной части. Основная трудность, с которой они столкнулись, состояла в том, что существует два вида конструкции кораблей. Первый — построить скелет и затем обить его снаружи. Второй — сначала строится "скорлупа", форма которой никак не диктует внутреннее устройство. Более ранним был последний, идущий от лодок-долбленок, а в долине Нила — от тростниковых челнов. Ахмед Юсеф пошел по второму пути и через год уже вычертил 300 схем предполагаемой сборки ладьи. И все-таки реставратору пришлось пять раз собирать корабль, прежде чем он остался доволен своей реконструкцией. На первую сборку у него ушло около двух лет, на последнюю — три месяца. В 1968 году, через 14 лет после обнаружения, ладью, наконец, выставили в специально построенном для нее музее близ пирамиды Хеопса. (Туристов, правда, в этот музей не пускают до сих

пор.) В собранном виде ладья имеет 43,4 метра в длину и 5,9 метра в центральной, самой широкой части. Глубина составляет 1,78 метра, максимальная осадка — 1,48 метра, водоизмещение — около 45 тонн. Корабль вернулся к жизни. Доски его корпуса встали на место и были сшиты (в буквальном смысле) веревочными стежками и встык. Нам этот способ кажется непривычным, но древние египтяне точно рассчитали, что в воде доски корпуса разбухнут, веревочные связки натянутся и сделают корабль прочным, гибким и водонепроницаемым. Все способы крепления оказались идентичными с теми, которые обнаружили на дворцовой мебели из гробницы царицы Хетепхерес, матери Хеопса.

Внутри корабль напоминал вытянутую в длину половинку скорлупы. По бортам лежали длинные доски, служившие опорой палубного настила. На них лежали поперечные доски самой палубы. В носовой части десять тонких деревянных колонн с капителями, стилизованными под бутоны лотоса, поддерживали балдахин. Для чего был устроен этот навес — так и не выяснили. Вероятно, под ним прятался от палящих лучей солнца капитан или жрец, руководивший священной церемонией во время плавания. Главная палубная каюта занимала всю кормовую часть. Перед ней была небольшая прихожая. Двери прихожей и каюты были размещены так, что посторонний взгляд не мог проникнуть внутрь. Внутри самой каюты три деревянные колонны с пальметами наверху поддерживали крышу. Пять пар гребных весел, длиной 6,5–8,5 метра, крепились на передней палубе, еще два рулевых весла располагались на корме. Вряд ли, однако, ладья когда-нибудь плавала на "собственной тяге". Л. Кассон считает, что ее тянули на буксире, потому что матросы в столь важном ритуальном обряде не подразумевались: их место занимали приближенные и жрецы, которые с помощью весел только корректировали ход судна.

Итак, ладья фараона оказалась деревянным судном, которому намеренно придали форму большого (достойного царя) челна, изготовленного из связок стеблей папируса. Такие челны плавали по Нилу еще за 5000 лет до Р. Х. Но если с заменой недолговечного папируса на дерево для плаваний фараона в загробной жизни все вроде бы было ясно, то другие тайны ладья раскрывать не торопилась.

Понятно, почему древние египтяне уделяли столько внимания кораблям: в их времена это было единственное средство передвижения на большие расстояния. Участие челнов и плотов зафиксировано в погребальных обрядах многих народов. Греческий Харон перевозил души умерших через реку забвения на "сшитом челне" (вероятно, из шкур), писал Вергилий. Наши предки сажали покойника в лодки-долбленки, складывали у ног все его имущество, поджигали и пускали по течению, в страну Вечности. И так далее.

Основной тайной ладьи Хеопса была и осталась проблема ее назначения. Открывший ладью Маллах ни секунды не сомневался, что имеет дело со священной Солнечной баркой – манджт, – в которой бог Солнца Ра проплывает по дневному небосводу вместе со своим сыном (в данном историческом контексте – вместе с Хеопсом, ибо каждый фараон считался сыном Ра). Но у Маллаха нашлось много противников. Во-первых, говорили они, зачем Ра понадобилась лодка Хеопса, когда у него есть своя? Во-вторых, в траншее не нашлось никаких атрибутов священной Солнечной ладьи: не было изображений самого сокологолового бога, нигде нет следов нарисованного солнечного диска Атума или священных жуков-скарабеев Хепри. Наконец, солнечные барки никогда не управлялись с помощью весел. Весла богу ни к чему, да и кого он за них посадит? Фараонов, своих детей?

Ахмед Юсеф считает, что царская ладья была не символическим случаем, а использовалась в деле хотя бы один

раз. Его уверенность базируется на следах, оставшихся на самом судне. Главный реставратор ладьи уверен, что ладья была погребальной, то есть катафалком, и участвовала в похоронной процессии во время перемещения тела фараона из столицы Мемфиса в царский некрополь Гизе.

Знаток древних кораблей В. Ландстрем отмечает полное отсутствие на барке краски и магических предохраняющих талисманов. Отсюда, делает он вывод, ясно, что лодка построена на скорую руку специально для того, чтобы отвезти мумию фараона к святым местам Египта: в Саис, Буто и Абидос.

А вот доктор Искандер, проводивший химическую реставрацию, думает, что ладью построили прямо возле траншеи, разобрали и захоронили, так как в обмазке известняковых блоков найдено множество щепок кедра, акации и других пород деревьев. Ему возражают: почему же тогда траншея оказалась на 9 метров короче ладьи? Выходит, каменотесы не знали, что они будут хоронить. Но аргумент этот слабый: как раз каменотесы-то и могли знать, что в разобранном виде для ладьи больше места не потребуется.

Наконец, хранитель египетских древностей Британского музея И. Эдвардс высказал точку зрения, которая как будто примиряет всех: из пяти судов, некогда захороненных вокруг пирамиды Хеопса, одни участвовали в погребальной процессии, а другие предназначались служить фараону в загробной жизни. На наш же взгляд, не стоит придумывать каких-то изощренных трактовок относительно легко объяснимых фактов: ладьи сопровождали фараона в загробной жизни точно так же, как любая другая вещь.

Просто из-за своей величины они не могли быть помещены в усыпальницу, поэтому и остались "на улице".

Возможно, расставить все точки над I могла бы вторая ладья, спрятанная в западной траншее у южной стены пирамиды, но египетские археологи не торопятся ее доста-

вать отчасти из-за отсутствия денег, отчасти в надежде, что будущие поколения найдут лучшие методы консервации и будут владеть гораздо большими знаниями. Правда, не так давно в одной из плит было пробурено отверстие, ладью, зрительно идентичную поднятой, сфотографировали. Но главной целью исследователей была не она, а воздух, законсервированный на 5000 лет. И, вероятно, скоро мы узнаем, насколько нам удалось загадить планету.

Ну а царская ладья, выставленная в музее, медленно рассыдается и рассыпается, дерево коробится и чернеет. Это происходит от колебаний температуры и влажности. Все меньше остается на ней подлинных деталей, все больше копий. Многие ученые и специалисты, участвующие в возвращении ладьи к жизни, сейчас откровенно жалеют о проделанной работе и говорят, что лучше бы уж она осталась там, куда ее положили: целей была бы. Впрочем, это судьба всех "возвращенных" человечеством археологических памятников...

ПРИАМ, ТРОЯ И ШЛИМАН

Генрих Шлиман раскопал Трою. Это всем известно со школьной скамьи. Однако мало кто знает о том, что в ученном мире до сих пор, по выражению немецкого ученого Эриха Цорена, идет "Троянская война".

Начало этой "войны" да и нынешние "бомбардировки" частенько уходят корнями в элементарные чувства зависти, неприязни к преуспевшему дилетанту, — ведь археология — сложнейшая из наук, несмотря на кажущуюся простоту и доступность ее едва ли не каждому, взявшему в руки кайло. Все это и так, и не так. Вот уже сто двадцать пять лет не утихают и настоящие научные дискуссии на тему — которая же Троя — та, Гомеровская?..

"Дилетант" Шлиман, охваченный навязчивой идеей откопать Гомеровскую Трою (а ведь нашел-то он ее с текстом "Илиады" в руках!), сам того не подозревая, на столетие раньше совершил и еще одно открытие: пренебрегая верхними (поздними) культурными слоями, он докопался до скалы — материка, как принято говорить в археологии. Теперь ученые так поступают сознательно, хотя и по другим, чем Генрих Шлиман, причинам...

Да, купец, забросивший свое дело и взявшийся за археологию, мягко говоря, порезвился (хотя и за свой счет). Однако никто не станет спорить, — ему, дилетанту, очень везло. Он ведь раскопал не только Трою, но и царские гробницы в Микенах. Правда, так и не осознав, чьи же захоронения он там откопал. Он написал семь книг. Он знал многие языки — английский, французский... (впрочем, смотри карту Европы). За шесть недель в 1866 году (ему было 44!) освоил древнегреческий, — чтобы читать греческих авторов в подлиннике! Это ему было очень не-

обходимо: ведь Генрих Шлиман поставил перед собой задачу последовать за “поэтом поэтов” Гомером буквально построчно и найти легендарную Троя. Вероятно, ему казалось, что Троянский конь все еще стоит на древних улицах, а петли на его деревянной дверце еще не проржавели. Ах, да! Ведь Троя была сожжена! Как жаль: значит, конь сгорел в пожаре.

Генрих Шлиман упорно копал глубже. Хотя Троянский холм он нашел еще в 1868 году, постоял на нем и... молча удалился: писать свою восторженную вторую книгу “Итака, Пелопоннес и Троя”. В ней он сам себе поставил задачу, решение которой уже знал. Другое дело – не предполагал вариантов.

Археологи были злы на него. Особенно педантичные немцы: как это так – проскочить все культурные слои?..

Шлиман по-своему определил Гомеровский слой: самый нижний представлял город каким-то убогим и примитивным... Нет, не мог великий поэт вдохновиться маленьким поселочком!.. Величественной и с признаками пожара оказалась Троя II, окруженная городской стеной. Стена была массивной, с остатками широких ворот (их было двое) и такой же формы калиточкой... Не имея никакого понятия о стратиграфии, Шлиман решал, который слой больше всего подходит именоваться Троей...

Немцы вместо того, чтобы восхищаться, смеялись Шлиману в лицо. А уж когда в 1873 году вышла его книга “Троянские древности...” Не только археологи, профессора и академики, но и простые никому не известные журналисты в открытую писали о Генрихе Шлимане, как о нелепом дилетанте. А ученые, которым в жизни повезло, наверно, меньше, чем ему, вдруг и сами повели себя, как торговцы с Троянской площади. Один уважаемый профессор – видимо, пытаясь подделаться под “ненаучное” происхождение Шлимана, – сказал, что Шлиман свое состояние нажил в России (это-то так и есть), занимаясь **кон-**

трабандной торговлей селитрой!.. Такой ненаучный подход "авторитета" археологии многим вдруг показался вполне приемлемым, и другие всерьез объявили о том, что, видимо, свое "сокровище Приама" Шлиман **"заранее закопал на месте находки"**.

О чем идет речь?

Дело было так (со слов Шлимана). Удовлетворившись своей трехлетней работой и откопав желанную Трою, он постановил завершить работу 15 июня 1873 года и уехать домой, чтобы засесть за описание результатов и составление полного отчета. И вот за сутки до этого, 14 июня, в отверстии стены недалеко от западных ворот что-то блеснуло! Шлиман моментально принял решение и отослал под приемлемым предлогом всех рабочих. Оставшись вдвоем с женой Софией, он полез в отверстие в стене и... извлек из него массу вещей – килограммы великолепных золотых изделий (флакон весом 403 грамма, 200-граммовый кубок, 601-граммовый ладьеобразный кубок, золотые диадемы, цепочки, браслеты, перстни, пуговицы, бесконечное множество мелких золотых изделий, – всего 8700 изделий из чистого золота), посуду из серебра, электра, меди, разные изделия из слоновой кости, полудрагоценных камней...

Да. Несомненно, раз сокровище найдено неподалеку от дворца (а он, конечно же, принадлежал Приаму!), значит, царь Приам, видя, что Троя обречена и делать нечего, решил замуровать свои сокровища в городской стене у западных ворот (тайник там был заготовлен заранее).

С великими усилиями (история почти детективная, – потом такой способ нелегального провоза переймут большевики) Шлиман в корзине с овощами вывез "сокровища Приама" за пределы Турции.

И... поступил, извините, как самый заурядный купец: он начал торговаться с правительствами Франции и Англии, потом России, – с тем, чтобы **повыгоднее продать** золотой клад Трои.

Надо отдать должное, ни Англия, ни Франция (Шлиман жил в Париже), ни государь Александр II не желали приобрести бесценный "клад Приама". А турецкое правительство тем временем, изучив прессу и тоже, вероятно, обсудив "дилетантизм" первооткрывателя Трои, затеяло судебный процесс по обвинению Шлимана в незаконном присвоении золота, добытого в турецкой земле, и в контрабандном вывозе его за пределы Турции... Только после выплаты Турции 50 тысяч франков турки прекратили судебное преследование археолога.

Впрочем, у Генриха Шлимана в Германии были не только противники, но и мудрые сторонники: знаменитый Рудольф Вирхов, врач, антрополог и исследователь античности; Эмиль Луи Бюрнуф, блестящий филолог, директор Французской школы в Афинах. Именно с ними-то Шлиман и возвратился в Трою в 1879 году продолжать раскопки. И выпустил свою пятую книгу — "Илион". И в том же 1879 году Ростокский университет присвоил ему звание **почетного доктора!**

Долго колебался "дилетант", но все же решился и подарил "сокровища Приама" городу Берлину. Случилось это в 1881 году, и тогда благодарный Берлин, с соизволения кайзера Вильгельма I, объявил Шлимана почетным гражданином города. Клад поступил в Берлинский музей первобытной и древней истории, и о нем... напроць забыли и ученый мир, и мировая общественность! Будто никаких "сокровищ Приама" не было в помине!

В 1882 году Шлиман опять вернулся к Трое. Молодой археолог и архитектор Вильгельм Дерпфельд предложил ему свои услуги, и Генрих Шлиман принял его помощь.

Седьмую книгу Шлиман назвал "Троя". Это было слово (и дело), на которое он истратил **все свое состояние**. Однако ученый мир (даже германский) уже повернулся лицом к первооткрывателю древней легенды: в 1889 году в Трое состоялась первая международная конференция. В

1890 – вторая. В 1890 году Генрих Шлиман в Неаполе, спеша в Афины на встречу с женой Софией, скончался...

Знаменитый “дилетант”, конечно, не первый решил следовать за Гомером. Еще в XVIII веке француз ле Шевалье копал в Троеде. В 1864 году австриец фон Хан заложил разведочный раскоп (за 6 лет до Шлимана) именно на том месте, где потом копал Шлиман, – на холме Гиссарлык. Но раскопал Троя все же Шлиман!

И после его смерти немецкие ученые не хотели, чтобы Шлимана считали открывателем Трои. Когда его молодой коллега откопал Троя VI (один из слоев, которые Шлиман проскочил, не удостоив вниманием), ученые обрадовались: пусть не маститый, пусть молодой, но археолог с хорошей школой!

Если рассуждать и дальше именно с этих позиций, то до послевоенного времени Троя Гомера вовсе не была найдена: Троя VII откопал американец С.В. Бледжен... Как только в Германии узнали об этом, немедленно объявили Гомеровской Троей... Троя Генриха Шлимана!

Современная наука насчитывает XII культурных слоев Трои. Троя II Шлимана относится примерно к 2600–2300 годам до н.э. Троя I – к 2900–2600 годам до н.э. – эпохе ранней бронзы. Последняя (самая поздняя) Троя прекратила свое существование, тихо угаснув в 500-х годах н.э. Называлась она уже не Троей, и не Новым Илионом, в котором приносил жертвы и устраивал игры перед походом на Дария Александр Македонский, а называлась она Илиум, будучи уже чисто римским городом. А в начале римского века (Страбон, География, Кн. XIII, гл. 1:39) Гай Юлий Цезарь “отдал жителям земли, освободил их от государственных повинностей”. К Илиуму и у римлян, и у греков отношение было благоговейное...

Фигура Генриха Шлимана – не рядовое, но и не слишком уж выбивающееся из ряда своего века явление. Конечно, кроме огромной любви к истории богатый купец

жаждал славы. Немного странно для его приличного возраста, но, с другой стороны, кто из нас и каких игрушек не получил в детстве?.. Великий Пушкин, гений которого, конечно же, осознавал свое место, тем не менее пыжился доказать, что он древнего рода (ну, допустим, это святое... но ведь и чин стремился при дворе повыситься!..).

Практически доказано, что никакого "клада Приама" не было.

"А золото?" — спросите вы.

Да, золото есть. Оно, вероятно, набрано из разных слоев. Не было в Трое II **такого** слоя. "Сокровище" скомплектовано (а может быть, и куплено?) Шлиманом ради доказательства, ради самоутверждения. Разнородность собрания очевидна. К тому же сопоставление дневников Генриха Шлимана, его книг и материалов прессы говорит о том, что его и его жены в Гиссарлыке в момент находки **вовсе не было!** Многие "факты" биографии Шлимана подтасованы им самим: не было приема у американского президента, не выступал он в Конгрессе. Встречаются подделки фактов при раскопке Микен.

С другой стороны, как уже говорилось, Шлиман дитя своего времени. Археологи (и известные!) XIX века принимались за раскопки часто лишь тогда, когда была надежда на обогащение. Например, Служба древностей Египта заключала от имени правительства контракт, по которому разрешала тому или иному ученому производить раскопки, оговаривая при этом процент, который ученый **забирал себе!** Даже английский лорд Карнарвон судился и рядился с египетским правительством за этот процент, когда **неожиданно** наткнулся на золото Тутанхамона. Только очень богатый американец Теодор Дэвис позволил себе милосердие отказаться от положенного процента. Но никто и никогда не интересовался (и не узнает), как и чем на него воздействовали... Нет ничего предосудительного в том, что в 1873 году (это еще до находок в Эль-Амарне!) Генрих

Шлиман хотел сбыть "сокровище Приама" какому-нибудь правительству. Так поступил бы каждый или почти каждый, нашедший это золото. Как раз к нему-то Турция имела самое малое отношение: земля Трои не была ее исторической родиной. Правда, в таких случаях, когда возраст находки весьма почтенен, а миграция населения высока и трудно говорить о поиске "подлинного хозяина", конечно, следовало бы считать клад как бы **природным месторождением** и соответственно его рассматривать.

Но какова же судьба "сокровища Приама"? Не сказка ли это?

Нет, не сказка. Не столь уж трудно выяснить причины, по которым "клад" замалчивался и был недоступен зрителю в течение первых 50–60 лет. Затем в 1934 году он все-таки был классифицирован по своей ценности (Гитлер, пришедший в 1933 году к власти, подсчитывал все государственные ресурсы, и в Берлинском музее первобытной и древней истории провели элементарную инвентаризацию). С началом Второй мировой войны экспонаты были запакованы и заперты в банковские сейфы (Турция ведь была союзником Германии и могла неожиданно протянуть за сокровищами "волосатую лапу"). Вскоре, учитывая бомбежки Германии "союзниками", невеселую судьбу Дрезденских дворцов, "сокровища Приама" были заперты в бомбоубежище на территории Берлинского зоопарка. 1 мая 1945 года директор музея В. Унферцагг передал ящики советской экспертной комиссии. И они... исчезли еще на 50 лет!.. Кажется, если у "сокровища" есть это отличительное свойство – исчезать на 50–60 лет, лучше не осуществлять больше акций передачи или дара, а все-таки выставить на всеобщее обозрение.

Турецкий эксперт, ученая дама, профессор Стамбульского университета Юфук Есин, приглашенная Германией в составе экспертной группы в октябре 1994 года, осмотрев коллекцию Шлимана (надо понимать, с разрешения

России, подписанного Б.Н. Ельциным?), заявила, что "в III тысячелетии до н.э. многие золотые, серебряные, костяные вещи изготавливались с помощью лупы и пинцета".

Еще одна загадка?.. Может быть, даже отгадка: ведь купил же Парижский музей древнюю вещь из чистого золота за 200 тысяч франков, и это был "подлинный античный шлем", а оказался, в конце концов, бессовестной подделкой, выполненной (правда, не известно для чего) одесским мастером. Но это ли имела в виду госпожа Юфук Есин, говоря о "сокровище Приама"?..

Загадка в другом. Генрих Шлиман увлеченно рассказывал, как София перевезла находку **в корзине с капустой**, а Берлинский музей передал советским представителям **три запечатанных ящика!** Какой же физической силой обладала стройная молодая гречанка из Афин?

ОСТРОВ МЕРТВЫХ

Неподалеку от Клименецкого полуострова, что на Онежском озере, есть два острова – Северный Олений и Южный Олений. Веками на Южном Оленьем крестьяне Северной Руси добывали известь: остров богат известковым камнем. Добывали, обжигали, до того навьжигали, что извели все деревья на острове. И почти каждый, промышляя известковый камень, роя ямы, где заблагорассудится, наткнулся в земле на человеческие кости. Кости были древние. Назвали эту землю “могильником”.

А в советское время создали на этой земле предприятие по добыче известняка... Так про Южный Олений остров узнали, наконец, археологи.

В 1936 году на острове побывали Н.Н. Гурина и Г.П. Гроздилов. Обнаружили, что здесь расположена самая огромная усыпальница неолитической поры из известных первобытных кладбищ Севера. Сделав свое заключение, археологи передали эстафету большой археологической экспедиции под руководством В.И. Равдоникаса. Три года группа работала на раскопках в Заонежье, на карельском островке, который на картах, как правило, не отмечается, хотя и находится в нескольких километрах от знаменитых Кижей.

Остров протянулся с северо-запада на юго-восток на 3 километра, ширина же его не превышает 500 метров. Первое, что бросается в глаза: вокруг острова всегда спокойна вода Онеги. Вся местность защищена от бурь архипелагом мелких островков и длинными мысами, вдающимися в озеро. Становится понятным, по каким признакам избиралось место для древнего кладбища. Если учесть, что мертвых перевозили на лодках ночью, то, конечно, вспо-

минаются языческие представления о Стране мертвых в Египте, Древней Греции...

Предполагаемый могильник разбили на квадраты. Обозначив место первого раскопа, принялись за лопаты, очень быстро расчистили квадрат от дерна... Дойдя до галечника, стали снимать его тонкими слоями (штыками). Примерно с глубины полуметра появились первые признаки могил — красноватые пятна. Это пятна красной охры — ею посыпали погребенного. С этого момента лопаты и кирки были отложены и уступили место ножам. Началась расчистка погребений. Использовались инструменты и тоньше — скальпель, шило, кисточка, которыми удаляются с костей и предметов частицы земли. Работа вступила в стадию ювелирной точности.

Раскопки на Оленьем показали, что скелеты погребенных людей находились в разных позах. Большинство лежали на спине лицом вверх, головой на восток. Руки вытянуты вдоль туловища, иногда согнуты в локтях и сложены на животе. Другие же покойники положены на бок — или на правый, или на левый. В некоторых случаях ноги согнуты в коленях. Были, хотя очень немного, и скорченные скелеты. Ноги покойников подтягивали коленями к животу и даже к груди. Кисти рук, согнутых в локтях, направляли к подбородку. Встречались могилы, в которых погребены не один, а два и три человека. В таких случаях большие кости соседствовали с маленькими, детскими. Детей хоронили вместе с родственниками или родителями. Чаще всего — ребенка с матерью. Лишь в двух случаях ребенка положили с ребенком.

Встретилась могила, где мужчина похоронен с двумя женщинами. В середине широкой ямы на спине лежал мужской костяк, а справа и слева от него — по одному женскому скелету. Причем они лежали лицами к мужчине, то есть на разных боках.

Особенностью Оленеостровского могильника является

малое количество погребенных стариков и детей. Первое обстоятельство объясняется тем, что в неолите редкие люди доживали до старости. А второе — существующими правилами похорон, когда младенцев не предавали земле. Например, еще совсем недавно северные народы умершего ребенка пеленали в ткань и завертывали в бересту. Такой "сверток" полагалось поместить в дупло дерева или подвесить на ветвях в специальном ковчеге. Такие погребения сохраняют следы не дольше 50 лет.

В могилах обнаружено много личных вещей, погребенных вместе с покойными. В основном, это изделия из кости, рога и камня. Всего собрано предметов 7132. Костяные наконечники гарпунов с зазубринами, костяные наконечники стрел – прямые, игловидные, до 30 сантиметров в длину. Есть сложные наконечники – составные, с кремневым острием. Встречаются наконечники с кремневыми вкладышами, подогнанными друг к другу в специально прорезанных пазах. Чисто кремневые наконечники тщательно отработаны. Костяной кинжал, украшенный узором, с кремневыми пластинчатыми лезвиями, вставленными в пазы. Трапециевидные пластинки пригнаны очень тщательно. Немного орудий рыболовства – “бородки” рыболовных крючков, на которые насаживалась приманка. Зато много найдено скребков, резцов, ножей разного назначения, костяных лошил и приколок. Встретилось немного тесел и топоров из сланца с тщательно отшлифованными наконечниками и остриями.

Найдено множество украшений – 5527. Это подвески из клыков медведя, резцов лося, пластинки из резцов бобра с нарезками на обоих концах, другие подвески из кости и камня. Найдены скульптурные изображения – образцы древнего искусства. Их немного, но это шедевры неолита Севера. Массивный костяной стержень с условным изображением головы лося – как бы предвестник “звериного стиля” скифских курганов: та же экспрессия, та же свобода движения, несмотря на то, что изображена только голова животного. Подобная выразительность свойственна только очень зрелому искусству. Неожиданны и два скульптурных изображения змей, вырезанных из кости. Три маленькие фигурки человека, в которых можно усмотреть будущие мотивы Северного искусства резьбы по кости: например, условность не прорисованных, а едва намеченных рук человечка на одной из фигурок.

К сожалению, климат уничтожил предметы из дерева,

одежду, но расположение украшений на скелете (подвески) или наконечников стрел, лежащих друг возле друга, очень плотно, позволило археологам, с привлечением этнографов, восстановить основные принципы одежды и форму ее, а также утверждать, где и как носили футляр для стрел и лука (колчан). Даже теплый капор из шкуры, украшенный подвесками из резцов бобра или лося, который древний человек носил на голове, восстановлен. Характерной чертой была одинаковость костюма для мужчин и для женщин, целиком состоявшего из шкур убитых животных. Позже выделанные шкуры разрисовывались или расцвечивались. Женщины от мужчин отличались только ношением куска меха, служившего как бы фартуком. Его тоже обшивали резцами лося и бровьими пластинками, а мужчина носил еще колчан из дерева или кожи — на поясе, на груди или спине.

Раз уж возникла возможность воссоздать в целом внешний вид человека древнего Заонежья, ученым захотелось наверняка знать облик этого человека, тем более что количество найденных черепов для этого вполне хватало... По костям черепа М.М. Герасимов воссоздал облик мужчины и портрет женщины из Оленеостровского могильника.

По этому серьезному вопросу уже давно велись споры в ученом мире. Неолитический человек, можно сказать, намеренно не оставил нам своего подлинного изобретения. Хотя, как мы видим, портрет лося, например, не оставляет желать лучшего. Ни в могилах, ни в пещерах, ни на скалах человек лесного неолита, живший в те же годы, когда египетские фараоны "запечатлевали" себя в камне и золоте, не оставил нам своего портрета: рисунки и фигурки людей очень условны и защищены от колдовского взгляда знаками, нарочно отдаляющими изображение от реального. Что поделать, это связано с мировоззрением.

Источником работы М.М. Герасимова был не только Оленеостровский могильник: много черепов нашли на юж-

ном побережье Ладоги в прошлом веке. Впервые воссоздать облик человека лесного неолита взялся известный художник-передвижник М.П. Клодт. Впрочем, это был первый опыт, оказавшийся неудовлетворительным. И хотя рисунки М.П. Клодта украсили изданный геологом А.А. Иностранцевым труд "Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера" (Спб., 1882), ученые "не приняли" человека, как бы сошедшего с иллюстраций к романам Фенимора Купера или Майн Рида. Ладожанин М.П. Клодта оказался почти двойником индейца Северной Америки – мощная квадратная голова, сильно выступающий орлиный нос...

С тех пор антропология достигла значительных успехов. М.М. Герасимов, используя им самим разработанный научный метод, осуществил десятки индивидуальных портретов древних людей, в том числе и облик мужчины и облик женщины, живших на южном Ладожском берегу в III тысячелетии до н. э., оказавшихся вполне "европейскими". Он воссоздал и портреты оленеостровцев...

Да, мужчина Заонежья оказался чистым европеоидом. А вот женщина... Помня исключительную полемику по поводу Клодтовского "индейца", археологи сделали вид, что темы расовой принадлежности для оленеостровцев не существует. Правда, время для поднятия таких тем было не совсем подходящее... Потом вопрос снялся как бы сам собой, поскольку метод М.М. Герасимова новым поколениям "воссоздателей" показался несовершенным.

А ведь ответ кроется еще в раскопках Оленьего острова. Оленеостровский могильник, представляющий из себя племенное кладбище, на самом острове разделен на две части – северную и южную. И в той, и в другой – захоронения **двух разных родов одного и того же племени**. И хотя Энгельс и "не позволяет" на стадии племени четко назвать нацию и даже народность составляющих племя людей, но ведь совершенно же ясно, что до прихода с юга

славян на этих землях могли обитать только будущие угро-финны! А этот народ, давным-давно расселившийся по многим уголкам Евразии, имеет еще и **двойное** происхождение – и европеоидное, и монголоидное. И сегодня у самой финской границы на Севере России живет почти чисто монгольского облика племя саамов – ближайший родственник европейцев-финнов. Эстонцы и ханты-манси имеют один общий угро-финский корень. Ни для кого не секрет, что индейцы, разновидность желтой расы, происходят от монгольского корня. Не так уж и неправ был знаменитый М.П. Клодт!

Еще одной отличительной особенностью Оленеостровского могильника явилась та, что были обнаружены единичные **вертикальные погребения**. Как выяснилось, это были могилы вождей, похороненных стоя, в глубоких ямах. В одной из них покойник поставлен ногами на скалу и прислонен спиной к наклонной поверхности стены могилы. Весь костяк с ног до головы засыпан охрой. При нем найдены триста подвесок, колчан со стрелами, костяной кинжал, сланцевые ножи и многое другое. Он был первый. Первый среди равных. Но похоронен по-особому: еще не различаясь по собственности, вожди уже имели определенные отличия – хотя бы то, что он и мертвый должен был быть, как живой: вождь и воин не может лежать...

А может, в вертикальных погребениях таится какая-то другая загадка?..

ФЕСТСКИЙ ДИСК

Вечером 3 июля 1908 года итальянский археолог Луиджи Пернье работал в одной из пристроек царского дворца в Фесте на острове Крит. Раскапывая очередной слой земли, он наткнулся рядом с глиняной табличкой, исписанной линейным письмом А, на таинственный предмет, как оказалось — единственный в своем роде. Это был знаменитый Фестский диск, сделанный из прекрасной глины, по всей видимости, не критского происхождения. Диск не имел идеально правильной формы, диаметр его 15,8–16,5 сантиметра, толщина колеблется от 1,6 до 2,1 сантиметра. Сформован он без помощи гончарного круга и с обеих сторон покрыт рисуночными знаками, следующими друг за другом по спирали и объединенными в группы замкнутыми ячейками, а датируется приблизительно среднеминойским периодом III, то есть между 1700 и 1550 годами до н. э. Знаки (по крайней мере, большая часть их) были оттиснуты специальными штемпелями, всего их сорок пять. Они представляют собой отчетливые фигуры человека и животных, их голов, рыбы и птиц, растений, зданий, корабля и орудий труда. Ничего похожего на Крите никогда не находили (поэтому и появилась версия о том, что он завезен).

Не успели диск отчистить от грязи, как ученые всего мира начали спорить о его происхождении, дешифровке и назначении. Нечто подобное происходило только в связи с Атлантидой.

Первым, как и положено по иерархии, высказался тогдашний руководитель археологических работ на Крите Артур Эванс. Он обратил внимание на убор из перьев, которым украшен один из знаков головы (№ 2) и который почти

Ритуальный сосуд с гравированным орнаментом с о. Сирос (так называемая кикладская сковорода).

2-я половина III тыс. до н.э.

наверняка является элементом боевого шлема. На этом основании Эванс сделал вывод, что текст представляет собой победный гимн, вероятно, с оттенком культового характера.

Другим ученым удалось пойти дальше: аналогичный головной убор они нашли на древнеегипетских изображениях филистимлян, однако представить удовлетворяющую всех дешифровку лишь на этом основании никому не удалось. Потом диску по очереди присваивали кипрское происхождение, ливийское (Северная Африка), ликийское, карийское, анатолийское (Малая Азия), даже семитское и праславянско-гиперборейское. Нашлись "знатоки", посчитавшие диск заветом последних атлантов и строителей Сфинкса. Однако ни от одного из этих предположений диск не стал более-менее читаемым и, следовательно, познаваемым.

Вот, для примера, как перевел диск с праславянского некто Г. Гриневич, по мнению которого «земля Крита хранит множество таких "информационных" дисков... Но, к сожалению, после того, как западными учеными было выяснено, что они натолкнулись в Европе на еще один древнейший очаг русско-славянской цивилизации, все поисковые работы были немедленно свернуты».

Сторона А

Горести прошлые не сочтешь, однако горести нынешние горше. На новом месте вы почувствуете их. Все вместе. Что вам послал еще господь? Место в мире божьем. Распри прошлые не считайте. Место в мире божьем, что вам послал господь, окружите тесными рядами. Защищайте его днем и ночью: не место – волю. За мощь его радейте.

Живы еще чада Ее (?), ведая, чьи они в этом мире божьем.

Сторона Б

Будем опять жить. Будет служение богу. Будет все в прошлом – забудем, кто мы есть. Где вы побудете, чада будут, прекрасная жизнь – забудем, кто есть мы. Чада есть – узы есть – забудем, кто есть. Что считать, господи! Рысижоня (видимо, Россия?) чарует очи. Никуда от

нее не денешься, не излечишься (это точно!). Ни единожды будет, услышим мы: вы чьи будете, рысичи, что для вас почести; в кудрях шлемы; разговоры о вас.

Не есть еще, будем ее мы (?), в этом мире божем.

S

По приведенному бреду вполне можно представить и аналогичные попытки дешифровки.

Основная причина загадки Фестского диска кроется не в бессилии современных дешифровщиков (и не такие ребусы приходилось разгадывать!), а в краткости текста и его "монопольности", которые вполне допускают, что здесь представлены не все знаки соответствующей системы письма. Известные на сегодняшний день более сотни попыток дешифровки только убедили серьезных ученых, что текст невозможно расшифровать из-за отсутствия каких-либо точек опоры и для истории письма он будет бесполезен до тех пор, пока остается уникальным. Ученые не смогли договориться даже о том, как его читать по спирали: с края к центру или из центра к краю.

Но нижеприведенное мнение — крайне пессимистическое. Все-таки некоторые отправные точки к дешифровке существуют. Количество знаков в отдельных словах (предполагают, что в каждой ячейке отдельное слово, но и это оспаривается) колеблется от двух до пяти. По аналогии с другими древними письменностями можно предполагать, что знаки должны носить преимущественно **слоговой** характер. Знак "голова с гребнем" всегда стоит в конце слова, из чего следует, что письмо должно было различать падежи. Поиск языка, на котором составлен текст, логичнее всего ограничить Средиземноморским бассейном. Сама форма знаков говорит очень много об авторах письма. Этот народ имел опыт в мореходстве, сельском хозяйстве и скотоводстве, знал гончарное и военное дело (о последнем свидетельствует фигурка со связанными руками и головой

с гребнем). Опираясь на эти и другие очевидные факты, болгарский ученый Иванов перевел Фестский диск с древнелувийского языка. На сегодняшний день его дешифровка считается наиболее приемлемой (во всяком случае, она имеет своих сторонников), поэтому приведем ее полностью.

Сторона А

Когда Яра отправился в поход на Лилимува, когда отправился и не успел, Ярамува его устранил, прогнал своего любимца, и он сам уничтожил Лилимува. Тархумува решил относительно Яра, чтобы он ушел на отдых. Тархумува был в плохих отношениях с этим Лилимувой. Тархумува решил относительно Яра, чтобы он отдыхал (ушел на отдых) во дворце. Он (Тархумува) напал на границу области Сандалия. Апиумува убежал. Упарамува встречает меня, разгневанный из-за своих интересов, однако Рунда применил насилие и отразил его. Сармасу удалился к Ярамува.

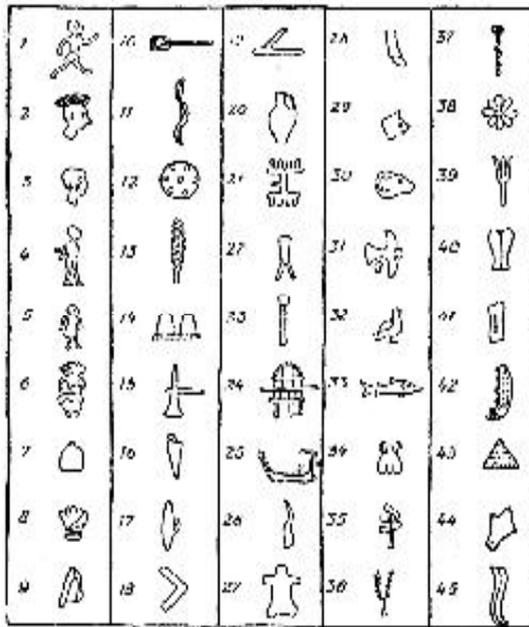
Сторона Б

Сарма обдумывает и свободно готовит свой план: он натравливает. Илион (Троя) его подстрекает, однако я берусь. Сарма, разгневанный на Эфес, принял решение в свою пользу. Илион его подстрекает. Сармасу освободился, пришел и применил насилие. Илион его поощряет. Для унижения Ярину он отправился в Ялисос, наложил тяжелую дань, однако проявил снисхождение, взял ему глаза и удалился в Газену. Однако Яра гневается из-за унижения. Яра собрал урожай, обеспечил мне счастливое пребывание и клянется, что не будет создавать неприятностей, так как это не в его интересах.

Сандатимува.

S

На первый взгляд здесь все логично. Упоминаемые города Ялисос (на острове Родос), Эфес, Илион и Газена (в

Знаки, изображенные на фестском диске

Малой Азии) известны истории и археологии. Вот только действующие персонажи ни о чем не говорят. Но и это вполне можно объяснить, учитывая прошедшие времена. Перед нами секретное послание владыке Крита, написанное специально изобретенным шрифтом, то есть первый шпионский отчет и первая шифровка, а некий Сандатимува – первый известный истории Штирлиц. Об этом говорят и знаки, выдавленные штемпелями, на которых могло стоять и истинное значение знака.

Ностораживает другое. Почему переписка с критским царем велась на "экзотическом" языке? Почему автор письма не поприветствовал адресата, как тогда требовалось? И зачем ему понадобилось писать по спирали, если

только и в этом не крылась какая-то информация? Настораживает и характер расположения знаков: автор как будто заранее знал, сколько их будет и где расположить каждый. Не осталось ни свободного места, ни скученности знаков в конце. Это не может не навести на размышления о "шаблонности" документа. К тому же Фестский диск вовсе не единственный, как принято думать. Похожая табличка (правда, свинцовая) со спиралевидной надписью обнаружена в Мальяно. Написана она на этрусском языке, который тоже до сих пор не дешифрован, в VI веке до н.э. Текст ее состоит примерно из 70 слов, а текст Фестского диска — из 61 (если считать в каждой ячейке по слову). К этому можно добавить, что в момент появления диска критяне были владыками моря, а в момент появления таблички этрусски-тиррены — самыми знаменитыми пиратами. Уж не связано ли их появление с культом морского божества?

Перенесемся на Север. Здесь в III—II тысячелетиях до н.э. вдруг появились спиральные лабиринты, выложенные из камней. Особенно много их в районе Белого моря, но встречаются они и в Финляндии, и в Норвегии, и в Англии, и в Дании, и в Германии, и в Швеции. И всегда на берегу моря или фьорда. Иногда они расположены поодиночке, иногда группами, образуя полукруг, внутри которого сложены каменные кучи. Раньше создателями их считали друидов, гномов и троллей. Теперь потомки поморов и рыбаки Балтики о назначении лабиринтов ничего сказать не могут, хотя по мере сил пекутся об их сохранности (поморы, например, считают, что лабиринты построил Пугачев).

Различия между каменными лабиринтами есть, но весьма незначительные. Если двигаться по спирали вдоль каменных стен, то непременно попадешь в центр, из которого уже не будет выхода. Центр обычно обозначен горкой камней или одним крупным камнем, вполне способным служить алтарем. А. Никитин так описывает свои впечатле-

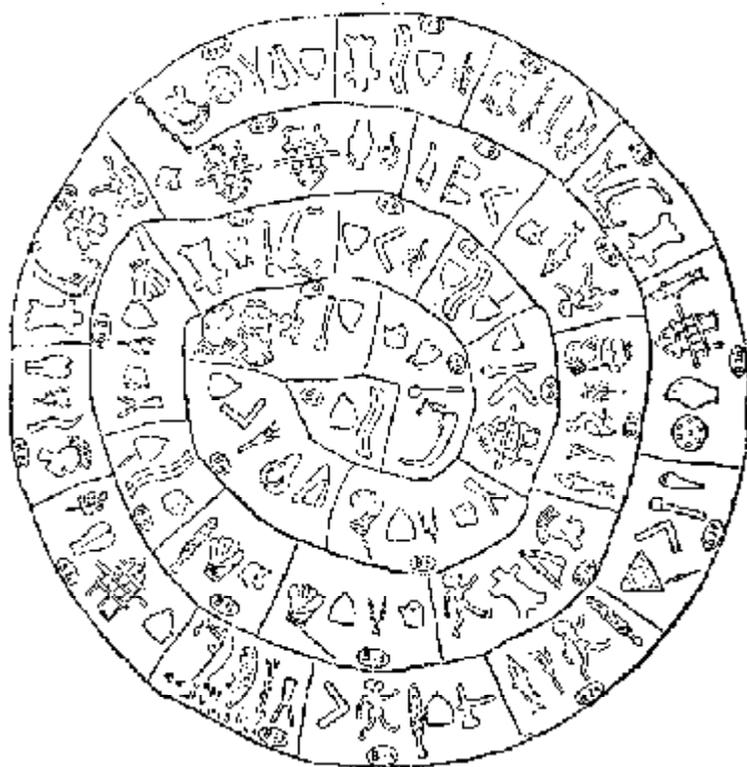
Фестский диск. Лицевая сторона

ния от лабиринта на Большом Заяцком острове: "Я увидел перед собой лежащие полукругом гигантские, более 30 м в диаметре, каменные спирали, поросшие вереском и ягодником. Они были сложены не из отдельных камней, а из щебня и гальки, включая более крупные валуны, поднимались над землей иногда до полуметра и своими плавными изгибами как бы *вбирали, втягивали в себя* (курсив авторов) взгляд человека. Внутри этого полукруга находи-

лись и другие каменные сооружения: черные от многократно возрождавшегося и отмиравшего лишайника каменные курганы, поставленные на ребро валуны, образующие каменные ящики-дольмены”.

О назначении лабиринтов ученые высказывались не раз. Русский историк Д. Святский видел в них закодированную проекцию блуждания Солнца по полярному небу. Но почему тогда лабиринты расположены на берегу, а не на горе или холме, где были бы более уместны для культа Солнца. Н. Виноградов – узник Соловецкого лагеря – считал, что лабиринты – это жертвенники или гигантские алтари, связанные с миром мертвых. По спирали должны были двигаться души умерших, чтобы потерять ориентировку и не вернуться в мир живых. Возможно, центр лабиринта рассматривался как вход в потусторонний мир. Похожую точку зрения высказал и археолог А. Куратов, раскопавший одну из каменных куч лабиринта и обнаруживший под ней еще не до конца истлевший обломок обожженной человеческой кости. В советское время под влиянием материализма высказали совсем бредовое предположение, что лабиринты являлись моделями рыболовных ловушек. Они напоминали рыбакам, как при отливе строить на обнаженном морском дне лабиринт из ветвей и кольев, в который попадет рыба. Но даже тогда никто не сумел объяснить, зачем создавать так много моделей и можно ли столь пренебрежительно относиться к умственным способностям рыб?

Между тем от взглядов исследователей ускользнул один очень древний обычай, пережитки которого сохранились даже до наших дней (хотя бы в знаменитом девизе “Спасение утопающих – дело рук самих утопающих”). Суть его довольно жестока: нельзя протягивать руку утопающему, потому что он уже добыча морского духа, которую тот сам себе и выбрал. Отбирать жертву – это безрассудный вызов божеству, и это вряд ли будет прощено: либо рыба

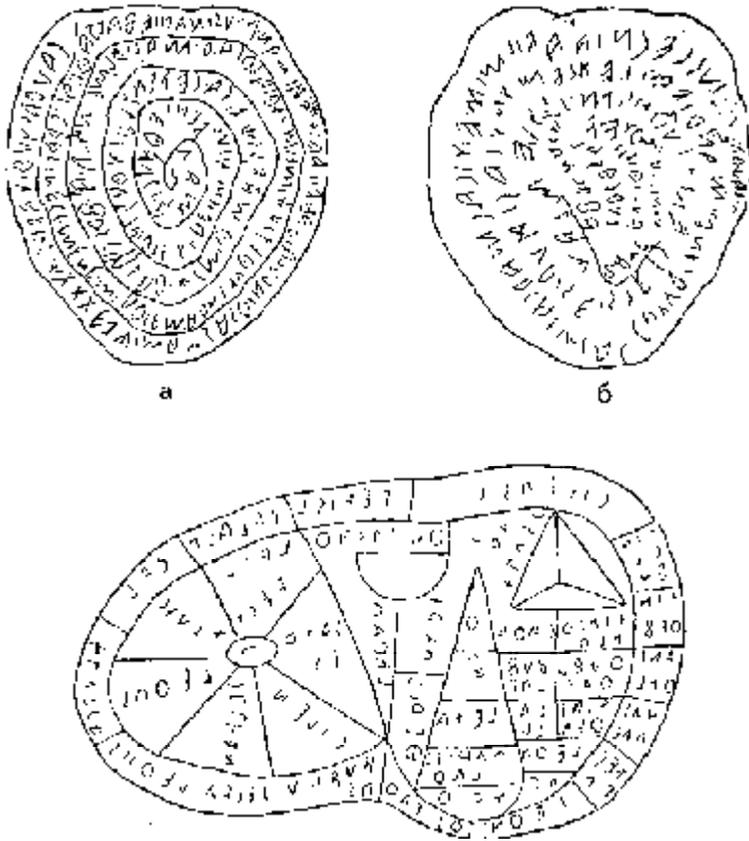
Фестский диск. Обратная сторона

уйдет из сетей, либо сам потонешь. Литературный пример этого пережитка встречается в романе "Пират" Вальтера Скотта. Жители Шетландских островов смотрят на героя, спасающего из волн человека, как на сумасшедшего, и предупреждают, что спасенный обязательно принесет герою беду. Так оно и происходит по сюжету. Аналогичный обычай академик Крашенинников обнаружил у камчадалов: спаситель утопающего — непременно утонет. Если же несчастный выберется на берег сам, он превращается в из-

гоя: никто не пустит его в дом, не накормит, не положит под бок своей жены по закону гостеприимства. Уже совсем недавно чукча, бросивший русскому товарищу круг, умолял не рассказывать об этом его соплеменникам. Подобное поверие было распространено среди английских и французских матросов, среди дунайских и днепровских лодочников и даже за пределами Европы.

Но при чем тут каменные лабиринты? Ответ долго искать не надо. Чего могли опасаться первые мореходы? Против чего, кроме бурь, были бессильны их суденышки? Против морских водоворотов. Постройка подобных на берегу, по мысли древнего человека, должна рассматриваться как оказание себе помощи заранее. Этот раздел первобытной магии хорошо изучен. Скажем, чтобы охота была удачной, надо перед ней бросить копьё в нарисованного на стене пещеры медведя. Чтобы спасти себя от водоворота, надо пройти по его спиралям до выхода в море и как бы "застраховать" себя у морского бога. Этим можно объяснить нахождение человеческих останков внутри лабиринтов: это утопленники, вынесенные морем на берег. Более идеального места для их захоронения и придумать нельзя. Вполне возможно, что с переходом от магии к религии лабиринты и в самом деле оказались алтарями, на которых приносились жертвы морскому богу, возможно, и человеческие, на что недвусмысленно указывает миф о Тезее.

Правда, Балтику и Средиземноморье разделяет, казалось бы, непреодолимое расстояние для III–II тысячелетий, тем не менее рассматривать северные лабиринты и известные критские события в одном контексте можно, потому что расстояние было преодолимо. Об этом говорят не только походы Аполлона и Геракла в далекую Гиперборею (последний даже умудрился найти в тундре священное оливковое дерево и посадить его в Олимпии, "Россия — родина маслин!"), не только приезд на священный остров Делос гиперборейских девушек, не только находки бал-

Вверху — свинцовая табличка из Мальяно. Текст расположен по спирали: а — лицевая сторона; б — оборотная; внизу — бронзовая печень из Пьяченцы

тийского янтаря в слоях III тысячелетия островной Греции, но и "повальное" увлечение спиралевидным орнаментом на керамике и женских украшениях того времени, пришедшие со средиземноморских островов и побережья Малой Азии (наиболее примечателен здесь ритуальный со-

суд с острова Скирос, так называемая кикладская сковорода второй половины III тысячелетия до н.э., на которой изображен 30-весельный корабль в круговороте 55 морских лабиринтов). В пользу оживленных связей между севером и югом говорит также то, что спиралевидный орнамент был очень популярным в культуре Триполья, представители которой обосновались посреди будущего пути "из варяг в греки".

Так чем же являлся Фестский диск? Как это ни парадоксально прозвучит, скорее всего, — жертвенной лепешкой морскому богу. В пользу этой версии говорит и штемпельный характер текста (вероятно, заготовка для неграмотных), и спиралевидный тип надписи. В том, что лепешка из глины, тоже нет ничего удивительного: в древности, если ты не мог пожертвовать богу, скажем, быка, то его подменяли фигуркой, вылепленной из теста. Если и на тесто не оказывалось денег, вполне подходила и глина. Главное, чтоб от чистого сердца. Богам жертвовали и меньшие дары: например, подросшие дети — ставшие ненужными игрушки, а юноши и девушки — прядь волос. Так что в Фестском диске, скорее всего, следует видеть шаблонный молитвенный текст владельцу лабиринта. Если текст этот и в самом деле зашифрован криптограммой — это значит, что на Крите уже в те времена существовала каста посвященных жрецов, которым только и позволялось упоминать имя божье не всуе. Владельцем лабиринта мог быть только Зевс (само слово "лабиринт" происходит от "лабрис", обоюдоострой секиры, священного оружия Зевса).

Согласно мифу, Зевс в образе быка привез на Крит Европу, где та родила, помимо прочих детей, Миноса — царя Крита. Однажды Минос попросил отца подарить быка, которого он (Минос) отцу в жертву и принесет. Зевс внял мольбам, и из моря вышел бык. Он был до того прекрасен, что Минос заменил его другим. Это совсем не понравилось Зевсу, и он наслал противоестественную страсть

жены Миноса Пасифаи к своему подарку. В результате родился Минотавр, которого посадили в лабиринт, построенный Дедалом. Тезей, сын Эгея, а на самом деле Посейдона, взялся убить Минотавра. Собственно, уже это указывает на борьбу братьев – Зевса и Посейдона – за обладание морем. Заметим, что по логике мифов Тезею, царевичу Афин, обязана была бы помогать Афина, однако она в этой истории не фигурирует. Дальнейшее известно из школьной программы: Тезей взял у Ариадны клубок, убил Минотавра и благополучно выбрался на волю. После такого поступка критяне утратили свое господство на море, а Дедала с сыном посадили в лабиринт, из которого те чудесным образом улетели. Удивляет только, как Дедал, построивший этот каменный мешок, не сумел самостоятельно из него выбраться.

Археологи долго искали хоть какие-нибудь следы сооружения, которое можно было отождествить с лабиринтом, но ничего не нашли. Пытались отождествить с лабиринтом дворец в Кноссе, раскопанный А. Эвансом. Это и в самом деле грандиозное сооружение, однако построено оно по классическим греческим канонам: огромный внутренний двор, вокруг которого располагались жилые и хозяйственные постройки. Даже Гомер выбрался бы из этого "лабиринта" без провожатого.

Но, может быть, критский лабиринт надо искать не на земле. Представим себе, что рядом с какой-нибудь скалой была геологическая аномалия: периодически или постоянно здесь возникали водовороты, которые уничтожали все живое, попадавшее в них. Естественно, они должны были вызывать суеверный ужас и требовали соответствующих жертв для собственного усмирения, естественно, на дне водоворотов обитал злой и страшный дух (в нашем случае – Минотавр), умилостивить которого собой и должен был Тезей. Однако последнему такое решение Миноса пришлось не по душе, о чем он честно сказал. Но Минос

возразил: если Тезей на самом деле сын Посейдона, то бояться ему совершенно нечего, так как Зевс его в беде не бросит. Тем не менее Тезей, не слишком рассчитывая на отца, привязал себя канатом или веревкой, принесенной Ариадной, к какому-нибудь дереву или обломку скалы, после чего уже смело прыгнул в водоворот. Вполне возможно, что мысль о канате подсказал Тезею Дедал, ведь он тоже был афинянином. За это он чуть не заплатился, но ему удалось бежать, причем тоже по морю, а не по воздуху. Уже в IV веке до н.э. сами греки не верили в то, что Дедал мог летать как птица. Палефат об этом писал: "Дедал не летал на крыльях, а казался летящим преследователям, так как челн с раздутыми парусами мчался при сильно дующем ветре".

Крит — одна из самых сейсмически неустойчивых зон на земле. Вполне вероятно, что после очередного смещения земной коры природный лабиринт перестал существовать, а вся история борьбы Афин с Критом за морское господство вылилась в миф, настолько живучий, что и через две тысячи лет на монетах Крита изображали лабиринт в своей классической спиралевидной форме, а не каким-то подземным или наземным сооружением со множеством проходных комнат и тупиков.

Ныне загадочный Фестский диск хранится в музее города Ираклейон и по-прежнему ждет того, кто сможет открыть его тайну.

СОЛНЕЧНОГОРСК, РАЗРУШЕННЫЙ ВО СЛАВУ А М О Н А

Если плыть по Нилу от древних Фив к его устью, через четыреста пятьдесят километров пути вас поразит своей загадочной отрешенностью прекрасная долина. Форма долины напоминает латинскую D, а горы, ее окружающие, изрыты, словно ласточкиными гнездами, черными квадратными провалами гробниц, во многих из которых никто никогда не покоился. В полукольце гор, с запада защищенный водной преградой — великим Нилом, под ногами путешественника простирается город-призрак Ахетатон. Всего семнадцать лет — годы правления великого фараона-еретика Эхнатона — просуществовал этот наспех построенный и, вероятно, так толком и не обжитый древний город. Ему теперь тридцать три (почти тридцать четыре!) века, но никогда с тех пор, как его развалины покинули остатки жителей — художники, резчики по камню и дереву, скульпторы и каменотесы, рабочие и мастера, возглавлявшие строительные и коммуникативные работы, чиновники, вельможи, писцы, жрецы и министры, царицы и царевны, царевичи и соправители царя-еретика, — никогда больше не селились в нем люди — древние египтяне. Более того, археологи доподлинно выяснили одну существенную деталь: почти каждый из вельмож, кроме гробницы, определенной ему в ближайших горах царем-солнцепоклонником, на всякий случай тайком построил себе еще одну, попросторнее, в которой и нашел последнее пристанище. Только находятся эти гробницы... в Фивах!

Древнейший город, ныне носящий арабское имя Луксор, долгое время именовался по-гречески, будучи, однако, в отличие от Семивратных, Стовратными Фивами, у древних Египтян назывался Нэ. Там же в Фивах, в Долине царей, похоронен и Эхнатон. Возможно, гробница, в которой его погребли – тоже наспех, как и все, что делалось при нем, – не первая; возможно, Эхнатона уже хоронили, и не раз, в Ахетатоне... Солнечногорская гробница великого еретика не найдена. Как не найдена гробница его прекрасной супруги царицы Нефертити. До нас дошло не так уж мало изображений первой красавицы прошлого, а вот мумии ее никто не видел. Есть **призрачная** надежда на то, что женские гробницы в Ахетатоне располагались вовсе отдельно от прекрасной долины, и, может быть, когда-то ученый мир потрясет известие о том, что легендарная царица все же найдена... Однако все меньше надежд на то, что произойдет это в XX веке.

В двадцать один год Аменхотеп IV, будущий фараон Эхнатон, стал соправителем своего отца Аменхотепа III, царя, при котором Египет достиг поистине вершины своего расцвета. Произошло это в праздник-“сед”, когда великий фараон отмечал тридцатилетие своего царствования. Четыре года женственный, вероятно, истеричный, да и “не от мира сего”, будущий фараон Эхнатон, безусловно, находившийся до женитьбы под влиянием своей матери царицы Тейе, наслаждался жизнью с очаровательной красавицей Нефертити. Еще два года, прошедшие с момента смерти отца, Аменхотеп IV продолжал ту же политику, что и его великий отец. Но постепенно все больше подпадал под власть другой женщины – супруги Нефертити. Ученые допускают, что не личные убеждения, а именно влияние первой красавицы заставило Эхнатона пойти против фиванского жреческого клана и объявить войну неслыханно влиятельному богу Амону-Ра, которого фиванская династия давным-давно и старательно внедряла в умы

Награждение Парсинефера. Рельеф из гробницы Парсинефера в Ахетатоне

жителей всей страны, таким образом поначалу закрепляясь на троне, а впоследствии терпя значительные неудобства от того, что сами же возвеличили культ этого местного бога: фактическую власть в стране захватили еще при Аменхотепе III жрецы Амона. Мягкая и женственная Нефертити имела, видимо, настоящее львиное сердце, не терпящее разделения власти и жаждущее самовластья. Может быть, кто-то со стороны подсказал ей возможность замены старого бога на совершенно нового? Как бы то ни было, мы этого, вероятно, никогда не узнаем. Известно другое: неожиданно на шестом году правления Аменхотеп IV порвал со старой религией и возвел на духовный престол единого бога — Атона. Приведа религиозную систему государства к поклонению одному лишь Атону, Эхнатон, вероятно, решал не только духовные задачи: примирить народы импе-

рии с религией Египта желали и пытались его отец и дед. Решить ее молодому фараону, вероятно, хотелось одним махом, тем более что почти все завоеванные народы в той или иной степени выделяли из своих местных богов и божков именно бога Солнца. Однако жрецы Амона-Ра почти мгновенно объявили царя еретиком, и общество в считанные годы разделилось на два лагеря — приверженцев старого бога Амона и, как выяснилось, немногочисленных сторонников нового — Атона, отвергавшего **всех** старых богов. Даже если единобожие и назрело, нахрапом вводить его было, скорее всего, нельзя: Исиде, Осирису, Тоту, Анубису и другим богам и богиням поклонялись не одну тысячу лет, и требовалась осторожная постепенность. А Эхнатон объявил Атона "отцом", и все свои деяния, как фараона, согласовывал с этим заявлением.

В южных скалах долины Ахетатона сохранилась стела с еще читаемой надписью:

"...Подобный Атону, когда он восходит на своем небосклоне и наполняет землю своей любовью... фараон на золотой колеснице остановился у этой скалы..." Заметьте: о том, как сей фараон попал в эту даль (столица-то в Фивах!), на стеле ни слова. Зато изображение и текст при нем повествуют, что делал фараон дальше: совершил жертвоприношение ("хлеб, пиво, телята, птицы, вино, плоды, благоволия, **холодная вода**, разные прекрасные овощи...").

Своим подданным, распростершимся перед величеством "на животах", Эхнатон возвестил о том, что по воле Атона им, Эхнатоном, было выбрано место для новой столицы Египта: "Оно не принадлежало никакому богу, не принадлежало никакой богине, не принадлежало никакому правителю, не принадлежало никакой правительнице, не принадлежало никакому вельможе, никакому человеку". И, подняв к небу руки, поклялся: "Как живет мой отец Атон прекрасный, живой!.. Я сотворю Ахетатон ("Горизонт Атона") для моего отца Атона на этом месте... которое он сам

сотворил, окружив себе его горою, и он сделал в нем радость, и я буду в нем приносить ему жертвы!..

И я сотворю Дом Атона (Большой храм Атона)... и я сотворю Дворец Атона (Дворцовое святилище Атона)... и я сотворю Тень Ра великой жены царя **для моего отца Атона в Ахетатоне на этом месте**... и я сотворю себе двор фараона, да живет он, да здравствует, да будет благополучен, и я сотворю двор для великой жены царя в Ахетатоне на этом месте... и да сотворят в ней погребение великой жены царя Нефертити... и да сотворят в ней погребение дочери царя Меритатон... И если бы я умер в каком-либо селении на севере, на юге, на западе, на востоке – да буду я принесен, и сотворите мне погребение в Ахетатоне!..”

Далее то же предписывалось проделать с умершей царицей Нефертити, дочерью Меритатон...

Потом указывалось, где именно похоронить жрецов (“великих среди видящих”), вельмож, всех знатных людей (также в восточной стене).

“А если же не сотворят в ней погребений, – это хуже, чем то...”

Интересно: чем **что?**..

Оказывается, “...чем то, что я **слышал** в четвертом году, чем то, что я слышал в... (отсутствует) году, это хуже, чем то, что я слышал в первом году, это хуже, чем то, что слышал Небмаатра (Аменхотеп III, отец Эхнатона), это хуже, чем то, что слышал Менхепурра (дед Эхнатона, Тутмос IV)!”

Такая же стела находится в северной группе скал. И, хотя текст обеих стел изрядно пострадал от времени, учитывая одинаковость информации, содержащейся на той и другой, ученым удалось прочесть почти все.

Но что же такое **слышали** Эхнатон, его отец и дед? Что за безобразия творились на четвертом, энном и первом году царствования самого Эхнатона?..

Надо признать, надпись не осталась пустым изображе-

нием: фараон **почти все описанное осуществил!** Причем за очень короткий срок. В долине закипела жизнь, восстали над пустыней храмы. Появились дома и дворцы. Скоро шумел и процветал город Ахетатон, населенный жителями — царем и царской семьей, ближайшими подданными, жрецами Атона, вельможами и чиновниками, мастерами и рабами...

На западе возвышалась над менее четким и менее глубоким полукольцом земли другая гряда гор, отделявшая город (впрочем, западный берег Нила был занят лишь полями) от остального мира, особенно от **Запада**, издревле считавшегося в Египте "Страной мертвых". Еще с запада Египту всегда докучали кочевники... Действительно, место, выбранное под строительство новой столицы, Эхнатон выбрал очень удачное. Более того, в несколько лет возведенный и очень украшенный город был удобен, красив и лаконичен. Сады и бассейны, птицы и живность наполнили его поистине райским очарованием. Это был и впрямь город Атона — Солнечногорск!

История Ахетатона собиралась по крупницам. Полных и завершенных текстов археологи и египтологи не знали. Есть подозрение, что "Гимн Атону", повторяемый без вариантов в разных гробницах, далеко не полная религиозная концепция, дошедшая до нас. Скорее всего, эмоционально насыщенный, похожий на хвалебную оду текст — лишь часть большой разработки, возможно, претерпевавшей изменения и дополнения, обогащаясь с течением времени философским смыслом. Однако философская сторона религии Эхнатона до сих пор не выявлена, и большинство сходится на том, что ее попросту не существовало.

Возможно, экзальтированный фараон и в самом деле удовлетворился написанием только гимна (многие приписывают авторство самому Эхнатону). Тогда внедрение единобожия в Египте произошло слишком рано и не должно было принести весомых плодов. А ведь с введением культа

Атона поменялось отношение к искусству у целой плеяды художников и скульпторов, оно таким сохранилось и после смерти культа бога-Солнечного Диска! Поменялось само отношение к жизни — и в царской семье, и у знати, и у жрецов. Трудно сказать, сопровождался ли обратный переход к Амону-Ра репрессиями по всей стране и общественными катаклизмами, возможно, разрушению подвергся только город Ахетатон, но судьбы отдельных фараонов и целой династии момент "реставрации" наверняка затронул: свергли с престола Сменхкара, преемника и бывшего соправителя Эхнатона, убили Тутанхамона, свергли Эйе, бывшего верховного жреца и преемника мальчика-царя в роли следующего мужа царицы Анхесенпаамон... XVIII династия утасла.

Однако память о фараоне-еретике вытравить не удалось. Имя его сторонники Амона выскабливали, стирали и сбивали с рельефов, надписей, гробниц, домов и дворцов, вырезали усердно с обивки Золотого гроба, где он похоронен, "захватили" после смерти чужую гробницу — усыпальницу царицы-матери Тейе. Но имя Эхнатона, несмотря на явный запрет, скорее всего, передавалось из уст в уста еще многими-многими поколениями египтян. И до нас дошло не благодаря Дэвису, нашедшему Золотой гроб. Флиндерс Питри обнаружил имена Эхнатона и Нефертити, а Леонард Борхардт в 1912 году — скульптурные их портреты в заваленной кладовке мастерской гениального скульптора Тутмеса, у которого, несмотря на высшее указание, все же не поднялась рука разбить шедевры. А может быть, не поднялась рука у того, кто был послан ради этого в разрушаемый Ахетатон?.. Пол мастерской, когда Л. Борхардт раскопал ее, был усеян черепками и осколками скульптур.

Как же был обнаружен Солнечногорск, о котором ученые знали давно, не имея при этом археологических подтверждений?

Эль-Амарна — деревня, в которой уже несколько веков живут “новые египтяне”, к прошлой цивилизации не имеющие прямого отношения. По имени этой деревни даже эпоху Эхнатона иногда называют Амарнской — впрочем, без всякого основания, кроме географического... Местная крестьянка из Амарны в 1887 году, копаясь в земле на предмет добычи для своего участка себаха — богатой илистой земли, — нашла странные глиняные таблички с письменами. В любой другой стране такие находки могли пройти мимо внимания местных жителей, но не в Египте! Крестьянка знала, что европейцы щедро платят за любую древность, а таблички были, конечно, древние. Она отправилась в Луксор. И **все это время таскала таблички в мешке!**.. В результате половина табличек обратилась в прах. Уцелевшие экземпляры были доставлены в Париж, и там... объявлены подделкой!.. Служба древностей Египта от них тоже отказалась. Удивительно: в Египте в невнимании к истории приходится винить не простого безграмотного крестьянина или крестьянку, а людей, специально поставленных эту историю блюсти... Табличек осталось всего 350, когда спохватившиеся ученые все-таки занялись ими. И это оказался архив “министерства иностранных дел” Эхнатона!.. С исторической точки зрения открытие было **важнее**, чем последовавшая через 30 лет находка гробницы Тутанхамона, ценная лишь количеством упрятанного под землю золота и драгоценностей.

Флиндерс Питри начал в Амарне раскопки в 1891 году. Помимо других интересных предметов, он откопал прекрасную фреску. Но главный успех ожидал немцев, занявшихся Ахетатомом в 1907–1914 годы. К сожалению, все раскопки прекратились из-за начала Первой мировой войны... Великолепно исполненный портрет очаровательной Нефертити — настоящий шедевр, — как уже говорилось, обнаружил Л. Борхардт в 1912 году. И не один шедевр, а целых два: голова царицы из покрашенного известняково-

го камня и еще более прекрасный портрет, выполненный из темного песчаника!

После войны работу продолжили Пит и Вулли, Гриффис, Ньютон, Уилмор, Фрэнкфорт, их работу завершал Дж.Д.С. Пендлбери.

Стены вырубленных в скале, но никогда и никем, кроме, может быть, первых христиан, не занятых гробниц покрыты надписями и рельефами, из которых можно почерпнуть сведения не только об истории Ахетатона, но и о быте людей, живших за 33 века до нас.

Почва для монотеизма (единобожия) в Египте подготавливалась давно. Еще в XVII–XV века до н.э., задыхаясь в тисках фиванского Амона, фараоны обращались к более древним культам бога Солнца, пытаясь разными способами их воскресить. А в титулатуру царской семьи – в прозвища фараонов, заключаемые в картуш (ободок) – бог Амон все-таки не был допущен: фараона продолжали “связывать” с древним Ра. И только. Ра, происходившим из незапамятного города Ону (прежнего Солнцеграда), который древние греки называли Гелиополем. И бог Атон появился не при Эхнатоне. Им разумно “пользовались” еще предшественники, в том числе, например, дед Эхнатона Тутмос IV. Ему, Атону, даже пытались возводить храмы.

Спасаясь от всесилья Фив, цари Египта держали про запас Мемфис – прежнюю давнюю столицу, и этот город (вместе с Нижним Египтом) по традиции официально считался вотчиной царевича-наследника.

В своей книге Леонард Котрелл, говоря о некоторых взаимоисключающих утверждениях египтологов, привел, в частности, заявление профессора Пендлбери об Эхнатоне: “Он вовсе не был первой яркой личностью в истории, как это утверждают”.

Да. Формально Эхнатон не был первым. Но он первым пошел на открытый конфликт с Амоном (читай: жрецами). Он построил Дворец Атона просторнее и выше, чем Храм

Амона в Карнаке — построил в непосредственной близости от Храма Амона. Он первый заказал и изготовил из лучшего камня гигантские собственные статуи, которые должны были стоять в Храме Атона в Фивах (Карнаке). Не просто гигантские статуи, а вопиюще уродливые, с точки зрения изобразительных канонов, статуи. Ни лицо, ни тело фараона они не "улучшали", а, наоборот, утрировали физические недостатки царя — узкая голова-дьяня, хилое тело, тонкая талия и женские бедра... Вероятно, до конца пройдя путь от скандала до разрыва со жрецами, Эхнатон и совершил очередной шаг — поехал "на золотой колеснице" выбирать место для новой столицы, ... а **попутно** пришел к мысли оставить себе одного-единственного бога — Атона. Тысячелетия так плотно "спекли" всех богов в единый "пирог", что от любого из них в отдельности отречься было невозможно: или терпи, или отрекайся от всех сразу! Эхнатон выбрал последнее.

Сказав "А", надо было говорить и "Б". Знать и жречество Атона приходилось подбирать не из аристократического класса, а из верных простолюдинов. Однозначно это не подтверждается, но все же в текстах, восславлявших Атона и фараона на стенах многих так и не занятых "хозяевами" усыпальниц, вельможи признались в своем происхождении из самых низов — **немху** (нищий): "...Я просил хлеба, а он (Эхнатон) дал мне и земли, и людей. Теперь я большой начальник". Это не чей-то дословный текст, а основной смысл, квинтэссенция самохвальных надписей в гробницах. Эти слова можно отнести к кому угодно — к зодчим Пареннеферу, Хатиаи, Туту, Маи, Маанахтутефу и другим; к скульптору Тутмесу; к военачальнику Рамесу и верховному жрецу главного храма Дома Атона — Панехси. Эти люди, мастера своего дела, построили для Эхнатона — из ничего и за короткий срок — великолепный город Ахетатон, остатки улиц которого проступали из-под земли вплоть до середины XIX века н. э.. Камень для стро-

ительства домов ими почти не использовался, глиняный кирпич-сырец помог очень быстро возвести основные стены, а отделялись они часто вместо известняка и камня – цветной стеклянной и фаянсовой пастой, глазурью, золотым листом и устойчивой краской. Древние рецепты приходилось либо осваивать заново, либо создавать на месте. И мастера преуспели!

В Ахетатон была завезена земля, высажены взрослые кусты и деревья (не было времени разводить саженцы), выкопаны и заполнены каналы, бассейны, дно и стены которых были расписаны под натуральные водоросли и цветы – лилии и лотосы, в заросли запустили животных, в воду – рыб и водоплавающих птиц. В ветвях деревьев запели птицы певчие. Затейливые узоры и цветы на стенах павильонов и дне бассейнов казались не декоративными, а живыми! Где Эхнатон был действительно первым – так это в **реализме** Амарнского искусства. Археология и все человечество в результате раскопок и исследований стали обладателями **первых в истории подлинных портретов** царей и цариц, вельмож и чиновников, простых людей той блестящей и трагической эпохи.

Дом Атона, Дворец Атона, храм "Проводов Атона на покой", храм "Тень Ра" – все, что обещал, Эхнатон и его соратники выстроили, и оно действовало! Город был застроен великолепными дворцами, жилищами знати, лестницами, портиками, беседками, павильонами. Водная гладь Нила была заполнена ладьями и барками. Был построен поселок для рабочих и ремесленников, в котором они проводили, впрочем, только выходной день: всю неделю люди оставались в Ахетатоне. Мастерские художников и скульпторов строились не намного беднее, а иногда и богаче домов знати: творчество в Ахетатоне ценилось, может быть, в первый и в последний раз в истории, по заслугам.

Как это в Египте бывало не раз, тот немногий камень, что оставался в Ахетатоне, вывезли на новое строи-

тельство новые фараоны, а ненужный известняк растащили по своим нуждам последующие поколения. Остаток руин исчез с лица земли совсем не так давно — за XVIII—XIX века н. э. — по причине прихода в долину племени, основавшего деревню Эль-Амарна.

В сравнении с Долиной царей, гробницы в Ахетатоне мелковаты и менее богаты. Сама скала здесь менее прочна, и Ахетатон, облицованный лишь местами прочным завозным материалом, а в основном тем же известняковым камнем, как бы уже заранее собирался быть обреченным на недолгий век. Судьба незавидная — и для города, и для хозяина, его построившего. Красота, но **зыбкость**, а может быть, вовсе не безумство Эхнатона заставили людей, не готовых к восприятию единобожия, отказаться от культа Атона и возвратиться — вероятно, с покаянием! — в Мемфис и Фивы, к старым надежным богам.

СЕМЬ ПРЕТЕНДЕНТОВ НА ЗОЛОТОЙ ГРОБ

Последним из "агрессоров" XVIII династии фараонов Египта был Тутмос IV. При нем империя разрослась до самых больших пределов за всю историю. Его сын Аменхотеп III отказался от завоевательских войн и благополучно правил Египтом более тридцати лет. Его жена царица Тэ́йе первая из египетских цариц удостоилась участия в правлении: многие государственные дела решались фараоном и царицей почти на равных. Ее ценили правители других государств за ум и знания международных дел.

Еще при жизни Аменхотепа III, после празднования "хет-седа" — тридцатилетия правления фараона — соправителем отца сделался его сын Аменхотеп IV, которому в ту пору исполнился 21 год. Это был будущий знаменитый фараон-еретик Эхнатон, прославившийся тем, что отказался от всех египетских богов и ввел культ единого бога Атона (Солнечного Диска), построив в его честь новую столицу, названную Ахетатон (Горизонт Атона). Эхнатон был женат на царице Нефертити, родившей шесть дочерей, две из которых впоследствии тоже были царицами — Меритатон (жена преемника Эхнатона фараона Сменхкара) и Анхесенпаатон, впоследствии переименованная в Анхесенпаамон, юная супруга юного фараона Тутанхатона (переименованного в Тутанхамона).

Праздник "хет-сед" имел древнюю историю и был связан с магическим культом. Дело в том, что это был не просто праздник: по законам древних фараон после тридцати лет правления становился старым, и его следовало менять на молодого. Царь, доживший до этой даты, не

собирался уходить "на пенсию", и "хет-сед" имел целью **омоложение** владыки, для чего был разработан и применялся сложный магический ритуал. Особенность такого праздника была в том, что его иногда приходилось проводить и вне назначенной даты — например, если в стране случался мор, неурожай и т.д. При Рамзесе VI "хет-сед" праздновали 24 раза!.. Впрочем, находящийся в преклонном возрасте или болезненный фараон прекрасно осознавал традицию и приурочивал к дате назначение сопровителя, как и поступили Аменхотеп III и Эхнатон, сделавший сопровителем своего зятя Сменхкара.

Теперь о самой находке. Детективный характер этой истории придали позднейшие исследования. Но археологический факт и сам по себе интересен: не каждый день в Долине царей в Египте находят новую гробницу фараона, да еще не разграбленную.

Автор находки — американец Теодор Дэвис. Это он много лет раскапывал Долину царей. Откупив у египетского правительства концессию на раскопки именно в Долине, Дэвис открыл много царских могил, опыт по части раскопок имел большой, поэтому мог со знанием дела поразмышлять о том, где же копать в следующий раз. Долина, представлявшая собой природную котловину с выступающими по краям скалами, была вся завалена большими и малыми обломками этих скал и разнокалиберным щебнем, за сотни и тысячи лет слезавшимся почти до той же степени твердости, что сама скала. Ошибиться — значило впустую потратить сезон: раскопки в Египте из-за нестерпимой летней жары ведутся только зимой. Именно 1 января 1907 года Т. Дэвис начал искать захоронения, используя для этого дешевый и действенный способ — вскрытие пробных траншей. Разведка почти сразу же дала результат: из-под груды щебня выступила дверь. Продолжив копать в этом месте, американец обнаружил два десятка ступеней, ведущих вниз. Вход был не замурован, а лишь заделан

сложенными и замаскированными под естественное скальное нагромождение камнями.

Разобрав камни, археолог обнаружил остатки замуровки, на которой были проставлены печати жрецов некрополя. Следовательно, в могилу входили уже после погребения, и кладбищенская служба восстанавливала разрушенное злоумышленниками. Не ожидая найти эту могилу нетронутой, Дэвис продолжил работу: не золото и клады искал археолог, а новую страницу из прошлого. Сломав вторую стену, Дэвис попал в пологий спуск под землю, забитый щебнем почти до потолка. По узкому проему между щебнем и потолком археологи, пробираясь к могильной камере, наткнулись на пустой саркофаг, изготовленный из кедра и обитый листовым золотом: видимо, его собирались вынести из гробницы, но бросили из-за того, что проход оказался слишком узким. Археологи торопились поскорее добраться до своей цели и еще не вынесли щебень. От времени саркофаг развалился и представлял собой плоские сверкающие золотом щиты, похожие на двери. Чтобы не повредить золота, местные рабочие положили на него доску, и Дэвис и его английский помощник Э. Айртон благополучно проползли, по пути убедившись, что саркофаг принадлежал царице Тейе, супруге Аменхотепа III.

Самый могущественный из фараонов, хозяин земли, простиравшейся от Евфрата до середины Африки на 3200 километров, не боялся, что супруга отвлечет на себя часть его божественной славы. Поэтому, начиная с царицы Тейе, торжественные или погребальные изображения фараона сопровождалось изображением и именем царицы, вписываемыми каждый в свой картуш. Мастера рисовали царицу такого же или почти такого же размера, что и фараона. А с Аменхотепа IV (Эхнатона) и вовсе стало традицией почти уравнивать царя и царицу. Мать Эхнатона Тейе играла и при его дворе значительную и замечательную роль. Глава одной из держав, имевшей сношения с Египтом,

например, советовал молодому Аменхотепу IV, воссевшему на трон, справляться у матери по международным вопросам. Дэвис поразился: значит, в гробнице — останки этой легендарной женщины!

К концу спуска количество щебня и его уровень понизились: щебень осыпался в просторный склеп прямоугольного сечения. То, что увидели археологи, осветив склеп, было похоже на сказку: золото и золото — везде, кроме потолка!.. Надо заметить, что до открытия гробницы Тутанхамона оставалось еще целых шестнадцать лет, и впечатление археологов было свежим и ярким. Золото было таким же сверкающим, как если бы предметы были изготовлены мастерами только что, будто не прошло больше трех тысячелетий. Г. Масперо, будущий директор Египетского музея, а в то время руководитель Службы древностей, охарактеризовал картину, открывшуюся взорам археологов, как сюжет из "Тысячи и одной ночи": "...кажется, что все золото Древнего Египта загорается и пламенеет в этом тайнике".

Золотом были покрыты большие деревянные щиты, прислоненные к стенам, а один из них лежал на полу. Это были детали огромного ящика, в котором прежде находился гроб. Впрочем, детали были кем-то разобраны и расположены в помещении как попало. Но имя Тейе читалось и на них: несомненно, то был ковчег, скрывавший гроб самой царицы. Теперь гроб виднелся в глубине помещения. Однако, обратившись к нему, археологи были озадачены — они не обнаружили на нем имени царицы!

Деревянный гроб, имевший форму спеленатой мумии, весь был покрыт листовым золотом, и по золоту испещрен разноцветными вставками. Налобное украшение было увенчано медной позолоченной змеей, доказывавшей, что гроб царский. Когда-то к подбородку была приставлена позолоченная борода с синими и зелеными вставками. Звания, читавшиеся на гробе, относились к фараону, а не к цари-

це. Само же имя было везде уничтожено, а с лица сорвана значительная часть золотого листа.

Когда-то гроб был установлен на деревянное ложе, но со временем оно рассыпалось, и теперь были видны только его остатки. Головы львов, вырезанные из дерева и расположенные по углам погребального ложа, теперь валялись неподалеку. Когда ложе рухнуло, вместе с ним рухнул и гроб. Крышка его была расколота, бок проломлен, и можно было видеть голову погребенного. Сквозь щель в потолке в гробницу сочилась вода, и за многие века не только дерево сгнило, но и мумия лишилась погребального савана и истлела — остались только кости с присохшими к ним кое-где остатками плоти.

Над гробом в стене была выдолблена ниша, в которой археологи нашли четыре алебастровых сосуда для внутренностей покойника, которые, по традиции, хоронились отдельно. Крышки сосудов были выполнены в виде человеческих голов. Но трудно было определить — кого они изображали: мужчину или женщину? Накладные волосы, изображенные в алебастре, окаймляли четыре молодых безбородых лица. Но именно такие волосы в то время носили и мужчины, и женщины. Все надписи на сосудах также подверглись "цензуре". Несомненным было то, что изобразили особу царствующую, но этот признак — змея на лбу — у всех четырех был тщательно сбит.

Так кто же был погребен в найденной гробнице? Надгробная сень, это очевидно, принадлежала царице Тейе. Ей же принадлежали и несколько найденных в помещении предметов: они были подписаны... Вопрос: "Кто погребен?" — мучит археологов уже 90 лет!

Еще раз осмотрев мумию, Дэвис не обнаружил ничего, кроме описанного выше. Тогда он пригласил находившихся в Долине царей двоих врачей-хирургов. Преодолев все неудобства путешествия в склеп (щебень так и не был еще убран), хирурги изучили мумию и сделали заключе-

ние: ширина таза не оставляла сомнений, что скелет женский. Дэвис обрадовался: это царица Тейе!

Но когда останки перевезли в Каирский музей и они были тщательно изучены профессором анатомии Дж.Э. Смитом, археологи получили странное и неожиданное заключение: костяк принадлежал молодому мужчине двадцати пяти-двадцати шести лет. Точность возрастной оценки колебалась в пределах двух-трех лет.

Т. Дэвис упрямо настаивал, что открытое им погребение принадлежит прославленной царице Тейе. Свою находку он назвал "Гробница царицы Тейе". Однако странное обстоятельство — почему вместо царицы в усыпальнице похоронен некий мужчина, даже юноша, — Дэвис никак не мог объяснить.

Это было лишь началом загадки.

Г. Масперо высказал предположение, что похороненный молодой человек — фараон Сменхкара, преемник Эхнатона, поскольку сам Эхнатон, великий реформатор, не мог умереть в столь раннем возрасте. Однако потом Масперо склонился к тому, что это все-таки Эхнатон: звания и титулы, обозначенные на гробе, несмотря на то, что было вытравлено имя, принадлежали царю-еретику. "Живущий правдою", "Большой по веку своему", — изобретенные исключительно только для него величания. Г. Масперо приписал Эхнатону и погребальные сосуды, пренебрегая тем, что надписи на них тщательно изглажены. Однако сам Теодор Дэвис продолжал считать останки принадлежащими царице Тейе, и разубедить его в этом не удалось.

Ученый мир все больше задумывался над находкой. Заявление Г. Масперо, прозвучавшее в 1908 году, придало значения вопросу. Да, царица Тейе личность легендарная, но Эхнатон — и вовсе единственный в своем роде фараон Древнего Египта! Он поистине велик. Царь, совершивший переворот, на который уже не надеялся его отец фараон Аменхотеп III. Царь, отнявший власть у фиванского жре-

ческого клана, перенесший столицу из Фив в город Ахетатон, выстроивший этот город в 450 километрах от древних Фив. Царь, свергнувший тысячелетнее египетское многобожие и установивший в качестве государственной веры почитание Атона — Солнечного Диска. Царь, переименовавший практически каждого жителя страны: вельможи, начальники и простые мастера, рабочие теперь именовались так, чтобы не осталось и намека на какую-либо связь с прежними богами, а особенно с именем Амон-Ра. Эхнатон впервые в истории ввел единобожие, но эта религия в Египте не прижилась, хотя за время царствования Эхнатона именно этот новый взгляд на все сферы жизни потряс общество, дал толчок развитию и преобразованию государственного устройства, быта, мировоззрения, письменности, самой словесности, ваения, живописи, зодчества. Последние за короткий срок вышли на такой высокий уровень достоверности, что почти ничем не отличается от современного реализма.

По погребальной камере были также расставлены золотые кирпичи с надписями, по содержанию совпадающими с письменами на гробе. А на двух из них прочли имя фараона Аменхотепа IV (Эхнатона)!

В том, что погребение принадлежит Эхнатону, многих убеждало то, что Эхнатон телосложением как раз подходил под описываемый скелет! Узкая с выступающим затылком голова, тонкая длинная шея, тонкие руки, голени, стан. А вот груди и живот сильно выдавались, таз был широк, а бедра полными. Скелет вполне подходил под эти описания. Если труп сначала приняли за женский, то ведь и Эхнатон выглядел женоподобным!

Профессор Дж.Э. Смит признал череп мертвеца водяночным. А это привело к дискуссии на тему душевного и телесного состояния великого фараона. Западный мир, склонный даже духовное объяснять через телесное, живо представил себе, как бьется в падучей гениальный фараон

и в это время "выдает" свои гениальные постулаты солнцепоклонничества. Все совпадало и все объяснялось. Кроме одного: мужчина в гробу был очень молодым!

Тем временем назревало открытие. Зрело оно в недрах Каирского музея, где шла работа по восстановлению извлеченного из тайника золотого гроба. В 1916 году французский ученый Ж. Даресси в каирском "Бюллетене" Французского института восточной археологии опубликовал свое наблюдение. В ряде мест надписи на гробе подверглись существенным изменениям. Листовое золото, на котором были выполнены надписи, в некоторых местах было вырезано, а вместо него наложено более тонкое новое, знаки на нем были сделаны небрежно, менее тщательно, чем основная надпись. Там же, где знаки исполнены на самом дереве, их сбили или выскоблили, а удаленные места залили гипсом, затем вырезали на нем новые знаки, а их воспроизвели на наложенном поверху золотом листе.

В молитве, изображенной на подножии гроба, остался один знак, начертанный на первоначальном золотом листе, обозначающий местоимение первого лица единственного числа — "я" (такой-то). Остальные места для подобного же знака были вырезаны и заменены более поздним, тонким золотым листом. Но вот что интересно, — цензор будто нарочно оставил ключ к разгадке (один-единственный знак): в "исконном" знаке была изображена женщина с разделенными на пряди волосами и, конечно же, без бороды, а в подложенных знаках везде был мужчина с бородой и зачесанными назад волосами. Знак по смыслу изображал не просто мужчину или женщину, а именно — умершего царя, превратившегося в божество, или, соответственно, царицу. Ж. Даресси на основании своих наблюдений сделал вывод о том, что первоначально гроб принадлежал женщине, а потом был переделан для мужчины. И восстановил первоначальные надписи, как "царица — мать такого-то царя" Тейе. Он предполагал, что при уничтожении

вместо обозначений "царица — мать" в текст были вписаны лишние слова для титулов Эхнатона.

Однако наблюдения Ж. Даресси словно остались неуслышанными, и ученый мир продолжал считать гроб изначально принадлежавшим Эхнатону. Только четыре алебастровых сосуда повергали ученых в сомнение: на крышках был изображен не он! Х. Шефер, опубликовавший в 1919 году статью в лейпцигском египетском временнике, отверг предположение, что гроб принадлежит царице Тейе, на основании того, что каноны принадлежат... Нефертити!.. Очаровательная, единственная в своем роде царица, жена Эхнатона, гробница которой не найдена, может быть, даже по причине того, что ее не существует, на короткий срок "вписалась" в открытую Т. Дэвисом усыпальницу. Но версия Х. Шефера не нашла одобрения в ученом мире. Изображение на алебастровых сосудах не походило ни на Эхнатона, ни на Тутанхамона, усыпальница которого тогда не была еще открыта, но и на Нефертити оно тем более не походило! Тип лица не тот: изваяния царицы созданные мастером Тутмесом, обнаружил Л. Борхардт в Ахетатоне в 1912 году.

Наконец, мертвец, возраст которого насчитывал никак не более 28 лет, возбудил сомнения ученых именно своей молодостью: неужели реформу такого масштаба, какую осуществил Эхнатон за 17 лет царствования, провел... мальчик 11 лет?! Ну, пусть 12... В этом было что-то не так.

Однако вместо того, чтобы на основе этой материальной несообразности направить поиски в иное русло, сторонники того, что в гробу покоится Аменхотеп IV, стали искать доказательства своим утверждениям именно в материальной, телесной, биологической области: они предположили, что Эхнатон по какой-либо причине (допустим, из-за болезни костей) выглядел лет на 10 моложе. А ведь царь-солнцепоклонник свой "хет-сед" справил едва ли не в начале царствования! Об этом есть свидетельства. Впро-

чем, было решено, что "тридцатилетие" могло быть празднованием не возраста, а какой-либо напасти, чтобы от нее избавиться. А кто поручится, что Эхнатон и впрямь не был вундеркиндом?.. Ах, да! После смерти он оставил взрослых дочерей... Не сходится. Впрочем, и это можно объяснить: египтяне южане "взрослеют" рано.

В 1921 году немецкий ученый К. Зете опубликовал опровержение этой версии. Имя К. Зете очень много значило и могло поколебать мнение большинства. Но в 1924 году, уже зная, что из числа "претендентов" на гроб выбыл Тутанхамон (Г. Картер обнаружил его гробницу и мумию), Дж.Э. Смит и В.Р. Доусон в книге о египетских мумиях пересмотрели заключение о возрасте умершего. Они добавили ему десять лет из-за "резкого недуга, следствием которого вполне могла быть задержка в сращении костей".

Однако после такого "доказательства" ученый мир охватили еще большие сомнения.

С открытием гробницы Тутанхамона сразу были отброшены некоторые версии, как несостоятельные, например, принадлежность ему четырех алебастровых сосудов, поскольку были найдены "свои". Но все-таки это не смогло расставить точки над *i*. Наоборот, многих убедило в том, что костяк принадлежит Эхнатону: сравнение черепов Тутанхамона и безымянного обладателя золотого гроба показало, что загадочный покойник явно принадлежал к царствующему дому. В облике Тутанхамона как бы уже просматривалась будущая "грушевидность" Эхнатона: свидетельство тому — реалистическая картинка на спинке трона мальчика-царя Тутанхамона, где изображено, как он забавляется с женой Анхесенпаамон. Но главное — необычность черепов и схожесть обоих в этой необычности. Совпадали и форма, и размеры. Головы фараонов узки, с нависающими затылками. Однако трезвые ученые правильно оценили все "за" и "против" сходства "строения" двух фараонов: водянки могло не быть, если отклонения в стро-

ении черепа — фамильная черта. Именно так и оказалось, когда находка некоторых недостающих лицевых частей непоimenованного скелета подтвердила, что у покойника водянки, скорее всего, не было, а значит, и кости должны были срастаться вовремя.

В 1931 году Д.Э. Дерри, изучив останки, сделал вывод, что костяк принадлежал молодому человеку, скончавшемуся, вероятно, в возрасте 23 или 24 лет. Тождество с Эхнатоном при этом было исключено: 6- или 7-летний мальчик если и мог теоретически "проводить" реформы под чьим-либо руководством, то уж родить детей не мог никак! Надо было искать другого "претендента" на золотой гроб.

Короткое повествование об этой растянутой во времени истории всегда создает впечатление, что столкновение мнений и ученая перепалка в "вестниках" и "календарях" были страстными, бурными, воинственными. На самом же деле они как нельзя более верно и наглядно отражают повседневную работу историков и археологов: скучная рутина приносит, как правило, самые ценные плоды. Частенько в этой скрупулезности помогает случай. Писатели и историки прекрасно знают такое состояние, когда желанные и так необходимые для продвижения вперед события, происходя как бы сами по себе, на самом деле таят в себе огромную часть Божественного промысла. Осененные Им, они идут в желаемом направлении, а информация автору преподносится чуть ли не на блюдечке. Факты сами идут в руки. События активизируются.

Таким событием стало решение египетского правительства построить современную государственную усыпальницу для всех мумий, хранящихся в Каирском музее. Страсти вокруг золотого гроба, найденного Т. Дэвисом, закипели заново. Ученые должны были составить срочный реестр царственных мумий, чтобы уполномоченная комиссия решила — "спать" ее обладателю за государственный счет или

навсегда оставаться просто экспонатом. Но для этого нужно точно знать, кто же этот молодой человек, похороненный в гробнице Тейе? Каирский ученый Р. Энгельбах в 1931 году в "Анналах" Службы древностей Египта припомнил Ж. Дарресси, доказав, что переделка гробовых надписей действительно важный, если не ключевой, факт в цепи, позволяющий выяснить, кто же и почему покоится в гробнице Тейе. Энгельбах изначально приписал его фараону Сменхкара, но только все-таки — не фараону, а частному лицу. Длинноты в титлах Р. Энгельбах объяснял тем обстоятельством, что раньше было написано нечто типа: "Любимец царя такого-то такой-то", — а потом, взойдя на трон, сам "такой-то" стал царем. Энгельбах привел довод, что, если бы гроб принадлежал царице, картуш с ее именем пришелся бы на конструктивный перегиб в крышке гроба. Ученый доказал это. Однако в собственной версии он не смог справиться с одной деталью — первым женским местоимением. А это было самым слабым звеном: ведь на исконном золоте в первом местоимении была изображена женщина, а не мужчина. Р. Энгельбах объяснил это "недосмотром" резчика или писца. Правда, логично пояснил необходимость замены мужских знаков на другие: первоначально там был изображен просто мужчина, а потом его заменили на сидящего мужчину божественного происхождения — знак, присущий фараону. Если принять версию о "недосмотре", то надо поверить, что он произошел дважды: первый раз, когда во всех знаках на подножии гроба, кроме первого, был мужчина, а второй раз — когда везде обыкновенный мужчина заменялся на мужчину-фараона. С таким же успехом наличие неизмененного женского знака можно было трактовать и так, что, мол, при переделке в Египте внезапно кончились запасы листового золота (оно уже и так было тоньше, чем первоначальный лист), его не хватило: здесь есть хотя бы некоторая логика. Короче, ученые отнеслись к доводам Р. Энгельбаха скептически.

Однако Г. Масперо предполагал, что в гробу лежит Сменхкара, зять Эхнатона, первый преемник тестя и соправитель его в течение последних лет. Таким образом, отождествление Р. Энгельбаха получило "официальное" признание, и на какое-то время забыли о женском начале костяка, гробнице, сосудах и гробе (а также надписях на нем). Наконец, в 1940 году тот же Р. Энгельбах признал, что первоначальный "хозяин" гроба — женщина, но не царских, а простых кровей.

Американец К. Сил в 1955 году предположил, что гроб готовился для царевны, дочери Эхнатона Микетатон, умершей очень рано. Американец же С. Олдред в 1957 году приписал гроб старшей царевне Меритатон. Но Сменхкара — сколь бы то ни было доказательным — обладателем золотого гроба так и не стал.

Сэр Алан Гардинер в том же 1957 году поколебал уже устоявшиеся представления о гробе (загадке тогда исполнилось ровно полвека!), приведя в лондонском египтологическом журнале довод в пользу принадлежности реликвии самому Эхнатону. Он доказывал это, ссылаясь на то, что в XVIII династии было принято начертание на подножии гроба обращения богини Изиды, сестры и жены бога Озириса, а Изида обращалась к покойному, найденному в гробнице Тейе, как к брату и супругу. Так могла обращаться к нему только... Нефертити! Тем более что по углам гроба вместо богинь-хранительниц была изображена львица. А. Гардинер приводил и другие доводы. Например, что люди, участвовавшие в погребении, точно были уверены, что хоронят Эхнатона: золотые кирпичи (еще их называют "волшебными") содержали имя фараона. На кирпичах изображались заклинания, которым египтяне придавали колоссальное значение. Впрочем, был один нюанс: заклинания из "Книги мертвых" обязательно упоминали многих богов. Тогда с Эхнатомом не увязывался сам факт присутствия в гробнице золотых кирпичей!

Авторитетное мнение Гардинера сумело поколебать устойчивые представления, сложившиеся еще в 1931 году, о возрасте умершего. Но в 1958 году Г. Рёдер в берлинском/лейпцигском временнике столь же авторитетно заявил, что гроб принадлежит Сменхкара. Более того, ученый считал, что изначально гроб для него и был сделан. Причем не как для "частного лица", а как для фараона! Ну а вырезки и врезки объясняются очень просто: мастер ошибочно по всему тексту начертал знак местоимения женщины, а не мужчины. Солнце же позднее было включено в молитву постольку, поскольку первоначально (опять же ошибочно — такой вот безграмотный "мастер") обращение было к одному лишь Эхнатону. Получается, мастер либо много пил, либо вовсе не знал канонов, или... был иностранцем. Однако и в первом, и во втором, и в третьем случае (за неимением, допустим, временно, нормального рисовальщика и резчика) к такому обязательно приставили бы грамотного — жреца или другого знатока!

В 1959 году сэр Алан Гардинер изменил свое мнение и согласился с С. Олдредом. Но подтвердил, что во время похорон все были уверены, что хоронят Аменхотепа IV (то есть Эхнатона)! В 1961 году С. Олдред отстаивал версию, что в гробу похоронен Эхнатон. Ибо в случае поражения эндокринной системы покойник мог быть и средних лет (медицинское заключение глазговского ученого-медика А.Т. Сэндиксона). Однако, несмотря на то, что облик Эхнатона очень подходит под признаки такой болезни, он не должен был иметь детей, а их у него было много: до самой смерти у фараона рождались одна за другой дочери. Статья С. Олдредда была напечатана в лондонском Египтологическом журнале.

В том же журнале и в том же 1961 году Х.Ф. Фэрмэн доказывал, что гроб готовился для старшей царевны (супруги Сменхкара), но похоронен в нем был сам Сменхкара. Были опубликованы надписи с двух сосудов, принадле-

жавших неведомой жене Эхнатона — Кийа. В переводе написан с одного из них (американском) была опубликована еще В.С. Хэйсом в 1959 году. Срединная часть титла Кийа на сосуде совпадала с такой же на гробе. Фэрмэн заявил, что жена фараона Эхнатона Кийа тоже имеет полное право находиться в списке "кандидатов на обладание золотым гробом". Но в реализации таковых прав этот же ученый Кийа отказал: он объявил себя в этом отношении "сомневающимся и скептическим". Сопоставляя размеры титлов и пробелов, Х.В. Фэрмэн убедительно доказал, что все же Меритатон является первоначальным обладателем гроба.

В 1966 году в том же журнале опубликованы итоги медицинского обследования останков, осуществленного профессором анатомии Ливерпульского университета Р.Дж. Харрисоном. Профессор не только не опроверг Д.Э. Дерри, но и... снизил возраст мертвеца до 20 лет! Признаков болезни на костях не оказалось. Харрисон пришел к выводу, что в гробу — Сменхкара.

До сих пор ни одна из версий не имеет достаточно веских доказательств. Версия о принадлежности останков Аменхотепу IV считается в ученом мире более предпочтительной. В нынешнем году исполнилось 90 лет с момента отъезда Т. Дэвисом золотого гроба, а воз, как говорится...

Кто знает, может быть, в гробнице и впрямь был похоронен Эхнатон? Или эту неразрешимую пока загадку предстоит разгадать XXI веку? По крайней мере, в числе наиболее вероятных "кандидатов" на обладание золотым гробом называются четыре лица — Эхнатон (Аменхотеп IV), Сменхкара, Кийа, Нефертити... Оставим в стороне царицу Тейе и Тутанхамона, можно сказать, "случайно" нашедшего свою "четырёхкомнатную", хотя и малогабаритную гробницу и свой трехкамерно-матрешечный гроб. А ведь назывались еще две дочери Эхнатона, одна из которых жена Сменхкара... В конце 1960-х годов Ю.Я. Перепелкин, большой знаток этого вопроса и специалист по расшиф-

ровке текстов Древнего Египта, предпринял попытку глубокого анализа и детального "расследования" на предмет поиска обладателя гроба. Однако с новыми загадками, вскрывшимися в ходе написания книги "Тайна Золотого гроба", разбираться не стал. Видимо, предстоят еще долгие годы распутывать мудреные ходы, придуманные древними хитрецами. Сегодня за какой способ решения ни возьмись, логический ли, психологический, египтологический, — вопрос решается трудно.

А нас интересует не сама даже тайна золотого гроба, а то, что вокруг нее. И на этом хотелось бы особо остановиться, правда, весьма коротко.

Первая в официально признанной истории любовь мужа и жены — Эхнатона и Нефертити — запечатлена в камне и известняке, алебастре и золоте. Трогательность картин семейной идиллии, так не похожих на канонические фараоновские сюжеты, до сих пор не оставляет никого равнодушным. Неизвестно, чем "взял" ее Эхнатон, зато любому прекрасно видно, что столь нежное и очаровательное существо, как Нефертити, не полюбить было нельзя. Уже то благоговение, с каким Аменхотеп IV относился к царственной супруге, могло подвигнуть его на известные реформы. Конечно, воззваний к художникам типа "Пиши с натуры!" или "Натура — лучший учитель", — мы не встретим. Но никто не станет спорить, что два портрета Нефертити — из песчаника и известняка — исполнены рукой не менее великого, чем фараон Эхнатон, мастера. Обе головы приписывают одному и тому же художнику — Тутмесу. Поистине эпоха, когда на земле жили такого уровня ваятели и такого класса "модели", — великая эпоха. Соответственно велик и возглавлявший ее царь, повернувший "мировую империю" в желаемом направлении. Заметьте: Египет был тогда "сверхдержавой"!

Впрочем, фараон этот был со странностями. Во-первых, сильно смахивал на женщину — это упорно повто-

ряет Ю.Я. Перепелкин, да и ученые копья ломались с того самого 1907 года, когда Дэвис обнаружил прах. Во-вторых, великий реформатор был решителен в одних вопросах и... совершенно бездейтелен в других. Читатель может углубить свои познания относительно поведения Эхнатона, обратившись к книгам Л. Котрелла или Зенона Косидовского. В начале царствования взорвавший и перевернувший громадную страну, во второй половине отпущенных ему Атоном 17 лет правления он и пальцем о палец не ударил в моменты, когда требовались решительность или настойчивость. Человек, осознавший на троне, что единобожие в законах и в душах требует полного самовластья на государственном уровне, — не только часто бывал вял и безразличен, но и допустил, чтобы фараоном — почти официально — стала женщина!..

“Что-что? — спросите вы. — Как же так?..” Очень просто. До нас дошло немало изображений, говорящих именно об этом. Тот же Л. Борхардт обнаружил две каменные плиты, на которых не успели по каким-то причинам выбить имена. Однако и без имен ясно: на плитах изображен фараон Эхнатон и его жена. Профессор Перси Ньюберри в одном из номеров лондонского египтологического журнала за 1928 год обращал внимание на эти две рядовые картинки, оценивая их под иным углом зрения: женщина, изображенная рядом с фараоном, не просто жена и царица. Она — фараон! На ней не женский, а мужской венец, присущий только царям. Это можно увидеть на других изображениях Эхнатона поздней поры.

Заинтересовавшись, “картинки” исследовал Г. Редер и обнаружил то же. Опять теряясь в догадках, ученые спорили о том, как звали второго царя: ведь известно, что несколько лет соправителем Эхнатона был Сменхкара. Однако после детального расследования выяснилось, что царем является все-таки женщина.

Более того: это — не царица Нефертити! Как выясни-

лось, это — Кийа, вторая жена царя. Пришло время “размолвки” (писал Л. Коттрелл) между Эхнатомом и Нефертити. Эхнатон женился и перестал общаться с истинной царицей. Но не до такой же степени! Да еще в стране, где фараоном становился муж царицы! Неужели Кийа имела на Эхнатона влияние, какого не было у Нефертити?

Да. Кийа жаждала власти, причем не меньшей, чем у Нефертити. Почему живая и здоровая Нефертити вдруг “сдала” власть простолюдинке?.. О том, что истинная царица была жива и здорова, свидетельствуют другие ее изображения — в возрасте, когда явно видны следы старости. Почему Нефертити вела себя так, будто ничего не происходило?.. Все это удивительно не только на первый взгляд. Многоженство в Древнем Египте было делом обыкновенным. Особенно среди фараонов. Но случая, чтобы вторая или пятидесятая жена возвысилась над первой, да еще истинной царицей, пожалуй, не было. В чем дело?

Борьба жрецов с Аменхотепом IV (Эхнатомом) закончилась какой-то неразгаданной тайной — возможно, даже сговором.

Неизвестно, какую силу имела в государстве царица Нефертити. Скорее всего, громадную. Был пример до нее, был и после нее (Анхесенамон, жена фараона Тутанхамона, — по крайней мере на “картинках”, сочиненных то ли художниками, то ли жрецами). Мы не знаем, где ее могила. Как, впрочем, и где могила Кийа. Может, разрушенный и на много веков забытый город Ахетатон когда-нибудь откроет одну из этих тайн?

ЗАГАДКИ ГРОБНИЦЫ ТУТАНХАМОНА

Лорд Карнарвон, типичный английский аристократ, был человеком увлекающимся. Страстный охотник, потом любитель дерби, затем спортсмен-автомобилист, поклонник авиации, оказавшись из-за болезни лишенным всех прежних увлечений, он обратился к своему другу, директору египетского отдела в Британском музее У. Баджу, с просьбой посоветовать какое-либо интересное занятие, где не требуется физических усилий. Полушутя У. Бадж привлек внимание лорда Карнарвона к египтологии. А заодно подсказал имя Говарда Картера — молодого профессионального археолога, работавшего с известными учеными Питри и Дэвисом. То же имя назвал ему и Г. Масперо, директор Египетского музея в Каире...

Удивительным стечением обстоятельств и блестящим совпадением двух рекомендаций начинается эта история.

Теодор Дэвис, открывший много царских гробниц, имел концессию на раскопки в Долине царей. В 1914 году, считая, что вся Долина уже перекопана и вряд ли возможна какая-либо серьезная находка, Дэвис отказался от концессии в пользу Карнарвона. И Масперо предупредил лорда, что копать в Долине царей — дело безнадежное и дорогостоящее. Но английский безумец верил в одержимость Г. Картера! Тот хотел во что бы то ни стало откопать гробницу Тутанхамона. Он почти вычислил ее местонахождение! Дело в том, что в разное время, работая с Дэвисом, Картер нашел фаянсовый кубок из гробницы, изломанный деревянный ларец с золотыми листочками, на которых начертано имя Тутанхамона, и глиняный сосуд с ос-

татками льняных повязок — их забыли жрецы, бальзамировавшие труп фараона. Все три находки указывали на то, что гробница рядом, что она **не расхищена**, как многие и многие усыпальницы египетских царей.

Вид Долины царей произвел на лорда Карнарвона впечатление удручающее. Дно котлована было завалено гигантскими грудками щебня и обломками и зияло черными провалами вскрытых и ограбленных могил, высеченных в подножиях скал. С чего же начать работу? Неужели ворошить весь этот щебень?..

Но Картер знал, с чего начать. Он провел по плану котлована три линии, соединяющие точки трех находок, и обозначил, таким образом, треугольник поисков. Он оказался не очень большим и находился между тремя могилами — Сети II, Мернепты и Рамзеса VI. Археолог оказался настолько точным, что первый удар кирки пришелся как раз над тем местом, где находилась первая ступенька лестницы, ведущей в гробницу Тутанхамона! Но об этом Говард Картер узнал лишь спустя долгих шесть лет — вернее, шесть археологических сезонов, в течение которых шла расчистка завалов щебня.

В первый год Картер наткнулся на остатки неизвестных стен. Оказалось, это руины домов, где жили резчики, каменотесы и художники, занятые работой над царской гробницей. Стены стояли не на скальном грунте, а на щебне, извлеченном из скалы во время строительства гробницы Рамзеса VI. Уважив последнего, Картер решил отодвинуть свою славу на шесть лет: он перенес раскопки щебня, оставив руины стен нетронутыми. К этому его подвигло желание не мешать многочисленным экскурсиям, ибо раскопки загромоздили бы и без того узкий проход к уже открытой и обследованной гробнице Рамзеса.

Наконец, намеченный к расчистке треугольник был полностью освобожден от щебня. Однако следа искомой

могилы археолог не обнаружил. Карнарвон, вложивший множество средств в это рискованное мероприятие, склонен был отказаться от задуманного. Больших усилий отчаявшегося археологу стоило уговорить лорда продолжить поиски — “всего один сезон”. Умеющий уговаривать Картер убедил аристократа. Вот записи из его дневника:

“Началась наша последняя зима в Долине. Шесть сезонов подряд мы вели здесь археологические работы, и сезон проходил за сезоном, не принося результатов. Мы вели раскопки месяцами, трудились с предельным напряжением и не находили ничего. Только археологу знакомо это чувство безнадежной подавленности. Мы уже начали мириться со своим поражением и готовились оставить Долину...”

3-го ноября 1922 года рабочие стали сносить стены барачков, оставленные Картером в 1917-м. Снося стены, они убирали и метровый слой щебня, находившийся под ними.

Ранним утром 4 ноября над Долиной вдруг установилась интригующая тишина. Картер немедленно помчался туда, где возле свежей ямы столпились рабочие. И он не поверил своим глазам: из-под щебня показалась первая ступенька, высеченная в скале.

К ним вернулся энтузиазм, и работы ускорились. Ступень за ступенью продвигалась группа к основанию лестницы. Наконец, вся лестница была свободна, и показалась дверь, заложённая камнями, замурованная и снабжённая двойной печатью. Разглядывая оттиски печати, Картер с огромной радостью обнаружил царскую её принадлежность: некрополь с изображением шакала и девяти пленных. Уже это давало надежду, что грабители не добрались до гробницы. Само её расположение и обстоятельства раскопок говорили о том, что, видимо, о ней все давно забыли: камено-

тесы поленились унести от чужой усыпальницы щебень, выбиваемый из скалы, и сваливали его сначала на вход в усыпальницу Тутанхамона, а позже — и поверх него. Жрецам же, неусыпно охранявшим входы, это оказалось на руку, поскольку меньше оставалось вероятности, что грабители вспомнят о богатой гробнице. А если и вспомнят, перелопатить столько щебня, чтобы влезть в могилу, врагу не пожелаешь. Потом о гробнице забыли и сами жрецы... А позднее над этой гробницей построили дома для рабочих, трудившихся в Долине, тем самым окончательно похоронив и "засекретив" место усыпальницы юнши-фараона.

Вверху кладки Картер проделал небольшое отверстие и, посветив в него, заглянул вовнутрь. Он ничего не увидел, кроме камней и щебня. Груды возвышались до самого потолка.

Разуверившегося лорда Карнарвона не было не только в Долине царей, но и в Египте. Картер послал ему в Англию телеграмму. "Наконец, — говорилось в ней, — вы сделали чудесное открытие в Долине: великолепная гробница с нетронутыми печатями вновь закрыта до вашего приезда. Поздравляю".

"То был волнующий момент для археолога, — писал Картер. — Совсем один, если не считать местных рабочих, после долгих лет тщательных усилий я стоял на пороге того, что могло быть великолепным открытием. Все, буквально все, что угодно, могло находиться за этим входом, и понадобилось все мое самообладание, чтобы не взломать кладку и не приступить к немедленным исследованиям".

Чтобы не искушать себя и для большей сохранности, Говард Картер вновь засыпал лестницу, поставил наверху охрану и стал ждать Карнарвона.

Лорд Карнарвон и его дочь леди Эвелин Герберт были в Луксор 23 ноября. Доктор Алан Гардинер, которого Карнарвон пригласил с собою в поездку, обещал прибыть в первых числах нового года. Доктор Гардинер — знаток папирусов, и его знания могли пригодиться при вскрытии гробницы, ибо первооткрыватели надеялись обнаружить в ней множество надписей, а возможно, и свитки.

Когда лестницу вновь очистили, археологи пригляделись, наконец, к печатям. Несомненно, одна из них была царской, а другая жреческой: оттиск печати стражей некрополя. Значит, воры все же побывали в усыпальнице. Впрочем, если бы гробница была целиком ограбленной, не имело бы смысла вторично запечатывать ее. Но это обстоятельство сильно испортило настроение Картера, пока расчищали идущий с востока на запад коридор длиной в 27 футов. 26 ноября археологи обнаружили второй замурованный дверной проем.

Картер писал:

*"Наконец мы увидели полностью расчищенную дверь. Наступил решающий момент. Дрожащими руками я проделал узкую щель в верхнем левом углу каменной кладки. За нею была пустота, насколько я мог определить железным щупом... произвели **пробу воздуха на пламя свечи**, на предмет скопления опасных газов, а затем я немного расширил отверстие, просунул в него свечу и заглянул внутрь. Лорд Карнарвон, леди Эвелин Герберт и египтолог Кэллендер стояли рядом и с волнением ждали моего приговора. Сначала я ничего не разглядел, потому что поток горячего воздуха из гробницы задувал свечу. Но постепенно глаза мои привыкли к мерцающему свету, и передо мной из полумрака начали возникать странные животные, ста-*

туи и... золото — повсюду сверкало золото! На какое-то мгновение — тем, кто стоял рядом со мной, оно показалось вечностью! — я онемел от изумления. Наконец лорд Карнарвон с волнением спросил:

— Вы что-нибудь видите?

— Да, — ответил я. — Чудесные вещи..."

Один из коллег Картера писал не менее взволнованно:

"Мы увидели нечто невероятное, сцену из волшебной сказки, великолепную сокровищницу из оперных декораций, воплощение снов творящего композитора. Напротив нас стояло три царских ложа, а вокруг них сундуки, ларцы, алебастровые вазы, обитые золотом кресла и стулья — нагромождение сокровищ фараона, который умер... еще до того, как Крит достиг расцвета, задолго до рождения Греции и зачатия Рима, — с тех пор прошло больше половины истории цивилизации..."

Сотни предметов находились в этом помещении, впоследствии названном Передней комнатой, в полнейшем беспорядке, "как ненужная мебель в чулане", по меткому выражению сэра Алана Гардинера.

И только две фигуры в полный рост, симметрично взаимонаправленные, стояли по обеим сторонам замурованного и запечатанного дверного проема, что находился по правой стене. Фигуры были из дерева, пропитанного чем-то вроде асфальта, раскрашенные черными и золотыми красками, на лбу у них были царские уреи, а в руках — золотые жезлы. Каждая из фигур опиралась на длинный посох.

После осмотра содержимого Передней комнаты Картер и Карнарвон поняли значение замурованного входа:

"За запечатанной дверью были другие покои, может быть, целая анфилада, вне всякого сомнения... мы должны были увидеть останки фараона".

Постепенно выявлялись другие подробности: скорее всего, грабителей застали на месте преступления, и они, побросав все, что нахватили, в спешке и беспорядочно бежали, не успев причинить большого вреда. Но не менее беспорядочно поступили жрецы: торопливо засунув обратно в сундуки царские одежды и предметы, из которых мелкие ссыпали туда же, хотя хранились они явно в других ларцах, стражи некрополя **столь же поспешно покинули гробницу** и замуровали вход в нее.

Впервые за всю историю раскопок Говард Картер столкнулся с вероятностью обнаружить нетронутый царский гроб. Велико было искушение немедленно вскрыть запечатанную вторую дверь, но археолог поступил согласно научному долгу: он объявил, что начнет извлекать из гробницы предметы лишь после того, как будут приняты все меры для их сохранения! Подготовительная работа длилась два месяца.

Тем временем в Каире к Египетскому музею стали пристраивать специальное отдельное крыло для работы и хранения новой экспозиции. От Службы древностей Картер получил специальное разрешение использовать усыпальницу фараона Сети II как лабораторию и мастерскую. В нее переносили по одному предметы из гробницы, предварительно обрабатывали и отправляли в Каир. Были привлечены к работе другие археологи – Литгоу, куратор Египетского отдела Метрополитен-музея; Бертон – фотограф; Уинлок и Мейс, тоже из Метрополитен-музея; рисовальщики Холл и Хаузер, Лукас – директор египетского департамента химии. Алан Гардинер прибыл для расшифровки надписей, ботаник профессор Перси Ньюберри – для

определения цветов, венков и других найденных в гробнице растений.

В Передней комнате обнаружили более шестисот предметов, и все они были тщательнейшим образом описаны и зарисованы самим Картером.

Многое, с чем столкнулся Г. Картер, было впервые. Первый нетронутый царский гроб, первая по количеству предметов коллекция, первый... ажиотаж вокруг раскопок, поистине всемирный! Ни разу археологи не сталкивались с этой проблемой: сотни репортеров, толпы посетителей, мешающие работать. Мировая пресса публиковала свои выводы на ту или иную тему – вплоть до того, что "Тутанхамон является тем самым фараоном, при котором произошел исход евреев из Египта". Позволил себе далеко идущие выводы и В. Викентьев, писавший с места событий в Москву. По-своему растолковав зажатость помещения гробницы, он решил, что Тутанхамон был перезахоронен, и не единожды – по примеру неприкаянного Рамзеса III, которого жрецы переносили с места на место три раза! Он даже нашел единомышленников якобы в лице Борхардта, Ранке и Бенедита. И при этом путался в именах фараонов и жены Тутанхамона Анхесенпаамон...

Наконец, Картер очистил Переднюю комнату и был готов размуровать вход в "Золотой Чертог". Из всех желавших присутствовать при этом событии лишь корреспондент "Таймс" был допущен внутрь.

О вскрытии "Золотого Чертога" рассказывал сэр Алан Гардинер:

"Когда Картер снял верхний ряд кладки, мы увидели за ней стену из сплошного золота, во всяком случае, так нам показалось на первый взгляд. Но, когда была убрана вся кладка, мы поняли, что видим одну сторону огромного внешнего Ковчега. Мы знали о таких ковчегах

по описаниям в древних папирусах, однако здесь он был перед нами. Во всем своем сине-золотом великолепии он заполнял все пространство второй комнаты. В высоту он почти достигал потолка, а между его стенками и стенами комнаты оставалось не более двух футов.

Сначала внутрь вошли Картер и Карнарвон, протискиваясь сквозь узкое пространство, и мы ждали, пока они вернутся. Когда они вышли, оба изумленно всплеснули руками, не в силах описать, что они увидели. За ними последовали другие, пара за парой. Помню, как профессор Лако сказал мне с усмешкой: "А вам лучше не пробовать: слишком уж вы... солидный". Тем не менее, когда пришла моя очередь, я вошел во внутреннюю комнату с профессором Брэдс-тедом. Мы протиснулись между стенами и ковчегом, свернули налево и очутились перед входом в ковчег с большой двустворчатой дверью. Картер отодвинул засов и открыл эти двери, так что мы смогли разглядеть внутри большого внешнего ковчега, который достигал 12 футов в длину и 11 в ширину, другой, внутренний ковчег с такими же двойными дверьми, с еще не тронутыми печатями. Лишь потом мы узнали, что здесь было четыре позолоченных ковчега, вставленных один в другой, как в наборе китайских резных коробок, и только в последнем, четвертом, покоился саркофаг. Но его мы смогли увидеть лишь через год".

А вот — первый подступ к будущей тайне. Рассказывал сам Говард Картер:

"В этот момент у нас пропало всякое жела-

*ние вскрывать эти печати, ибо мы вдруг почувствовали, что вторгаемся в **запретные владения**; это **гнетущее чувство** еще более усиливали льняные покровы, ниспадавшие с внутреннего ковчега. Нам казалось, что перед нами возник призрак усопшего фараона, и мы должны склониться перед ним”.*

Ах, как он был прав!.. К сожалению, археологи при вскрытии захоронения брали пробы лишь на *пламя свечи*, то есть на **опасные газы**... Как часто рок преследует искателей древностей, особенно в Египте! Мумия, пролежавшая в своей камере, в своем гробу более трех тысячелетий, будто живая, сторожит свои богатства.

Позади усыпальницы искатели обнаружили вход в другую комнату. И она была полна чудес... Археологи назвали ее Сокровищницей. Там стоял ковчег для каноп фараона, охраняемый четырьмя богинями из золота, золотые колесницы, изваяние бога Анубиса с головой шакала, огромное количество ларцов с драгоценностями. В одном из них, открытом Картером, сверху лежал веер из страусовых перьев, выглядевший так, будто его положили туда вчера... Через несколько дней перья вдруг начали быстро ссыхаться, их едва успели законсервировать.

“Однако, — вспоминал Алан Гардинер, — когда я увидел их впервые, они были свежи и совершенны и произвели на меня такое глубокое впечатление, какого я не испытывал и, наверное, уже не испытаю никогда”.

Все это происходило в феврале 1923 года. Затем последовали события, к археологам имеющие не столь прямое отношение. Возникла проблема с монополией на газетную информацию, которую лорд Карнарвон отдал известной “Таймс”. Неимоверно возрос поток посетителей. Наконец,

угрожающе нелепая и грязная в своей основе ссора между лордом и Картером на предмет "дележа" добычи из гробницы. Аристократ уподобился древнему грабителю, требуя "свою долю". Точно бес вселился в лорда Карнарвона, прекрасно осведомленного, что Дэвис прилюдно отказался от своей "доли" в пользу Египетского музея. А расчленять уникальную находку, которая и по сей день является единственной в своем роде, было бы непростительно и даже преступно. Хотя бы по отношению к нам, потомкам, и тем, кто придет за нами.

Мы говорим "точно бес". А может быть, и вселился кто-то в лорда в те мгновения, что он провел в ковчеге?.. Здесь, конечно, скрыта определенная тайна. Многие перестало быть прежним после того, как двадцать человек попарно побывали в "Золотом Чертоге".

*"Они обменялись самыми язвительными словами, — писал Брэстед о Картере и лорде Карнарвоне, — и Картер в ярости попросил своего старого друга удалиться и **никогда больше не возвращаться**. Вскоре после этого лорд Карнарвон заболел лихорадкой из-за воспалившейся раны. Некоторое время он еще боролся. Но началось воспаление легких, и 5 апреля 1924 года он умер в возрасте 57 лет. Газетчики приписали его смерть древнему проклятию фараонов и раздували эту суеверную выдумку, пока она не превратилась в легенду".*

Однако припомним следующее. Граф Эмон, известный мистик своего времени, не поленился написать лорду:

"Пусть лорд Карнарвон не входит в гробницу. Опасность грозит ему, если он не послушает. Заболеет и не выздоровеет".

Смертельная лихорадка настигла лорда буквально через несколько дней после события, о котором предупреждали. Противоречивы и заявления близких и врачей. Брэстед пишет о "воспалившейся ране", а другие — об "укусе заразного москита", которого лорд якобы всегда боялся. Человек, не опасавшийся в жизни ничего! Смерть нашла его в номере гостиницы "Континенталь" в Каире. В той же гостинице скончался вскоре американец Артур Мейс. Он пожаловался на усталость, затем впал в кому и умер, не успев передать врачам своих ощущений. Диагноз они поставить не смогли! Радиолог Арчибальд Рид, исследовавший тело Тутанхамона при помощи рентгеновских лучей, был отослан домой, где вскорости умер "от горячки".

Конечно, не всех египтологов настигла смерть немедленно после вскрытия ковчега. Благополучно прожили длинную жизнь леди Эвелин, сэр Алан Гардинер, доктор Дерри, Энгельбах, Бертон и Уинлок. Профессор Перси Ньюберри умер в возрасте 80 лет в августе 1949 года, как Дерри и Гардинер. Сам Картер дожил до 1939 года и скончался в возрасте 66 лет.

Но пока оставим эту тайну и обратимся к дальнейшим действиям Картера.

Кроме ковчега-часовенки, где хранились мозги, сердце и внутренности покойника, изъятые у него во время бальзамирования, и лежащего на золоченых носилках бога-шакала Анубиса, у стен стояло множество ларцов из слоновой кости, алебаstra и дерева, инкрустированных золотом и голубым фаянсом. В ларцах находились бытовые предметы и несколько золотых статуэток самого Тутанхамона. Здесь же стояли еще одна колесница и модели парусных челнов. Главное, что обнаружил в сокровищнице Говард Картер, — то, что ее не коснулась рука грабителя. Все было на тех местах, куда поставили жрецы Амона.

Когда были завершены все подготовительные работы,

Картер стал открывать сам ковчег. Как уже говорилось, внутри был вставлен еще один, по убранству ничуть не уступающий внешнему, а, сорвав царские печати, археолог нашел еще два ковчега, один в другом, и они были не менее прекрасны, чем первые два. Открыв и их, Картер коснулся царского саркофага. Саркофаг был сделан из желтого кварцита и стоял на алебастровом постаменте. Крышка саркофага была изготовлена из розового гранита. Камнерезы постарались: горельефы с четырех сторон изображали охраняющих саркофаг богинь, обнимающих его руками и крыльями.

Три месяца разбирались четыре ковчега. Мастера соединили их части при помощи крюков и ушек. Чтобы вынести ковчеги, Картеру пришлось разрушить целую стену, отделявшую "Золотой Чертог" от Передней комнаты.

Гроб покоился под льняным саваном, от времени сделавшимся бурым. Система блоков подняла тяжелую крышку саркофага, и саван был тоже убран. Присутствующие стали очевидцами ослепительного зрелища: выструганный из дерева золоченый гроб по форме повторял мумию и сверкал, будто был только что сделан. Голова и руки Тутанхамона были изготовлены из толстого листа золота. Глаза из вулканического стекла, брови и веки из стеклянной массы бирюзового цвета — все выглядело "как живое". Орел и аспид были обозначены на лбу маски — символы Верхнего и Нижнего Египта.

Важнейшая деталь, о которой предоставим высказать себя самому археологу:

"Что, однако, среди этого ослепительного богатства производило наибольшее впечатление, — это хватавший за сердце веночек полевых цветов, который положила на крышку гроба молодая вдова. Весь царственный блеск, вся царская пышность бледнели перед скромными, по-

блекшими цветами, которые сохранили еще следы своих давних свежих красок. Они красноречиво напоминали нам, насколько мимолетным мгновением являются тысячелетия”.

К удивлению ученых, внутри, под крышкой гроба, оказался еще один гроб, изображавший фараона богом Озирисом. Неоценима художественная ценность его, украшенного яшмой, лазуритом и бирюзовым стеклом, а также позолоченного. А подняв вторую крышку, Картер обнаружил третий гроб из толстого золотого листа, целиком копирующий фигуру мумии. Гроб был усыпан полудрагоценными камнями, на шее фигуры сверкали ожерелья и бусы разных цветов.

Мумия была залита ароматической смолой, а голову и плечи покрывала золотая маска, лицо фараона было грустным и несколько задумчивым. Выполненные из золотого листа руки были скрещены на груди.

Сняв маску, археологи взглянули в лицо мумии. Оно оказалось удивительно похожим на все найденные маски и изображения Тутанхамона. Мастера, изображавшие покойного, были самыми “завзятыми” реалистами.

Доктор Дерри, разматывая повязки мумии, обнаружил 143 предмета: браслеты, ожерелья, перстни, амулеты и кинжалы из метеоритного железа. Пальцы рук и ног находились в золотых футлярах. При этом резчики не забыли обозначить ногти.

Удивительные находки, перечень которых был бесконечно длинным, сопровождался событиями поистине драматическими. В день открытия саркофага в отелях Луксора появилось следующее объявление:

“Ввиду недостойного поведения и невыносимых ограничений со стороны Департамента общественных работ и Службы древностей все мои

сотрудники в знак протеста прекращают дальнейшие работы по изучению гробницы Тутанхамона. Поэтому я должен уведомить общественность, что сразу же после того, как представители печати ознакомятся с гробницей сегодня между 10.00 утра и полуднем, гробница будет закрыта и все дальнейшие работы приостановлены.

Говард Картер".

Дело в том, что продолжалась тяжба между Картером и Службой древностей Египта по двум пунктам: претензии наследницы лорда Карнарвона на часть сокровищ Тутанхамона, отстаиваемые адвокатами семьи Карнарвонов, и в этом пункте Картер поддерживал египетское правительство; а также — недовольство Картера действиями чиновников, указывавших на то, как именно ему вести раскопки, и присылавших в гробницу толпы посетителей. В этом пункте Картера против правительства поддерживали все ведущие археологи.

Наконец, правительство аннулировало концессию леди Карнарвон, поставило охрану, а Картеру... запретило вход в гробницу! Говард Картер вынужден был обратиться в Каирский суд, потому что правительство устроило в гробнице презентацию, на которой присутствовали сотни чиновников с женами! В конце концов, торжества, как и положено вакханалии, завершились грандиозным фейерверком.

Все это время двое преданных Картеру начальников работ из арабов оберегали сваленные в кучу недалеко от входа в гробницу личные вещи археолога, глядя на торжества, как на откровенное богохульство.

В своей книге Картер приводит одно из писем десятника из египтян:

"Мистеру Говарду Картеру, эскв.

Досточтимый сэр!

Пишу Вам письмо в надежде, что Вы живы и здоровы, и молю Всевышнего, чтобы Он не оставил Вас в своих заботах и возвратил нам в добром здравии, целым и невредимым.

Осмелюсь сообщить Вашей светлости, что склад № 15 в порядке, сокровищница в порядке, северный склад в порядке и дом в порядке, и все рабочие исполняют то, что Вы приказали в своих предписаниях.

Хусейн, Газ Хасан, Хасан Авад, Абделад-Ахмед и все шлют Вам наилучшие пожелания.

Шлю свои наилучшие пожелания Вам.

С нетерпением ожидающий Вашего скорейшего приезда,

Ваш покорный слуга

Ахмед Гургар".

Тяжба тянулась и тянулась. В конце концов, после резкого выпада адвоката Картера, правительство прервало все переговоры, и огорченный Картер вернулся в Англию.

Однако вскоре произошел политический переворот, Англия укрепила свои позиции в Египте, и новое правительство позволило Картеру продолжить работы. Тогда-то и были вскрыты три гроба, в которых покоилась мумия.

Десять зимних рабочих сезонов потратил Картер на расчистку, предохранение и извлечение массы предметов.

О значении находки Говарда Картера Алан Гардинер сказал:

"Это открытие прибавило немного к нашим знаниям о данном историческом периоде. Филологов гробница разочаровала, ибо в ней не оказалось письменных свидетельств. О самом Тутанхамоне мы ничего не знаем, кроме того,

что он унаследовал трон после смерти своего отчима Эхнатона, что он правил всего несколько лет и умер в юном возрасте. Его наследником стал Эйе, престарелый жрец, который при Эхнатоне восславлял Атона. На стенах усыпальницы Тутанхамона он изображен как глава погребальных церемоний во славу своего предшественника. Интересен еще один факт: в гробнице нашли мумии двух мертворожденных младенцев, очевидно, детей Тутанхамона и его юной жены Анхесенпаамон.

Но если говорить о **художественной ценности** произведений того периода, то это открытие не имеет себе равных. Ничего подобного не находили раньше, и маловероятно, что найдут когда-либо в будущем. То, что эта гробница после неудачной попытки ограбления осталась не потревоженной в течение 3300 лет, — редчайшая удача...

Для археологии ценность этого открытия заключается не только в найденных сокровищах, а в том, с каким высоким искусством и тщательностью были описаны и сохранены все эти прекрасные вещи".

Сэр Алан Гардинер упомянул одну очень важную вещь: строительство позднейшей гробницы Рамзеса VI. Каменотесы, словно бы не задумываясь, отбрасывали щебень не просто к подножию скалы, в которой высекали гробницу. Кажется, будто вход в усыпальницу Тутанхамона завален нарочно. Для чего? Что заставило рабочих и руководителей работ поступить так?

Почему, несмотря на сильную охрану некрополя, практически все гробницы были разграблены, а могила Тутанхамона, простоявшая несколько десятков лет нетронутой,

подверглась всего только одной попытке ограбления, закончившейся неудачей?..

Причину мы, вероятно, найдем, если примем неожиданные смерти в группе Картера, в том числе и гибель лорда Карнарвона, за события одной цепи. Очевидно, группу воров, застигнутых жрецами на месте преступления, постигла та же участь. Никто не поручится за то, что в скором времени не отправились к праотцам и сами жрецы некрополя, запечатавшие вторично вход в гробницу, куда они второпях сбросили отнятые у грабителей предметы. Видимо, "проклятие", висевшее над усыпальницей юного Тутанхамона, не бред журналистов, а реальность. Воры больше не прикасались к золоту фараона, как бы им этого ни хотелось. Жрецы тоже не отважились на ограбление!.. Доподлинно ведь известно, что во многих кражах из царских могил жрецы участвовали... Посвятить на гробницу Тутанхамона никто не решился: в сознании грабителей много веков держался четкий запрет прикасаться к вещам почившего правителя. А завал из щебня, предпринятый каменотесами поздней гробницы Рамзеса VI, выглядит не как сокрытие от кого-либо следов погребения Тутанхамона — что каменотесам до его сокровищ! — а **ликвидация причин к искушению** забраться в гробницу. Видно, легенда о "проклятии", о таинственных смертях и болезнях много веков передавалась из уст в уста. Грабитель всегда рискует, но надеется пережить судьбу, охрану, обстоятельства и т.д. Здесь же любой безумец был обречен, то есть заранее шел бы на верную смерть. В результате Картер вскрыл только **две** печати на замурованной входной двери. **Третья** (не говоря о четвертой и т.д.) печать на ней так и не появилась, поскольку **больше не было попыток ограбления**.

И совершенно не прав В. Викентьев, выдвинувший в своих "Письмах" журналу "Новый Восток" в 1923—1924 годы предположение о том, что было осуществлено **перезахоронение** Тутанхамона якобы **под** гробницу Рамзеса VI:

замурованный вход в гробницу юноши царя запечатан **подлинной** печатью фараона, которой во времена позднего царя уже не существовало. Еще одним обстоятельством, указывающим на подлинность захоронения, является тот самый букетик полевых цветов, идентифицированных профессором Ньюберри: его могла оставить только любящая женщина. Или... Здесь мы подходим к сложной схеме тайны, многие звенья которой до сих пор не известны и вряд ли станут известны когда-либо.

Каким было "проклятие", кем и для чего оно было наложено на могилу малозначительного юного фараона, который и пожить-то толком не успел? Всякому царю пелись гимны и слагались "подвиги", коих тот не совершал, а здесь налицо явное отсутствие каких-либо прижизненных заслуг, кроме, конечно, возвращения культа Амона, к которому, по некоторым соображениям, Тутанхамон все же мало причастен.

Изобилие колесниц и изображений мчащегося на колеснице мальчика-фараона говорит не столько о божественном его происхождении, которое утвердилось для фараонов с времен Древнего царства (2880–2110 годы до н.э.) и строительства пирамид: еще это обстоятельство, весьма реалистично отображенное художниками за 1350 лет до н. э., говорит... о мальчишестве царя, который обожал быструю езду. Инкрустированное драгоценными и полудрагоценными камнями изображение на спинке трона, где Тутанхамон и его жена Анхесенпаамон любезничают друг с другом, а она, вероятно, умиливает его благовониями, тоже очень реалистично, даже более того: Тутанхамон **качается на троне!** Что это, как не проявление мальчишества, молодости, непоседливости? Тем более что доказано: портретное сходство фараона потрясающее! Небрежно вскинута на спинку трона локтем правая рука, в то время как левая покоится на коленях, оторванные от пола задние ножки трона... Мастера будто

напрочь забыли каноны, в коих следовало изображать олицетворение Амона-Ра. Разве только полуповорот корпуса намекает на канон. Однако здесь художник гениально вышел из положения, сделав позу **естественной**, оперев фигуру мальчика локтем на спинку. Какое ему, мальчишке, дело до царства?.. Сплошная любовная идиллия. А о том, что любовь между дочерью Эхнатона и Тутанхамоном была, свидетельствуют хотя бы те два мертворожденных младенца, о которых говорил сэр Алан Гардинер. Даже если первоначально любви не было, родительское горе должно было сблизить Тутанхамона и Анхесенпаамон. Возможно, царствие Тутанхамона было чисто номинальным и Египтом за спиной подставного царя правила жреческая верхушка?.. Вот и Сменхкара, соправитель Эхнатона, был лицом номинальным. А возможно, отлучение фараонов от власти при нем и произошло? Ведь и он, и Тутанхамон воспитывались в Ахетатоне, в лучах культа единого бога Атона!.. Рисковать фиванские жрецы больше не имели права: слишком высокой была ставка. Жрецы даже похоронили всех троих фараонов "не по правилам". Объявив Эхнатона еретиком, повырезали – кое-где наспех – картуши с именем царя из золотых лент, повыбили его имя, стараясь изгладить его окончательно, из надписей на стенах в гробнице, не поленились "почистить" относительно упоминаний Эхнатона целый город Ахетатон! А последователя реформ Эхнатона – фараона Сменхкара – они просто-напросто свергли с трона, когда он оказался неугоден, и привели к власти 12-летнего Тутанхамона. Доподлинно можно констатировать лишь одно: в их могилах нет и доли того количества золота и сокровищ, которые найдены в гробнице Тутанхамона. Здесь налицо **месть** жрецов первому и второму царям. Но ведь громадное количество золота **обязано** быть погребенным вместе с фараоном, оно просто **должно было** уйти под землю! Оно и ушло: Тутанхамон, самый незначительный из этих троих

царей, получил золота **за троих**. Именно этим объясняется изобилие богатства в маленькой, в соответствии с историческим рангом, гробнице предпоследнего из XVIII династии фараона Тутанхамона. Последним недолго был Эйе, престарелый верховный жрец, возглавлявший похоронную "комиссию" юного предшественника. Несчастливая Анхесенпаамон! Эйе женился на царице Египта, убивавшейся **по любимому мужу!**

В свете же последних исследований зарубежных криминалистов (бывшего сотрудника Скотленд-Ярда Грехэма Мэлвина и профессора медицины невролога Яна Ишервуда), доказавших, что 18-летний царь был убит ударом топорика в затылок, становится ясным, — убийство фараона было **вынужденным**. Вряд ли уж очень стремился на трон изрядно поживший Эйе, и без того управлявший страной. И уж никак не мог полководец Хоремхеб участвовать в этом "заговоре" вместе с Эйе: присутствие на троне безопасного Тутанхамона устраивало и того, и другого. Эйе за долгие годы службы при фараонах, конечно, научился распознавать соперников, и разве он мог войти в стовор с Хоремхебом, который позже сверг его с престола? Скорее всего, Тутанхамон постепенно стал осознавать свое незавидное положение "реставратора Амона", то есть уже очень интенсивно вырастал из "коротких штанишек". Возможно, он даже доверился верховному жрецу, коего при Эхнатоне помнил ярым сторонником единого бога Атона. Впрочем, стать вторым или третьим (учитывая Сменхкара) еретиком ему предусмотрительно не дали. Итак, золото, принадлежавшее троим, сложили в одну гробницу Тутанхамона, оставшегося, по легенде, почитателем фиванского божества Амона-Ра.

Ну а раз золота было много, требовалось как-то защитить его. Грабители могил нагтели день ото дня...

И жрецы (узким кругом) нашли способ выставить вооружению надежный заслон. Известны десятки ароматичес-

ких веществ, самих по себе безвредных, но если их с чем-нибудь сочетать... Первый шаг: в отличие от всех прежних захоронений, мумия фараона Тутанхамона была не просто положена во гроб, — она была **залита сложным составом ароматических смол**. Из-за чего она хуже всего сохранилась. А вспомните веер из страусовых перьев, оставшихся мягкими и пушистыми? Вспомните блеск золота, потускневшего лишь через некоторое время, а при вскрытии "Золотого Чертога" — ослепительного? Условия для сохранности мумии в гробнице были идеальными. Тонкий аромат, изъевший даже мумию, наполнял замурованный "Чертог", не давая другим предметам постареть и рассыпаться в прах. Первым он поразил, конечно, лорда Карнарвона: всем известно, как восприимчивы астматики к разного рода ароматам, даже слабо осязаемым. А ароматы благовоний **ощущались** при входе в гробницу аж в XX веке!

Пока невозможно доказать наличие определенного заслона против "посетителей" могилы прямыми "уликами". Но в данном случае косвенные факты могут свидетельствовать об этом "пороге" красноречивее фактов прямых и наглядных. Да, не все участники "группы проникновения" умерли странной смертью, не все умерли "сразу". **Странные** же смерти были, как правило, не похожи одна на другую. Оно и понятно: в могиле зародился сильнейший аллерген, а один и тот же аллерген действует на людей по-разному. Что от него осталось через 3300 лет?.. А как он действовал на современников! Ведь каждый из грабителей **должен** был умереть. И не похжей на другие смертью. И это произошло спустя некоторое время после погребения: авторы яда должны были убедиться, что яд действует! Не оттого ли столь близко от гробницы обнаружены Картером и Дэвисом фаянсовый кубок и деревянный ларец с золотыми листочками, что грабители даже не успели убежать и упали замертво? Ларец позже был кем-то опорожнен, а кубок забыт, как забыт и глиняный сосуд с бинтами для

бальзамирования. Почти одновременная смерть грабителей и жрецов охраны должна была произвести должное впечатление на поколения и поколения древних египтян: одни вынесли сокровища из могилы, другие внесли, — но и те, и другие были **поражены**. Значит, **входить в гробницу Тутанхамона нельзя**. Гениально! А что для правящей жреческой элиты — пожертвовать несколькими рядовыми жрецами? Более того: для верности они сами могли спровоцировать грабителей.

И самый главный ход. Скорее всего, убийственным аромат стал при смешении с вполне определенной компонентой. Какой?.. А вспомните венки из полевых цветов! На этот вопрос мог бы дать ответ профессор ботаники Перси Ньюберри, но он, к счастью, не был аллергиком и не верил в газетную чушь. И все же изучить повнимательнее отчет профессора стоило бы.

Бедной вдове Анхесенпаамон кто-то из старших — возможно, верховный жрец Эйе, сделавшийся вскоре ее мужем и царем — по-отечески посоветовал положить на гроб Тутанхамона нехитрый полудетский веночек из полевых цветочков. За час до события — не сам ли он их собрал?.. Об этом никто никогда не узнает.

Впрочем, смерть лорда Карнарвона может объясняться и весьма прозаически. Никогда такого объема сокровищ археологи не находили. Дэвис, несмотря на положенную ему по контракту долю, официально отказался от нее, когда пришло время. Не посоветовал ли ему сделать это кто-либо из правительства? Американец, проводивший раскопки на свои средства, знал толк в сделках и принял разумное "предложение". А аристократ, английский лорд посчитал такое же предложение оскорбительным для себя... Это вполне могло быть — ведь речь шла о бесценном кладе! Выгоду из смерти лорда извлекло только правительство Египта...

И последняя тайна. Которая может оказаться не тай-

ной, а простым совпадением. Хотя в египтологии совпадения, кажется, не имеют места быть... Мальчик-фараон правил огромной страной всего шесть лет. И ровно шесть лет, с 1917 по 1923-й, понадобилось лорду Карнарвону и Говарду Картеру для того, чтобы, начав вроде бы безнадежные поиски, завершить их главной археологической удачей уходящего века.

КОНФЕДЕРАЦИЯ «ТЫСЯЧИ БОГОВ»

(ФАНТАЗИЯ НА ЛИНГВОИСТОРИЧЕСКУЮ ТЕМУ)

1. ХЕТТИЯ — ФЕОДАЛЬНАЯ СТРАНА?

Одним древним народам "повезло" больше, другим значительно меньше: например, историческая наука очень пристально и детально изучала и изучает Древний Египет, об Элладе уж и напоминать как-то неприлично, настолько исхожена Древняя Греция вдоль и поперек, — а вот народ, по "старшинству" примерно равный египтянам и значительно старший не только греков, но и их предшественников ахейцев, изучался до самого начала XX века лишь обрывочно и случайно. Речь идет, конечно, о хеттах, вписанных, наряду с египтянами, в Книгу Книг и не последнее место занимающих в Ветхом Завете. Более того: матушка самого Соломона, царя еврейского, была хеттеянка, жена Давида.

Библия, как исторический документ, особенно в том, что касается географии народов и царей, книга довольно точная. Если и вкрались в нее ошибки, то по вине позднейших пересказчиков и переписчиков. А по Библии хетты населяли не больше и не меньше, как всю Сирию — вплоть до берегов Евфрата!.. Ученые и сейчас не склонны признавать за ними территорию слишком большую и считают, что этот уникальный народ жил, в основном, по берегам реки Кызыл-Ирмак (современное название), в прошлом

античного Галиса. Зато из археологических находок и теоретических работ многих ученых, всерьез занявшихся, наконец, хеттами, следуют исключительные по своему значению выводы. Например, тот, что в отличие от империи Древнего Египта "страна Хатти" долгие века была **конфедерацией стран**. Или, допустим, тот, что хетты поклонялись настолько несметному количеству божеств, что это позволило назвать их (хеттов) — **народом "тысячи богов"**.

В отличие от других завоевателей, хетты не расправлялись с богами покоренного народа: они.. включали их в свой пантеон и даже поклонялись им. Еще одна уникальная черта, очень не свойственная жителям именно того региона — Малой Азии, Палестины, Сирии и Анатолии, — не подвергать побежденных не только пыткам, причиняющим боль и смерть, но даже моральным унижениям. Завоеванного и попавшего в плен царя того или иного народа "Великий царь" хеттов отпускал с миром и даже оставлял за ним его государство. С одним, правда, условием — чтобы тот вовремя и в надлежащем объеме платил дань. И не только: соотнес бы свои юридические уложения с новой обстановкой, то есть с юридическими законами Хатти. Одно царьку позволялось оставить неизменным — способ наказания за особо тяжкие преступления, которые у хеттов карались смертной казнью, не только самого преступника, но и всего его "дома". Блестящие воины, избравшие способом ведения боевых действий только встречу с противником в генеральном сражении, хетты редко проигрывали битву. При всей своей воинственности, они отличались мягким незлобивым характером, а те города, которые, по законам военного времени, было необходимо разрушить, разрушали, но при этом переселяли население этих городов на новое место. Значительно число исторических свидетельств о том, что хетты с некоторых вассалов брали дань в виде вооруженных отрядов и включали их в свою армию, не опасаясь бунта.

Аладжа-Хюк. Сфинксы

До сих пор ученые не пришли к единому мнению об общественном строе Хатти. Ни в одном из обнаруженных за полтора столетия лет текстов не говорится напрямую, были ли в стране хеттов рабы. Десятилетиями советские ученые спорили, считать или нет "слуг", постоянно упоминавшихся, особенно в юридических сводах, рабами. Многие историки склонялись к тому, что форма существования "слуг" скорее подходит под понятие "крепостнической" зависимости от хозяина. Если бы только от хозяина!.. Ученые, сами фактически закрепощенные государством, словно не замечали, что больше половины хозяйственного уклада страны Хатти составлял.. социалистический, государственный уклад! При недостаточном развитии производительных сил, характер производственных отношений у хеттов и впрямь феноменальный. Например, соответствующая служба, как государственный институт принадлежащая царю, на целый

месяц посылала жителей страны на сельскохозяйственные работы! Правда, в отличие от "самой лучшей из стран", где студенту или инженеру получить освобождение от сельхозповинности можно было лишь по причине болезни, хетты давали освобождение всем, **"у кого сквозь ворота во дворе виднелось вечнозеленое дерево"**. Имелась в виду необходимость ухаживать за этим растением в то же самое время, когда государству требовалось ухаживать за государственными деревьями! Попробовал бы кто-нибудь в недавнее советское время, дабы не ехать "на картошку", в качестве аргумента выдвинуть наличие у него личного дачного участка с картофельным клином!..

Хеттский царь содержал множество государственных предприятий, очень похожих на совхозы (до колхозов, слава Богу, не додумался!.. Впрочем, были общинные земли). Они назывались "домами" – "дома дворца", "дома богов" (храмы, – а вспомните, сколько было у хеттов богов?), "каменные дома" (видимо, храмы, посвященные погребальным ритуалам), "дома царя", "дома царицы" и так далее. Во всех этих "домах" необходимо было работать. Рабочих рук наверняка не хватало: хетты, не слишком грабившие побежденных, вряд ли были богаты, и использовать постоянную рабочую силу царю было трудновато. Вот и придумал повинность для всех жителей, что не могли достать и в одну ночь высадить на участке дерево, да еще вечнозеленое. Впрочем, насколько мог, рабочую силу царь "закупал": расселяя тех же самых пленных или репатриантов, он давал каждой семье участок, оплачивал строительство дома, подсобных хозяйственных сооружений, покупку тягловой силы и домашних животных – коровы, овцы, козы (причем, конечно, не в единственном числе каждого вида). За это "слуга" должен был отработать не менее, скажем, тридцати лет на государственном предприятии. Правда, существует мнение, что, когда изработавшийся "слуга" уходил от активной трудовой деятельности, все, чем он

был наделен от царя, отбирали. Но, скорее всего, это заблуждение ученых, и в ближайшие пятьдесят—сто лет хеттология все поставит на места. Как бы то ни было, вот это прикрепление неимущих пленников к земле и было "хеттской крепостью", той самой "феодальной" кабалой. "Домов" в хеттском государстве было множество, и населяло их множество неполноправных людей. Кстати, "слуга", провинившись, выплачивал, согласно уголовному и гражданскому кодексам, зафиксированным в глиняных табличках, ровно половину ущерба в сравнении с тем, если бы ущерб (государству или частному лицу) был нанесен человеком полноправным.

Особым почетом и привилегиями в стране Хатти пользовались "люди орудия". Это ремесленники — гончары, кузнецы-металлурги, ювелиры и т. д., то есть люди, занимавшиеся каким-либо ремеслом и использовавшие конкретное орудие — ткацкий станок, плавильную печь или гончарный круг. Они не считались "слугами", они назывались "хозяевами".

Население страны представляло собой, можно сказать, содружество наций. Хеттов, быть может, и хотелось бы обвинить в чем-либо, но уж только не в национализме. Одной только официальной письменности в стране Хатти ученые различают восемь видов! Разнятся они не по способу письма (хотя их тоже два — иероглифический и клинописный), а по языкам. К тому же в этих восьми широко применялась так называемая "аллография" — использование в тексте совершенно чужих всем восьми языкам слов и начертаний, например из шумерской письменности. При чем писцы применяли подобный способ написания как скоропись: им было легче начертать шумерский знак для шумерского понятия, чтобы читатель догадался **вместо** шумерского прочесть свое слово, писать которое значительно дольше. Таким образом, вырисовываются сразу два совпадения с советской страной — широкий интернационализм

и всеобщая грамотность. Правда, хетты, судя по всему, знали иностранные языки значительно лучше советских людей, владевших ими в большинстве своем "со словарем". А со временем скоропись с применением чужих слов стала правилом, поэтому современные ученые столкнулись с большими трудностями при расшифровке хеттских текстов: некоторых слов из хеттского языка они просто не знают, — так переусердствовали писцы по сырой глине заточенным стилем, настолько облегчили задачу себе, что теперь хеттологам прочтение слов "овца", "женщина", "медь" и прочих по-хеттски не под силу.

Хетты общались со всем миром. Киприоты были вассалами царей страны Хатти, Микены не чуждались общения и торговли. С великим Египтом, после ряда "встреч" далеко не дружественного характера и крупной победы в Кадеше при реке Оронт над войсками Рамзеса II, хетты заключили договор о вечной дружбе и взаимопомощи и действительно "обменивались" даже принцами и принцессами, то есть "дружили домами". Более ортодоксальный Египет не мог до конца понять "широкой души" хеттов, поскольку интернационализм в Египте выражался разве что в применении рабочей силы иноземцев-рабов, которая не ценилась ни во что. А вот от принцев и принцесс не отказывался: похоже на то, что царица Тейе и ее высокопоставленный брат были хеттами. С нее-то и с мужа ее Аменхотепа III и началось сближение значения для государства царя и царицы. Она первая, а за ней Нефертити, Анхесенпаамон — стали непосредственно участвовать в государственных делах и по праву изображаться на троне рядом с фараоном. Роль женщины в стране Хатти очень приближалась к роли мужчины. Можно сказать, там было почти равноправие. Как и у нас: не отбирая у нее исконных и привычных обязанностей вроде стирки, уборки и кухни, мы милостиво (и давно!) разрешили женщине работать наравне с мужчиной у станка и на стройке. А есть еще женщины-пилоты!..

Религия у хеттов играла первостепенную роль. В стране было множество храмов, в которых отправлялись различные культы многих и многих богов. Божества хеттов отвечали каждый за свою, вполне определенную сферу жизни. Бог Солнца — один бог, ему принадлежало неотъемлемое: он сотворил весь этот мир. Богиня Солнца — всем этим миром управляла. **Ей** поклонялись хетты, как главной, не забывая при этом, что главный — **Он**. Кроме того, были бог Грозы, бог Луны, богиня Духа пчелиного роя (!), божества Страх и Ужас и так далее. Боги различались по функциям — периодически исчезающий бог плодородия Телепинус, женские божества Хебат и Иштар (да-да, совершенно чужая хеттам Иштар из Ниневии!), богиня Престол (престол у хеттов женского рода), боги-злаки, боги-ремесла (Кузнец, Пастух и пр.).

Как католики латынь, а православные церковнославянский язык, так хетты для ритуалов использовали хурритский, на котором не говорили. Хурритская письменность, даже встречающийся на этом языке текст эпоса о Гильгамеше, — была только для религиозных дел, и ни для каких более.

2. КАК И КОГДА ОТКРЫВАЛИ ХЕТТОВ

Впервые о своем открытии восьми языков, использованных хеттами, заявил в 1919 году Эмиль Форрер. А об индоевропейском происхождении самих хеттов сообщил в 1914-м, а в 1915 году опубликовал работу выдающийся чешский хеттолог Б. Грозный.

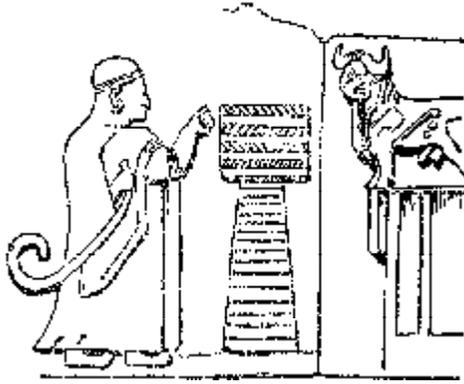
Они сделали свои открытия не на пустом месте: в 1905–1906 годах доктор Гуго Винклер добился концессии на раскопки и, начав их в Богазкёе от имени Немецкого восточного общества, уже в 1906 году нашел десять ты-

сяч клинописных табличек, представлявших собой **царский архив**.

Еще не до конца осознавая значение находки, ученый мир принялся изучать таблички, и чех Грозный с 1914 года стал фактически основателем хеттологии.

Находки были и раньше. Хронологический список археологических открытий, связанных с хеттами, предстанет в меру остро сюжетной, в меру парадоксальной историей, из которой, если убрать одно-два звена, не родилось бы современного знания.

Некий Бургхардт, путешественник и писатель, автор книги "Путешествия по Сирии", поведал в ней о том, что в 1812 году он, находясь в Хаме, в углу стены одного из домов на базарной площади обнаружил "камень со множеством фигурок и знаков, напоминающих иероглифы, хотя и не похожих на египетские". Между прочим, Хама — это библейский Хамат, и сообщение Бургхардта должно было заинтересовать если не ученых, то хотя бы любознательных людей. Нет, и книга, и упоминание в ней о любопытном камне — прошли незамеченными публикой. Однако о "хаматском" камне вспомнили незамедлительно, едва двое американских путешественников заявили, что именно в Хаме они нашли **пять подобных камней** в стенах домов! Это были Джонсон и Джессап, а год — 1870-й. Учитывая то, что в конце века уже возрастал интерес к археологии, а может быть, по внутренней интеллигентности (или из желания заработать денег) американцы стали копировать изображение на одном из камней — том самом, на базарной площади. И столкнулись с непредвиденной реакцией местного населения: их едва не растерзали на месте. Зная крутой нрав мусульманских фанатиков, путешественники не стали задерживаться ни в Хаме, ни в стране. Они едва унесли ноги и были счастливы, что с ними самими все в порядке. Только в 1872 году миссионер в Дамаске Уильям Райт, не только заручившись поддержкой, но и личным

Аладжа-Хюкк. Царь, поклоняющийся быку – символу бога Грозы

участием турецкого правителя Сирии, посетил Хаму в его сопровождении и обратил внимание паши на необыкновенную ценность камней. Недолго думая, паша (правитель все-таки!) приказал выломать из стен домов все пять камней и отправить их в Константинопольский музей. Благодарный Райт сделал два слепка-копии с уникальных камней. Одна партия слепков была направлена в Британский музей, второй набор – в фонд палестинских изысканий.

Европейцы, узнавшие о камнях из Хамы, обратили внимание и на другой город – Алеппо, где подобный камень был встроен в стену мечети! Мало того: то ли потому, что камень являлся неотъемлемой частью мусульманского храма, то ли по другой причине на протяжении многих десятков лет среди местных жителей существовало (и существует) вера в его чудодейственную силу – он якобы исцеляет от слепоты. Десятки и сотни тысяч людей – с простым конъюнктивитом и действительно слепых – сотнями лет терлись о камень, дабы исцелиться, и почти стерли все, что на нем было выбито камнерезами. К тому же прослышав о том, что подобные камни в Хаме стали

изымать "из употребления", фанатики выколупали камень из стены мечети и унесли в неизвестном направлении. Лишь спустя много лет, обнаружив, что священные реликвии вроде бы ни у кого нет намерения уничтожить, жители вернули камень на место — обратно в стену.

И.Д. Дэвис в свое время находил надписи, подобные изображенным на камнях в Хаме и Алеппо, вовсе далеко от первых — в горах Тавра, на скале. Огромное наскальное изображение он обнаружил над рекой Ивриз. Там было изображено не только письмо, но и некий рельефный рисунок. А археолог А.Г. Сейс обнаружил подобные надписи и в других местах региона. В течение многих лет из разных областей Малой Азии уже поступали об этом свидетельства. Сохранились остатки строений Богазкёя, а также рельефы неподалеку от деревни Аладжа-Гююк на реке Кызыл-Ирмак. Еще в 1839 году об этом сообщал Шарль Тексье, а в 1842 году — Уильям Гамильтон. Развалины Богазкёя представляли собой величественные руины крепости, игравшей в прошлом несомненно важную роль.

В двух милях от города находится так называемая "исписанная скала" — Язылыккая. В отвесной скале Язылыккая имеется природный уступ с такими же отвесными стенами, образующими нечто вроде ниши, а на этих стенах высечен рельеф из человеческих фигур: две процессии идут навстречу друг другу и сходятся в центре ниши. Трудно определить, связаны ли эти две процессии только композиционно (для красоты) или в их движении навстречу друг другу кроется какой-либо смысл, и вообще — движутся ли они? Фигуры, застывшие в шаге, не обязательно должны быть реалистическим изображением ходьбы или бега. Может быть, загадка ниши Язылыккая настолько трудна, что потребуются не одна сотня лет для ее прочтения, а возможно, перед учеными рядовой рельеф. По сторонам фигуры в Язылыккая обрамлены иероглифами. Среди развалин Богазкёя тоже стоял камень (Нишан-Таш), на кото-

ром была иероглифическая надпись. Правда, он очень выветрился. В Аладжа-Гюдже были ворота, по сторонам которых стояли сфинксы. В изобразительном плане они, конечно, уступали египетским. Хеттские объемные фигуры иногда выглядят смешно (сфинксы были объемными).

Западнее деревни Аладжа-Гюжюк встречаются скальные рельефные изображения Гявур-Калеси. А над Смирной и вовсе стоят скульптурные портреты, которые еще Геродот принял за изображения египетского фараона Сесостриса и нимфы Ниобеи.

Обе эти фигуры А.Г. Сейс внимательно осмотрел в 1879 и 1880 годах. Новый его доклад в Обществе библейской археологии категорически отверг причастность Египта или кого-то иного к найденным заново памятникам. Ясно одно, сказал археолог: мы имеем дело только с хеттской культурой, и Библия права в том, что этот народ действительно существовал, а теперь можно уверенно сказать, — он занимал территорию, по крайней мере, к северу от Месопотамии, а скорее всего, хеттскими племенами была заселена вся Малая Азия.

В последующие двадцать лет оказалось, что изображения, подобные обнаруженным, скорее трудно не заметить, чем найти: ими изобиловали Тавр и Антитавр. Хуманиа и Пухштейн (1882–1883), Рамсей и Хогарт (1890), Шантре (1893), Хогарт и Хэдлем (1894), Андерсон и Кроуфут (1900), да и более ранние раскопки — 1879 года — в Каркемише, предпринятые Британским музеем, выявили в общей сложности более сотни памятников, так или иначе относившихся к эпохе хеттов. В невероятных местностях: в Вавилоне в 1899-м была обнаружена при раскопках стела с хеттскими надписями. В 1888 и в 1892 годы подобные памятники обнаружила немецкая экспедиция в Северной Сирии, в Зинджирли.

В 1900 году Л. Мессершмидт опубликовал свод хеттских надписей, и оказалось, что одних только текстов к

этому времени обнаружено девяносто шесть! Кроме того, было множество других находок, в том числе печатей хеттского типа.

А ведь в 1887 году были обнаружены (вернее, осознаны) находки в Эль-Амарне. Клинопись из Ахетатона содержала административную и дипломатическую переписку Аменхотепа III и его сына Аменхотепа IV (Эхнатона) примерно с 1370 по 1348 годы до н. э. В этих письмах часто упоминался царь страны Хатти, рассказывалось о продвижении его войск. Было среди них и письмо самого Суппилулиумы, поздравлявшего Эхнатона с восшествием на престол Египта! Было там и два письма для царя неведомого государства Арцава, написанные на неизвестном языке. Первым, кстати, обратил внимание на принадлежность этого языка к индоевропейской группе норвежский ученый Й.А. Кнудтсон, когда изучал письма в 1902 году. Правда, тогда, как часто бывало в археологии, никто не обратил на его высказывание ровно никакого внимания. Кусочки текстов именно на этом языке неподалеку от Богазкёя обнаружил Э. Шантре. Было это в 1893 году.

И вот Г. Винклер нашел целую библиотеку – 10 000 табличек! И большинство из них написано на языке табличек “из Арцавы”! Среди них, по счастливой случайности, которая всегда сопутствует удаче, найден тот же самый текст договора между Рамзесом II и царем Хатти. Египетский вариант текста имеет дату – 21-й год правления Рамзеса. Хеттского царя удалось тут же “привязать к местности” – определить во времени.

Из обстоятельств находки вытекало и еще одно: видимо, была найдена столица страны Хатти. По крайней мере, этот город был столицей в течение двухсот лет. Исследуя хеттский текст, Винклер составил список царей Хатти – примерно с 1400 по конец 1300-х годов до н. э., от Суппилулиумы до Арнуванды. В ассирийских хрониках говорилось, что царство хеттов было разграблено примерно в 1200 году до н. э. завоевателями – народом мушки

(мосхи), однако, как выяснилось, не все царство, а та часть его, в которой находилась столица, то есть фактически только Капподокия. В VIII веке до н. э., как явствует из тех же ассирийских временников, Хатти продолжал существовать, хотя мосхи все еще оккупировали капподокийское царство...

Оказывается, не все так просто: долгие десятилетия хеттские государства, одно за другим, постепенно восстанавливали свою независимость, а затем объединялись под началом Каркемиша.

3. ПРЕВРАТНОСТИ XX ВЕКА НА СТРАЖЕ ХЕТТОЛОГИИ

До Первой мировой войны ничего нового археологи не раскопали. Вернее, раскопали — например, дворец в Сакджагёзю, только изучению истории хеттов это ничего существенного не принесло. 1914 год будто бритвой по живому отрезал исследователей одних стран от других. В результате Богазкёй “достался” немцам, а Антанте — все остальное. Правда, и это “остальное” было немалым: Каркемиш раскапывался экспедицией Д.Г. Хогарта, Т.Е. Лоуренса и Л. Вулли (того самого Вулли, который потом раскопал Ур и Эль-Обейду). Каркемишская экспедиция привезла достаточно камней, но, в отличие от немецких исследователей, англичанам достались только иероглифы. Почти вся клинопись сосредоточилась в Германии. Самым ценным, как оказалось уже спустя много-много лет, был единственный текст, содержащий всего десять клинописных и шесть иероглифических знаков (о нем А.Г. Сейс еще в 1880 году написал статью!), и был этот текст на серебряной накладке так называемой “печати Таркондемоса”. Кабы знать!.. Сейс, Коули, Кэмпбелл, Томпсон старатель-

но дешифровали иероглифы и публиковали свои разработки по этому животрепещущему вопросу. Они оказались никому не нужными и бесплодными. Да и задача была на редкость сложна. Пятеро ученых из разных стран, не закликаясь на иероглифах, сделали значительный шаг вперед, опираясь лишь на сопоставление имен собственных и некоторых топонимов, известных из ассирийских текстов. Эти пятеро – Форрер, Боссерт, Гельб, Мериджи и Грозный. Их выводы практически совпали, и хеттология получила некоторую базу, основание, с которого можно было строить дальнейшую работу. Выдающейся стала детальная работа Б. Грозного, опубликовавшего ее под названием “Язык хеттов”. Вслед за ярким первым наброском 1915 года, этот труд развивал тему принадлежности языка хеттов к семейству индоевропейских, – правда, автор при этом несколько увлекся ложной этимологией. Впрочем, из-за этого последнего обстоятельства многие филологи отвергли работу выдающегося чеха, а вместе с тем и все ценное, что в ней содержалось. Впрочем, в 1920 году его несколько подправил Ф. Зоммер, обнаруживший уже упоминавшуюся аллографию – применение хеттскими писцами шумерских и вавилонских включений в чисто хеттские тексты. Включений было так много, что иногда хеттские слова терялись в них, как несущественные. Другие ученые – Й. Фридрих, А. Гётце и Х. Элольф шли тем же путем. И к 1933 году практически все более-менее сохранившиеся тексты уже были опубликованы и прочтены. Эмиль Форрер независимо от Б. Грозного составил также довольно полный набросок хеттской грамматики, но основной упор в своей работе по хеттам делал все же на исторические изыскания и достиг при этом многого. Он издал в одном томе почти все исторические тексты периода Древнего царства и реконструировал почти весь перечень хеттских царей. А его открытие, касающееся восьми языков, которыми пользовались хетты, имеет громадное

значение и сейчас. На сегодня расшифровано и может быть расшифровано практически все, исключая, возможно, самые древние надписи, для полного прочтения которых не хватает реальной исторической и лингвистической баз. Необычайно важным в хеттологии стало открытие 1947 года, когда была обнаружена длинная двуязычная надпись (билингва) в Каратепе.

Первое систематическое описание хеттской цивилизации предпринял А. Гётце в 1933 году. А за пределами Германии самым значительным событием стало издание "Элементов хеттской грамматики" Л. Делапорта 1939 года (Париж). Впрочем, американец Е.Х. Стертевант, издавший в 1933 году "Сравнительную грамматику хеттского языка", несмотря на просчеты в сравнительной этимологии, превзошел работу Делапорта. В 1935 году Стертевант выпустил "Хеттский глоссарий", труд в области нормативной лексикографии. Но в 1940 году Й. Фридрих выпустил "Элементарный курс хеттского языка", книгу, являющуюся и поныне образцом для хеттологов, а в 1952 году — "Хеттский словарь", "оттеснивший" работу Стертеванта 1935 года.

Отличительной особенностью раскопок в Малой Азии и Анатолии конца 1920-х — 1930-х годов явилось деятельное участие самих турок. К ученым, уже зарекомендовавшим себя в хеттологии, Остену, Гельбу, Делапорту, Вулли, датчанам и немцам прибавился Седат Альп с группой. Турки и Боссерт как раз и сделали открытие первостепенной важности в Каратепе. Раскопанная крепость имела два привратных строения, к каждому из которых вел свой коридор из камней, покрытых надписями. Одна из них была сделана на финикийском языке, а другая — иероглифическая хеттская. Еще один такой же текст был высечен на статуе, лежащей прямо на поверхности (ее никто не раскапывал — она лежала всегда!). Между хеттским и финикийским текстами не было полного соответствия, но тем не менее это были как бы два подстрочника, сделанные

разными переводчиками с одного и того же текста. Вернее, два разных перевода, сделанных независимыми авторами с одного и того же подстрочника. Надо ли говорить, что прочтение иероглифических хеттских надписей получило хорошую базу?

Две войны XX века внесли очень сильную коррективу в хеттологию. В разных странах, принадлежавших и в Первую, и во Вторую мировую войны к разным блокам, сложилось собственное понимание хеттов. У одних — «клинописное», у других «иероглифическое». Однако не будь этого трагического обстоятельства, возможно, хеттология топталась бы и теперь почти на том же месте.

4. ЛИНГВООТСТУПЛЕНИЕ И «НЕНАУЧНАЯ» ИСТОРИЯ

Один из восьми языков, которые обнаружил Э. Форрер, это лувийский язык. Еще тогда, практически на заре хеттологии, высказывались мнения, в частности, профессором А. Захаровым, о возможной принадлежности этого языка к южной группе угро-финских, теперь исчезнувшему. Эту загадку, честно говоря, можно было бы не рассматривать, если бы не значительное количество обстоятельств, возвращающих к этому вопросу. И не только отсутствие префиксов и своеобразие суффиксов и окончаний побуждает нас к этому. Если уж на то пошло, все языки мира сводятся к одному протоязыку (Л. Наровчатская, «Первозванность». М.: «Художественная литература», 1991) Ойкумены.

Когда Суппилулиума и его сын Арнуванда II скончались от чумы, престол занял юный Мурсили II. Западные царства восстали, и инициатором смуты была все та же Арцава, которую приходилось покорять и Лабарне (пер-

вый царь хеттов, по имени которого титуловались цари, хотя по полному списку царей он был вовсе не первый). Арцава подбивал к противодействию Мурсили – Миру, Кувалию, Хапаллу и "**страну реки Сеха**". Однако молодой Мурсили не ударил в грязь лицом и восстановил за два года положение вещей, причем в покоренной Арцаве в ходе военных действий убил царя-смутьяна.

Распад страны Хатти на множество слабых хеттских государств произошел после завоевания Капподокии мушками (**мосхами**), от имени которых, предположительно, произошло название Москвы.

Оба выделенные обстоятельства – проходные моменты из исследования Л. Наровчатской. От себя добавим третье: на берегу Евфрата стоит город **Мари** (во-первых, по протокорням языка прекрасно переводимый по упомянутой книге, а во-вторых, названием повторяющий ныне существующее племя угро-финского корня). Возможно, следовало бы вернуться к происхождению лувийского языка? Тем более что он уже именуется и иероглифическим лувийским.

Наверное, стоило бы исследовать вероятность появления хеттов (с лошадьми) в Малой Азии – из Азии Центральной, где связь их с угро-финнами была бы менее спорной, и основания к тому есть, хотя для современного историка пока еще не очень веские: исследователи привыкли не замечать друг друга. А ведь кроме Наровчатской есть еще и Юван Шесталов, поэт-манси, который независимо от нее в исследовании "Регули" пришел к сходным выводам и даже почти доказал идентичность древних антов и нынешних ханты-манси. У мосхов и теперь есть прямые потомки – мокша. Кстати, одного происхождения с венграми (утрами), которым гораздо ближе было до Балкан из Малой Азии, чем из-за Уральского хребта. Магьяр – Мари, Угры – Угарит, Финикия.

А по Л. Наровчатской, угро-финны в Египте фарао-

нов — народ окраин. Причем не пропадающий на задворках, а деятельный, занимавшийся сбором дани — как материальной, денежной, так и живой: воинами и рабочей силой. Кстати, в Египте, как и в Хатти, нигде и ни разу не возникло слово **раб**, встречающееся только в Ветхом Завете. Империя — да! Причем простиравшаяся от одной **Саха** — до **Саха** другой: от Саха-ры до Саха-лина. В промежутке между этими пунктами — и Ра-Сеха (Волга), и Сихотэ-Алинь, и Саха-Якутия. Мадыяры — мытари на Западе, Мокша — мытари на Востоке. А еще — воины, конные воины (хетты?). Не они ли взбунтовались при Рамзесе II?..

И непонятная "страна реки Сеха"....

5. ЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ ИЗ ИСТОРИИ ЕГИПТА В ИСТОРИЮ ХЕТТИИ

Когда был убит молодой царь Египта Тутанхамон, безутешная вдова, девочка Анхесенпаамон знала, чьих рук это убийство. И не хотела становиться женой нового фараона. Сложный реестр египетских богов "сыграл" обратный ход, и верховный жрец Атона — Солнечного диска неожиданно стал верховным жрецом Амона — одного из ликов Солнца-Ра. И не потому, что было ему шестьдесят лет и выходить замуж в восемнадцать за старика довольно тяжело. И не потому, что была она не царевной, а царицей. И не потому, что унаследовала острый ум родной матери Нефертити. А потому, что Эйе был **чужой**.

Вероятно, не одну бессонную ночь провела царица Египта, размышляя, что же делать. Египет без фараона остаться не мог, но не было претендента из царского дома: Тутанхамон — последний из династии — был убит. Еще жива была матушка, царица-мать. Не к ней ли направила первое послание третья по счету дочь?..

У Эйе в государстве кругом были свои глаза и уши. Если царица **подумала** или только подумала о чем-нибудь **подумать**, верховному жрецу уже **доложили**. И не просто доложили, а доложили о том, что сделано, чтобы того, о чем подумает царица Анхесенпаамон, никогда не было. Жестокый закон наследования трона: мужчина, чтобы сделаться фараоном, должен жениться на принцессе или на самой царице, ныне вдовой. Двух мертворожденных младенцев похоронили Анхесенпаамон и Тутанхамон. Даже опекунство взять не над кем. Нет сына.

В любом случае, вероятно, ответила ей Нефертити, лучше хетт молодой, чем хетт старый. Зови в цари молодого чужеземца.

А может, не было времени спрашивать у матери? Послание к опальной царице не успело бы дойти.

Верный человек поскакал в страну Хатти. По пути он, конечно, заехал в Мемфис, к Нефертити, передал все те слова, что дочь просила передать. И получил от Нефертити добро на путешествие в Хеттию.

Суппилулиума, умудренный длительным правлением, через Эйе державший руку на пульсе истории великой державы, коей формально был монархом, знал бы, что делать, если бы имел достоверную информацию о том, что произошло в Фивах. Но так же, как они вдвоем обманывали Эхнатона — он и Эйе, — точно так же, зная свой последний шанс, Эйе нынче обманул и его: ничего не знал о скоростижной смерти Тутанхамона Суппилулиума. И вот — письмо Анхесенпаамон:

"Мой муж умер, а сына у меня нет. О тебе говорят, что у тебя много сыновей. Если бы ты послал мне одного из своих сыновей, он мог бы стать моим мужем. Я ни за что не возьму в мужья ни одного из своих подданных. Это меня очень страшит".

Гениальное послание. Ничего лишнего. "О тебе говорят" — прекрасный дипломатический ход: о тебе во вселенной ходят слухи. "Стать моим мужем"... Суппилулиуме не надо объяснять, что это значит — стать мужем египетской царицы! "Я ни за что не возьму в мужа ни одного из своих подданных". Его, Суппилулиуму, вассала Египта, считают равным! Его, хитростью и "тихой сапой" прибирающего власть над Египтом! Он — **не подданный**.

"Это очень меня страшит". Неужели не ясно, **кто станет царем?**..

Нет. Умнейший из царей, Суппилулиума не может взять в толк, что именно означает последняя фраза. И письмо начинает казаться ему оч-ч-чень подозрительным.

Что с Египтом? Что с царицей Египта? Она прослышала о том, что он здесь, в Хеттии, забрал себе всю власть?.. Хочет заманить и расправиться.

"Мой муж умер..." — ищи дурака, твоему мужу всего восемнадцать лет! Или я не знаю, как резво летает его колесница? Египетский народ не успевает разглядеть своего царя в лицо.

Постой, а может, несчастный случай? Вдруг не справился с лошадьми?.. Он ведь еще молодой, ветер в голове, гоняет на своей золоченой царской телеге. Да нет, не может быть! Эйе доложил бы ему, хеттскому царю. Ведь почти тридцать лет он служит ему, самый верный агент.

Потому и обманул, что самый верный. Предают только лучшие друзья, от них не ждешь. **Эйе первый и единственный раз в жизни решил склонить судьбу в свою пользу.**

Суппилулиума не поверил. Ни единому слову. Конечно, он догадался, на что намекала Анхесенпаамон: она боится стать женой Эйе. **Но этого не может быть!**

Суппилулиума принял письмо за тонкую провокацию.

Единственный выход отреагировать на послание — приехать к Египетскому Фиванскому двору своего человека.

Якобы для выражения соболезнований. Он все разведает и в краткий миг донесет.

Нет! Не надо клясть: я получил вполне откровенное письмо, и мой посланник привезет (на словах) мой откровенный же ответ: "Меня обманывают. Я не верю!"

Посол добирался чуть быстрее, чем шло письмо царицы. Он был не опасен Эйе: пока вернется назад, да пока при дворе Хатти сообразят что к чему. Посол был в Фивы.

Несчастливая Анхесенпаамон! Кто приехал вместо мужа?!

Посланнику стало все ясно без слов. При дворе фараонов траур по фараону! Но слова своего царя египетской царице он не мог не передать.

К сожалению, Суппилулиума не догадался сделать простой вещи: представить посла полномочным представителем своего сына, чтобы тот мог вступить в брак с царицей Египта вместо него (формально). Если, конечно, такое в те времена вообще было возможно. Однако цари на то и цари, чтобы менять законы: в Хатти каждый новый царь издавал свой свод законов — и ничего.

В результате по прошествии десятков дней хеттский царь получил второе послание:

"Почему ты говоришь: «Они-де обманывают?» Если бы у меня был сын, разве бы я обратилась к чужеземцу и тем предала свое горе и горе моей страны огласке? Ты оскорбил меня, так говоря. Тот, кто был моим мужем, умер, и у меня нет сына. Я никогда не возьму кого-нибудь из моих подданных в мужья. Я писала только тебе. Все говорят, что у тебя много сыновей: дай мне одного из твоих сыновей, чтобы он мог стать моим мужем".

Теперь Суппилулиуме не нужно было послание цари-

цы: верный человек все поведал сам. Но письмо из Египта привез, — Анхесенпаамон надеялась, что оно окончательно убедит хеттского царя.

Царевич был готов. Самый быстрый и выносливый конь понес его к власти над всем миром, самые верные слуги сопровождали. А еще (это в истории не записано) **с ним ехал палач — для расправы с предателем Эйе.**

Он почти загнал лучшего в Хеттии коня. Он успевал!

Похороны фараона назначены на семидесятый день после смерти, в запасе есть еще время.

Царевич с вооруженной охраной — все отменные бойцы — пренебрег советом отца. Он успевал — и должен был добираться до Фив окольными путями. Хотя они тоже контролировались будущим фараоном **Эйе, у которого уже не было иного выхода.** На границах и дорогах не осталось даже щели, через которую мог бы проползти скарабей.

Хеттского царевича убили за миг до славы. Это было сделано не в открытом бою, когда хеттам нет равных. Их встретила "делегация царицы", огромный почетный эскорт для будущего фараона, честь и хвала ему, нынешнему, гимн ему, олицетворению Солнца, завтра!

Будущее солнце Египта потухло в одну ночь. Его убили подло, втихаря. Вырезали всю охрану, предварительно усыпив.

История великой страны Египет, а также история великой конфедерации Хатти — пошли каждая своим путем. И мы его сегодня почти знаем.

ПЕРВОЕ РУЖЬЕ

А таковым является обыкновенная праща... Изобретена она была в незапамятные времена и использовалась в войсках ассирийцев, греков и римлян. Прочие народы применяли ее на охоте.

Классическая праща представляла собой петлю, сделанную из кожи, ткани или бечевки. В "Илиаде" упоминаются пращи из тончайшей шерсти. Один конец петли закрепляли на руке (продевали ладонь или указательный палец в специально вырезанное отверстие), а другой — зажимали в кулаке. На середину укладывали тяжелый предмет — обычно камень, круглую гальку (интересно, что продолговатую гальку древние греки использовали в качестве туалетной бумаги). Когда во время сильного и быстрого вращения или взмаха отпускали свободный (зажатый в кулаке) конец пращи, то камень летел с большой скоростью на 30 и более метров. Ремни, прикрепленные к петле, которые пращник брал в руку, обычно шивались в несколько слоев, чтобы устранить изменение направления и вернее попасть в цель. В древней Иллирии (современная Югославия) такие пращники показывали чудеса меткости. Рассказывают, что охотники, завидев стаю гусей или уток, договаривались, кто какую птицу будет бить.

Более простой разновидностью пращи была палка, расщепленная на конце, куда и закладывался "снаряд". Хороших результатов с ее помощью добиться вряд ли удавалось, но, когда перед тобой сплошная стена вражеского строя, особая меткость и не требуется.

Пращу делали также в виде петли с палкой. Один конец петли мог скользить по палке, а другой — закреплялся наглухо. При сильном взмахе петля вытягивалась, не-

закрепленный конец ее соскакивал с палки, а камень, находившийся в петле, освобождался и летел в цель.

На древнеегипетских барельефах встречается изображение палки-пращи с ложковидным углублением на конце, что-то вроде половника или черпака с длинной ручкой. Краткость размаха делала такую пращу менее дальнобойной, но она заряжалась одной рукой, которая лишь скользила по палке от одного конца до другого – то с камнем вниз, то за камнем в сумку наверх. Само метание осуществлялось при этом вертикальным взмахом (в отличие от пращи-петли, которая раскручивалась над головой). Данная праща-“половник” позволяла метать камни и перезаряжать оружие одновременно двумя руками.

В этом отношении интересна разновидность пращи, использовавшейся библейским пастухом Давидом в поединке с великаном Голиафом, ибо художники, изображая их, позволяют себе вольности.

“И выбрал (Давид) себе пять гладких камней из потока и положил в пастушеский сосуд... и праща его в руке его, и пошел на филистимлянина... И сказал филистимлянин Давиду: “Разве я собака, что ты идешь на меня с палками?” (!)... А Давид протянул руку к сосуду, взял оттуда камень, и метнул пращой, и поразил филистимлянина в лоб, и вошел камень в лоб его, и тот упал лицом на землю”.

В этом отрывке больше всего поражает, что Давид вышел с палками. Но стоит вспомнить, что в войске евреев был отряд “отборных левшей” числом семьсот. “Каждый из них мечет пращой камень в волосок и не промахивается”, то есть каждый попадал в человеческий волос. Скорее всего это похвальба, но Давид-то понадеялся обойтись всего пятью “пулями”! Итак, он вышел на бой с двумя пращами египетской конструкции, приблизился на нужное расстояние к простаку Голиафу (который принял оружие за палки, потому что не совершал исход из Египта) и, од-

новременно зарядив обе пращи, поразил великана. В случае промаха Давид отбежал бы на безопасное расстояние и повторил бы попытку, ведь тяжеловооруженный филистимлянин, у которого одна кольчуга весила пять тысяч шекелей меди, не смог бы долго гоняться за будущим царем Израиля и Иудеи...

В римском войске отряд, вооруженный пращами, называли фундаторами. Это были по большей части жители Балеарских островов, где метание камней на дальность и меткость было своего рода национальным видом спорта. Фундаторы выбегали до столкновения основных сил, расстреливали боезапас и прятались за спинами пехоты.

Искусство прашников и их силу прославляет Вергилий в "Энеиде":

Сам, оставив копье и пращой свистящею трижды
Круг над собой описав, свинцовый слиток в героя
Метко Мезенций послал: полетел свинец, расплавляясь —
И с разможенным виском на песке противник простерся.

Овидий в "Метаморфозах" сравнивал вознесенного на небо героя с выстрелом из пращи:

"Так, мощною брошен пращою, обыкновенно
свинец распадается в небе далеко".

Конечно, римские классики не знали, что в героические времена свинец еще не использовали. Но важно другое: сила броска, по-видимому, была столь велика у фундаторов, что свинцовый снаряд в полете нагревался от трения.

Во время ранней римской империи появились глиняные снаряды, ядра которых были начинены горючими веществами. При падении они взрывались. Вероятно, эти гланды, как их называли, "заряжались" смесью серы с углем.

Тогда же появились пращи, которые приходилось раскручивать двумя руками, это позволяло метать более объемные и тяжелые снаряды.

С появлением железных доспехов и арбалетов праща утратила свое военное значение и использовалась только на охоте, но и там ее скоро вытеснило более совершенное оружие — болас (метательные шары). Болас представлял собой два камня величиной с яблоко, обтянутых кожей и соединенных между собой ремнем длиной в локоть или сажень. Чтобы метнуть болас, нужно было взяться за один камень и раскрутить другой. Брошенные таким образом шары во время полета вращались. Попадая в цель, болас опутывал ее ремнем и сильно ударял камнями. Дальность его действия составляла 60–70 метров.

Праща же приказала долго жить.

ГОРОД-ПРИЗРАК ЗИМБАБВЕ

Человека, который нашел "затерянный город", звали Фарини.

Однажды в Америке он познакомился с Гертом Лоу, бушменом по национальности, приехавшим выступать "уродцем" в балагане на Кони-Айленд. Бывший охотник рассказал Фарини легенды об алмазах в пустыне Калахари. Для американского рэнчера этого оказалось достаточно, чтобы немедленно отправиться в Южную Африку.

30 января 1885 года Фарини, его сын-фотограф и Герт Лоу сошли в Кейптауне с корабля "Рослин Касл", наняли трех слуг-африканцев, на реке Оранжевой купили волов и устремились в пустыню.

Год выдался на редкость влажным, и Калахари напоминала цветущий сад. Все дюны были покрыты дынями тсамма, антилоп можно было стрелять прямо с повозки. Не испытывая недостатка в пище, Фарини пошел напролом, не считаясь с дорогой.

В районе южнее Нгами Фарини не нашел посуленных бушменом алмазов, но это ничуть его не расстроило. Побывав в селении Миер (ныне Ритфондейл), экспедиция снова двинулась на восток. По высохшему руслу реки Носсоб они добрались до места ее слияния с тоже пересохшим притоком Ауб и дальше отправились на север. Через три дня Фарини достиг гор Ки-Ки, свернул в сторону от Носсоба и пошел на восток через пески. Спустя четыре дня он оказался у лесного массива Кгунг, где занялся охотой и ловлей бабочек: жизнь в цветущей пустыне пришлась ему по душе. Только когда закончились запасы риса и муки, экспедиция двинулась на юг в Апингтон. На другой день впереди показалась высокая горная вершина, и проводник

сказал, что это Ки-Ки. Но когда они подошли, выяснилось, что никто из африканцев этой горы никогда не видел и ничего не слышал о ней.

Тут и произошло открытие африканского Китежа.

"Мы раскинули лагерь у подножия каменистой гряды, по своему виду напоминавшей китайскую стену после землетрясения, — писал Фарини. — Это оказались развалины огромного строения, местами заваленного песком. Мы тщательно осмотрели эти развалины протяженностью почти в милю. Они представляли собой груды огромных тесаных камней, и кое-где между ними были ясно видны следы цемента. Камни верхнего ряда сильно выветрились. В общем, стена имела вид полукруга, внутри которого на расстоянии приблизительно сорок футов друг от друга располагались груды каменной кладки в форме овала или тупого эллипса высотой полтора фута. Основание у них плоское, но по бокам шла выемка. Некоторые из этих сооружений были выбиты из цельного камня, другие состояли из нескольких камней, тщательно подогнанных друг к другу. Поскольку все они были в какой-то мере занесены песком, я приказал всем моим людям раскопать одно из них. Раскопки отняли целый день, так как африканцы не могли взять в толк, зачем понадобилось откапывать старые камни, — пустая трата времени. Я объяснил, что это остатки города или места поклонения, и ему, возможно, несколько тысяч лет. А может быть, это место кладбища великого народа. Мы раскопали песок в средней части полукруга и обнаружили мостовую футов двадцать ши-

Зимбабве. "Эллиптическое здание" и окрестные развалины

риной, выложенную крупными камнями. Верхний слой был из продолговатых камней, поставленных под прямым углом к нижнему слою. Эту мостовую пересекала другая такая же мостовая, образуя мальтийский крест. Видимо, в центре его был когда-то алтарь, колонна или памятник, о чем свидетельствовало сохранившееся основание — полуразрушенная каменная кладка. Мой сын попытался отыскать какие-нибудь иероглифы или надписи, но ничего не нашел. Тогда он сделал несколько фотоснимков и набросков. Пусть более сведущие люди, чем я, судят по ним о том, когда и кем был построен этот город".

Покинув развалины, Фарини через три дня снова оказался в районе Ки-Ки.

Это единственное описание "затерянного города". Через год Фарини сделал доклад в Королевском географиче-

ческом обществе в Лондоне. Никто не заподозрил его в шарлатанстве. У Фарини не было оснований выдумывать "затерянный город", тем более что сын его представил фотографии. Кроме того, Фарини не ставил свое открытие в центр описания, как это сделал бы фантазер, — наоборот, он упомянул о нем вскользь, не выделяя среди других эпизодов путешествия.

В своем сообщении Фарини заявил, что "затерянный город" расположен на $23,5^\circ$ южной широты и $21,5^\circ$ восточной долготы. Теперь доказано, что карта, которой он пользовался, страдала погрешностями. Подсчеты показали, что город может находиться на семьдесят миль севернее или южнее и на сорок миль западнее или восточнее...

В 1933 году молодой фермер Н. Кютзее рассказал, что несколько лет назад, охотясь в районе к востоку от Носсоба, он видел каменное строение. Кютзее не был археологом и не стал задерживаться, чтобы получше осмотреть развалины, но и причин для выдумок у него не было. Место, правда, он запомнил весьма приблизительно. Тем не менее археолог Ф. Пейвер немедленно выехал из Иоганнесбурга в Апингтон, где еще застал в живых Яна, который был проводником у Фарини. Старый Ян помнил дорогу, но развалины его совершенно не интересовали, он с удовольствием вспоминал охоту, но не груды камней.

Экспедиция решила обследовать средний из трех притоков реки Носсоб. Пробираясь по высохшему руслу, машины с трудом одолевали за день тридцать миль, расходуя по пять литров бензина на каждые семь миль, так как колеса утопали в песке. Скоро Пейвер потерял следы протока, а на следующий день проводник сознался, что никогда еще не заходил дальше этих мест. Тем не менее экспедиция двинулась дальше, пока не миновала единственный ориентир на площади в две тысячи квадратных миль. Поплутав по стране дюн, экспедиция вернулась другим

путем. Пейвер вынужден был признать: "Когда вы увидите эту пустыню, вы поймете, что можно месяцами бродить среди песчаных дюн и даже близко не подойти к тем местам, где расположен «затерянный город»..."

В 1947 году доктор Борчердс, проживавший в Апингтоне, сообщил исследователю Лоуренсу Грину, что два человека недавно побывали в "затерянном городе". Но он не смог назвать их имен, так как фермеры там охотились незаконно... Была снаряжена третья экспедиция, которая долго бродила по пустыне, но находила лишь ямы, вырытые животными в поисках соли. Наконец, им попался высохший колодец: хоть какой-то след человека. Через три дня блужданий экспедиция наткнулась на тот же колодец, поверх своих следов они различили следы маленькой ступни, но никого не нашли вокруг.

Когда они вернулись в Апингтон, сержант полиции рассказал, что много лет назад во время объезда он наткнулся на древнюю каменоломню. Там он видел несколько обтесанных камней. Каменоломня была как раз в районе "затерянного города". Сержант откопал в песке остов лодки длиной метров в пять.

"Никто и не сомневается, — с грустью сказал Борчердс, — что много веков назад в Калахари существовало поселение, которое описал Фарини. Известно, что из озера Нгами вытекали реки, они текли через пустыню на юг и впадали в Оранжевую. Значит, у жителей этого поселения была вода, а теперь мы узнали, что у них были и средства передвижения. Несомненно, в скором времени дюны раскроют свою тайну".

В последующие годы многочисленные попытки доб-

раться до "затерянного города" на джипах и пешком тем не менее кончались неудачей. Большие надежды возлагались на авиацию и аэрофотосъемку, способную обнаружить даже канаву, вырытую пять тысяч лет назад. Но в пустыне нет растительности, которая укажет канаву, а пески все время движутся, меняя очертания дюн.

По всей видимости, какая-то очень сильная буря занесла песком древние стены. И только еще более яростная буря сможет открыть тайну города Зимбабве...

Борчердс оказался и прав и неправ. Зимбабве — огромная территория, включающая в себя так называемый Бечуаналендский регион, куда входят Трансвааль, Южная и Северная Родезия, часть Центрального Конго и часть ЮАР. А сами африканцы относят к Зимбабве и еще некоторые территории. Смотря по какому принципу считать: если по землям, населенным бушменами, — это одно, а по заброшенным рудникам — другое. Внутренняя Африка, где в средние века процветала добыча металлов, выплавка и прекрасно налаженный сбыт через побережье на весь мир, погибла не от войны с европейцами и не от междоусобиц: ее "задавили" экономически. Португальцы, осевшие на побережье и пожелавшие быть посредниками в торговле Зимбабве со всеми купцами и странами, расстроили торговлю и в Индии, и в Китае, и в Африке. Захирели прежде всего поселки возле рудников (их насчитывается до 70 тысяч!), а потом и большие города, в том числе и когда-то цветущий город Зимбабве. Африка "железного века" пала повсеместно, попав с развитием европейского мореплавания в полную блокаду.

Большой Зимбабве обнаружили почти тогда же, когда совершил свое путешествие в Африку любознательный Фарини. Некий старатель Поссельт начал обшаривать развалины Зимбабве в 1888 году — на предмет золота, о котором и сейчас ходят легенды. На землях народов машона и мата-

беле не знали "бронзового века": золото в качестве простого металла использовалось даже для наконечников копий и стрел. Потому ученые и называли Африку "железной", что цивилизация, и весьма высокая, развилась там повсеместно с поздним открытием секрета железа и множества его месторождений.

Зимбабве возник на остатках прежних строений, ибо в Африке народы и государства беспрерывно сменяли друг друга, ассимилировались, разделялись и уходили, но для расселения использовали "подготовленную почву". В результате возникший в VII веке и просуществовавший до XVIII примерно 1100 лет, Зимбабве представляет из себя "слоеный пирог". Его фундаментам значительно больше лет — V–VI века н.э., — но и это не предел: начала никто не искал. Хотя раскопки 1958 года, осуществленные Саммерсом и Робинсоном, показали, что прежние строения существовали в этом городе с начала н. э. и принадлежали народу, уже знавшему секрет добычи железа из руды.

Архитектура Зимбабве уникальна и принадлежит исключительно к африканскому типу. Самые крупные сооружения — замок на холме ("Акрополь") и эллиптическое здание длиной 90 и шириной 60 метров. Охотник Рэндолс, побывавший здесь в 1868 году, и немецкий геолог Маух (1872 год) считали, что вся здешняя культура — копия чужой, заимствованной на севере. И археологи думали, что эллиптическое здание, выложенное из гранитных камней без какого-либо раствора, точная копия дворца царицы Савской, в котором она жила в Иерусалиме в X веке до н.э., а "Акрополь" — такая же точная копия храма Соломона на горе Мориа. Кстати, европейцы, живущие и теперь в Африке, до сих пор не верят или верят с трудом, что все эти развалины имеют отношение **только к местному населению**. Это мнение укоренилось в результате 400 лет колониальных войн.

Однако лишь на первый взгляд эти развалины можно приписать кому-либо, кроме самих африканцев. Стены эллиптического здания из обработанного и подогнанного гранита достигают высоты 10 метров и толщины 6 метров. И поразительно напоминают стены другого ископаемого города-сказки – Гебель Ури (Западный Судан). И не только формы: метод сухой кладки, берущий начало в Эфиопии и Центральной Африке, достиг в Зимбабве истинного совершенства. Причем абсолютно ясно, что африканско-негритянские формы зданий – круглых и эллиптических, о которых, конечно же, не “с потолка” упоминал в отчете Географическому обществу Фарини, – возникли из “простой” африканской архитектуры – шалашей или более основательных хижин из смеси глины и тростника, традиционных в здешнем строительстве. Лишь торговые города на Побережье испытали влияние арабской и индийской культур. Китайцы там тоже были не редкими гостями. В результате обмена не только богатством, но стилями, воззрениями, технологиями и правилами возник неповторимый сплав, некое устойчивое равновесие в торговле, взаимоотношениях между народами. Дикость Африки – заблуждение! Побывавший здесь Васко да Гама в первую очередь обнаружил неотесанность и грубость... своих португальцев! А еще нашел, что размеры и оснастка его собственных кораблей – менее совершенны, чем у купцов Индийского океана. Более высокого класса были и навигационные приборы азиато-африканцев!

Ярко выраженные африканско-негритянские черты отличаются и чисто исламские города средних веков. Например, город Геди, открытый в 1953 году Киркманом. То же с городами Тимбукту, Гао и Кумби Сале, царствами хауса, городами-государствами Ифе и Бенин.

Смена и преемственность “железных обществ” обусловлена тем, что города побережья интенсивно торговали

с внутренней Африкой, куда доступ чужим был закрыт. Внутренние города не только получали возможность существовать, но и развиваться: Мапунгубве, Ниекерк, Пеналонг, Ками и другие.

В 1932 году фермер-старатель Ван Граан, прослышав от аборигенов о "священном холме", решил найти его. По преданию, даже говорить или слышать о Мапунгубве было смертельно опасно, но все же Ван Граан нашел одного африканца, преодолевшего вековой страх и указавшего фермеру не только сам холм высотой около 30 метров и окружностью основания около 300, но и путь на него. Пробившись сквозь заросли колючек, Ван Граан и его спутники увидели в расщелине каменные ступени... Поднявшись, "святотатцы" столкнулись с неожиданной опасностью: Мапунгубве был обнесен бруствером из громадных валунов, подпертых малыми камнями. Плоскость холма, вероятно, значительно смытая и выветрившаяся к тому времени, была усеяна обломками керамики, из песка выглядывали кусочки меди и железа. А в размытых ливнями местах — блестело золото!..

Прятели, раскопав грунт, добыли 75 унций золота — пластины, бусы, фигурки носорогов очень тонкой работы, золотую проволоку. Возвратившись, все пятеро (среди них был и сын Ван Граана) намеревались хранить это в тайне, но сын, учившийся в Претории у Фуше, все-таки отправил учителю часть находок и все ему рассказал. Фуше, в свою очередь, показал находки Пирсону, заместителю начальника монетного двора. Тот обнаружил, что найденное золото очень высокой пробы, а также то, что это — первая находка кованого золота на юге Африки. К тому же находка Ван Граана оказалась первой никем не тронутой в целом регионе, она была объявлена национальным достоянием, и раскопки Мапунгубве поручили вести Университету Претории.

В 1934 году Ван Тондер обнаружил первое "королевское" погребение доевропейского периода. Скелет был закован в золотую цепь (70 унций), на руках и ногах найдено около сотни тяжелых золотых браслетов.

Пески и джунгли скрывают не менее полутора сотен исчезнувших городов Африки, населенных в свое время несколькими народами. Изолированные от внешнего мира государства кузнецов и ремесленников, с такой пышностью, как обнаружил Ван Тондер, хоронившие своих правителей, загадают ученым еще не одну загадку.

СОКРОВИЩА МАЙЯ

*"Ешь, ешь свой хлеб;
Пей, пей свою воду;
В этот день землю покроет пыль;
В этот день гибель придет на землю;
В этот день поднимется туча;
В этот день сильный человек захватит эту землю;
В этот день все погибнет;
В этот день ты закроешь мертвым глаза".*

"Чилам Балам"

Наверно, самая удивительная из всех земных цивилизаций – культура майя. Один из знаменитых исследователей ее археолог Сильванус Морли говорил: "Первые пять ступеней, через которые, по общему признанию, проходит человек на своем длинном и трудном пути от дикости к цивилизации, заключаются в следующем: овладение огнем, изобретение земледелия, приручение животных, создание металлических орудий и открытие колеса. Последовательность этих ступеней не всегда одинакова в разных частях света, хотя овладение огнем бесспорно является повсюду первым шагом, а изобретение земледелия во многих местах – вторым. Порядок прохождения остальных трех ступеней различен... Майя владели огнем, научившись добывать его с глубокой древности... Несмотря на сравнительно неблагоприятные условия природной среды, они создали эффективную систему земледелия, приручили дикого индюка, держали в специальных хижинах с тростниковыми крышами рои не имевших жала пчел. Но зато они не имели тягловых животных... На всей территории Амери-

ки в доколумбову эпоху можно встретить лишь два случая применения тягловых животных: древние перуанцы использовали ламу, а эскимосы заставили своих собак таскать сани. Вся громадная программа архитектурного строительства майя выполнена без помощи тягловых животных, исключительно руками человека. У майя не было орудий из металла. В Древнем царстве металл вообще неизвестен, а в Новом царстве (теперь этот период называют "мексиканским") золото, медь и их сплавы употреблялись только для производства украшений и предметов культа (кольца, бусы, подвески, серьги, пластинки, чаши, блюда, колокольчики...). Древние майя не знали и колеса. У них отсутствовали колесные повозки... а большинство специалистов в области древнеамериканской керамики считает, что гончарный круг здесь также неизвестен".

И что же? Народ, открывший лишь два из пяти указанных принципов (хотя подсечно-огневой способ земледелия трудно назвать "эффективной системой", как выразился Морли), находившийся, по самым завышенным историческим оценкам, в самом начале неолита, "в век шлифованных каменных орудий", создавал архитектурные шедевры вроде храма Кукулькана, разрабатывает религию и философию, на основе которых возник самый точный и глубоко учитывающий астрономические тонкости календарь, — индейцы майя знали о звездной прецессии — самых точных астрономических часах! И в то же время лепили вручную детскую игрушку — бизона на колесиках!

Иного применения колесу они не нашли...

1. ОРАКУЛ, ИЛИ ДЕЯНИЯ ОДЕРЖИМОГО МОНАХА

Огромная роль религии, мистики, астрологии в повседневной жизни государств майя (именно государств — к мо-

Фрагмент деревянной резной притолоки с изображением правителя. Тикаль. Храм IV

менту Конкисты их было около десятка) ярко проявилась в час прихода испанских завоевателей — 1517 (Эрнандо де Кордоба), 1518–1519 (Хуан де Грихальва), 1527 (Франсиско де Монтехо), 1531 (он же), 1540–1541 (Франсиско де Монтехо-младший) и более поздние годы. Объяснений, почему страна майя оказалась легкой добычей не большого, очень ограниченного (во всех смыслах) контингента испанцев, несколько.

Во-первых, с 1441 года на полуострове Юкатан бушевала открытая гражданская война, затихающая лишь для того, чтобы подросли до необходимого возраста юноши с той, другой, третьей и т. д. сторон. На классовые войны накладывались многочисленные междоусобицы малюсеньких государств, на которые давным-давно была разбита страна индейцев майя: она гибла и без испанского вмешательства! Процесс был исторический. Города сжигались, разрушались и покидались их жителями, которые не успели удостоиться чести быть принесенными в жертву богам противной стороны. Десятки прекрасных городов стояли в руинах или целые, но брошенные.

Во-вторых, по свидетельству самих испанцев, они были поражены, когда пришли завоевывать страну, не завоеванную с первого раза в прошлом походе пятилетней давности: они не узнали даже местности! — всю зелень поела саранча, а народ вымер...

В-третьих, добрый, интеллигентный бог майя Кукулькан (Кецалькоатль), который когда-то, в "золотой век", научил диких индейцев уму-разуму, заставил заниматься земледелием, подарил огонь, показал звезды и способы строительства домов и храмов, уходя, обещал вернуться. Лучше бы он этого не обещал! Тысячи лет прождали его люди! И что?.. Точно так же, как уходил (по морю), со стороны вод под ослепительно белыми парусами появились такие же белые бородатые боги: вернулся наш дорогой и любимый, и те же помощники с ним!.. Сопротивле-

ние испанцам было оказано самое минимальное и формальное. Тысячи и тысячи индейцев, не боявшихся смерти в бою, конечно, были ошеломлены грохотом ружей и пушек, но должны были очень скоро прийти в себя и заметить, что ружье, как и пушка, требует долгой перезарядки, и скрутить 250 человек проблемы не составляет. Потом-то они так и поступали! Но было поздно: их уже "выбили из колеи", вождей подкупили, а страну поделили.

В-четвертых, до прихода испанцев оракул майя торжественно объявил, что тогда-то, тогда-то с востока, по воде – появится "сильный человек" и "захватит эту землю", и наступит конец благоденствию, потому что земля эта надолго-надолго станет чужой, а люди понесут крест несколько столетий – расплату вашу за грехи ваши... К приходу испанцев индейцы уже готовы были к худшему повороту событий. Они оказались внутренне многократно парализованными. Нельзя осуждать сдавшегося без боя Тутуль Шиу. Он даже армию свою отдал горстке испанцев, надеясь хоть таким образом сохранить свое маленькое государство и его народ. Тутуль Шиу верил оракулу...

"Начались различные поборы, начались поборы в пользу церкви, началась яростная погоня за деньгами, началась пушечная пальба, началось затаптывание людей в землю, начались насильственные грабежи, началось выбивание долгов на основе ложных показаний, начались всевозможные бедствия", – говорится в "Чилам Балам", индейской хронике, записанной по-майяски, но латинскими буквами (это была уже новая паства идущего по пятам за солдатами католического духовенства).

В 1549 году францисканский монах Диего де Ланда прибыл из Испании в монастырь Исамаль (Юкатан). Прибыл исполнить свой долг.

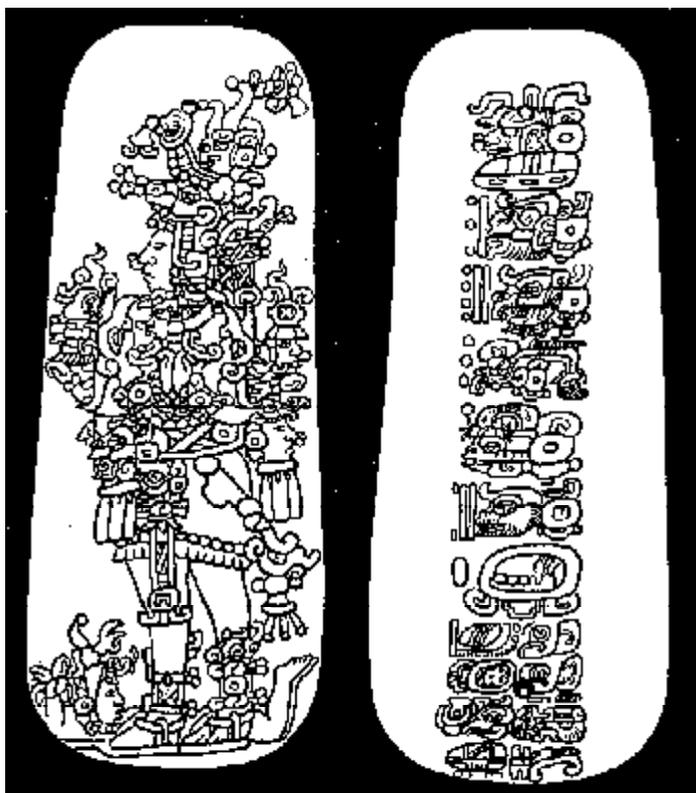
И исполнил. В городе Мани, обнаружив богатейшую библиотеку доколумбовой поры, в которой были собраны все достижения цивилизации майя, Диего де Ланда при-

казал сжечь библиотеку на городской площади! Публичное сожжение всей доисторической информации состоялось, "поскольку книги не содержали ничего, кроме суеверия и дьявольской лжи...!" Так было уничтожено бесценное археологическое сокровище.

Диего де Ланда очень скоро хватился и понял, что именно он совершил. И этот человек, дослужившийся до епископа, оставшуюся часть жизни посвятил восстановлению утерянного. Опять одержимый, теперь противоположной идеей, Диего де Ланда неустанно записывал устные предания из глубинки, объяснял чтение утраченных иероглифических писем, календарь майя... И благодаря ему на сегодняшний день учеными прочитан этот точнейший календарь, прочитана одна треть текстов. Правда, две трети иероглифов, которыми записано что-то важное в храме, гробнице, на стеле, пластинке, бусах и т. д., — остаются недоступными пониманию.

2. ЭНТУЗИАСТЫ И «ОТЦЫ АРХЕОЛОГИИ»

Тьма опустилась на землю аборигенов Америки. Что беды, войны, эпидемии и саранча! Король Испании Карл V любому проходимцу выдавал лицензию на право "исполнять на новых землях волю короля", — взамен малюсенькая европейская страна получила под свой флаг такие территории, такие богатства и столько подданных, сколько не снилось ни одному завоевателю, бредившему идеей мирового господства. Понятно, монарх закрывал и даже зажимал глаза на то, что творилось в далеких землях его именем. Царьки, ловкие главы родов и семейств, да и просто одиночки — проходимцев хватает везде — за мнимые посулы, мнимую власть и мнимые почести продавали свой народ, выступая от его имени. Появились испанские дворяне туземного происхождения и производства.

"Лейденская пластинка" (нефрит). 320 г. н. э.

Не всегда успевая обзавестись соответствующими бумагами, испанцы то получали "имения" в Новом Свете, то теряли их, будучи ограбленными более наглými соотечественниками. Вели войну на территории друг друга: не друг с другом, а с индейцами, которых угоняли, если повезет, в рабство.

Трагедия народа воспринималась самим народом не одинаково: многие, как Тутуль Шю, воспринимали про-

исходившее безропотно, другие – совершали самоубийства. Будто предвидя то, что ждет индейцев в XVI веке, религия уже давно внесла суицид в разряд самых благородных подвигов. Третьи – их было мало – ушли в джунгли, чтобы, во-первых, бездарно не погибнуть от “стреляющих палок” бледнолицых захватчиков, а во-вторых, спасти то немногое, что оставалось от культуры, безжалостно уничтожаемой испанцами, хотя бы то немногое, что оставалось в душе. В районе озера Петен-Ица майя удалось отстоять даже маленькое независимое государство. В горах и джунглях оно сумело просуществовать до 1697 года! В глубь этих лесов индейцы бежали и раньше, еще от гнева правителя Хунак Кееля. Там, на одном из островов озера Петен, они и возвели крепость под названием Тайясаль... Другая группа забрела во времена Конкисты в такие дебри и так оторвалась от своей собственной цивилизации, что почти вернулась к эпохе 6-7 тысячелетий до н. э., в прежний неолит.

Восточнее Паленке (современное название) в джунглях бассейна реки Усумасинта живет обособленное племя лакандонов. Уникальность его в том, что оно когда-то сознательно “ушло из жизни” в джунгли и тем самым сохранило часть своих традиций и язык. Это язык майя! Однако традиции, состоящие, в основном, в религиозных обрядах, исполнялись лакандонами формально, часто не понимавшими, для чего они делают то-то и то-то. Читать они, конечно, изначально не умели: государственная система майя, строившаяся веками, предусматривала допуск к “истине” только избранных, особо посвященных, – остальным же определялось назначение слепо исполнять волю богов и астрологов. В середине XX века большое вымирающее племя лакандонов насчитывало лишь 160 человек. Однако они не отступали от своих правил: регулярно ходили в заброшенные города, поросшие густыми джунглями, и там в развалинах своих бывших храмов исполняли предна-

чертанное. Заходя в дома, они оживляли их тем, что оставляли в каждом из них свежую чашу с благовониями...

Слух о якобы существующем племени лакандонов распространился давно. Но индейцы так тщательно скрывались от людей, что этот слух вполне можно было принять за легенду. Однако Альфред Моудсли загорелся идеей обнаружить племя потомков майя. Тогда археология получила бы редкую возможность соотнести свои открытия с этнографией. Сравнительный анализ — необычайно заманчивая вещь для настоящего исследователя. И действительно, совершенно случайно ученый наткнулся на отдельных представителей племени! Но они ни о чем не желали говорить, а объяснить причину своего интереса к ним было для Моудсли сверх его сил. Зато он сделал два важнейших открытия: повсюду, особенно в Яшчилане, он нашел свежие глиняные фигурки и грубые сосуды, в которых индейцы сжигали копаловую смолу. И было это среди руин?! Вторым открытием ученого было то, что лица встреченных им индейцев были поразительно похожи на лица скульптурных изображений в тех же заброшенных городах.

В отношениях с лакандонами Моудсли потерпел неудачу. И это было в конце XIX века.

А в 1902 году этой проблемой занялся Альфред Тоззер. Он приступил к детальному изучению индейцев Чиапаса. Два года он прожил среди лакандонов, собрал сведения о быте, традициях. К великому сожалению, ученый обнаружил, что потомки майя напрочь забыли письменность, а высокий уровень астрономических, математических знаний предков, архитектуру и скульптуру утратили полностью. Впрочем, относительно последних они сохранили информацию, что такие достижения у них когда-то были. Из памяти лакандонов стерлись имена богов, мифы и легенды. Осталось лишь необъяснимое благоговение перед ними. Однако Сильванус Морли сделал интересное открытие: религиозные обряды лакандонов — пусть упрощенные —

были копией тех древнейших обрядов мая, которые существовали до периода усложненных жреческих изысков. Они сознательно или вынуждено вернулись к более чистой религии, свободной от наносов позднейших времен. Одновременно лакандоны приблизились к природе: в их ритуалах возникли состязания с ветром, с духом горы, на которую, чтобы победить дух, следовало, например, просто взобраться. Убивая животное, лакандон обязательно просил у него за это прощения. Во время обрядов индейцы пили хмельной напиток "бальтче", состав которого (кора дерева бальтче, кукуруза и дикий мед) за века не изменился. Роль жрецов у лакандонов исполняли отцы семейств.

В 1946 году американский путешественник и фотограф Джайлс Хили приехал в Чиapas, чтобы снять фильм о древних маях. Он долго жил среди лакандонов. Так долго, что успел заметить: время от времени мужчины племени куда-то исчезают на несколько дней. Однажды Хили потихоньку отправился за ними... Так был открыт древний город, который Хили назвал Бонампак ("Расписные стены").

Несмотря на незначительность Бонампака, а это маленький из множества таких же или чуть больше центров, существовавших прежде (от 400 до 900 годов он не вырабатывал своей политики, ибо и политика, и культура зависели от больших соседних городов — Паленке, Яшчилана, Пьедрас Неграса), Бонампак украшен потрясающими скульптурами и фресками. Вероятно, это был своеобразный город-салон. Особенно поразительны фрески Бонампака. Десятки метров оштукатуренных стен расписаны подлинными мастерами, создавшими фрески, которым в мире нет равных, нет и повторений. Хотя школа художников Бонампака принадлежит Яшчиланской, видно, что Бонампак, как филиал, не уронил чести головного "предприятия", а во многом его превзошел. Фрески затмевают все!..

Техеда и Калети вдвоем кропотливо зафиксировали фрески, во многих местах разрушенные или вовсе утра-

Деталь росписи на глиняном сосуде. Небах, Гватемала

ченные. Они даже попытались восстановить настенную живопись. Но это было трудно, в том числе и из-за того, что надо было прежде восстанавливать последовательность событий. Эрик Томпсон взялся решить эту задачу.

"Бонампак — своеобразная энциклопедия в картинках, рассказывающая о жизни города майя в VIII веке н. э... Лишь наивные люди могут применить термин "примитивизм" к искусству, которое прошло многовековой путь развития, прежде чем достигло своего апогея", — сказал французский дипломат и антрополог Жак Сустель.

Почти на сто лет раньше Хили американец Джон Ллойд Стефенс (юрист) и художник Фредерик Казервуд увлеклись — независимо друг от друга — археологией. Казервуд изучал архитектуру и скульптуру и хорошо знал древние памятники Греции и Египта, был на горе Синай и в Бальбеке. Точность в следовании за автором была коньком Казервуда: он приобрел эту привычку при изображении монументальных сооружений и скульптур древности. Стефенс тоже попутешествовал по Ближнему Востоку и уже

писал книгу о своих приключениях на Востоке, когда вышел цикл книг лорда Кингсборо "Древности Мексики". Стефенс познакомился и с папкой работ Жана Фредерика Вальдека — немецкого художника, изобразившего таинственные руины древних городов в Южной Мексике и на полуострове Юкатан. В "Трудах Американского антикварного общества" есть статья, рассказывающая об открытии в Гондурасе развалин огромного города Копан...

Статья переполнила чашу терпения Стефенса, и он отправился в экспедицию. Но прежде он во всеуслышанье объявил о том, что лично собирается убедиться в наличии или отсутствии памятников древности в Центральной Америке. Археология была тогда наукой молодой, а Американский континент с точки зрения этой науки и вовсе не рассматривался, так что заявление Стефенса возымело общественный резонанс. Правда, антиквары и историки открыто выражали свой скептицизм.

Было ясно, что, если поиск затерянного города окажется удачным, находку надо будет прежде всего задокументировать. Поэтому нужно было найти честного и скрупулезного фотографа. И Стефенс пригласил в спутники Казервуда.

Накануне отъезда Стефенса, на его удачу, назначили посланником Соединенных Штатов в центральной Америке.

Путешественники прибыли в Британский Гондурас — для того, чтобы для начала убедиться в существовании мифического древнего Копана. Однако непроходимые джунгли охладили их пыл: неужели в этих зарослях могла существовать какая-то цивилизация?..

К тому же повсюду они сталкивались с враждебностью местного населения.

Наконец, они прибыли в Копан — небольшую индейскую деревушку, где их тоже недружелюбно встретили, особенно самозванный староста метис дон Грегорио. Одна-

Деталь росписи на сосуде из Чама. Гватемала

ко настырность Стефенса подсказала дону Грегорио, что пусть уж лучше эти европейцы найдут то, за чем сюда приехали, и поскорее уберутся отсюда. Он даже дал им проводника.

И путешественники убедились, что город в джунглях — не сказка! Они обнаружили застывшие в камне чудеса. Древний Копан навел Стефенса на мысль, что сказка — совсем другое — устоявшееся мнение. Мнение о варварстве аборигенов: перед ним было явное доказательство обратного. Впрочем, значение этого открытия Стефенс и Казервуд осознали значительно позднее. А пока, наняв среди индейцев землекопов, они стали расчищать древний город. "Уже в десяти ярдах ничего не было видно, и мы никогда не знали, что ожидает нас впереди".

И вот вырисовались контуры террасовидного "акрополя" площадью 12 акров, возвышавшегося метров на 40 над местностью. Исследователи открыли так называемую "иероглифическую лестницу" — в 33 фута ширины и длиной в 62 ступени она спускалась с "акрополя" на северную площадь города. Иероглифы находились повсюду — не только

на лестнице. Стефенс был убежден, что это – буквы. А скульптурные колонны, или “идолы”, расставленные там и сям, воздвигнуты в честь исторических событий или как отметка определенных календарных циклов. Что ж, ни в том ни в другом посланник США не ошибся.

В это время дон Грегорио негодовал! Оказывается, решил Стефенс, “мы, будучи иностранцами, дали рабочим слишком высокую плату”, и тем самым они оскорбили старосту... В “высокую”, да еще “слишком”, плату верится с трудом, особенно после осмысления последующего события, тоже придуманного и воплощенного доном Грегорио: он испросил у иностранцев разрешение на производство раскопок! Как видно, староста был не только привередливым, но и опирался на закон.

Срочным порядком Стефенс выяснил, на чьей земле они копают. Оказалось, участок джунглей с развалинами и древними камнями принадлежал некоему дону Хосе Марии – “человеку довольно терпимому”. И вот (вспомните “высокую оплату”!) Стефенс купил у него целый город за 50 долларов!

Вскоре он оставил Казервуда руководить работами, а сам отправился в Гватемалу для выполнения служебного долга. Впрочем, не надолго: теперь перед ним замаячил древний город Паленке.

В Паленке в 1840 году Стефенс и Казервуд обнаружили прекрасный дворец! В отличие от Копана, здания Паленке были целы. Они нашли древний храм, поразивший их своим величием. Город оказался огромным: создавалось впечатление, что он бесконечен. Обнаруженный храм путешественники нарекли храмом Надписей (так он называется и сейчас). Иероглифы здесь, а также в другом найденном храме, повторяли иероглифы Копана. Однако археология в лице Стефенса еще не собиралась углубляться в сопоставления этнографического характера. Важен вывод, который впервые сделал именно Стефенс: эти города, вопре-

ки бытующему представлению, создали не пришельцы из Старого Света или с Атлантиды, — они продукт местной цивилизации.

Исследователи осмотрели еще один древний город — Ушмаль. Он находился недалеко от Мерида. В том числе изучили Дворец Губернаторов, Четырехугольник женского монастыря, великолепный храм Дом Карлика.

Составив и издав отчет об экспедиции, который назывался "Приключения во время путешествия в Центральную Америку, Чиapas и Юкатан", Стефенс и Казервуд через разрушенный город Лабна двинулись на юг. Последний обследованный ими вдвоем город — Чичен-Ица. После этого неугомонный исследователь окунулся в теоретические споры на самом высоком и высочайшем уровне.

3. ОТКУДА ПРИШЛИ ПЕРВОАМЕРИКАНЦЫ?

"Дикие и бредовые идеи среди разного рода теоретиков... — говорил Стефенс в одном из докладов, — возникли при открытии курганов, холмов и укреплений, протянувшихся цепочкой от Великих озер по долинам рек Огайо и Миссисипи, благодаря находке мумий в пещере в Кентукки, надписи на скале в Дайтоне (говорили, что она принадлежит финикийцам). Измышления возродились и умножились после раскопок стен и города в Арканзасе.казалось, что страну некогда населяли многочисленные развитые народы, которые непонятным образом исчезли, не оставив по себе исторических сведений".

Это обстоятельство порождало свободу всяческих измышлений, далеких от истины и самой науки. Сторонники Библии отождествляли индейцев с людьми, оставшимися после Потопа. Или с их *потерянными коленами израильтян*: этой точки зрения, кстати, придерживался и вдохновлял

Стефенса лорд Кингсборо. Дарвинисты, наоборот, заявляли, что, поскольку Америка изолированный континент, человек здесь развился совершенно независимым путем, а его предками являются представители исключительно местных антропоидов. Это идея автохтонности американского человека. Представители "третьей" силы теоретиков вспомнили Платона и приписывали заселение Америки легендарной Атлантиде. Это объясняло строительство изумительной красоты и точности пирамид, наличие точнейшего календаря майя и настолько развитой системы иероглифического письма, что расшифровать его без помощи "атлантов" не представлялось возможным. Назывался также континент Му, остатками которого после ухода под воду являются мелкие острова, простирающиеся от Ост-Индии до Гавай.

Полемистов отрезвляли исследования Стефенса и Казервуда, но путешественники и сами были большие романтики, поэтому отрезвление не было глобальным. А версия об "исчезнувшем континенте", в числе которых была еще Лемурия, была препятствием для научного решения проблемы американского заселения. Были и сторонники заселения Америки через Исландию и Гренландию, но никто не высказал еще очевидного и наиболее вероятного способа проникновения в Аляску через Берингов пролив!

В итоге всех своих исследований Стефенс пришел к однозначному выводу: открытые им развалины — остатки великих туземных цивилизаций, возникших только самостоятельно. Он писал: "Я не считаю их циклопами, а их сооружения не похожи на постройки греков или римлян: в Старом Свете нет подобных сооружений". В Европе твердо нет аналогов, а сооружения Индии имеют с американскими только внешнее сходство. Храмы, а также искусственные пещеры, высеченные в скалах, в Америке отсутствуют. О сходстве архитектуры Америки и Египта Стефенс тоже высказался: "Пирамидальная форма привлекает к себе внимание строителя любой страны, как простейший и наи-

Роспись на сосуде из Ратилиншуля. Гватемала

более надежный вид высокой постройки на прочном фундаменте”.

Аббат Брассер де Барбур в 1863 году обнаружил затерянный в библиотеке Королевской Академии Испании тот самый труд жизни епископа Диего де Ланды, отражающий историю Юкатана. Косвенно Ланда подтверждал правоту Стефенса: американские аборигены шли в своем развитии независимым путем.

Ниточкой к распутыванию проблемы происхождения американских индейцев стал так называемый “желобчатый” наконечник, встречавшийся в различных местах на западе США, как ископаемая визитная карточка древних местных охотников. Эти наконечники были и у копий майя времен Конкисты.

В 1936 году один такой наконечник, найденный неподалеку от городка Фолсем в Нью-Мексике, был обнаружен среди костей древних животных. Ученые отправились на раскопки. Среди костей животных они обнаружили кости бизона — той его разновидности, которая вымерла 10–15 тысяч лет назад. А один из наконечников копья торчал из ребра вымершего животного.

Было ясно, что это кладбище костей со стоянки доисторических охотников. Это открытие значительно отодвинуло период появления человека на Американском континенте.

В горах Сандиа в районе Альбукерка (Нью-Мексико) в 1937 году обнаружили пещеру, которую древний человек использовал в качестве жилища. Фрэнк Хиббон, специалист по первобытной истории, начал раскапывать эту пещеру и нашел под слоем, содержащим уже знакомые "желобчатые" наконечники, другие – овалы, принадлежавшие гораздо более раннему человеку. Они были хуже обработаны, отражая более примитивную технику. На основании геологической стратиграфии Хиббон датировал находку примитивных изделий – наконечников, скребков и ножей – десятью тысячами лет раньше фолсомского человека.

Другие находки – Джипсем, Тьюл Спрингс (Невада), Санта Роса Айленд (Калифорния) и Льюисвилл (Техас), датированные радиоуглеродным методом, установили факт пребывания человека на земле Америки 30 тысяч лет назад. Отличительной особенностью всех этих первобытных охотников является отсутствие лука и стрел, которые появились у индейцев гораздо позже. Тогда же охотники использовали специальные копьеметалки.

Первобытные кочевники имели прирученных собак. В пещерах Юты, Орегона и Невады обнаружены циновки и обувь наподобие сандалий, использовавшиеся древним человеком.

По части скелетов человека американские антропологи не слишком удачливы: почти все из немногих находок вызывают сомнения в подлинности. Либо геологические отложения, в которых найдены останки, были потревожены, либо погребения относятся к более позднему периоду, то есть попали в древние слои случайно. Черепа из Небраски Алеш Грдличка – кстати, антрополог, яростно сопро-

тивлявшийся утверждениям о древности американского человека, — признал сходными с черепами неандертальцев Европы. Но строение скелетов ничем не отличается от современного.

Ранние следы человека относятся к геологическому периоду под названием плейстоцен. В это время северная часть континентов скрывалась под льдами. Однако стоянки фолсомского человека обнаружены на побережье Берингова пролива!

И геологи сказали свое слово: в тот период Евразию и Северную Америку соединял перешеек. Уровень океана был значительно ниже, и человек мог свободно мигрировать из Сибири на Аляску и обратно!

К началу исторического периода в Америке было уже многочисленное население, занимающее оба континента от Крайнего Севера до Крайнего Юга. Оно состояло из 160 языковых групп, распавшихся на 1200 диалектов. Это означало, что Америка на тот период была разнообразнее, чем весь остальной мир, где такого количества языков и диалектов не было.

Майя, вырвавшись из общего течения, сделали гигантский культурный скачок, который в Европе и Африке может соответствовать Египту или Греции.

4. УПАДОК МАЙЯ. ЗАГАДКА БЕЗ ОТГАДКИ

Образовавшись около 2000 года до н. э., поселения древних индейцев, разросшись до городов, относительно благополучно существовали до начала—середины I тысячелетия н. э. На это время приходится расцвет классической эпохи майя. Во многом благодаря Диего де Ланда ученые хорошо освоили календарь майя и начали датировать находки по надписям на них. Со II—III веков н. э. на

Юкатане уже существовало и процветало мощное государство майя. Насчитав в своей цветущей эпохе 600–700 лет, оно вдруг захирело и пришло в упадок, причины которого до сих пор не прояснены. Мы знаем о междоусобных войнах доколумбовых десятилетий, предшествовавших Конкисте. Причины раздробленности некогда единых государств хорошо изучены, и майя не составляют исключения. Однако историки не склонны объяснять упадок майя междоусобицами. Одних изматывающих войн недостаточно, чтобы бросить на произвол судьбы сотни городов, многие из которых даже не разрушены. Однако с X по XV век у майя продолжался упадок, носящий именно такой характер: многочисленное плотно жившее население без всяких видимых оснований оставило все города и словно растворилось в джунглях. Чума или другая эпидемия, которые описаны Диего де Ландой, не объясняют массового ухода: люди не умерли, на новом месте они вновь закладывали города и строили их серьезно и основательно, на века... А потом покидают и эти новые города, стремясь опять куда-то. Нет следов массовой гибели от наводнений или землетрясений (хотя эти бедствия тоже были). А города оставлены, судя по производимому впечатлению, будто на пять минут. Города не завоевывались пришельцами! Хотя были и такие... Но в этом случае должны были остаться хотя бы пришельцы!

Впрочем, все события из перечисленных, конечно, имели место. Вполне вероятно их суммарное воздействие на судьбу майя. Запрограммированное историей человечества нашествие варваров, когда гибнет почти целиком развитая культура, необходимо для того, чтобы потом, на их плечах, та же культура не только возродилась, но и превзошла предыдущую. Быстрого качественного скачка завоеватели майя не сделали. История не дала им явиться через несколько столетий в новом блеске.

Даже прошлое говорит о том, что этот закон в Америке не всегда действовал: завоеватели ольмеков ацтеки не проявили себя ярче ольмеков. Лишь завоеватели майя на базе культуры ольмеков достигли высот.

Многие ученые объясняют упадок кризисом системы подсечно-огневого земледелия: майя постоянно требовалось бороться с новыми и новыми участками джунглей, которые приходилось сжигать и расчищать, чтобы устроить на этом месте новые поля. Очень скоро земля истощалась, и земледельцы, вооруженные только заостренными палками, при помощи которых сажали свои культуры — кукурузу, картофель, томаты, хлопок и другие чисто американские растения, — вынуждены были переходить на другие земли, то есть опять отвоевывать их у джунглей. Наконец, хорошей земли на Юкатане не стало... Однако последнее утверждение целиком противоречит де Ланде, который утверждает, что у майя поля давали прекрасный урожай.

К тому же если перед индейцами вставала проблема ревизии системы земледелия, они бы по необходимости ее осуществили. Не помешало же земледелие развитию мощных государств на протяжении всего I тысячелетия н. э. Или предшествующих тысячелетий... Процесс упадка зависел от чего-либо другого.

Многие увидели причину в оторванности религии от насущных проблем населения. В самом деле, на что, допустим, крестьянину высокоразвитая жреческая философия, которую и из жрецов-то понимают лишь самые избранные? И на что жрецам внушать крестьянину высокие материи, если государственная система давно расставила всех по местам и каждый занят своим делом? Внушить священный трепет перед неведомым и таинственным мирозданием правителю — это еще понятно. И уж практически никак не объяснимо высокое развитие астрономии, свойственное лишь мореходной нации: для того, чтобы дважды в

год засеять поля, достаточно знать север и юг, а также внешние природные признаки времени посева. Климат на Юкатане не менялся... Исследователи пришли к выводу, что сам народ взбунтовался против ненужных ему жрецов, стал разрушать храмы и уничтожать памятники. Признаки подобной деятельности в разрушенных и просто покинутых городах есть. Тем не менее это не объясняет, зачем же народ, и так добившийся своего превосходства над знатью, все ж покинул все города. Что за болезнь, обуявшая многочисленное население, заставила его это сделать?

Революции, происходящие преждевременно, в исторических масштабах мало влияют на ход развития цивилизации. Любой упадок объясняется, как правило, экономическими причинами, а ни в коем случае не политическими. Равно как и взлет.

Загадка остается без ответа, и будущим исследователям предстоит ее в любом случае разгадать. Возможно, тайна раскроется с прочтением письменности. Возможно, ответ прост и даже лежит на поверхности. К примеру, лакандоны использовали в своих ритуалах магический напиток "бальтче": пристрастившись к нему, любая нация могла очень быстро достигнуть низов культуры. Тем более что, несмотря на большое сходство лиц лакандонов со скульптурными изображениями майя, все-таки на лицах лакандонов лежит печать явной деградации — не цивилизации, а отдельной личности! Буквально на нашей исторической памяти яркий пример спаивания индейцев и эскимосов "огненной водой" — первый признак европейского воздействия на туземцев. Спившемуся индейцу уже не нужен был ни город, ни храм: он уходил в джунгли, где бальтче можно гнать прямо на месте, а закуска — съедобные травы и корни — растет под ногами.

5. ЧИЧЕН-ИЦА

К 1200 году н. э. значительная часть Юкатана была завоевана и освоена северным племенем — индейцами ица. Они были более воинственны, чем майя, и более жестоки в традициях. Человеческие жертвоприношения, от которых и майя не отказались, хотя одно время отказались совсем, у ицев не только были чрезвычайно популярны, но и отличались бессмысленной жестокостью. Правда, это с наших "просвещенных" позиций, ибо истинного смысла ритуалов мы, увы, не знаем.

Злой тонкогубый Чакмоол — демон смерти, изображенный полулежа на пьедестале, требовал жертв постоянно: несмотря на свою крайне неудобную позу, Чакмоол держит в руках блюдо, на котором должно биться живое, вырванное у жертвы сердце. Четверо служителей культа распластывали человека на специальном ложе, а пятый, верховный жрец Чакмоола специальным ножом взрезал у жертвы межреберье и вырывал из груди трепещущее сердце — сосуд жизни. Он бросал его на жертвенный поднос, и создавалось впечатление, что Чакмоол изгибается еще неудобнее, будто пытаясь охватить его всем телом. В других скульптурах Чакмоола сделаны отверстия в животе или в плече: сердце закладывалось жрецами в эти отверстия... Агонизирующую жертву сбрасывали на камни площади с высоты храма, и внизу немедленно приступали к освежеванию еще живого тела. Первым делом с него сдирали кожу! Намазавшись специальным салом, жрец надевал ее на себя и метался по городу, оставляя за собой кровавые и жирные следы...

Смысл ритуала утерян и ждет восстановления. Сам процесс описан де Ландой. Его повторили другие исследователи.

Храм Кукулькан, храм того самого Кецалькоатля, гуманного и справедливого, запретившего на всем протяжении Америки с юга на север приносить человеческие

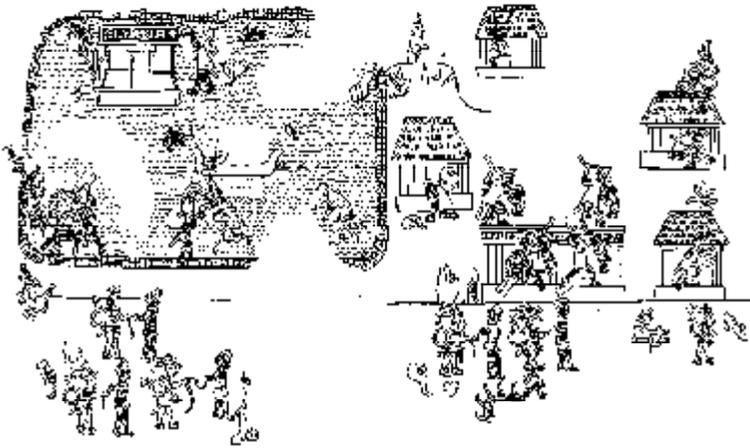
жертвы, рекомендовавшего заменить их цветами, кореньями, в крайнем случае птицей, — храм этого гуманиста не только находится в столице кровавых ритуалов, но и используется для них!

Врагов, попавших в плен, в Чичен-Ице приносили в жертву тысячами. Из экипажей де Кордобы 1517 года, по крайней мере, двоих испанцев принесли в жертву: индейцы захватили пленников, и больше их никто не видел. Зато приятели тех двоих слышали с кораблей, отошедших на безопасное расстояние от побережья, жалобные душевраздирающие крики.

В Чичен-Ице существовал и закон, по которому сильного врага или отличившегося своего героя или спортсмена, с которого уже содрали кожу, делили на части и съедали жрецы. Кецалькоатль проповедовал отказ от каннибализма, но все было забыто или изменено по неведомым нам причинам.

В трехстах метрах от Храма Кукулькан находится другое жертвенное место — сенот Чичен-Ицы. Сеноты — заполненные водой карстовые разломы в известняке — характерны не только для Чичен-Ицы: Ушмаль, Кебах, Сайиль, Лабна — так же использовали свои колодцы жертв, где гибли сотни и тысячи людей, возможно, лучшие из лучших, не считая врагов. Особенность богов майя-ицев состояла в том, что умилостивить их можно было, только принеся в жертву самых достойных. Сфера, в которой определялись достоинства жертвы, лежала, конечно, вне достоинств самой достойной из каст — жреческой, иначе жертвенники были бы всего лишь однажды заполнены их телами...

Отличие Колодца жертв Чичен-Ицы от других сенотов в том, что здесь приносились в жертву только девственницы: Юмкашу, богу полей и лесов, живущему на дне колодца, всякий раз нужна была новая жена, иначе не жди урожая.

Настенная роспись в Храме Воинов. Чичен-Ица

Диего де Саржиенто де Фигуэроа, алькальд из Мадрида, посетивший Юкатан в XVI веке, оставил отчет, подтвердивший сообщение о Колодце де Ланды. Однако алькальд описал историю, может быть, значительно интересней, поскольку она очень расширяет представление о том, как использовался Колодец жертв. Де Фигуэроа писал: "Знать и сановники этой страны имели обычай после шестидесятидневного воздержания и поста приходить на рассвете к сеноту и бросать в него индейских женщин, которыми они владели. Они приказывали им вымаливать у богов счастливый и урожайный год для своего господина. Женщин бросали несвязанными, и они падали в воду с большим шумом. До полудня слышались крики тех, кто был еще в состоянии кричать, и тогда они опускали веревки. После того, как полумертвых женщин вытаскивали наверх, вокруг них разводили костры и окуривали их душистыми смолами. Когда они приходили в себя, то рас-

сказывали, что внизу много их соплеменников — мужчин и женщин — и они их там принимали. Но когда женщины пытались приподнять голову, чтобы взглянуть на них, то получали тяжелые удары, когда же они опускали головы вниз, то как будто видели под водой глубины и пропасти, и люди из колодца отвечали на их вопросы о том, какой будет год у их господина — хороший или плохой...”

Судя по упоминаниям мужчин, возможно, речь идет о каком-то другом сеноте, а не о Чичен-Ице: туда сбрасывали только молоденьких девушек. А вот ожидание до полудня было и в Чичен-Ице: если вдруг жертва не тонула и все еще плавала на поверхности, это считалось знаком того, что девушка не угодна Юмкашу. Ее вылавливали, и в дальнейшем такую красавицу ждало только тихое презрение сородичей: жизнь ее все равно была уже кончена. И жертвы сами старались утонуть, тем более что это была почетная смерть, а семейство могло существовать в почете и довольстве, по крайней мере, до следующей жертвы.

Есть любопытнейшее свидетельство из истории Юкатана, как остроумно и решительно Колодец жертв был использован в политических целях.

Тройственный союз Чичен-Ицы, Ушмаля и Майяпана, продлившийся с 987 по 1194 год н. э. способствовал установлению стабильности в стране. Однако амбиции того или иного царька нарушали эту стабильность: каждый из “союзников” тянул одеяло на себя. Однако к концу XII века власть Чичен-Ицы, деспотичная и бездарная, надоела майя, наделенным более тонким “менталитетом”. Всеобщее же заблуждение о том, что ицы сильны и жестоко накажут ослушников, не позволяло поменять положение. А уже созрели все предпосылки для того, чтобы объединить страну не тройственной, а централизованной единоличной властью. И вот молодой вождь Хунак-Кеель, которому в момент принесения священной жертвы в сеноте пришла гениальная мысль, немедленно и решительно осуществил ее.

Деталь росписи из Храма Воинов. Сцена битвы. Чичен-Ица

Вместе со всей процессией у Колодца жертв дождавшись полудня, когда бог "принял" очередную девственницу, Хунак-Кеель вдруг неожиданно для всех помчался по узкому коридору из людей, ведущему к платформе, с которой сталкивали жертву вниз, и в полном смысле сломя голову бросился в Священный колодец!..

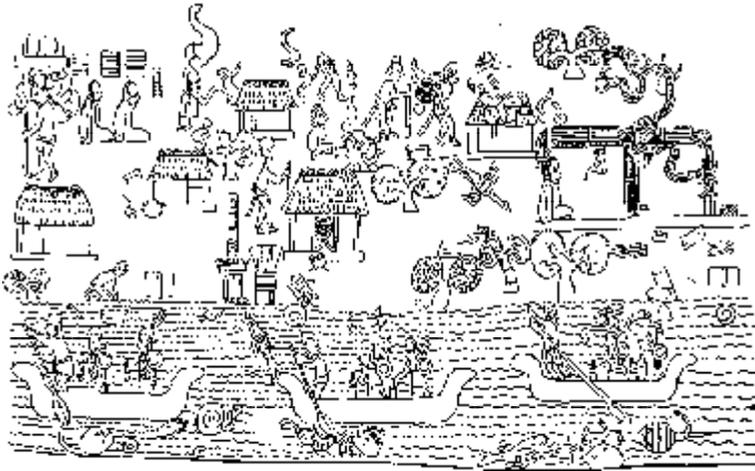
Результат превзошел все его ожидания: ведь на площади Чичен-Ицы собралось все жречество, вся знать, а главное, чуть ли не большинство крестьянства, на которое и мог опереться Хунак-Кеель. Вынырнув из воды буквально через минуту, остроумный вождь объявил собравшимся, что он только что говорил с богами, и они назначили его, Хунак Кееля, единоличным правителем майя. Не было ни войн, ни длительных осад, подкупов и предательств: молодого героя вытащили из колодца и объявили правителем майя. Династия Хунак Кеель продержалась 250 лет...

6. ПЕРВАЯ ГЕРОИНЯ АМЕРИКИ, ИЛИ КОНСУЛЫ - АРХЕОЛОГИ

Интерес к колодцу в Чичен-Ице постоянно подогревался тем, что индейцы, совершая обряд жертвоприношения, вместе с жертвой швыряли в Колодец смерти множество драгоценностей, в том числе золото. Правда, вещи бросались сломанными, чтобы они тоже "умерли", иначе вещь не соединится ни с жертвой, ни с богом. Но золотоискатели жаждали богатства, а исследователи — новых открытий и находок, независимо от того, из какого материала они сделаны. Хотя, конечно, из золота предпочтительнее.

Однако глубина колодца примерно 60 метров, и водная поверхность тоже не под ногами: до нее метров 20—25. Смелчаки, задумавшие пожить в сокровищах майя, наталкивались на неразрешимые проблемы.

Эдварда Герберта Томпсона можно назвать отцом под-

Деталь росписи из Храма Ягуаров

водной археологии. Именно он впервые опустился на дно Колодца жертв. До этого молодой энтузиаст прошел подготовку у лучших водолазов своего времени, а также нанял двоих из них для работ в Колодце.

Для начала предприятия у Томпсона не было ничего — только энтузиазм и вера в легенду. Однако, развив бурную деятельность, он все же сумел достать землечерпалку и заручился поддержкой нескольких американских организаций, давших ему денег. Томпсон нанял тридцать индейцев, помогавших ему во всем. Видя энтузиазм молодого консула (по странному закону первооткрывателями в стране майя становятся почему-то американские консулы — вспомните Стефенса!), рабочие прониклись важностью возложенных на них задач и беспрекословно выполняли самые неожиданные поручения, называя при этом Томпсона доном Эдуардо.

Много дней землечерпалка приносила со дна колодца

лишь тину и многовековой мусор поздних послемайяских времен. Иногда Томпсону начинало казаться, что легенда, рассказанная Ландой и Фигуэроа, только легенда. Но Генрих Шлиман Американского континента все же надеялся. Тем более что, опять же подобно Стефенсу, он выкупил асьенду Сан-Исидоро, на землях которой находились сенокот и все важнейшие строения Чичен-Ицы! Этот "знак" тоже должен был сыграть свою роль.

И вот ковш принес со дна два странных предмета, напоминавших яички. Томпсон очистил их и обнаружил, что это не что иное, как шарики копаловой смолы, использовавшейся майя во всех обрядах! С возросшим энтузиазмом он стал выбирать грязь со дна колодца. Через несколько дней ковш зачерпнул целую корзину копала. Затем была добыта первая хульче – деревянное оружие майя и тольтеков, к одному из племен которых принадлежали воинственные ицы. Наконец, наверх был поднят череп семнадцатилетней девушки. Потом второй. И третий...

Наступил черед самому искателю опуститься на дно. С большим нетерпением дождался он греков-водолазов и приступил к обследованию дна колодца "вручную". Темнота и взвешенный ил давали возможность работать только на ощупь: никакие фонари не пробивали эту гущу. Облачившись в водолазное снаряжение, по самому последнему слову техники, Томпсон осуществил десятки погружений. Вместе с ним прощупывали дно два ловца губок – те самые греки-водолазы.

Со дна подняли статуэтки из нефрита, золотые кольца, золотые фигурки лягушек, скорпионов, других животных, золотую маску, более сотни золотых колокольчиков с вырванными язычками, золотую корона с двумя кольцами "Пернатого Змея", множество рельефных золотых дисков, тоже переломанных, с изображениями богов, воинов, эпизодов морских сражений и человеческих жерт-

Каменная стена из Копана

воприношений. Еще Томпсон обнаружил: кремневый жертвенный нож!

Молодой археолог не задумался над темой находки, а мы вернемся к ней чуть позже.

Перенеся ради удобства платформу с края колодца на его поверхность, однажды Томпсон забыл отключить воздушный клапан и, оттолкнувшись от дна, как ракета полетел к поверхности. Все же сообразив отключить воздушную подачу, он тем не менее крепко ударился головой о дно платформы и даже потерял сознание. Очнувшись, Томпсон обнаружил, что лишился слуха: не выдержав перепада давления, дополненного ударом, лопнули барабанные перепонки...

Мексиканец Давалос Уртадо "процедил" колодец еще раз с помощью землесоса, прекрасно зарекомендовавшего себя в Порт-Ройале. Вместе с аквалангистами Давалос прощупал все дно Колодца жертв. Находки, обнаруженные им, по качеству и количеству не уступают коллекции Томпсона. Четыре месяца непрерывно изымал их Давалос Уртадо со дна священного водоема.

В 1968 году мексиканский археолог собрался добыть со дна остатки предметов совершенно неожиданным способом: осушив колодец и раскопав ил, как при обычных археологических работах, что дало бы возможность получить стратиграфию слоев... Но буквально накануне этой важной работы Уртадо скоропостижно скончался. Вероятно, он тоже был наказан за то, что посмел окунуться в воды Священного сенота. Да еще и доставал на поверхность жертвенные предметы...

Давалосу Уртадо принадлежит вторая странная находка: в Колодце девственниц он обнаружил и поднял на поверхность череп старика!

Попробуем две находки, между которыми целых семьдесят пять лет, соединить — череп мужчины пожилого возраста и кремневый ритуальный нож. Что получится?

Известно, что таким ножом взрезалось тело жертвы, а лобителем сердец был грозный демон смерти Чакмоол. Поскольку право вырвать сердце принадлежало исключительно верховному жрецу, а ритуальный нож он всегда и везде носил при себе, выходит, безмянный старик, утонувший в Колодце смерти, и есть тот самый верховный жрец?.. Никогда и ни при каких обстоятельствах сам он ни за то не бросился бы в Колодец. Значит...

Значит, его увлекла за собой мудрая и тоже безмянная девочка, которой, в сущности, уже нечего было терять! К сожалению, мы никогда не узнаем ее лица, потому что не сможем найти череп. А вот имя девочки, вполне возможно, когда-нибудь нам и доведется услышать – как только будут расшифрованы иероглифы майя.

Закон, по которому приносилась жертва в сеноте Чичен-Ицы, запрещал извлекать кого-либо из воды до полудня. Жрецы долго вглядывались в водную гладь колодца, прежде чем объявить народу волю Юмкаша. Как бы и что бы ни кричал несчастный старик, облеченный непомерной властью, до полудня никто не стронулся с места.

Не этот ли случай использовал в своих действиях Хунак Кеель? Ведь для того, чтобы сделаться правителем страны, ему нужно было как-то избавиться от всемогущего верховного жреца и набрать "свою команду"... Если это так, то датировку инцидента мы уже имеем.

Все-таки жаль, что Диего де Ланда поспешил сжечь библиотеку майя: там наверняка был в подробностях описан этот случай.

ЗОЛОТОЙ КУРГАН

Древние греки, создавшие неповторимую культуру, считающуюся нами классической, именно по этой или какой другой причине заставляют нас заблуждаться в отношении чего-либо или кого-либо, иногда тысячелетиями. Ошибся Аристотель – и какой скандал из-за количества ног у обыкновенной мухи!.. Обмолвился Платон (может, в горячах?), а энтузиасты шарят по дну Атлантического океана – ищут настоящую Атлантиду, которой, может, вовсе и не было.

Поначалу Геродот назвал **скифами** только тот народ, который назвал. А с его легкой руки перекинулось имя на все народы, жившие к северу от Понта Эвксинского. Даже великий русский поэт Александр Блок – и тот поверил, что он скиф, – настолько силен авторитет древних греков: “Да, скифы мы, да, азиаты мы!..”

Кто же они – скифы? Кто и почему?..

В многовековом заблуждении пребывает, кажется, и точная наука археология, приписывая едва ли не все имеющиеся в природе курганы скифам. Геродот сказал!..

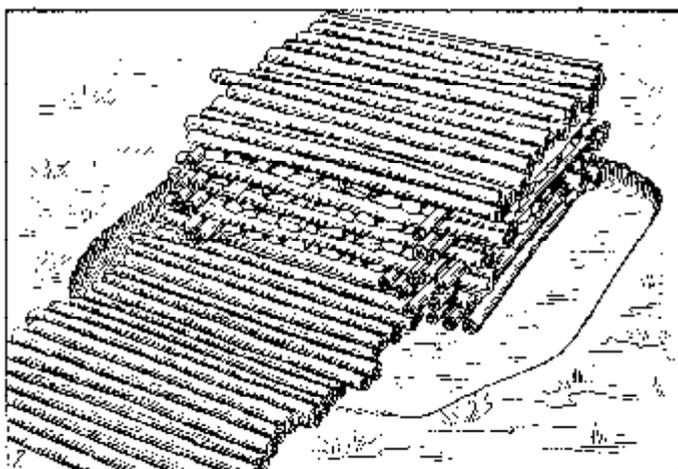
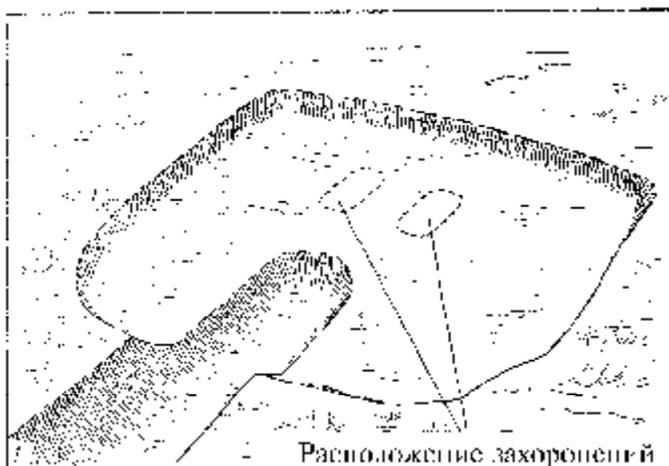
Положение осложняется из-за отсутствия у скифов письменности. Взять вавилонян: чуть потоп или просто дождик зарядил, – тут же соответствующую запись. Ассирийцы, шумеры – всякое лыко в строку. В Древнем Египте любой мало-мальски вставший на ноги резчик по камню делал себе гробницу и на стенах расписывал, какое он, резчик, значение имел при таком-то фараоне. А воинственные кочевники скифы в своих могилах под курганами оставили только золото да оружие. Кто там захоронен, как его при жизни звали, из какой династии? – курган молчит.

Впрочем, археология умеет читать и без письма, но в случае со скифами этот номер не проходит: почти полтора

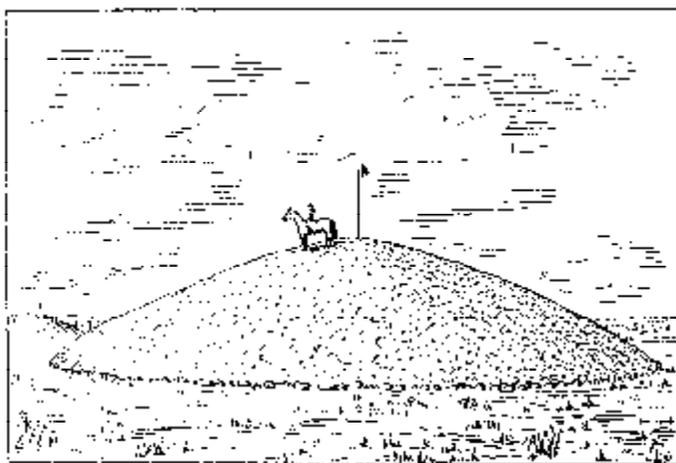
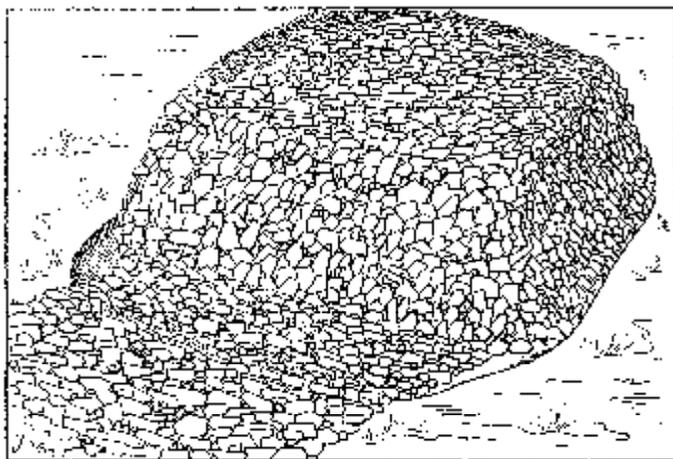
века курганы раскапывались (даже некоторыми профессиональными археологами) часто не для установления исторических истин, а ради обогащения — личного (разбойные раскопки) либо государственной казны. Раскопки упорядочились только в XX веке.

Тем не менее нынешние археологи делят курганные захоронения на три типа культуры — ямную, склепную и срубную. И растянулись курганы от Малой и Передней Азии и Причерноморья — через Среднюю Россию на восток, через степи Средней Азии и Казахстана, через Алтай — до самого Тихого (Великого) океана.

Собственно кочевники объявлялись и в оседлых народах — по разным причинам — еще в III–II тысячелетии до н.э. Примитивное кочевье рода из одной земли в другую сотни лет не ознаменовывалось ни крупными войнами с аборигенами, уже населявшими земли, ни историческими упоминаниями в более развитых народах, имевших письменность. Только пытливый Геродот, или греческий историк Гиппократ (V век до н.э.), или добросовестный Страбон (I век до н.э.) описали некоторые скифские племена, поскольку они стали играть заметную роль в Передней и Малой Азии, а также в Северном Причерноморье, то есть в первую очередь там, где были греческие колонии. Об остальных же скифах Страбон, к примеру, говорит: “Древние эллинские писатели... называли одних саками, других массагетами, не имея возможности сказать о них ничего достоверного”. Правда, кое о чем достоверном авторы-эллины сообщали — например, о том, что в землях, где живут скифы, очень холодно: в самом деле, Северное Причерноморье немного прохладнее Балкан. Так в “Одиссее” представлялась земля, где жили киммерийцы, — во-первых, это уже был мрачнейший край света, за которым находился вход в царство мертвых, а во-вторых, по сравнению с Грецией, на южной Украине и впрямь реже показывается солнце.

Реконструкция могильного сооружения и кургана:
1 – могильная яма и дромос; 2 – камера, сложенная из бревен,
промежутки между бревнами забиты камнем

Реконструкция могильного сооружения и кургана:
3 — каменная насыпь над могильным сооружением;
4 — предполагаемый первоначальный вид кургана

Зато Геродот привел три версии происхождения скифов. Первая — они произошли от Зевса и богини реки Днепра; вторая — от Геракла и женщины-змеи. И то и другое должно быть лестно скифам. Самому же Геродоту кажется наиболее правдоподобной версия третья: скифы пришли с востока в результате межплеменных войн, а киммерийцы ушли под их натиском в Малую Азию. Как бы то ни было, в VIII–VII века до н. э. их присутствие на “исторической” территории было весьма ощутимым.

Примерно около двух тысячелетий находясь в состоянии разложения первобытно-общинного строя, при этом наполовину оседлые, скифы не могли противостоять сильным и давно сформированным государствам. Этому препятствовала и их кочевая, с пастбища на пастбище, жизнь. Но по мере увеличения поголовья стад, а значит, и родового благополучия, у скотоводов-кочевников возникала потребность в поиске новых земель, а жизненное пространство степей и лесостепей, несмотря на их обширность в Евразии, было занято. Первостепенное значение приобретало конное поголовье и военная конница, в которой скифам не было равных. Кочевники вышли на историческую арену! Поэтому с VIII века до н. э. они и фигурировали в клинописи Передней Азии, и в сочинениях греков, и в истории Египта. И получили официальную “прописку” в Причерноморье и Закавказье.

Но даже самых значительных упоминаний у самых выдающихся историков древности недостаточно для изучения культуры народа, населявшего громадные территории евразийских степей. Скифы оставили после себя знаменитые курганы. Цепочками и линиями, группами и в одиночку, они возвышаются над ровной степью, а некоторые просто поражают путешественников своими размерами, производя иногда не меньшее загадочное впечатление, чем египетские пирамиды.

Так был поражен в конце XVIII века сын русского

народа Василий Федорович Зуев, в 1781–1782 годы исследовавший местность между Бугом и Днепром: “Дорога была ровною, черноземною степью, по которой одни только курганы в великом множестве были видны”. А поразило его размерами и загадочным видом Чартомлыкский курган.

Ольвию, древнюю греческую колонию, разглядел в 1794 году на берегу Черного моря у села Парутина петербургский академик Петр Симон Паллас. Найденные им монеты с обозначением Ольвиополя говорили, что именно здесь, в остатках развалин, была когда-то милетская колония. Через пять лет Павел Иванович Сумароков подтвердил находку естествоиспытателя, обозначив Ольвию в урочище Ста могил (именно там находится огромный курганный могильник). А в сочинении “Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду” русский классик описал керченские древности и правильно определил Керчь, как прежний Пантикапей – тысячелетнюю столицу Боспорского государства. В четырех верстах от Керчи Павел Иванович увидел и описал Алтын-обу – величественный Золотой курган. Здесь великий Пушкин в 1820 году жаждал восхититься “следами Пантикапея” и “развалинами Митридатова гроба”, но “сорвал цветок для памяти и на другой день потерял без всякого сожаления”. “За несколько верст остановились мы на Золотом холме. Ряды камней, ров, почти сравнявшийся с землею, – вот все, что осталось от города Пантикапея”, – разочарованно писал брату опальный поэт. Но через десять лет он писал о Тавриде совсем с другим настроением. А в 1825 году А.С. Грибоедов с горечью отмечал варварское отношение местного населения к памятникам древности: “Сами указываем будущим народам, которые после нас придут, как им поступить с бранными остатками нашего бытия”.

Вместо систематических раскопок, столь необходимых в этом богатом историческом крае, в Тавриде и Ольвии, как и в отмеченной Грибоедовым Феодосии, копали землю все,

кому не лень, чтобы добыть "денежек и горшков" (Муравьев-Апостол, 1826): "То, чего не успело и все разрушающее время, то довершается теперь рукою невежества!"

Официальные и полуофициальные "генеральские" раскопки конца XVIII – начала XIX веков в Керчи, Тамани, в низовьях Буга и Днепра можно охарактеризовать, как варварские. Кирпич и камень, добытые из городищ и курганов, шли на строительство казарм, а золотые и серебряные вещи растаскивались не только солдатами, но и офицерами. Случайные находки из золота и серебра достигали Петербурга и попадали в Эрмитаж, остальные же археологические ценности из курганов таковыми не считались и уничтожались на месте! Литой курган в 30 верстах от Елизаветграда, раскопанный в 1863 году губернатором Новороссийского края генералом-поручиком Алексеем Петровичем Мельгуновым, находки которого поступили в музей (курган скифского вождя VI века до н. э.), так и не был впоследствии найден.

Генерал Вендервейде, раскопавший в конце XVIII века большой курган возле станицы Сенной (Фанагория!) на Тамани, позволил солдатам украсть из склепа **все**, остальное было уничтожено. Самому генералу достался золотой массивный браслет в виде свернувшихся змей, украшенный рубинами. Генералы Сухтелен, Гангеблов, полковник Парокия также копали... "под себя" и нанесли много вреда археологии.

А вот два камня с греческой надписью, подтверждавшей вхождение Таманского полуострова в IV веке до н. э. в состав Боспорского государства, принесли простые крестьяне из деревни Ахтанизовки – Денис Коваль и Андрей Лоянь. Другие важнейшие находки тоже были сделаны в основном случайно.

Правда, в 1805 году было издано правительственное распоряжение "об ограждении от уничтожения и расхищения крымских древностей", но по сути ничего не измени-

лось. Керчь добывала для строительства камень из гробниц. Лишь первым шагом к планомерным исследованиям была записка академика Г.К.Э. Келера от 1821 года "О сохранении и возобновлении в Крыму памятников древности и об издании описания и рисунков оных".

Надо было быть коренным французом Полем Дю Брюксом, чтобы, не будучи специалистом по древностям, проникнуться глубоким и подлинным интересом к ним и начать – на свои средства! – бережное **профессиональное** раскапывание тамошних курганов. Павел Дюбрюкс (так этого роялиста-иммигранта стали звать в России) был назначен в Керчь начальником таможни в 1811 году и комиссаром по медицинской части в Еникале в 1812-м. С 1816 по 1835 год (до самой смерти) он вел планомерные раскопки древних могил. Впрочем, сам Дюбрюкс мог лишь отыскивать и благоговейно раскапывать памятники, истолкование же их было выше его познаний. Однако в 1820 году судьба свела Дюбрюкса с полковником Иваном Александровичем Стемпковским, который и стал руководителем археологических работ Дюбрюкса. Член-корреспондент Парижской академии, по программе которого, поданной Новороссийскому генерал-губернатору графу Воронцову, был создан музей древностей в Одессе и Керчи, а в 1839 году, уже после смерти И.А. Стемпковского, основано Одесское общество истории и древностей, сыграл большую роль в организации и изучении археологии и истории Северного Причерноморья. В 1828 году Керчь-еникальский градоначальник, И.А. Стемпковский был похоронен на вершине горы Митридат за неопределимые заслуги перед историей, которые в те времена поощрялись редко. Его коллекцию античных монет приобрел Эрмитаж.

Стемпковский и Дюбрюкс сделали замечательное открытие Золотого кургана (так иногда называют курган Куль-оба, путая с курганом Алтын-оба, из-за золотых богатых находок). Открытие случайное.

Богатый склеп, на который наткнулся, тоже совершенно случайно, один из жителей Керчи, был вычищен 12 января 1821 года матросами гребной транспортной флотилии. По имени их командира капитан-лейтенанта находка называется курганом Патиниотти. Капитан-лейтенант честно отправил все драгоценности тогдашнему генерал-губернатору Новороссийского края графу де Ланжерону, от коего они якобы и поступили позднее в Одесский музей, но, впрочем, не найдены до сей поры. По счастью, сохранилось не только описание, но и рисунки найденных вещей — массивной шейной гривны из электра (сплава золота и серебра) с львиными головами на концах, два золотых браслета, электрическая фигурка скифа с рогом для вина в руке, множество золотых бляшек — нашивных украшений скифского одеяния. Найдены были также медные котлы с бараньими костями, греческая амфора и множество наконечников стрел.

Через 9 лет другие военные были посланы командованием для сбора строительного камня на курган Куль-оба (по-крымско-татарски — “холм пепла”). Камень собирался с облицовки кургана и доставлялся в Керчь. Наконец, работа была завершена, и лишь несколько нижних чинов оставались на кургане для сбора мелкого щебня. В качестве наблюдателя при этом присутствовал смотритель Керченских соляных озер... Павел Дюбрюкс! Он то и решил, основываясь на 14-летнем археологическом опыте, что курган — дело рук человека, а стало быть, внутри кургана — гробница. И определил примерное место для входа в курган — дромоса. Стемпковский немедленно приказал увеличить количество землекопов из числа солдат Воронежского пехотного полка и копать в указанном месте. Уже 19 сентября, то есть через несколько дней, градоначальнику доложили: открылись части строения из тесаного камня. Стемпковский прибыл с любителями древностей и увидел раскопанный проход из камней, ведущий к двери, однако проход

перекрывали стгнившие и обрушившиеся бревна, переложенные когда-то камнями. Многие из них нависли над дромосом, грозя обвалом.

По приказу Стемпковского дромос был очищен. 22 сентября через отверстие в верхней части двери проникли в квадратный склеп площадью около 20 квадратных метров, перекрытый пирамидальным сводом — камнями, выложенными уступами. Археологи нашли “разрушенные доски и бревна, изломанный катафалк...” Дюбрюкс был очень разочарован: склеп очистили до него!

Однако при дальнейшей расчистке оказалось, что камера совсем не тронута. Только дерево, ткани, а частично и кости истлели. В склепе было захоронено три человека. Главный их них — высокорослый воин (193 сантиметра), одетый в праздничный наряд, увенчанный войлочным остроконечным скифским башлыком с золотыми накладками. На шее — золотая гривна весом 461 грамм в виде жгута из шести толстых проволок, концы которой украшены фигурками скифа на коне. На руках и ногах воина были золотые браслеты тончайшей работы, а вся одежда расшита множеством золотых бляшек. Меч, лук и стрелы, поножи лежали рядом. Рукоятка и ножны меча, а также горит (футляр для лука и стрел) были обложены золотыми пластинами с вытесненными на них изображениями фантастических зверей, а также известных животных. Рукоятка кожаной нагайки была оплетена золотой лентой, а бронзовые поножи — покрыты позолотой. Точильный камень для меча был в золотой оправе, рядом находилась золотая чаша весом 698 грамм — с вычеканенным изображением Медузы Горгоны и бородатой головы скифа. Изображение во множестве повторялось по кругу.

Второе погребение принадлежало жене или наложнице скифа, вероятно, царя. Тело женщины было положено в кипарисовый гроб с росписью и отделкой из слоновой кости. Рисунки поражали тонкостью и местами были рас-

крашены. Изображения передавали сцены охоты скифов и сюжеты из греческих мифов. Одежда женщины была расшита электровыми бляшками, голову украшала электровая диадема, здесь же нашли золотые подвески с изображением Афины, повторявшим изваянное Фидием в 40-х годах V века до н. э. (он сделал статую богини для храма Парфенона в Афинах). Еще одна пара золотых подвесок содержала мелкодетальное изображение в медальонах сцен из "Илиады" с участием Ахилла. На шее женщины было ожерелье и золотая гривна весом 473 грамма. Рядом лежали два широких браслета и бронзовое зеркало с отделкой золотым листом. У ног — электровый сосуд с четырьмя выгравированными сценами из жизни скифов (лагерь после боя). На одной из картинок скифу вырывают больной зуб. При изучении черепа воина оказалось, что погребенный царь действительно имел на указанном месте манипуляций лекаря — больной зуб, а двух коренных, вырванных ранее, лишен. Таким образом, ваза давала блестящий повод к изучению подлинной жизни скифов, ибо реализм изображений просто поразителен.

Дальнейшие находки (Воронежский курган в 1910–1911 годы) доказали идентичность быта и облика изображенных в Куль-обе и Воронеже скифов, а следовательно, принадлежность погребенных к одному народу. И Куль-обская электровая и серебряная с позолотой Воронежская ваза — обе относятся к IV веку до н. э.

Одна из найденных в Куль-обе фигурок двух скифов, держащих один ритон (рог для питья вина), показывает сцену побратимства, описанную Геродотом. Куль-обская находка во многом подтвердила правильность Геродотовых описаний.

За гробом царя лежал скелет конюха-раба. За его головой найдены кости лошади (в специальном углублении) и греческие бронзовые поножи, называвшиеся кнемидами, и шлем. В серебряных позолоченных тазах и се-

ребряном блюде у стен склепа нашли посуду — чеканный набор серебряных сосудов, два ритона и килик (чаша для питья вина), кроме того, медные котлы и четыре глиняные амфоры, в которых когда-то, судя по клеймам на горлышках, было вино с острова Фасоса. На полу обнаружили множество бронзовых наконечников стрел и копий — несколько сотен.

Во время работы со склепом в одну из ночей он был ограблен, несмотря на принятые меры предосторожности. С великим трудом Дюбрюксу удалось спасти только львиную головку, венчающую один из концов массивной шейной гривны, и золотую бляху с изображением оленя — один из шедевров так называемого "звериного стиля", весивший 226 грамм.

Грабеж Куль-обы продолжался и позднее, но только до 28 сентября, когда на грабителей обрушилась северная стена склепа и покалечила двоим из них ноги. Впрочем, за четыре ночи, предшествовавшие этому событию, с которого грабежи прекратились, "счастливчики" (так называли грабителей древних курганов) успели целиком расчистить склеп, поднять огромные плиты пола и... освободить три ямы-тайника, содержание которых ученым до сих пор неизвестно. Ни одна из изъятых в тайниках вещей, среди которых, несомненно, было золото, не появлялась больше в поле зрения. Правда, на дне вскрытых грабителями ям и между оставшихся плит пола в 1830 году было найдено несколько золотых бляшек.

Директор Керченского музея А.Е. Люценко после публикации труда Дюбрюкса (при жизни автора так и не изданного) в 1875 году предпринял очередную попытку раскопок Куль-обы: Дюбрюкс высказывал предположение, что в кургане могут быть и другие погребения, не менее важные. Куль-обский склеп был вычищен от завалов. Но перед взорами археологов предстала мрачная картина: стены были разобраны наполовину и унесены местными жи-

телями. Весь пол был вскрыт, плиты из камня разбиты и также унесены. В траншеях, заложенных А.Е. Луценко, также ничего не было найдено, кроме нескольких золотых бляшек. Интерес к Куль-обе пропал, и Золотой курган до сих пор не обследован до конца.

За неимением новых данных о Куль-обе, воспользовавшись буквами "ПАΙ" на золотом олене — вероятно, клеймо мастера, — исследователи решили приписать погребение Боспорскому царю Пайрисадесу, правившему с 349 по 311 годы до н. э., при котором государство достигло большого могущества. Но такая трактовка не нашла в ученой среде должного отклика: даже будучи не греком, царь Пайрисадес вел греческий образ жизни (хотя бы внешне), а захоронение носит все черты скифского, описанного Геродотом. При погребении царя скифы душили любимую из его наложниц и хоронили рядом с ним. Вместе с царем в могилу клали его любимых слуг, коня, посуду и пищу (мясо в медных котлах), а также вино.

Вероятно, погребенный в Куль-обе скифский царь мог находиться под влиянием греческой культуры, но скорее всего греческие мотивы в найденных вещах отражают больше вкус мастеров, чем самого царя-скифа. Продолжение раскопок кургана может дать неожиданный ответ. Впрочем, скифы трудно расстаются со своими загадками и гораздо легче — с золотом курганов, рассеянным по всему миру и переплавленным за 200 лет в слитки. Вернее, не за 200, а за 2000 лет, что грабят курганы.

Ответ может быть банальным. Если скиф — не Боспорский царь, то близость могилы к Пантикапею (курган в 6 верстах от Керчи) может объясняться только вынужденностью захоронения.

Подсказку сделал еще в 1830 году Е. Шевелев, присутствовавший при обнаружении могилы (вспомните о больном зубе!). Все остальные зубы царя — вполне здоровы, если не считать еще двух удаленных. Мужчине было

30–40 лет, а это не так много, следовательно, умер он не от старости. Судя по рисункам на электрической вазе, скиф доверил выдрать третий зуб врачевателю-скифу, но тот не справился, и в результате пришлось ехать в Пантикапей – к греку или еврею. Но прибывший со свитой скифский царь вылечиться не успел: вероятно, умер от гангрены.

Курган царю-победителю насыпали отменный! Землю везли со всей Скифии. А с облицовки кургана только учтенного камня сняли в прошлом веке 800 кубических сажен (Воронежская пехота – для строительства матросских домов – 400 и 400 же – итальянец Рафаил Скасси для постройки ограды сада). Сколько еще растащили неучтенного... А глыбы все множились, будто вырастая из-под земли.

ОСТРОВ СЕЙ ПОНТА СВЯТОЙ

Два острова наиболее примечательны в Черном море: Березань — тем, что здесь высадились первые греческие колонисты в VII веке до н. э., а впоследствии был расстрелян лейтенант Шмидт; и Левка (то есть Белый, потом Фидониси, теперь — Змеиный) — посмертное царство Ахилла, героя Троянской войны, павшего смертью храброй, но довольно бестолковой.

В древности остров этот был самым святым местом на обоих берегах Понта Эвксинского. Расположенный в 35 километрах от дунайской дельты и окруженный грядой рифов, он прославился как место погребения Ахилла. Уже в VIII веке до н. э. поэт Арктин Милетский, современник Гомера, писал, что Фетида, мать Ахилла, похитив из погребального костра труп Ахилла, перенесла его на Белый остров, который подняла со дна морского специально для сына. Не устоял перед искушением и прагматичный Аристотель и сочинил следующую эпитафию:

Над Ахиллом, чтимым на острове Белом,
Сына богини Фетиды, Пелееву отрасль, Ахилла,
Остров сей Понта святой в лоне своем бережет.
В древности на острове никто не жил из мирского люда.

Единственной постройкой был храм Ахилла, а обитателями — жрецы, и то сезонными. По-видимому, и не хоронили никого на Белом, чтобы не осквернять святого места, как это было, к примеру, на священном Делосе (где и рожать запрещали). Днем к северному и восточному

берегам могли приставать корабли, однако при северо-восточном ветре остров оказывался отрезанным от мира, так как западный и южный берега представляют собой сплошной обрыв.

Известный географ Квинт Эппий Флавий Арриан оставил такое описание острова:

"На острове есть храм Ахилла с его статуей древней работы. Людей на острове нет; на нем пасется только немного коз, их, говорят, посвящают Ахиллу все пристающие сюда. Есть в храме много и других приношений — чаши, перстни и драгоценные камни, а также надписи, одни на латинском, другие на греческом языке, составленные разными метрами в похвалу Ахиллу. Некоторые, впрочем, относятся и к Патроклу, потому что желающие угодить Ахиллу вместе с ним почитают и Патрокла. Много птиц гнездится на острове — чайки, нырки и морские вороны в несметном количестве. Эти птицы очищают храм Ахилла: каждый день рано утром они летят к морю, затем, омочив крылья, спешно летят с моря в храм и окропляют его; а когда этого будет достаточно, они обметают крыльями пол храма... Приезжающие сюда нарочно привозят с собой на кораблях жертвенных животных и одних приносят в жертву, а других отпускают живыми в честь Ахилла. Другие пристают, будучи вынуждены бурей: эти у самого бога просят жертвенного животного, обращая к оракулу вопрос о животных, хорошо ли и выгодно принести в жертву то именно животное, которое они сами выбрали на пастбище, и при этом кладут достаточную, по их мнению, плату. Если ответ

оракула (на острове есть оракул) будет отрицательный, они прибавляют плату. Если и после этого последует отрицание, прибавляют еще, и, когда последует согласие, они узнают, что плата достаточна. Животное при этом само останавливается и уже не убегает. Таким образом много серебра посвящено герою в виде платы за жертвы”.

Максим Тирский, со слов моряков, сообщил следующее:

“Добровольно туда никто не приближается, иначе как для жертвоприношения, и по совершении его возвращается на корабль. Моряки часто видели мужа с белокурыми волосами, прыгающего в доспехах, а доспехи, говорят они, золотые; другие же не видели, но слышали, как он распевал пэаны (песни типа «Не плачь, девочка, пройдут дожди...»); третьи, наконец, и видали и слышали. Случалось также некоторым невольню засыпать на острове; такого Ахилл поднимает, ведет в палатку и угощает; при этом Патрокл разливал вино, сам Ахилл играл на кифаре, присутствовали также Фетида и хор других божеств”.

Впрочем, некий Леоним, первым посетивший остров по совету пифии, чтобы исцелиться от раны, застал здесь в придачу и обоих Аяксов, и Антилоха, и даже Елену Спартанскую, которая по смерти досталась не Менелаю, не Парису, а стала женой Ахилла. (Странно только, что Ахилл остановил свой выбор на старухе, старше его лет на сорок.) Прибывшие на остров и не дождавшиеся попутного ветра должны были ночевать на корабле, потому что в

это время Ахилл и Елена пировали и пели, а именно воспевали свою взаимную любовь, гомеровские песни о Трое и самого Гомера.

Ахилл считался покровителем плавающих в Понте, и не трудно представить, сколько даров скапливалось на острове. Проще ведь бросить ему несколько монет или серебряных безделушек, чем навлечь гнев Понтарха (владыки Понта) и потерять весь груз. Правда, Ахилл "отрабатывал" зарплату: в бурю он залезал на мачту и указывал кораблю проход к безопасной гавани.

Понятно, что эти сокровища не давали покоя многим. Свидетельства этому есть как фактические, так и полуполулегендарного характера. Одна такая легенда в пересказе Филострата-младшего гласит, что однажды моряки, возившие товары из Понта в Геллеспонт, были занесены на нескольких кораблях в те места, где жили амазонки. Те некоторое время их откармливали, чтобы потом отвезти за реку и продать скифам-людоедам. Но одна из амазонок, придившаяся сестрой царице, влюбилась в юношу-моряка и упростила царицу не продавать чужестранцев скифам, которым все равно, что жрать: конину или человечину. Сестра неожиданно охотно согласилась, и с тех пор моряки и амазонки зажили активной семейной жизнью. Как-то моряки проговорились о сокровищах острова Ахилла. Амазонки тут же загорелись желанием их присвоить, благо и корабли, и люди, умеющие их водить, в наличии были. Наверное, они рассчитывали и отомстить за смерть Пентесилеи, которую Ахилл убил под Троей. Весной на пятидесяти кораблях они отплыли от устья Фермодонта к острову, захватив и лошадей, без которых не мыслили грамотно вести битву. Высадившись, амазонки приказали геллеспонтцам рубить деревья вокруг храма. Но топоры сами собой попадали на головы и шеи горе-лесорубов. Тогда амазонки сами бросились на храм, кличем подгоняя коней. "Но Ахилл страшно и грозно взглянул на них и, прыгнув, как при

Скамандре и Илионе, навел такой ужас на коней, что они, не повинаясь узде, поднялись на дыбы, сбросили с себя женщин, как чуждое и лишнее для себя бремя, и, рассвирепев, как дикие звери, бросились на лежащих амазонок и стали бить их копытами... Они стали грызть обнаженные руки лежащих женщин и, разрывая их груди, бросались на внутренности и пожирали их. Насытившись человеческим мясом, они стали бегать по острову и беситься, полные заразы... а потом бросились в море".

Но существуют и вполне исторические сведения о нападениях пиратов, от которых остров защищал греческий город Ольвия, расположенный вблизи нынешнего Николаева. Нападали, как правило, тавры и сатархи, жившие на Тарханкуте, — совершенно дикие племена, не имеющие никакого представления о цивилизации. Ахилл для них был такой же святой, как для шамана Огненной земли Георгий Победоносец. На легких челнах они совершали весьма опасные и длинные переходы, появляясь в самых неожиданных местах Понта. Во время раскопок на острове была найдена мраморная плита, с посвятительной надписью одному греческому герою, спасшему остров от пиратов, но оставшемуся для нас неизвестным по причине не полной сохранности текста. В этом нападении на остров участвовали не только варвары, но и какие-то нечестивые эллины. Всех их герой перебил и изгнал, за что народ ольвиополитов поставил ему статую.

В средние века храм Ахилла был совершенно забыт. Лишь в 1823 году капитан Критский, после того как остров вошел в состав России, снял его детальный план. В юго-западной части острова еще стояли развалины античного храма из белого мраморовидного известняка. Это была квадратная в плане (30 x 30 метров) постройка, ориентированная по странам света. Вокруг валялись капители, базы, барабаны, каннелированные колонны, карнизы. Когда на острове был установлен карантинный пост, его чиновники

активно занялись раскопками. Результаты были ошеломляющие, но все находки попадали на черный рынок древностей. Наконец, Н. Мурзакевич, основатель Одесского общества истории и древностей, с большой группой ученых прибыл на остров. Его взору предстало чудовищное зрелище: груды камня, сложенные в кубические сажени. Дело объяснялось просто: подрядчик, взявшийся построить на острове маяк, решил не утруждать себя доставкой камня с берега и дальнейшей его обработкой, а разобрал храм, сэкономив себе какую-то сумму. "Этот вандализм был совершен с таким усердием, что от Ахиллова храма не осталось, как говорится, камня на камне", — писал Мурзакевич, однако сам почему-то не сделал ничего (ведь храм еще можно было восстановить). Находки экспедиции были потрясающими: мраморные плиты с посвятельными надписями, черно- и краснофигурные сосуды, терракоты, огромное количество перстней, колец, монет принадлежали практически всем крупным центрам античности: Греции, Македонии, Фракии, Малой Скифии, Боспору, Вифинии, Пергаму, Сирии, Египту, Риму. Хронологически находки датировались с V века до н. э. по первую половину III века н.э. Но раскопы этой экспедиции напоминали булавоочные уколы. Правда, ученым удалось выкупить часть вещей у чиновников карантинного поста.

После Второй мировой войны на острове работало несколько экспедиций. Они дали новую информацию, однако в связи с тем, что здесь теперь разместилась военноморская база, где, по слухам, обучали дельфинов-камикадзе, ни планы, ни снимки острова не публиковались до самого последнего времени. Можно более-менее уверенно говорить, что и советские военные прикладывали руку к любительским раскопкам, так как на одесском антикварном рынке периодически всплывают находки, почти наверняка сделанные на Белом, теперь Змеином. Герой Ахилл, не испугавшийся нашествия амазонок, совершенно расте-

рялся и спасовал перед работниками карантина и дельфинами-камикадзе.

Но все известные до сих пор находки лишь утерянная мелочь. Настоящие сокровища Ахилла лежат чуть-чуть глубже. Речь идет о многочисленных пещерах острова. Археолог Н. Пятьшева писала об этом: "Во многих местах острова под каменистым грунтом чувствуется пустота, что позволяет предполагать наличие карстовых пещер. Вполне вероятно, что во времена Ахилловы эти пещеры использовались как тайники-сокровищницы, куда при приближении морских пиратов жрецы прятали статуи богов и драгоценности". Н. Пятьшева, говоря "вполне вероятно", чересчур осторожничает: такие тайники должны были быть наверняка.

Но отыскать эти пещеры до сих пор не удалось (впрочем, их не очень-то активно искали). Возможно, входы во многие из них разрушились в результате абразии. Кроме того, и уровень моря с древних времен поднялся на несколько метров. Работы по изъятию у Ахилла ценностей требуют комплексного подхода, а вот этого нынешние археологи и не могут добиться. К тому же у них нет денег даже на жизнь.

Впрочем, клады острова Змеиный — не единственная тайна, требующая разрешения. Вокруг острова лежат десятки или сотни затонувших кораблей, и вряд ли хоть один из них пустой...

ПОТЕРЯННАЯ "ВЕНЕЦИЯ" ЭТРУРИИ

Спина — "жемчужина Этрурии", как ее называли, — в средние века была совсем неизвестна, даже на картах прошлого века вы ее не найдете, хотя античные источники в один голос помещали город в устье реки По (древний Пад) на северной оконечности Адриатического моря. Свидетельства древних о спине были столь многочисленны, что по ним одним, даже не раскопав некрополь и само городище, можно было бы написать историю "этрусской Венеции". Но куда же мог деться столь древний, великий и знаменитый на всю античную ойкумену город? Не сквозь землю же он провалился! Но даже в этом случае на поверхности должно было хоть что-то остаться, черепки, например. А тут — ничего, словно географы и историки древности сочинили о ней сказку, не стовариваясь, подобно сказке Платона про Атлантиду...

Дионисий Галикарнасский утверждал, что спину основали пеласги — народ, живший на территории Греции до прихода греков и вытесненный последними оттуда. Удержаться в спине пеласги, однако, не смогли, и им на смену пришли этруски. Народ этот — один из самых загадочных в истории человечества. Этруски были учителями римлян. Однажды этруски увидели несколько деревень на холмах. Из них они построили город, назвали Римом и правили им полтора столетия. До самого своего исхода из истории римляне неукоснительно блюли каноны этрусского градостроительства, суть которых в том, что мир есть круг, разделенный на четыре части двумя пересекающимися под прямым углом прямыми дорогами, и каждому положено

находиться в своей части. Возьмите план любого римского города, план сельской округи любой римской общины (*centuria*), и везде вы найдете две эти дороги (*cardo* и *decumanus*). Более того, кощунственно сказать, римляне вслед за этрусками даже небо поделили на четыре части и расписали, какому богу в какой части жить и командовать. (Все это очень облегчает работу археологов, потому что достаточно определить границы одного квартала, и весь план города на ладони.)

Расцвет Спины пришелся на V век до Р.Х. В это время она была главным портом Адриатики, через нее шла вся торговля между Средиземноморским миром и северо-западной Европой, своеобразным перевалочным пунктом. Сюда поступали товары из Греции, Финикии, Персии, Египта и отправлялись дальше – в Галлию, Германию, на Британские острова, даже в Балтию, откуда поступали металлы и янтарь. Есть все основания предполагать, что рунические письма Европы происходят от этрусского алфавита. Сама Спина активно торговала солью, добывавшейся в окрестностях.

Понятно, что при таком статусе этрусским город был чисто номинально. Кроме соседей, умбров, лигуров и венедов (племя славянского происхождения), в Спине постоянно проживали представители почти всех народов Средиземноморья (греки, например, составляли не менее четверти), выполняя роль торговых агентов. О богатстве Спины говорит тот факт, что дары ее общины Дельфийскому оракулу считались самыми щедрыми и удивительными.

Однако такое благополучное существование продолжалось чуть более века. По непонятным причинам город стал увядать, более того, он превратился в пиратское гнездо, а плавание по Адриатическому морю стало сопряжено со всеми вытекающими отсюда опасностями. В I веке н. э. Страбон уже писал не о городе, а о деревне Спине. Потом она и вовсе пропала.

Сцена вбивания гвоздя. Бронзовое зеркало. Ок. 320 г. до н. э. Берлинский музей

Но о спине не забывали. Не раз вспоминал о ней Воккаччо. Кардуччи в знаменитой оде оплакивал судьбу Спины, царицы Адриатики, чей голос умолк, задушенный беспощадным временем. Историки же (археологов в нашем понимании еще не было) в ответ пожимали плечами. Они не только не могли указать местонахождение полулегендарного города, но даже не брались назвать причину его упадка. Кто-то пытался связать упадок Спины с нашествием галлов на Италию в 387 году до Р.Х. (тогда они сумели даже взять Рим, который на самом деле никакие гуси не спасли), но галлы пришли и ушли, а свято место пусто не бывает, к тому же такое хлебное.

Не будем дальше испытывать терпение читателя: главным врагом Спины оказалась река По, на берегу которой находился город. С каждым годом илистые наносы все более и более отдаляли Спину от кормильца-моря. Уже в IV веке до Р.Х. город находился в трех километрах от моря, но упорством и трудолюбием жителей все-таки был связан судоходным каналом. К I веку н. э. это расстояние увеличилось до пятнадцати километров. Перенести город к морю жители не могли, так как все побережье представляло собой сплошную топь из болот и лагун. Город был обречен и превратился в деревню, обитатели которой добывали себе пропитание рыбной ловлей и огородничеством.

В XII веке река По прорвала дамбу и переместила свое русло на север, к Венеции. Местность быстро преобразилась на много километров вокруг Спины. Теперь она представляла заболоченную низину с илистыми лужами и мелкими озерками. То, что когда-то называлось почвой, медленно оседало. Город ушел под воду так основательно, что на поверхности не осталось никаких следов, только угри копошились в иле да раз в году лягушки приветствовали приход весны оглашенным кваканьем.

Не найдя на местности следов крупного города, энтузиасты-историки конца средневековья выдвинули гипотезу, что остатками Спины является маленький порт Фельсины, расположенный неподалеку от Равенны в устье реки Рено. И это несмотря на утверждения средневековых хроник, что правый рукав дельты По когда-то назывался Спино.

Дело, может быть, и не сдвинулось с мертвой точки, если бы в поисках выхода из земельного кризиса итальянское правительство не выдвинуло в 1913 году план осушения южной части современной дельты реки По поблизости от Комакьо, средневекового городка, расположенного километрах в тридцати от административного центра Феррара.

Бронзовое зеркало с изображением Менрвы, Херкле и ребенка

Комаккьо лежал на островах посреди болот и лагун в отдалении от моря, жители его поддерживали свое существование рыбной ловлей. Мелиорация сулила вернуть городу былое благополучие.

Осушение началось в 1919 году, когда Муссолини основал фашистскую партию. Едва между прорытыми кана-

лами появились пригодные для возделывания участки, агрономы стали рыть землю, экспериментируя с посадками. И повсюду они натывались на древние гробницы. Сходство самих гробниц с этрусскими погребениями в других районах северной Италии, адекватность добытых вещей заставили власти пристальней взглянуть на ситуацию. Пролетав столько веков под водой, гробницы имели все шансы остаться целыми. Надо отдать должное Муссолини: поставив себе цель – возрождение былого могущества Римской империи, – он тратил на археологию больше, чем на боевую и политическую подготовку штурмовиков.

Про мелиорацию забыли напрочь, официальные раскопки доверили местному археологу А. Негриоли и директору департамента древностей в Эмилии С. Ауриджемма. К 1935 году было открыто более 1200 гробниц, не считая тех, которые разграбили жители Комаккьо под покровом ночи и в межсезонье, полагая, очевидно, таким способом возместить потери от, казалось бы, обретенной земли.

Количество обнаруженных вещей было столь велико, что под их хранение пришлось выделить дворец в Ферраре, который еще в эпоху Возрождения построил Людовик Сфорца. (Теперь он заполнен этрусскими древностями и называется Феррарский национальный музей археологии. Это одна из лучших коллекций Италии.)

Среди множества вещей, извлеченных из некрополя, были и бронзовые подсвечники этрусского стиля, и янтарные ожерелья, и египетские сосуды из стекла и алебастра, и краснофигурные аттические кратеры. Присутствие греков обозначалось не только их продукцией, но многочисленными надгробными плитами на древнегреческом языке. Возраст находок колебался от V до III веков до Р.Х. Не было никакого сомнения, что такой разнообразный по характеру материал мог принадлежать только крупному портовому городу, и никто не сомневался, что в долине Треббия обнаружен некрополь Спины.

Бронзовое зеркало с изображением Узил, Тесан и Нетуна. III в. до н.э.

Но где же сам город? По всем правилам этрусского землеустройства он должен был находиться рядом. Обследование округи некрополя (там, где это позволяла природа, отступившая перед мелиораторами) не дало никаких обнадеживающих результатов. Находки были, но к этрус-

кам они отношения не имели. Все понимали, что Спина где-то рядом: вот прах ее жителей, вот вещи ее жителей, — а город исчез, и даже сквозь землю провалиться не мог, потому что копали до материка, где позволяли подпочвенные воды.

В 1953 году на черный рынок древностей вдруг хлынул поток первоклассных этрусских вещей, аналогичных тем, что выставлялись в Феррарском музее. Неужели Негриоли и Ауриджемма схалтурили и не выбрали некрополь в долине Треббиа до конца? Внедренные агенты быстро прояснили ситуацию: около того же Комаккьо, в районе долины Пеги, что южнее долины Треббии, начались осушительные работы; находки именно из тех мест.

Итальянские власти и на этот раз отреагировали мгновенно. (Вот бы у кого поучиться российскому правительству, которое не в состоянии сохранить не только то, что в земле или на земле, но даже то, что чуть ли не чудом попадает в музеи!) Весь предполагаемый район находок был изъят из землепользования и передан в распоряжение археологов.

В 1954 году профессор П. Ариас из Катанийского университета и будущий директор Феррарского музея Нерео Альфиери вновь погрузились в тайну Спины. Именно последнему и суждено было стать тем человеком, который вернул город-призрак на этот свет. Впоследствии про него рассказывали легенды: скажем, если Альфиери поручали разыскать совершенно утерянный римский храм, то он шел к пастухам и просил показать самую главную местную святыню, и пастухи приводили его к замшелым камням, едва заметным на земле.

Однако и на этот раз вещи, попавшие на черный рынок, имели к городу Спине косвенное отношение. Они происходили из еще одного некрополя Спины. Выбрать его, чтобы сберечь для потомства, казалось невыполнимой задачей, так как некрополь все еще находился под водой,

Монета из Популонии с изображением Сефлунса и его атрибутов

местами на метровой глубине. К этому надо добавить, что гробницы находились не на дне, а под полутораметровым слоем ила и грязи. В большинстве мест уровень воды был слишком низок, чтобы воспользоваться лодкой, и одновременно не позволял работать, стоя по колена или по пояс в воде: засасывал ил. Но археологам на первое время пригодился опыт рыбаков-грабителей из Комаккьо. Они привязывали к рукам и ногам некое подобие лыж и на четвереньках одолевали трясины. Время от времени ловцы угрей прощупывали ил шестами со стальными наконечниками и крюками, которыми и вытягивали добычу.

Понятно, что о традиционных методах раскопок археологам пришлось забыть сразу. Заложить классический раскоп они не могли уже потому, что стены его оползали тут же. Да и рассчитывать первое время они могли только на "трех землекопов, три бадьи и три лопаты". (Правда, в последующие годы Ариас и Альфиери не знали, куда деваться от добровольцев.) Опыт накапливался постепенно. Скрепя сердце, археологи вынуждены были отказаться от привычных инструментов и взять на вооружение брандспойт, которым находки вымывались на поверхность. При этом не зафиксированные на месте в гробнице, они утрачивали половину своей научной ценности. Археологи это прекрасно понимали, но выбора у них не было: главное, опередить ловцов угрей из Комаккьо. В погожий день им

удавалось выбирать по пятнадцать гробниц. Позже они сколотили из досок раму, которая удерживала воду и грязь, и раскопки приобрели более профессиональный вид.

К концу первого сезона Феррарскому музею были переданы вещи из 342 гробниц. К 1963 году количество раскопанных погребений перевалило за три тысячи.

Уже тогда по научному миру пополз слухок, что Ариас и Альфиери давно нашли Спину, но предпочитают молчать, пока не "разделаются" с некрополем. Археологи на это отвечали, что если уж кто и найдет Спину, то наверняка рыбаки из Комакьо, которые всегда поспевают первыми.

Предметы из некрополей Треббии и Пети были однотипны и одностильны, да и датировка их совпадала. Не было никаких сомнений, что оба некрополя принадлежали "спрятавшемуся" от них городу, крупному и богатому. Правда, собственно этрусских вещей в могилах было не так уж и много в процентном соотношении, в основном они были представлены терракотовыми сосудами в виде животных. Археологи определили их как флаконы для благовоний. Из-за трудностей при проведении работ не удалось установить четкую типологизацию гробниц. Вероятно, различный тип гробниц зависел от места в некрополе, что весьма характерно для этрусков, определявших место каждого в его "четверти". Это подтверждается и строго геометрической планировкой некрополей, которую выявила аэрофотосъемка. И тем не менее некрополи Спины не шли ни в какое сравнение с гробницами классической Этрурии: со склепами, стены которых покрыты фресками, с богатством погребального инвентаря, с каменными саркофагами, статуарно изображавших на крышках умерших. В Треббии и Пети лишь иногда устанавливали стелу или складывали горку из камней. Покойников, возможно, хоронили даже без гробов (хотя они могли и не сохраниться). Только в двух случаях были обнаружены небольшие каменные саркофаги

Погребальная урна из Кьюси с изображением сцены смерти и демонов смерти

с пеплом. Это скорее всего объясняется тем, что в округе господствовала аллювиальная почва и песок, камень надо было везти издалека.

Однако некоторые закономерности археологам удалось проследить. Умерших всегда клали головой на северо-запад, погребальную утварь ставили справа, независимо от состояния или касты каждый держал в руке обол Харона — плату за проезд в царство теней. И еще один вывод напрашивался сам собой: поскольку в некрополе Пеги захоронения были гораздо многочисленнее, следовало предполагать, что и располагался он ближе к городу.

Все годы в свободное от раскопок некрополя время Альфиери бродил по окрестностям, говорил со стариками, рыл шурфы, пытался восстановить древнюю карту береговой линии и старые рукава По. Такую карту ему удалось создать по отложениям наносов в дельте и расположению

дюн. Он даже выяснил, что некрополи некогда располагались на гребне вытянутой песчаной косы, соответственно и город должен был стоять на подобной косе. Но участок возможного месторасположения Спины по-прежнему был слишком велик, к тому же большая его часть находилась под водой. Альфиери не сдавался. Он призвал на помощь историческую географию в надежде, что какое-нибудь из окрестных названий средневековых поселений должно сохранить хотя бы намек на античный город. 28 июля 1956 года в архиве Равеннской епархии он наконец обнаружил упоминание о церкви Санта-Мария в Падо-Ветере. Название деревни ясно указывало, что когда-то она стояла на берегу древнего русла По (Пада).

Самой церкви давно и след простыл, но местечко, где она стояла, было известно и теперь под именем Паганелла.

Альфиери уже не сомневался, что нашел Спины, и горько просчитался: в районе Паганеллы ему удалось собрать лишь поздний, римский материал.

В конце концов, удача улыбнулась ему. Альфиери узнал, что инженер из Равенны В. Валвассори проводит аэрофотосъемку трассы будущего осушительного канала, который пройдет через долину Пеги. Альфиери помчался в Равенну. На цветных снимках, сделанных при помощи разных фильтров, он тут же увидел в километре от бывшей церкви Санта-Мария геометрически правильные контуры древнего поселения. Отчетливо прослеживались не только городские кварталы, но и широкий искусственный канал протяженностью около трех километров. От него тоненькими струйками расходились второстепенные артерии. С воздуха Спины поразительно напоминала Венецию.

При последующих аэрофотосъемках с разных высот и при разном освещении Альфиери получил четкий план города с каналами, кварталами и площадями. Две главные водные артерии Спины четко соответствовали классическим *cardo* и *decumanus*. Параллельно им тянулись на равно-

удаленном расстоянии более мелкие каналы. Спина четко соответствовала описанию Страбона: "Деревянный город, вдоль и поперек пересеченный каналами; передвигаться по нему можно лишь по мостам и на лодках". Площадь, которую занимала Спина, составляла примерно 3 квадратных километра, население — до полумиллиона человек.

Когда осушили долину Пеги, город стало возможным "прочитать" и с земли: покрытые илом каналы четко выделялись полосами темно-зеленой травы, на месте бывших кварталов колыкалась скудная желтая растительность. Природа дала в руки археологов карту города еще до начала раскопок.

Теперь требовалось находками доказать, что это именно Спина. В первом же раскопе рабочие наткнулись на деревянные столбы, вбитые в илистую почву до твердого грунта. Это было первым доказательством: свайный фундамент под строения, существующий и сейчас в Венеции. Следом появились и осколки керамики, определенно относящиеся к V–IV векам до Р.Х. К тому же она была идентична найденной в некрополях.

Спину раскапывают до сих пор и работы там еще непочатый край. Археологи не рассчитывают найти тут величественных руин, к которым ринутся толпы туристов, потому что все строения были из дерева и кирпича, а они плохо сохраняются в воде. Мало надежд и найти тут что-либо вроде "клада Приама", так как город умирал постепенно и у людей не было необходимости прятать свои накопления перед угрозой их изъятия. Основные надежды наука связывает с тем, что Спина была интернациональным городом, и, следовательно, есть шанс обнаружить двуязычные надписи (билингвы), которые помогут расшифровать все еще остающийся тайной язык этрусков.

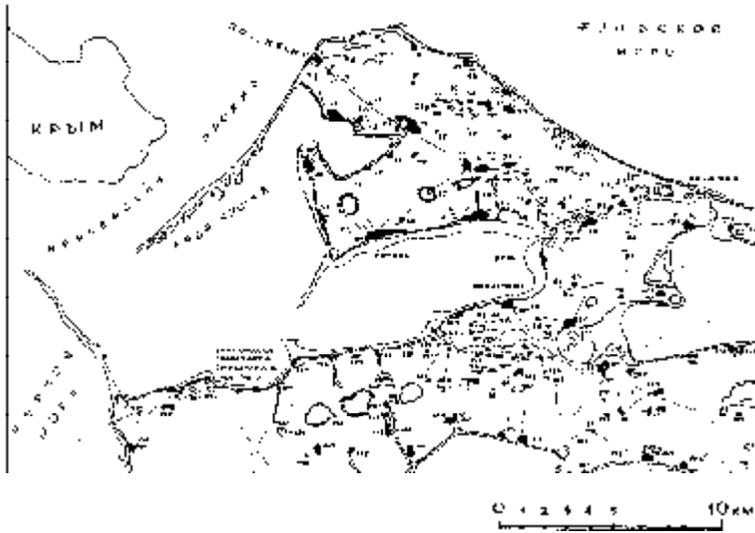
ДЕЛО ОБ ИСЧЕЗНУВШЕЙ КИММЕРИДЕ

(УРОК АНТИЧНОЙ ГЕОГРАФИИ)

Весьма загадочная история связана с одним из эллинских городов, расположенных по берегам Керченского пролива, который древние греки именовали Боспором Киммерийским.

Эти города-полисы, появившиеся в VI веке до н. э. в ходе Великой греческой колонизации, представляли собой небольшие (по современным масштабам) государства. В конце V века до н. э. правитель самого старого и сильного из них — Пантикапея (ныне Керчь), Сатир I присоединил к своему сильно расширившемуся государству почти все города по обеим сторонам пролива. Его сын Левкон I завоевал Феодосию и покорила варварские племена, обитавшие за проливом в Прикубанье и на побережье Азовского моря, которое эллины называли Меотидой. Так образовалось государство, именовавшееся Боспорским, поскольку пролив был не только географической осью-мостом, разделявшей и соединявшей его на "европейскую" и "азиатскую" части, но и важной морской артерией.

Переживая все превратности судьбы, Боспорское царство просуществовало около тысячи лет. И во все времена особую роль играли "киммерийские переправы" (как их называет Геродот) — самая узкая северная часть пролива шириной 3–4 километра. С западной (крымской) стороны этот стратегически важный участок фланкировался небольшой крепостью, которая так и называлась — Порфмий (то есть "переправа"), а на противоположном берегу, как сообщали античные авторы, находились Ахиллеон, свящи-

Археологическая карта Таманского полуострова (составитель Паромов Я. М.)
Институт археологии АН СССР–РАН 1981–1992 гг.

- поселения античного и средневекового времени
- древние дороги
- линии древнего берега

лище Ахилла, владыки Понта, и у самого выхода из пролива — город Киммерида, или Киммерик, защищавший переправу рвом и валом.

Порфмий и другие упомянутые в письменных источниках крымские поселения были найдены еще в первой половине XIX века, тогда же высказывались предположения о месторасположении Ахиллеона и Киммерика на Таманском берегу.

Едва ли не решающим аргументом в локализации святилища Ахилла стала находка в 1822 году неким Бибиковым барабанов мраморных колонн близ узкой и длинной песчаной косы Северной (или Чушки), выдвинувшейся от

таманского берега в пролив почти на 20 километров. Сведений о том, кем был "находчик", пытавшийся даже поднять одну колонну из воды, не сохранилось. Какие-то данные о колоннах рядом с косой содержались в дневниках бескорыстного ценителя крымских древностей Поля Дюбрюкса, который на карте указал место находки. Однако сами дневники не сохранились, и к середине XIX века исследователь Тамани К. Гёрц характеризовал данные об утраченной находке как "археологическое предание". Но независимо от этого предание о колоннах прочно вошло в сознание последующих поколений исследователей, и у многих ученых почти не было сомнений, что знаменитое святилище располагалось на косе, ближе к ее окончанию, а сейчас затоплено водами мелкого Динского залива.

Те же письменные источники сообщают, что Киммерик находился неподалеку, примерно в 3–4 километрах от Ахиллеона. Ближайшее к основанию косы значительное городище в 1794 году посетил академик П. Паллас. С тех пор в этом внушительном холме, окруженном земляными валами, из которого местные жители добывали в качестве строительного камня древние надгробия с рельефными изображениями, иногда помеченные греческими надписями, одни исследователи усматривали Ахиллеон, другие — руины Киммерика. Правда, почти так же было распространено и мнение, что Киммерик находился восточнее, у мыса Каменный. Там тоже были следы античной культуры, хотя и не столь яркие, как на батарейке (так таманские казаки называли остатки античных городищ, напоминающих земляные крепости).

Отдельные небольшие "батареи" первыми исследователями воспринимались как огромные курганы. В 1852–1853 годы К. Бегичев и Я. Лазарев даже пытались раскапывать как курган батарейку у станицы Фонтан, но, не разобравшись в памятнике и не обнаружив эффектных погребаль-

ных находок, потеряли к нему всякий интерес. В 1870 году В. Тизенгаузен произвел раскопки батарейки близ Северной косы. Результаты работ разочаровали его: добыв из насыпи пять надгробий с надписями, он больше к памятнику не возвращался.

Новую страницу в изучение Таманского полуострова вписал советский ученый Н. Сокольский, который установил, что батарейки представляют собой небольшие боспорские крепости, образующие единую систему государственной обороны. Они были возведены в конце I века до н. э. и, неоднократно перестраиваясь после вражеских набегов, дожили до конца античной эпохи. После этих исследований стало совершенно ясно, что крепость-батарея у переправы не имеет никакого отношения ни к Ахиллеону, ни к Кимериде.

Ученик Н. Сокольского, Ю. Десятчиков, обратив внимание на то, что остатки Киммерика, согласно сообщениям античных авторов, должны быть лет на триста-четыре-ста старше батареек, попытался отыскать городище, жизнь на котором появилась не позже IV века до н. э. Такое городище нашлось около пос. Кучугуры, но расположено оно почти на 20 километров восточнее Киммерийского Боспора, уже на побережье Меотиды, а древние источники ясно указывают, что город находился у выхода из залива в Азовское море.

Таким образом, все попытки ученых отыскать известные города на восточном берегу пролива оказались тщетными. Необходимо было начинать расследование вновь, а для этого еще раз пристально рассмотреть "свидетельские" показания.

"Псевдо-Скимн" (неизвестный греческий географ (Скимн Хиосский — ?) в конце II века до н. э. написал в стихах сочинение, озаглавленное "Землеописание") сообщил:

"При самом выходе из устья (Киммерийского Боспора) – город Киммерида, основанный боспорскими тиранами..."

Устье Боспора – это его узкая северная часть, тесни- на между оконечностью Восточного Крыма и северо-за- падным краем Таманского полуострова. Следовательно, "са- мый выход" – место сопряжения пролива и Азовского моря. По современной карте эту местность следует искать между основанием косы Чушки и мысом Ахиллеон (бывш. Лит- винова), на котором стоит маяк и от которого берег пово- рачивает к северо-востоку.

Страбон (греческий географ, жил на рубеже эр, со- здал монументальный труд "География"), описывая морс- кой путь по побережью Меотиды до Танаиса (Дона), сооб- щал, что от устья реки Антикит (р. Кубань)

"...120 стадиев до Киммерийского селения, ко- торое является отправным пунктом плавания по озеру (Меотиде)... В прежние времена Ким- мерик был городом на полуострове и заперал перешеек рвом и валом. Далее до селения Ахил- леон, где находится святилище Ахилла, 20 ста- диев. Здесь у входа в Меотиду пролив уже все- го – около 20 стадиев или больше. На проти- воположном берегу находится селение Мирме- кий, поблизости лежат Гераклий и Парфений. Отсюда 90 стадиев до памятника Сатиру... Неподалеку находится селение Патрей, от ко- торого 130 стадиев до селения Корокондамы. Последнее является концом так называемого Киммерийского Боспора".

И этот свидетель дает очень ясные географические ори-

ентиры. Киммерийское селение располагалось примерно в 20–30 километрах от древнего устья реки Кубань (Пересыпское гирло) и в 3–4 километрах от Ахиллеона, что находился в самой узкой части пролива, у выхода в Меотиду, напротив Мирмекия, Парфения и Гераклия. Киммерийское поселение стояло на самом берегу, так как отсюда корабли отправлялись в плавание по Азовскому морю. Это значит, что поселение лежало не у высокого и обрывистого берега, который начинается в 1–2 километрах северовосточнее косы Чушки и тянется до упомянутого пос. Кучугуры, где берег опять плавно понижается. И хотя на протяжении двух тысяч лет морской берег размывался, особенности геологического строения этого участка материка позволяют считать, что в целом ландшафт не изменился.

Страбон опять приводит нас к тому же отрезку таманского берега, о котором свидетельствовал псевдо-Скимн. Можно даже уточнить: Киммерик располагался на 3–4 километра дальше от самого узкого места Боспора. В наши дни самое узкое место пролива – против середины косы Чушки, где работает паромная переправа. Если здесь когда-то стояло святилище Ахилла, то указанное расстояние приведет нас к точке, лежащей на косе примерно в 8–9 километрах от её корня. Однако никаких следов древней античности здесь не обнаружено.

Сложность поиска усугубляется тем, что за прошедшие два тысячелетия конфигурация береговой линии Тамани сильно изменилась. Тогда уровень Черного моря был ниже современного примерно на 4–4,5 метра. Затем море стало подниматься, причем процесс этот шел неравномерно. Подъем воды привел к затоплению низменных участков суши (древние прибрежные поселения оказались полностью или частично затоплены), размыву и разрушению коренных берегов; он способствовал и образованию так называемых аккумулятивных форм – кос, перемычек-пересыпей и т.д. Так, коса Чушка, ныне простирающаяся в

длину почти на 20 километров, каждый год прибавляет около 60 метров (поперечный прирост). Все эти процессы сложно учесть с желательной точностью, но ясно, что берег времен Страбона отличался от современного.

С другой стороны, от устья р. Кубань (Антикита) — 20–25 километров. Если это расстояние отсчитывать по кромке современного берега, мы придем в район между мысами Каменным и Ахиллеонским (Литвинова). Абсолютно точные расчеты здесь невозможны по двум причинам. Во-первых, неизвестно, каким именно стадием измерялись расстояния, так как стадий не был величиной постоянной (между 157 и 192 метрами). Во-вторых, невозможно реконструировать сам способ замера: нельзя точно воспроизвести траекторию движения корабля; нельзя сказать определенно, как визировались прибрежные пункты (когда корабль находился напротив них или же как только они появлялись в пределах видимости); наконец, поскольку расстояние определялось временем пути, на него влияла скорость движения, которая зависима от течения, достигающего в проливе 5 километров в час.

Обратим особое внимание на то, что Страбон сообщил еще один ориентир, который, правда, имеет отношение к городу Киммерику, что "был прежде", а не к Киммерийскому поселению, которое, видимо, располагалось либо на его месте, либо где-то поблизости. Этот город находился на перешейке полуострова, запирая его рвом и валом. Если бы мы имели право проецировать данное указание Страбона на современную карту, то должны были бы искать Киммерик в одном единственном месте — у основания косы Чушки, так как другого перешейка здесь нет. В конце прошлого века кубанский казак М. Поночевный обратил внимание, что часть косы, примыкающая к матерiku, достаточно высока и не песчаная, как остальная, а представляет собой остатки коренного берега. Он сообщал также, что видел здесь какие-то древние остатки. К сожа-

лению, больше эту информацию никто не подтвердил, а рельеф местности с тех пор был сильно изменен строительством сначала железной, а потом шоссеиной дорог.

Свидетельства источников более позднего времени не добавляют, к сожалению, ничего принципиально нового. Римский автор I века н. э. П. Мела в "Землеописании" повторил данные псевдо-Скимна, как и псевдо-Арриан, анонимный автор сочинения "Перипл Эвксинского Понта", составленного в V веке н. э. Упомянул Киммерий "на другой стороне пролива... в самом конце" Плиний Старший, римский ученый-энциклопедист I века н. э. Клавдий Птолемей (II век н. э.), составитель знаменитой карты мира, знал только мыс Киммерий "при устье Боспора".

Итак, все античные авторы, сохранившие данные о Киммерике, согласно указывают на местоположение города в узкой северной части Киммерийского Боспора, у выхода в Меотиду, примерно в 4 километрах от Ахиллеона, который располагался в самой теснине пролива и напротив которого на Крымском берегу были поселения Порфмий, Парфений, Гераклий и Мирмекий. От Киммерийского селения вдоль берега – приблизительно 20–25 километров до древнего русла р. Кубань. Находился город на перешейке полуострова. Это было приморское селение: из него корабли отправлялись в плавание по Азовскому морю. Всё говорит о том, что потерянный город находился недалеко от того места, где коса Чушка примыкает к коренному берегу.

Какие же "вещественные доказательства", то есть материальные следы, сохранились в интересующем нас районе? Он неоднократно обследовался археологами. Правда, раскопками изучалась только упоминавшаяся крепость у поселка Ильич, в двух километрах от основания косы Чушка. Зато в распоряжении ученых имеется очень подробная археологическая карта со следами древних памятников, зафиксированных при помощи аэрофотосъемки и обнаружен-

ных методом сплошной разведки. В итоге можно утверждать, что ни один значительный памятник не остался без внимания, а собранная керамика позволила составить представление о времени жизни и запустения того или иного поселения.

Что же показала картина расселения греков в районе косы Чушки? Как уже говорилось, самое значительное поселение — крепость-батарея, возведенная в конце I века до н. э. и дожившая до VI века н. э. При ее раскопках находили, хотя и довольно редко, вещи, которые датировались веками, предшествующими появлению крепости. Эти предметы были утилизированы (то есть использованы вторично) жителями крепости порой через тысячу лет после того, как были изготовлены. Следовательно, неподалеку находилось более раннее поселение. Другие крепости-батареи тоже, как правило, возникали не на пустом месте, а рядом или даже непосредственно над руинами предшествующих поселений, как, например, упомянутый Страбоном Патрей.

Следы небольшого поселения, которое появилось уже в конце VI века до н. э., были обнаружены юго-восточнее крепости, в 0,75 километра от поселка Ильич, рядом с древней дорогой, ведущей в глубь Тамани. Далее на этой дороге встречаются остатки еще двух поселений IV века до н. э. — II века н. э. Другая древняя дорога приводит в район упомянутого городища Батарея I, в котором раньше усматривали остатки Киммерика. Но этот памятник относится в первом веке н. э. Маленькое поселение IV—I веков до н. э. найдено ближе к основанию косы Чушка, недалеко от берега Динского залива. Этим исчерпывается список поселений, лежащих в районе косы.

Очевидно, что ни одно из них по времени жизни, местоположению и размерам не соответствует Киммерику. Вместе с тем этот район был освоен греческими поселенцами уже с конца VI века до н. э., а сельские поселения

никогда не существовали сами по себе, но всегда были выселками из первоначального центра, полиса. Правда, в данном случае они с IV века до н. э. могли появиться как результат целенаправленной политики боспорских правителей. С конца I века до н. э. таким центром стала крепость-батарея. А к какому центру тяготели более ранние поселения? Таким мог быть только Киммерик, потому что другие города находятся слишком далеко.

Некоторая надежда оставалась на погребальные памятники, курганы, неизменные спутники поселений. Но и здесь случилась неудача. Исследования показали, что почти все значительные по размерам курганные насыпи были возведены еще в эпоху бронзы, то есть задолго до эллинов, которые время от времени лишь "впускали" погребения своих умерших в уже существующие надмогильные сооружения.

Выводы, которые следуют из вышеизложенного, малоутешительны. Возможно, сообщения древних авторов неточны, или мы неправильно их понимаем. Возможно, интересующие нас остатки города недоступны непосредственному наблюдению с поверхности, потому что оказались перекрыты наносами или затоплены морем. Последнее предположение наиболее вероятно, и следы Киммерика следует искать вдоль береговой кромки, в обнажениях и на мелководье. Необходимо помнить и о сообщениях М. Поночевного, видевшего следы поселения в начале косы до того, как место это было разрушено строительством и занесено песчаными наносами.

В августе 1996 года археологи осматривали береговой обрыв у Динского залива между косой Чушкой и небольшим мысом, на котором расположена крепость-батарея. Ближе к косе берег низкий, поросший камышом, к мысу он постепенно повышается, становясь обрывистым, достигая шести метров над уровнем воды в заливе. В обрыве хорошо видны остатки самой крепости и поселения, кото-

рое её окружало. Дальше на протяжении нескольких сотен метров культурного слоя и строительных остатков не видно, но периодически встречаются разрезы грунтовых ям. У подножия обрыва на узком пляже и на мелководье время от времени попадаются небольшими скоплениями обломки амфор IV века до н. э. В воде была найдена монета первой половины III века до н. э.

Эти признаки наводят на мысль, что обнаружен грунтовый некрополь — "город мертвых". Обычно некрополь располагался рядом с поселением, за его пределами. Совершенно очевидно, что кладбище VI—III веков до н. э. не может принадлежать поселению с крепостью, только появившемуся в конце I века до н. э. Ясно также что "пропавшее" поселение было внушительных размеров, поскольку некрополь, оставленный его жителями, очень велик. Неизвестно, как глубоко он простирается вглубь, но протяженность вдоль современной береговой линии указывает, что он принадлежал не рядовому поселению, а, скорее, городу. Однако его следов на берегу не обнаружено. Значит ли это, что искомый город оказался затоплен морем?

К сожалению, проверить это предположение до сих пор не удалось, так как раскопки памятника, которые должны пролить свет на его характер, размеры и хронологию, требуют много времени, средств и сил.

Хочется надеяться, что будущие полевые сезоны принесут долгожданное открытие и раскроют многовековую тайну. Но даже в этом случае дело рано будет сдавать в архив, поскольку не найденный город хранит и другие тайны. Вот одна из них.

Вышеупомянутый автор псевдо-Скимн сообщал, что город Киммерида был основан боспорскими тиранами, а значит, его возникновение относится ко времени не ранее IV века до н. э. Но сохранилась надпись на камне, в которой перечисляются причерноморские города, платившие в 425—424 годы до н. э. подать в казну I-го Афинского мор-

ского союза. Сохранилась надпись плохо, названия многих городов почти не читаются. Но первые три буквы одного из городов видны отчетливо: "КИМ..". Поскольку только один город на Понте имел так начинающееся имя, ни у кого не возникало сомнений, что речь идет о Киммериде. Правда, город с аналогичным названием существовал и в Крыму, но по данным письменных источников и раскопок появился он не ранее конца I века до н. э., когда "азиатский" Киммерик уже прекратил свое существование.

Таким образом, один источник относит основание Киммериды к IV веку до н. э., а согласно другому, город существовал уже в V веке до н. э. Объяснить это противоречие может история другого боспорского полиса – Горгиппии, руины которой лежат под современной Анапой. Этот город действительно был основан боспорскими тиранами в середине IV века до н. э. Его основателем считался Горгипп, давший новой колонии свое имя. Но в 1982 году раскопками были открыты остатки города VI – первой половины IV веков до н. э., непосредственного предшественника Горгиппии. Имеются основания считать, что древний город был разрушен правителями Боспора, а рядом с развалинами появилась Горгиппия. Следовательно, у одного города как бы два "дня рождения". Примечательно, что и имени у него было два. На протяжении долгого времени название старого города – Синдская гавань – оставалось даже более употребительным, нежели официальное – Горгиппия, которое впервые упоминал Страбон. Не та же ли судьба постигла и Киммериду, хотя и сохранившую исконное имя? Такое сходство кажется более чем вероятным. Во-первых, оба города занимали стратегически важное положение в государстве: Горгиппия находилась вблизи юго-восточной границы Боспора, по соседству с воинственными племенами; Киммерик же был ключом к переправе, а за проливом располагалось ядро державы Спартокидов и ее столица – Пантикапей. Во-вторых, всякий раз подчи-

няя полис, то есть включая в державу небольшое государство, правители Боспора должны были по праву завоевателя ограничить его автономию, подавить самостийность, как ныне говорят в тех местах. В отдельных случаях (что видно на примере сицилийского тирана Дионисия Старшего, современника Сатира I) старый полис просто уничтожался, а на его месте появлялась колония наемников и ветеранов, которые всем своим благополучием были лично обязаны главе государства. Косвенно эту догадку подтверждают слова Страбона, что "Киммерик **прежде был** городом на полуострове и замыкал перешеек рвом и валом". Прежде был – значит, ко времени великого географа это был уже не город или же он находился теперь не на полуострове.

Однако ответить на все загадки и вопросы можно будет не раньше, чем удастся отыскать руины Киммерика-Киммериды*.

*Авторы приносят благодарность А. Завойкину за представленные материалы.

ТРИ “ПРОСЧЕТА” АГАСИКЛА

Херсонес Таврический, расположенный на окраине Севастополя, всегда считался “русскими Помпеями”. Здесь и в самом деле есть что посмотреть и где побродить. Кто бывал — знает. По иронии судьбы основателями его можно считать афинян, которые и не помышляли в тот момент о новой колонии. Они лишь изгнали с насиженного места жителей острова Делос и позаботились о том, чтобы в Гераклее Понтийской (на территории современной Турции) вспыхнули политические беспорядки. Демократы проиграли аристократам и тоже обязаны были поискать себе новую родину. По совету дельфийского оракула они объединились с делосцами и основали Херсонес. Случилось это в 422 году до н. э. Через два века здесь было уже огромное государство, занимавшее всю территорию северо-западного и юго-западного Крыма, с развитыми сельским хозяйством, ремеслами и торговлей. Греки покорили окрестных полудиких тавров и успешно отбивали атаки скифов. В самый тяжелый период этой борьбы в 109 году до н. э. на помощь Херсонесу пришел Митридат Евпатор и едва не прекратил существование скифского государства в Крыму. Позднее Херсонес на правах союзника вошел в состав Римской империи, которая даровала городу-государству дружбу и свободу от повинностей. Потом Херсонес оказался под управлением Византии. Наконец, “в лето 6496 (988 год) иде Володимир с вои на Корсунь, град греческий, и затворишася корсуняне в городе”. Владимир с помощью изменника город взял и крестился в нем. В XIV веке Херсонес пал окончательно под ударами кочевников. Пятьсот лет простояли развалины, прежде чем до них добрались исследователи.

Но если руины Херсонеса были известны всегда, то

Гераклейский полуостров, расположенный вблизи Херсонеса и образуемый Севастопольской бухтой, Маячным полуостровом и Балаклавской бухтой, долго оставался terra incognita. Гигантская эта территория была буквально покрыта остатками стен колоссальной кладки (называемой циклопической или квадратной), больших и малых сооружений, башен, кругов, тарапанов (винодавильен), некрополей, цистерн, колодцев, искусственных пещер, каменоломен и т.д. Академик Паллас, совершавший в 1794 году путешествие по Крыму, оставил первое подробное описание памятников Гераклейского полуострова.

"Кроме многих больших четырехугольных совсем разрушенных стен, окружающих четырехугольные и продолговатые поля и иногда образующих улицы, имеются одинаковых размеров сооружения, как бы указывающие на выселки-колонии. Повсюду встречаются одиночно рассеянные здания из больших обтесанных камней, бывшие, быть может, башнями, построенными для безопасности деревенских жителей на случай нападения тавро-скифов".

Более детально и основательно сочинение З.А. Аркаса, составившего по специальному поручению "Описание Ираклийского полуострова и древностей его". Ценность этого труда в том, что Аркас последним видел, дал описание и сделал планы многих развалин, уничтоженных во время первой обороны Севастополя.

"На всем пространстве и теперь видим в разных местах явные признаки первобытного поселения, как-то: остатки стен больших зданий, сложенных из больших камней и скрепленных между собой железными (на самом деле

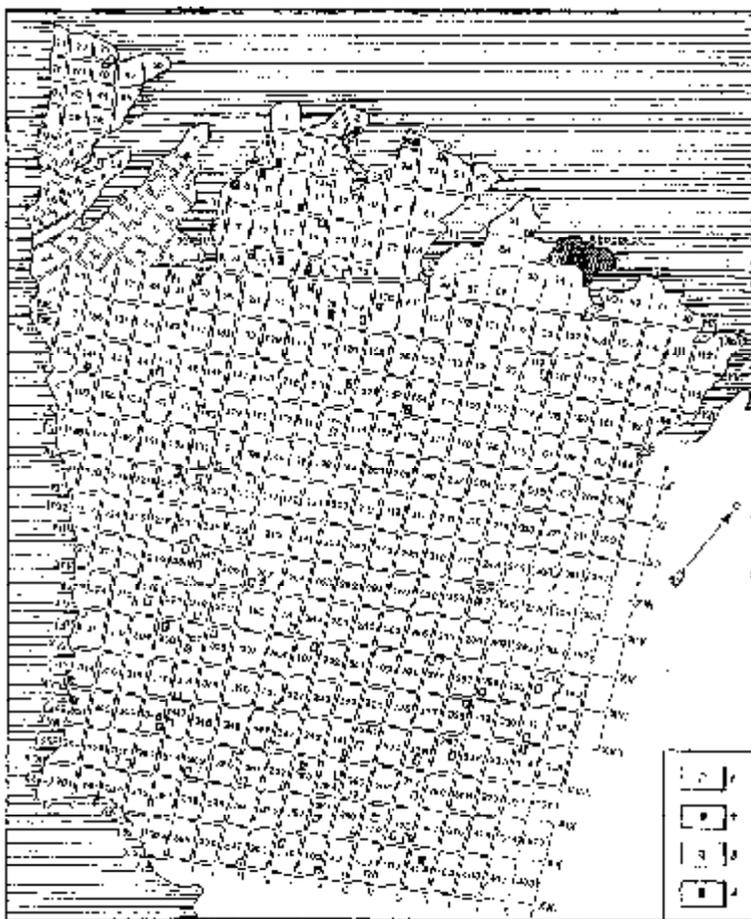

Схема расположения клеров на Гераклейском полуострове:
 1 – остатки усадеб; 2 – исследованные усадьбы; 3 – частично
 исследованные; 4 – средневековые усадьбы

свинцовыми) полосами, циклопической работы; остатки обсервационных (видимо, в значении наблюдательных) башен на курганах и возвышенностях, которые имеют по одной и более цистерне и колодцу, из коих некоторые и теперь содержат воду, годную для питья; основания больших четырехугольных оград, заключающих в себе обработанную землю, на которых и доньше остались одичалые смоковницы и местами иссохшие виноградные корни огромной толщины; на гладком каменном грунте — основания параллельных стен, имеющих направление на восток и запад, на расстоянии трех саженей одна от другой и между ними насыпана садовая земля; и, наконец, заметны и теперь фундаменты правильных дорог, две из них начинаются от развалин древнего Херсонеса — до 6 верст длины при 4 саженях ширины”.

Теперь остается только привести единственный документ самих херсонеситов (не считая присяги граждан Херсонеса), касающийся Гераклеийского полуострова и датированный началом III века до н. э. Это надпись на мраморном постаменте статуи, которая не сохранилась.

“Народ поставил статую Агасикла, сына Ктесия.

— Предложившему декрет о гарнизоне и устроившему его.

— Размежевавшему виноградники на равнине.

— Бывшему стеностроителем.

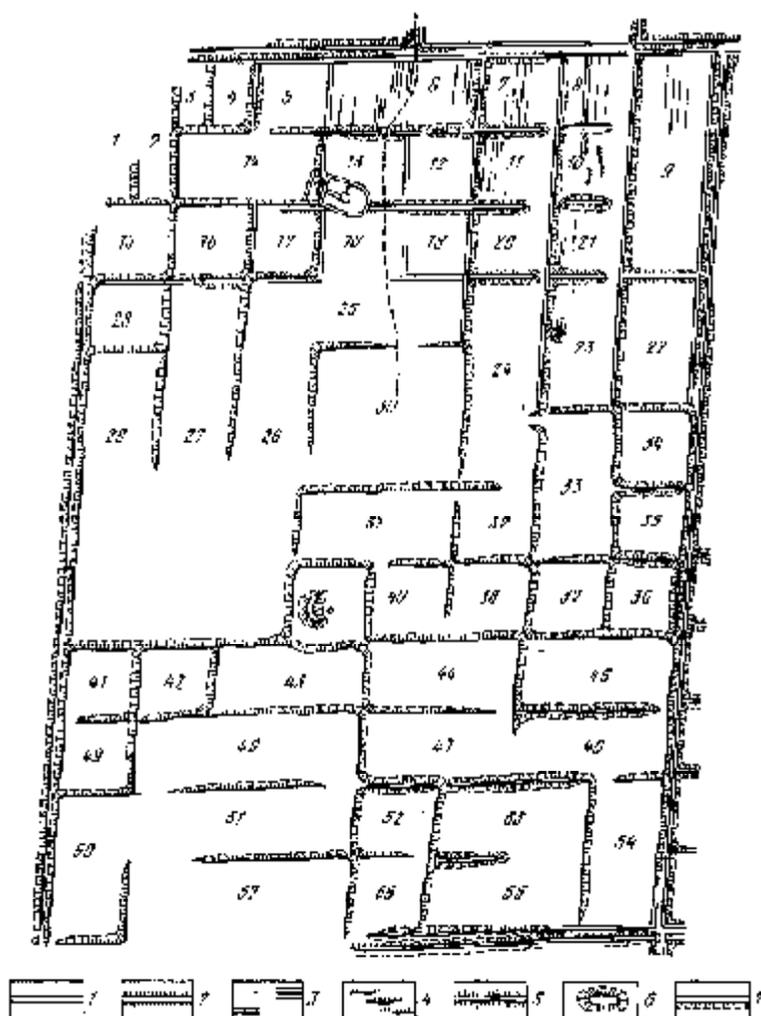
— Устроившему рынок.

— Бывшему стратегом.

— Бывшему жрецом.

— Бывшему гимнасиархом.

— Бывшему агрономом”.

Клер 175 и остатки плантажных стен:

1 — каменные стены; 2 — развалы стен; 3 — виноградники с плантажными стенами и проходами; 4 — плантажные траншеи, выбитые в материке; 5 — валы из щебня; 6 — кучи щебня; 7 — края террас

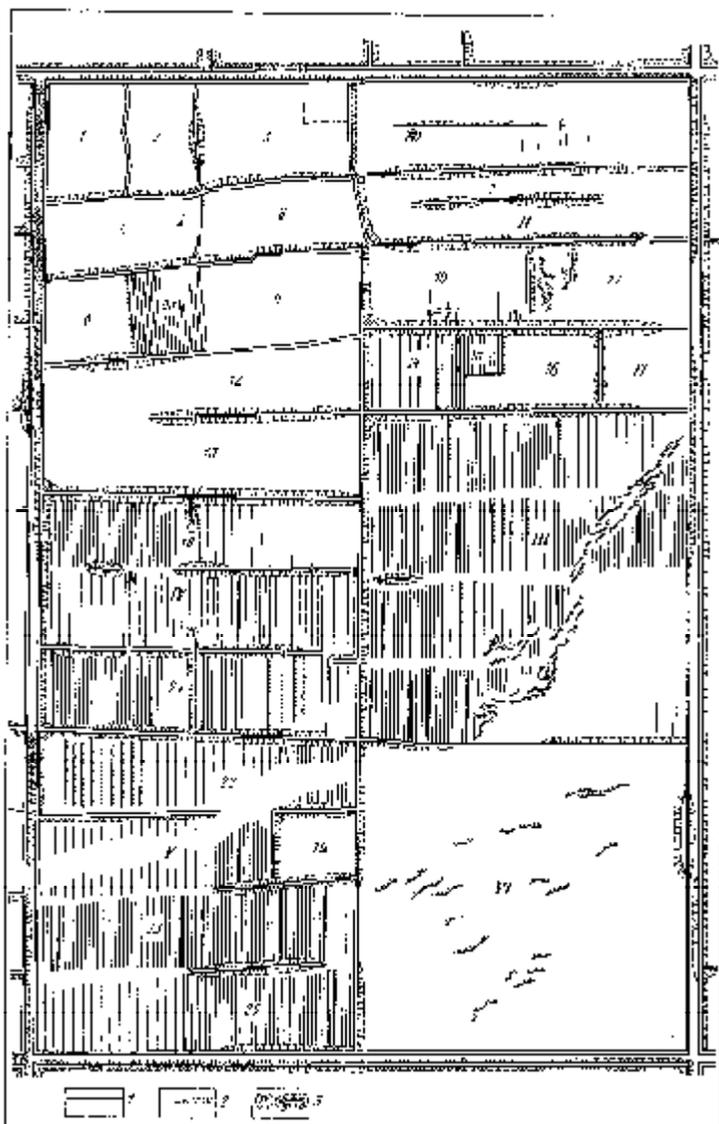
Итак, нам известно имя устроителя этой грандиозной системы. А она и в самом деле не имеет себе равных среди археологических памятников этого типа, хотя бы потому, что вследствие колоссальных работ только она и сохранилась до недавнего времени (сейчас большая ее часть застроена дачами севастопольцев и военными базами, окончательно ее и загубившими).

В чем же ее грандиозность?

По-видимому, в самом конце IV века до н. э. херсонеситы поделили площадь примерно в 10 тысяч гектаров прямоугольной сетью дорог, в результате чего получили около 400 замкнутых прямоугольников, большая часть которых имела размеры 630х420 метров, хотя площадь некоторых из них варьировалась от 3 до 60 гектаров. В античном мире такие участки назывались клерами (клерос – жребий, так как делились участки между гражданами по жребию). Внутри клеры делились на 6 квадратов со стороной 210 метров. Все это фиксировалось мощными каменными стенами, высотой в человеческий рост, так как на Гераклейском полуострове слишком много скальных выходов и скальных обломков. На 400 клерах зафиксировано около 180 крупных усадеб; почти все они имеют еще более крупные двух- или трехэтажные башни (о высоте можно судить по толщине сохранившихся фундаментов и основаниям лестниц). Принято считать, что каждый такой клер был собственностью гражданина Херсонеса и являлся его сельскохозяйственным наделом.

Вот тут-то собака и зарыта.

Археологи не поленились и один из клеров раскопали почти целиком. Половина его была занята виноградниками, за ними следовали поля и сады. Для создания плантажа необходимой глубины (0,7 метра) на всей площади виноградников был сбит подпочвенный слой скалы общим объемом более 50 тысяч кубических метров. Так как добытый камень девать было некуда, то греки через каждые

Клер 11:

1 — каменные стены; 2 — развалы стен; 3 — валы и курганы

два метра построили плантажные стены во всю длину виноградника (под стенами, естественно, скальный грунт не трогали). Стены были толщиной в 1 метр. Вдоль них через каждую сажень высаживались виноградные кусты. В садах стены сооружались через каждые 5 метров, а траншеи в скале вырубались на глубину до 1,5 метров. Общий объем скальных вырубков составил свыше 60 тыс. куб. метров на одном клере. Чтобы оценить всю грандиозность, помножьте эту цифру на 400 (клеров), а потом разделите на объем пирамиды Хеопса, и вы узнаете, что на Гераклеяском полуострове нарубили скалы на 15 пирамид! А ведь и этого камня херсонеситам не хватило, потому что они заложили еще несколько каменоломен. (Мыслимое ли это дело? Нет, конечно. Многие клеры лежали на дне балок и не требовали никаких дополнительных работ. Но однажды выданные цифры до сих пор приводятся в научной литературе.)

Усадьба описанного клера представляла собой типичный образец древнегреческих усадеб, разве что очень большой: площадь усадьбы 1200 квадратных метров. Середину занимал двор, вокруг которого квадратом располагались жилые и хозяйственные постройки. Как и на большинстве усадеб хоры (хора — сельскохозяйственная округа города), она имела высокую и толстую башню.

В чем же ошибались исследователи, наделив землей всего 400 из граждан демократического Херсонеса? Неужели Агасикл был такой злодей-аристократ? Но почему тогда памятник ему поставил народ-демократ?

Прежде всего обращает на себя внимание то, что распланировка земель не была достижением херсонесских землемеров-геономов: она давно выработалась в греческой колонизационной практике и применялась почти повсеместно. Суть ее сводилась к тому, чтобы прибывшие на новое место колонисты могли быстро и честно поделить землю под городские дома и под наделы для пропитания. Именно эта мера превращала (зачастую случайных людей) в граж-

данский коллектив — полис. Естественно, методы и принципы размежевки города и хоры имели почти полное сходство, они являлись как бы копией друг друга, только в разных масштабах. (Изложение теории принципов организации пространства слишком утомительно для рядового читателя, поэтому прошу верить на слово.)

Однако в самом Херсонесе того времени ни один дом не ограждался со всех сторон улицами, дома граждан объединялись в кварталы, имели лишь одну стену, внешнюю, а остальные — общие с соседями. Это и понятно: какой смысл тратить столько земли на лишние улицы? Но тогда мы вынуждены констатировать, что на Гераклейском полуострове землемеры прокладывали зря каждую вторую продольную и поперечную дороги. Толку от них не было, они только "съедали" землю. На одну дорогу уходило 10 гектаров полезной площади, а всего дорог было около 40. Получается, что этот "просчет" Агасикла обошелся херсонеситам в 200 гектаров земли, не считая бессмысленного труда по прокладке дорог на местности и ограждению их каменными стенами.

Как уже говорилось, главной чертой сходства всех клеров являлось их внутреннее деление на шесть квадратов со стороной 210 метров. Всего на Гераклейском полуострове исследователи насчитали около 2300 квадратов и решили, что размежевка их вторична к размежевке дорог, но как объяснить такое единство в делении собственной земли? Представьте себе дачный кооператив, в котором председатель обязал пайщиков делать грядки строго стандартной длины и ширины! Да ему голову оторвут и скажут, что так и было. Сообразив это, исследователи увлеклись идеей, что площадь полуострова Агасикл сначала поделил на квадраты со стороной 210 метров, а потом из оных составил клеры, ограничив дорогами. Теоретически такой ход вполне вероятен: ведь и некоторые пастухи, чтобы узнать поголовье, сначала считают ноги, а потом делят на четыре.

Но даже если допустить и этот "просчет" Агасикла, почему впоследствии владельцы наделов свято блюли это деление, которое во многих случаях не учитывало рельефа местности, а в некоторых случаях даже противоречило ему. Для сравнения представим, что при межевании города всю площадь поделили бы на комнаты, а потом из них стали бы планировать дома.

Третий "просчет" следует назвать небрежностью, если не халтурой. Размежевывая дороги через каждые три квадрата, землемер иногда "сбивался" и прокладывал дороги только через два. В результате получились наделы меньшей площади, и их владельцы не досчитались 9 гектаров земли. Еще меньше или еще больше стандартных были клеры, пограничные с морем: их площадь колебалась от 3 до 60 гектаров, причем эти размеры фиксируются межевыми дорогами, то есть землемер не видел в этом ничего противоестественного.

Из всех случаев "легкого" обращения с землей мне известен только случай с одним американским президентом, купившим у индейцев чуть ли не полпрерии за бочку рома и несколько ружей. Но греки, которые и покидали родину из-за земельного голода, ни при каких обстоятельствах не могли равнодушно ожидать, достанется ли им участок в 20 раз больше или во столько же раз меньше. Точно так же неправдоподобны и перечисленные "просчеты" Агасикла. Он как раз все сделал правильно, а потомки не поняли его элементарного плана деления территории.

Итак, сразу после межевания Гераклеийского полуострова клер представлял собой единицу площади, состоящую из шести квадратов, которые не принадлежали одному лицу. Первый аргумент в пользу такого заключения — обособленность квадратов друг от друга. И с воздуха, и на земле эта обособленность отчетливо видна как по внешним границам квадратов, так и по внутреннему дроблению на более мелкие участки. Сами археологи отмечают повсемес-

тное стремление херсонеситов размещать поля и виноградники в границах квадратов, причем в некоторых случаях это нарочитая страсть вызывает недоумение. Бросается в глаза и то, что дороги внутри клера никогда не переходят из одного квадрата в другой, более того, еще не отмечено случая, чтобы квадраты сообщались между собой воротами или калиткой. Зато с каждого квадрата был выезд на дорогу.

В пользу "единовластия" над каждым клером как будто говорят укрепленные усадьбы: ведь их обнаружено всего 180. Однако они только подтверждают выдвинутую гипотезу. Во-первых, на усадьбах прослежено несколько строительных периодов, то есть рост их происходил постепенно, что можно связать с концентрацией земли в руках более богатых граждан. Во-вторых, грек, имевший свой надел, скажем, в 5–10 километрах от городского дома, вполне обходился и без капитального загородного дома. Он ходил туда, как мы ездим на работу. (Вспомним Катона, который каждый день ходил за 50 километров на римский Форум и не считал это ненормальным.) В-третьих, если надел в 4,4 гектара (210x210 метров) мог обойтись без усадьбы, то как без нее могли обойтись оставшиеся 220 клеров – крупные земельные наделы площадью 26,5 гектара? В-четвертых, на некоторых клерах зафиксировано по две усадьбы одного времени. Зачем они единому хозяину? Пятое рассуждение чисто логическое. Трудно привести пример полиса, где средний класс граждан владел бы такими огромными наделами, получив их не в результате постепенной концентрации земли, а с момента межевания (на обработку одного клера требовалось, по крайней мере, 25 рабов-мужчин; откуда они могли взяться и кто за ними смотрел?). По афинским меркам всех херсонеситов надо бы отнести к наиболее зажиточной части пентакосиомедимнов – самых зажиточных людей самого богатого города Греции. А херсонеситы и себя зачастую прокормить не могли, и их цикло-

пические усилия в борьбе со скалами за землю подтверждают это. В Херсонесской присяге даже есть пункт, запрещающий продавать хлеб с "равнины" за пределы государства. К этому можно добавить, что некрополь Херсонеса эллинистического периода самый бедный (судя по погребальному инвентарю) из всех городов северного Причерноморья.

И все-таки, сколько же наделов было на Гераклеиском полуострове? Вопрос этот разрешаем лишь с помощью самого Херсонеса. Жилые кварталы города занимали около 17 гектаров, средняя площадь одного дома составляла 180 квадратных метров. Следовательно, частных домов в Херсонесе было около 1000. Число частных домов дает нам приблизительное число граждан, имевших право на собственный надел. На хоре, как уже говорилось, было около 2300 квадратов (210х210 метров) площадью 4,4 гектара, в большинстве случаев обособленных и экономически самостоятельных друг от друга. Методом деления чисел (усредненность их очевидна за давностью лет) легко вычислить, что надел гражданина состоял из двух квадратов по 4,4 гектара каждый.

Зачем это понадобилось? Ответов может быть три, причем все три ответа могут оказаться одновременно правильными. Так в одном декрете иссейцев о разделе земли написано, что каждый гражданин должен получить два участка земли: один — "из наилучшей доли", другой — "из прочей", то есть нельзя допустить, чтобы одному достались песок и скалы, а другому — чернозем (русским этот закон известен, как периодический передел общинной земли). Можно вспомнить и предложение Аристотеля: "Одна доля частновладельческой земли должна быть расположена на границах государства, другая — у города, чтобы у всех было два надела". Аристотель, безусловно, оперировал какими-то реальными фактами, направленными на достижение возможно большего равенства между гражданами и их

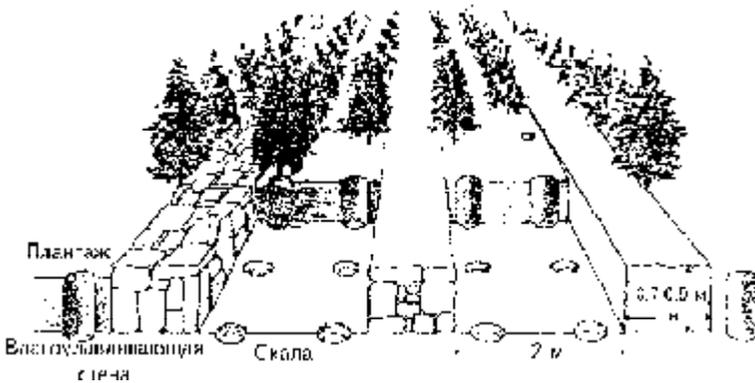

Схема виноградного плантажа на клерах с искусственно созданным почвенным слоем

общей заинтересованности в защите границ. Наконец, нельзя исключать и того, что освоение Гераклейского полуострова происходило в два этапа по мере вытеснения оттуда тавров, или же из-за того, что надел в 4,4 гектара не смог удовлетворить всех нужд семьи гражданина. А то, что хлеб насущный давался херсонеситу очень тяжело, свидетельствуют гигантские мелиоративные работы по превращению Гераклейского полуострова в сад. Из сохранившихся остатков усадеб нынешние севастопольцы сложили заборы собственных дач, сэкономив на "рабице".

Но это не единственная тайна Гераклеи и даже не самая важная. Вот уже более ста лет ученым не дает покоя секрет небольшого "отростка" размером около 1800 гектаров — Маячного полуострова. Загадку эту загадал географ Страбон: "На расстоянии 100 стадиев (18 километров) от города (Херсонеса) есть мыс, называемый Парфением (Девичьим). Между городом и мысом есть три гавани; затем следует Древний Херсонес, лежащий в развалинах, а за ним бухта с узким входом, возле которой преимуществен-

но устраивали свои разбойничьи притоны тавры, скифское племя, нападавшее на тех, которые спасались в эту бухту; называется она бухтой Символов”.

Тут вроде бы все понятно: мыс Парфений — это оконечность Маячного полуострова; три гавани — это нынешние бухты Стрелецкая, Казачья и Камышевая; наконец, бухта Символов — несомненно, Балаклава, пиратский притон там был еще во времена Троянской войны. А откуда взялся Древний Херсонес? По логике, всем известный Херсонес должен быть Новым. То есть сначала греческие поселенцы построили город на Маячном полуострове, а потом вследствие каких-то причин оставили его и построили другой, нам известный.

Собственно, такой ход событий очень естественен для древних греков, у того же Страбона можно насчитать, по крайней мере, еще 25 мест, где имеется подобное противопоставление “старый город — новый город”. Среди них такие известные, как Локры Эпизефирские, Платеи, Фарсал, Проконнес, Илион, Смирна, Милет, Клазомены... Основными причинами перенесения полисного центра были: насильственное или вынужденное переселение граждан; разрушение старого города; переселение в более удобное для обороны место; переселение, связанное с расширением территории государства; переселение из-за прибытия новой группы колонистов. К этому можно добавить, что новые города основывались вблизи старых, иногда менялось название, старые и новые города могли существовать одновременно.

Все вышеизложенное вполне укладывалось в теорию, проверить которую можно было, лишь взяв лопату и пойдя на Маячный полуостров. В 1910 году Н. Печенкин именно это и сделал.

Вскоре выяснилось, что в античности полуостров был отгорожен от “материка” двумя стенами, находящимися опять-таки на расстоянии 210 метров друг от друга. Внутри

стен ему удалось рассмотреть какие-то постройки. Сам полуостров был сплошь покрыт межевыми и плантажными стенами. Н. Печенкин насчитал сто клеров, ограниченных дорогами, которые внутри делились на четыре надела по 4,4 гектара. Усадеб тоже оказалось достаточно. Вроде бы все сходилась, да вот незадача: материалы из Древнего Херсонеса по древности проигрывали материалам из "нового". К тому же между стен не оказалось сплошной городской застройки: стояли какие-то отдельные хибары и только. Да и сами греки никогда не строили акрополь из двух параллельных стен, а старались приблизиться к кругу.

Поэтому через 15 лет на полуостров приехал И. Бороздин и стал искать Древний Херсонес в прибрежных водах... и нашел, и даже снял об этом первый советский подводный фильм. Но вскоре его удалось убедить, что он принимал желаемое за действительное.

После Отечественной войны на Маячном полуострове настроили такое количество военных баз и полигонов, что появляться там без спецпропуска было опасно для жизни. Да делать было особенно нечего, так как новобранцы, роя образцово-показательные окопы, не оставили камня на камне. Все-таки кое-что удалось сделать и добыть. Призвав в помощь логику, можно было приблизительно нарисовать картину происшедшего.

В 422 году до н. э. колонисты высадились у Карантинной бухты, где и возник Херсонес. По всей видимости, они не могли пахать землю и растить виноград прямо за городом: силы их были ограничены, а тавры новых соседей не жаловали. К тому же таврам постоянно требовались человеческие головы, которые они насаживали на шесты и выставляли перед домом вместо собак. Что было делать херсонеситам? Они выбрали расположенный в 12 километрах Маячный полуостров и отгородили его от внешнего мира стеной. Но этого оказалось мало, ведь тавры могли напасть на них с моря. Поэтому потребовалась еще одна стена,

чтобы в случае нападения с двух сторон можно было отсидеться между стенами. Защитив себя со всех сторон, херсонеситы размежевали полуостров и спокойно занялись сельским хозяйством. Через 50 лет они почувствовали себя настолько сильными, что размежевали и весь Гераклеийский полуостров. К тому времени граждан было не менее тысячи, а во время освоения Древнего Херсонеса их количество не превышало 400 (по числу наделов).

И все-таки почему Страбон назвал первую хору полиса Древним Херсонесом. За ответом далеко ходить не надо, достаточно открыть "Политику" Аристотеля и прочитать, что первоначальный надел колониста при дальнейшем росте сельскохозяйственной округи получал наименование "старого надела", чтобы отделить его от полученных позднее и подчеркнуть особые права потомка основателей. Чаще всего такой надел даже продать было нельзя, ибо с потерей земли гражданин лишался политических прав. (Вспомним классический пример Марафонской битвы, когда афиняне послали в бой только собственников земли, хотя последних было очень мало; но афиняне не доверили остальным защищать родину, считая их перекаати-полем.)

К этому надо добавить, что Маячный полуостров (достаточно взглянуть на карту) в полном смысле слова представляет собой классический пример для урока географии. А полуостров по-древнегречески — "херсонес". Теперь уже нетрудно догадаться, почему вся эта местность получила название Древний Херсонес, хотя не являлась городом и была моложе самого Херсонеса...

ПОТЕРЯННЫЙ СКЛАД ГРАБИТЕЛЯ

18 июля 1959 года в афинском порту Пирей на углу улиц Филона и Георга двое рабочих занимались благоустройством города: они крушили асфальт пневматическими молотками, чтобы добраться до канализационной трубы. Когда рабочие удалили и подстилающий асфальт слой бетона, молоток одного из них наткнулся на какой-то твердый предмет. Вслед за этим земля вокруг них провалилась, и оттуда протянулись две зеленые руки, которые словно зывали к милосердию. Побросав инструменты, рабочие побежали к полицейскому, чтобы сообщить о страшной находке. Полицейский оказался не из пугливых: проведя небольшую расчистку, он обнаружил в яме несколько лежащих "в обнимку" мраморных и бронзовых скульптур. Немедленно вызвали профессора Пападимитриу, возглавлявшего Греческую археологическую службу. В этот день нашли бронзовую статую обнаженного юноши — курсора; мраморную герму с головой бородатого бога (Гермеса) и бронзовую статую девушки, задрапированной в длинные одежды. Археологи не хотели верить, что это все, и надежды их оправдались. 25 июля неподалеку от первой ямы они нашли еще одну, в которой оказались бронзовая статуя Афины и статуя Артемиды, большая маска трагического актера, еще одна мраморная герма, мраморная статуэтка женщины и остатки двух бронзовых щитов.

Открытие имело всемирное значение. Бронзовые скульптуры исчисляются единицами, потому что плохо переносят пребывание в земле, а тут еще скульптуры были очень древние, подлинники, а не римские копии.

Наибольшую ценность представляла бронзовая статуя куроса. Существовало много таких статуй, но до нас дошла только эта, датируемая около 520 года до н.э. и являющаяся древнейшей бронзовой статуей. Высота куроса около двух метров, в левой руке он держал лук, в правой какой-то предмет типа плоской чаши. Кого она изображает, сказать трудно: одновременно в ней можно видеть и Аполлона, и атлета-победителя, и героизированного смертного.

Статуя Афины (высота 2,35 метра) является одной из самых совершенных в художественном плане. Богиня изображена в спокойной позе, в левой опущенной руке она держала копье и, возможно, один из щитов обнаруженных в той же яме. На вытянутой правой руке она держала либо статуэтку Ники, либо сову, посвященную самой себе птицу. Лицо ее можно смело назвать эталоном классически правильной красоты. Датируется она IV веком до н.э. Есть основания предполагать, что эта Афина находилась в Пирейском храме вместе со статуей Зевса, где их видел Павсаний, который об этом и написал. В таком случае ее автор Кефисодот, отец Праксителя.

Мраморная статуя Артемиды сохранилась хуже всего, но этот образ богини с колчаном на спине хорошо известен.

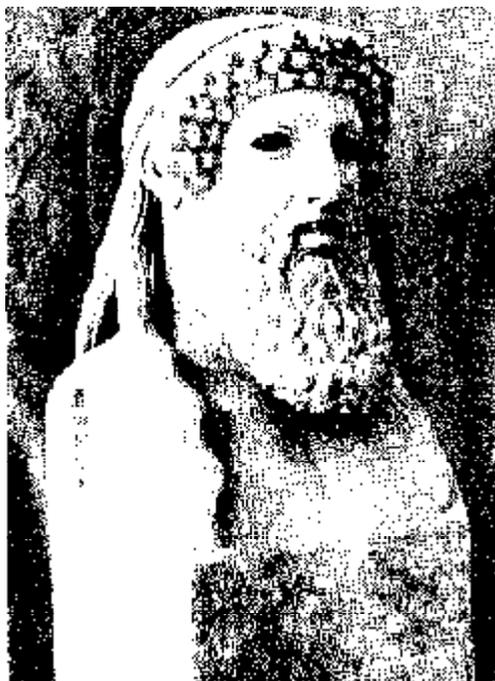
Последняя из больших статуй изображает стоящую в спокойной позе девушку — кору. Многих соблазняет возможность видеть в ней Мельпомену. Она держала в руке какой-то предмет, возможно, трагическую маску, найденную тут же. И эта скульптура датируется четвертым веком.

Две гермы, найденные в Пирее, являются репликами хорошо известного типа герм, который связывают с именем скульптора Алкамена, ученика Фидия. Они выглядят как высокие четырехгранные столбы, увенчанные бородастой головой. В древности их ставили на границах участков и на перекрестках дорог, так как изображенный на них Гермес защищал нерушимость границ и безопасность торговли.

Совершенно очевидно, что археологам и историкам

Статуя Афины из Пирея.
IV в. до н. э.

Герма из Пирея. V в. до н. э.

Древней Греции в Пирее крупно повезло. Но вот загадка: как они туда попали? Ведь все эти статуи ничем не связаны между собой и даже относятся к разным временам. Тщательное исследование места находок показало, что они лежали в небольшом каменном помещении вроде склада, от которого сохранился фундамент. Единственное предположение сводится к тому, что все эти скульптуры свезли в Пирей для отправки морем в другую страну. Хронологически этому требованию отвечает только Рим, который беззастенчиво и немилосердно грабил города и святилища побежденной Греции. Особенно "отличился" на этом поприще римский полководец, ставший позднее диктатором,

Луций Корнелий Сулла. Возможно, это он приказал подготовить статуи к отправке после взятия его войсками Афин в 84 году до н.э. Возможно, кто-то из его приближенных. Последнее даже более вероятно, потому что отправке статуи помешал пожар склада (горелый слой, покрывавший статуи, был отчетливо виден при раскопках). Но вот почему за ними никто не вернулся? Статуя ведь не иголка, и должны были быть сотни свидетелей того, куда снесли святыни города. Погибнуть все просто не могли. Остается лишь предположить, что греки-патриоты обманули нового владельца, заявив, что пожар все уничтожил. Скульптуры не могли вернуть на законное место, так как в городе, особенно в порту, находились римляне, да и среди своих фискалов хватало. А вот потом уже действительно все очевидцы умерли, но святыни-то остались на родине. Хоть римляне и пели "Но вечен Рим!" — греки уже на собственном опыте знали, что никто не вечен под луной.

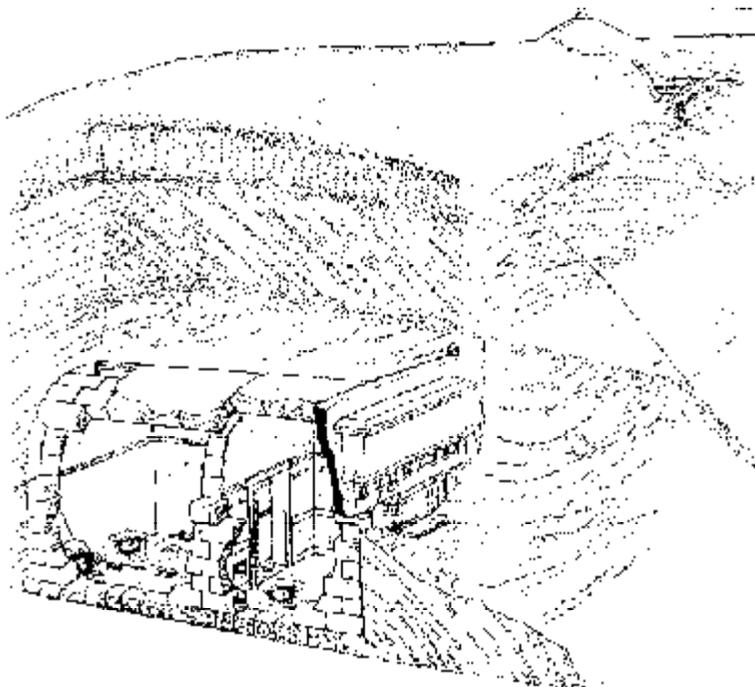
Есть и еще один вариант развития событий: скульптуры спрятали сами греки, не желая отдавать их римлянам.

Как бы то ни было, статуи остались на родине, и только благодаря этому обстоятельству мы можем любоваться ими и сейчас. Ведь Рим так часто грабили впоследствии, что там им точно невозможно было бы уцелеть...

ЦАРСКАЯ ГРОБНИЦА ПОД КУРГАНОМ

Летним вечером 336 года до Р.Х. Филипп II устроил в старой столице Македонии Эгах торжество по случаю бракосочетания своей дочери и молосского царя Александра, родного брата оставленной им жены Олимпиады, от которой Филипп имел сына Александра. Сопровождаемой свитой царь шел в театр, где должна была состояться заключительная церемония бракосочетания. Проход был слишком узок, чтобы разом впустить всю свиту, поэтому под свод вступил сам Филипп, два Александра — зять и сын, Молосский и Македонский — и телохранитель Павсаний. Внезапно оттолкнув будущего царя мира, Павсаний вонзил в Филиппа кинжал и бросился бежать. Другие телохранители догнали и убили его. Официальная версия гласила, что Павсаний совершил акт кровной мести, отомстив Атталу, на дочери которого, Клеопатре, последним браком был женат Филипп. Однако все македонцы знали, что план покушения разработан тремя людьми: брошенной женой Олимпиадой, сыном Александром и Александром Молосским. Доказательств этому даже не надо было искать, все они были на виду, но не об этом речь...

Профессор университета в Фессалониках М. Андроникос никогда не сомневался, что под Большим Курганом возле деревни Вергина нужно искать царскую гробницу. Он, правда, не рассчитывал обнаружить что-то ценное, ибо по сохранившимся письменным сведениям знал, что царские гробницы в древних Эгах разграблены галльскими наемниками еще в 274 году до Р.Х. Но не могли же те вынести все, — скажем, мраморный саркофаг или фрески со стен.

Царская гробница; схема

Большой Курган находился среди некрополя малых курганов, которые датировались временем от 1000 года до начала н. э. и раскопки которых уже дали превосходные результаты. В диаметре Большой Курган имел 110 метров, высота его — 12–14 метров.

Полный надежд, 31 августа 1977 года Андроникос приступил к раскопкам. Почти сразу же в подножии холма археологи наткнулись на разрушенное до основания строение, которое оказалось святилищем Героев (Герооном). Это открытие еще больше окрылило Андроникоса, и действительно скоро "показалась" подземная гробница

прямоугольной формы (3,5 x 2 метра, высота – 3 метра). Оказалось, что она была почти подчистую разграблена в древности. Грабители оставили археологам несколько черепков и разбросанных в беспорядке костей. Однако, как и предполагал археолог, он был вознагражден настенной живописью, сохранившейся на трех стенах из четырех. Особенно потрясала композиция, выполненная в лучших традициях монументальной живописи и изображавшая похищение Плутоном Персефоны. Владыка подземного мира, стоя на колеснице, одной рукой сжимал узду и скипетр, а другой обнимал обнаженный торс молодой богини, от горя заломившей руки. Впереди колесницы бежал Гермес, позади – упавшая на колени от ужаса подруга Персефоны. По осколкам керамики гробница датировалась серединой IV века до Р.Х.

Теория и практика археологии учит, что любой курган должен быть раскопан до конца. Андроникос решил следовать науке и не прогадал. В начале октября к северо-западу от разграбленного помещения он обнаружил карниз фасада еще одной гробницы – большой камеры со сводчатым перекрытием, какие характерны для Македонии. С тяжелой мыслью, что и здесь придется идти по "проторенному пути", Андроникос взялся за расчистку фасада. Оказалось, что вход в гробницу оформлен в виде архитектурного сооружения с дорическими колоннами и сохранившими раскраску триглифами и метопами. Над дверью находился фриз длиной в 5,5 и высотой в 1 метр, он изображал всадников с собаками, которые охотились на оленя, льва и кабана. Вглядываясь в лица всадников, Андроникосу показалось, что он узнает Филиппа и Александра, но он пока отогнал эту мысль.

После полной расчистки большая двустворчатая мраморная дверь неожиданно предстала нетронутой. Несмотря на обилие древнегреческих находок, это была первая дверь обнаруженная целой и запертой. Открывать ее без риска

нанести неожиданный ущерб и фасаду, и тому, что за дверь, было нельзя. Но из долгого опыта раскопок Андроникос знал способ, с помощью которого грабители легко проникали внутрь, не причиняя вреда конструкции: надо было убрать центральную плиту перекрытия, основной камень, который подпирался боковыми сторонами свода. Для этого требовалось расчистить всю крышу, чем и занялись немедленно. Тут обнаружили груды сырцового кирпича со следами огня, два железных меча, наконечник стрелы и фрагменты конской сбруи. Так как все вещи побывали в огне, следовало, что сюда их принесли из погребального костра. Сама гробница оказалась длиной 10, шириной 5,5, высотой 5 метров. Внутри она была перегороджена стеной из сырцового кирпича с мраморной дверью.

8 ноября 1977 года все было готово к вскрытию гробницы. Когда убрали камень, Андроникос спустился по веревочной лестнице в заднее помещение, которое было главным. На полу сохранились остатки мебели, вероятно, погребального ложа со скульптурными миниатюрами людей из слоновой кости (позднее Андроникос определил, что это портреты Аминты и Эвридики, родителей Филиппа, самого Филиппа, жены Филиппа и Александра). У западной стены стоял мраморный саркофаг. Справа в углу камеры лежали серебряные и глиняные сосуды: ойнохои, флаконы, тазы, ситечко, идентичные найденным в курганах Керчи, на Тамани и в Карагодеуашке (Прикубанье). В левом углу находились оружие и утварь. На железном треножнике стоял котел с подвижными ручками, как из Семibrатных курганов. Наибольшее любопытство вызвал фонарь в форме фистулы с ажурными стенками и часто пробитыми дырками, внутри помещалась глиняная лампа на железном основании. Тут же находились бронзовый футляр круглого щита и распавшийся на части парадный щит, когда-то изготовленный из дерева, кожи, слоновой кости и золота. Из другого оружия — первый македонский же-

лезный шлем, меч в деревянных ножнах с навершием из слоновой кости, железный чешуйчатый панцирь, украшенный спереди шестью головками львов, подобными найденным в Керчи.

Понадобилось некоторое время на то, чтобы зафиксировать, очистить, скрепить и вынести весь погребальный инвентарь. Только после этого приступили к вскрытию саркофага. Уже сделанные находки позволяли надеяться, что и от содержимого саркофага надо ждать приятных неожиданностей. Так и оказалось. Внутри сверкала массивная золотая четырехгранная урна с многолучевой звездой на крышке. Такая звезда известна по изображениям на македонских щитах и монетах, но находили их и в других местах, например, на бронзовом панцире из кургана № 2 у станицы Елизаветинской. Formой и расположением поясного орнамента урна воспроизводила как бы в миниатюре деревянный саркофаг из Анапы. Растительный мотив орнамента по стилю и композиции совпадал с изображениями на чертомлыкской вазе и на нагруднике из Толстой могилы. Внутри археологи обнаружили человеческие кости, окрашенные в синий цвет — остатки пурпурной ткани, в которую были завернуты. Сверху лежал золотой венец из дубовых листьев и желудей. Золотая урна оказалась самым тяжелым сокровищем, оставшимся от Древней Греции, ее общий вес 10,8 килограмма.

После того, как все находки из задней камеры были переправлены в Археологический музей Фессалоник (где их можно видеть и сейчас), встал вопрос, как проникнуть в переднюю камеру. Дверь и в этом случае нельзя было ломать все из того же опасения повредить что-либо, хотя предыдущий опыт раскопок македонских гробниц говорил за то, что в передней камере особенно рассчитывать не на что. Но осторожность никогда не мешала. Андроникос опять уподобился древним грабителям: разобрав часть стены сбоку от двери, он проник в переднее помещение.

Необычайно просторная камера оказалась буквально набита погребальной утварью. У южной стены стоял еще один саркофаг, в нем оказалась вторая урна, меньших размеров и проще украшенная, весом 8,5 килограмма. Внутри вместе с завернутыми в ткань костями оказалась женская золотая диадема. Андроникос назвал ее "самым потрясающим известным нам украшением древности". Возле дверей, выходящих "на улицу", стоял деревянный горит (колчан для стрел), покрытый золотой обкладкой. Рядом лежали кнемиды (наголенники воина), причем левый был заметно короче правого (известно, что Филипп хромал).

Горит изображал сцену из разрушения Трои. Он был сделан с той матрицы, что и горит из Карагодеуашка, и до сих пор встречался только в курганах скифских вождей на юге России. Известно, что Филипп в 339 году до Р.Х. вторгся в землю союзников-скифов, желая якобы во исполнение обета поставить в устье Истра (Дуная) статую Геракла. Но престарелый царь Атей был не настолько наивен. Началась война, и "хотя скифы превосходили македонцев и числом и храбростью, — писал Юстин, — они были побеждены хитростью". Добычей македонян стали 20 000 женщин и детей и столько же коней. Но золота и серебра македоняне не нашли и тогда только поверили, что скифы бедны. Естественно, происхождение горита из гробницы Андроникос приписал военному трофею.

Весь комплекс вещей, обнаруженных в гробнице, позволил Андроникосу утверждать, что она из разряда царских. Напрямую об этом свидетельствовал круглый предмет из золота и серебра, два конца которого скреплялись специальным приспособлением (Геракловым узлом), позволявшим регулировать размер. Андроникос посчитал эту "диадему" короной царя (русские исследователи, в частности А. Манцевич, по характеру застежки определили "короону", как шейную гривну). Все обнаруженные вещи в гробнице датировались между 350 и 325 годами до Р.Х., как

раз тем промежутком времени, в который произошла смерть Филиппа II. Наконец, роскошь погребения, миниатюрные портреты царя и членов его семьи, кнемиды разной величины — все сходилось именно на отца Александра Македонского. Но не удовольствовавшись этим, Андроникос настоял на антропологическом исследовании останков мужчины из задней камеры и женщины — из передней. И тут все складывалось в его пользу: возраст мужчины был определен между 40 и 50 годами (Филипп погиб в 46 лет). Краниология тоже дала обнадеживающие результаты: на черепе погребенного была отмечена травма правой глазницы, а из письменных источников было известно, что за 18 лет до смерти Филиппа ранили стрелой именно в правый глаз. Что же касается женщины из передней камеры, то ей оказалось от 23 до 27 лет. "Которая это из жен Филиппа (естественно, исключая Олимпиаду) — на этот вопрос отвечать историкам, а не археологам", — подытожил Андроникос.

Казалось бы, вопрос решен и исчерпан. Но нашлись скептики, указавшие на ряд несуразностей и возможных совпадений. Х. Юкер первым категорически выступил против отождествления гробницы II с именем Филиппа II по самой датировке комплекса (наличие чернолаковой керамики и отсутствию краснофигурной), по некоторым архитектурным моментам и на основании исторической ситуации. Трое английских ученых, изучавших череп, так и не вынесли безапелляционного решения, антропологи были еще осторожнее в выводах. По датировке керамики некоторые археологи пришли к выводу, что Филипп мог быть похоронен только в разграбленной гробнице I, а в гробнице II лежит его полоумный внебрачный сын Арридей, скончавшийся в 317 году до Р.Х. Непонятным оставалось и то, каким образом в переднюю камеру, где была похоронена женщина, попали горит и кнемиды — принадлежности воина. Даже инвентарь, который Андроникос посчитал бе-

зусловно царским, многие нашли чересчур бедным для такого царя. Наконец, совпадение горитов из Карагодеуашха и Вергины, датирующих комплексы не ранее конца IV или начала III века до Р.Х., полностью исключает возможность захоронения в последней Филиппа II. Общий вывод противников Андроникоса сводился к тому, что "мы, безусловно, имеем дело с царской гробницей, под которой, однако, не обязательно подозревать захоронение имени царя, но любого члена царской семьи".

Тайна Большого Кургана продолжает притягивать к себе внимание ученых. В результате появляются все новые и новые. Одна из них "сделана" русскими исследователями. На основании сходства деталей, единства форм и конфигураций погребального инвентаря из Вергины и скифских курганов России и Малороссии было высказано предположение о фракийском происхождении таких шедевров торевтики, как чертомлыцкая ваза, сосуд со сценами охоты на львов из кургана Солоха и множества других. Фракийцы, как известно, жили как раз между скифами и македонцами. Этот вывод А. Манцевич обескураживает: на тысячах иллюстраций, кочующих из книги в книгу и из учебника в учебник, нужно видеть не скифов, рвущих зубы или шьющих рубашку, или доящих кобылиц, а — фракийцев. По крайней мере, производство фракийских мастерских.

Р.С. При исследовании Большого Кургана в нем были обнаружены еще две гробницы — целая и разграбленная. В первой обнаружены серебряные кубки, пять позолоченных бронзовых стригелей (скребков), позолоченные наголенники, серебряную гидрию с останками захороненного человека опоясывал золотой венец из дубовых листьев. Всего — 28 предметов. Владельцу было 12–14 лет. Методом исключения и датировкой инвентаря историки пришли к выводу,

что здесь похоронен Александр IV, сын Александра Македонского, провозглашенный царем после смерти отца и убитый в 310 году до Р.Х.

Разграбленная гробница оказалась самой большой в кургане (10,6 x 8 метров, высота — 6 метров). Самым ценным в ней оказался массивный мраморный трон, украшенный на спинке фризом и мраморными изображениями женщин. Грабители физически не могли его унести через пролом в потолке. Рядом с тронном стояла шкатулка (раньше она стояла на троне, ее сняли грабители), в которой оказались кости, завернутые в пурпурную ткань (пурпур — царский цвет). Андроникос решил, что здесь похоронена женщина из рода македонских царей, умершая около 340 года до Р.Х.

РОДОНАЧАЛЬНИК АРХЕОЛОГИИ

(ЗАПИСКИ СУМАСШЕДШЕГО)

Этимологически слова "грабить", "грабитель", "ограбление" восходят к слову "гроб". Вывод напрашивается сам: первые злоумышленники специализировались на гробницах, курганах и могилах. Практически каждая империя взрастила плеяду собственных выдающихся грабителей. Перечислить их нет никакой возможности, но все это люди известные, великие, а некоторые и уважаемые. Отдельным даже удавалось попадать в сказки. Например, Саладдин, перед которым якобы открылась пещера Сезам, почти наверняка разгребил гробницу какого-то фараона в Долине царей. Доказательством служит уже то, что Сезам сама открылась перед Саладином, а древние египтяне подкладывали под дверь гробниц катки, и любой человек легко мог сдвинуть ее почти пальцем, если, конечно, не боялся мести фараона. Но араб об этом знать не мог, он пришел из другого мира...

Весьма поучительная история, связанная с попыткой завладеть чужими посмертными богатствами на государственном уровне, имевшая далекие и прискорбные последствия, случилась во времена правления римского императора Нерона, именно с ним и со многими, ни в чем не повинными гражданами.

Примерно в 64 году в Рим прибыл некий Цезеллий Басс, родом из разрушенного и римлянами же вновь отстроенного Карфагена. Действуя подкупом, он сумел пройти к властителю империи — принцепсу Нерону, по времени

как раз покончившему с сумасбродством, но еще только начинавшему проявлять признаки сумасшествия, — и рассказал, что на своих землях он обнаружил пещеру немерянной глубины, а в ней — неисчислимые груды золота, причем не в монетах, а по-старинному — в грубых слитках. Там же внутри есть и храм, стены которого сложены из золотых кирпичей и колонны тоже из золота. По его, Цезеллия Басса, мнению, сокровища эти были спрятаны царицей Дидоной, основательницей Карфагена, дабы ее новый народ сразу же не погряз в лености и разврате и не стал легкой добычей окрестных и жесткосердных нумидийцев. Возможно, она думала и о черном дне Карфагена, который двести лет назад и объявил Сципион Африканский знаменитой на весь мир фразой.

Дидона жила в легендарные троянские времена и была дочерью царя Тира. Когда брат Дидоны Пигмалион убил ее мужа Акербаса, она бежала со многими сокровищами в Африку и купила у берберского царя Ярба землю, на которой и возник Карфаген. О дальнейшей ее судьбе рассказывают разное. Греки — будто бы спасаясь от домогательств Ярба и в память о любимом муже, она добровольно взойшла на костер. Римляне — будто бы она слюбилась с Энеем, а когда последний уплыл в Италию, чтобы стать предком римлян, покончила с собой, также взойдя на костер.

Однако из обеих исторических традиций следовало, что богатствами своими Дидона никак не воспользовалась и ни с кем не поделилась, если не считать платы Ярбу за землю. Но денег у финикийян всегда было немеряно. И вообще, весь рассказ Басса показался Нерону правдоподобным: во-первых, потому, что он считал себя любимцем богов и ждал от них соответствующих милостей и подарков; во-вторых, потому, что Басс тоже был сумасшедшим, как выяснилось впоследствии.

Итак, они поняли друг друга без вмешательства врачей. Нерон даже не послал кого-нибудь из доверенных лиц

для проверки, но тут же велел снарядить триеры и посадить на них лучших гребцов, чтобы побыстрее добраться до Карфагена.

В это же самое время справлялись Нерони — праздник, аналогичный Олимпийским играм, только не в честь Зевса, а в честь Нерона. Ораторы, выступавшие там, изошлись в раболепии, красноречии и лести на тему, что сама Мать-Земля возлюбила Нерона и римский народ паче других своих детей и одарила своими африканскими богатствами. Пропаганда была столь мощной, что в Риме не осталось ни одного здравомыслящего человека, все поверили в сокровища Дидоны. Не найти их уже было и нельзя, так как Нерон, не дожидаясь результата, истратил на игры в свою честь и раздарил любимчикам и народу весь остаток государственной казны. Он и раньше сорил народными деньгами без совести и устали, а тут траты его стали просто безудержны. "И ожидание несметных богатств стало одной из причин обнищания государства", — с грустью писал Тацит.

Цезеллий же Басс, прибыв на родину, с помощью прикомандированной к нему когорты преторианцев согнал местных жителей и деятельно принялся рыть землю их руками. Каждый раз, переходя на новое место, он клятвенно заверял, что именно здесь находится искомая пещера. Солдаты и крестьяне перекопали весь его надел на два человеческих роста в глубину, затем землю его соседей, затем — землю соседей соседей. Будь Басс поумней или не настолько сумасшедшим, он сказал бы, что виной всему колдовство и чары: соблазнили и не отдали. Он же ходил изумленный более других, пока однажды не заявил:

"Удивительное и небывалое дело! Все мои предыдущие сновидения неизменно сбывались. И вот впервые Морфей обманул меня".

Тут наконец посланные поняли, с кем имеют дело, и прекратили поиск. По одной из версий, Басс из страха

перед возмездием сам покончил с собой, по другой, его бросили в темницу, но впоследствии, признав невменяемым, выпустили, конфисковав все имущество на оплату раскопочных работ.

Конец этой истории наиболее грустный.

Обеднев почти до нищеты, задерживая жалование солдатам и выплату наград ветеранам, Нерон перешел к вымогательствам и убийствам, действуя откровенно грабительскими методами. Он принял закон о завещаниях, по которому наследовал не половину, как принцепс и как раньше, а пять шестых; если же в завещании обнаруживалась какая-либо скрытая неблагодарность в отношении его, он забирал все. А чтобы такая неблагодарность обязательно обнаруживалась, он постановил, чтобы закону об оскорблении величества подлежали любые слова, на которые только съестся обвинитель. Таких стукачей-обвинителей он награждал подачками, поэтому количество их быстро выросло, а Рим онемел.

Потом Нерон приказал городам империи вернуть полученные от него подарки, а золотые и серебряные изваяния многих храмов отдал в переплавку. В дальнейшем Нерон стал грабить богатых частных лиц. Каждый раз, подписывая смертный приговор, он повторял: "Будем действовать так, чтобы ни у кого ничего не осталось".

И по воле дурака и матереубийцы погибли тысячи людей, весь цвет Рима, в том числе поэт Лукан и философ Сенека. А когда терпение патрициев и солдат лопнуло, ему осталось лишь сказать: "Какой артист умирает!"

А теперь серьезно. Могли ли у Дидоны быть такие богатства? Разумеется, нет. Она бы просто не переправила на кораблях столько золота, да и в Тире не дураки сидели, чтобы это позволить. Но что-то у нее, конечно, было. И сильно потратиться она не успела. Опять же по легенде, она купила у Ярба всего лишь землю, которую покрывала

шкура. Правда, хитрая финикийка нарезала эту шкуру тоненькими полосками, в результате чего получился довольно большой кус земли, но мелочь к тому времени уже была уплачена и большая часть личных богатств осталась у Дидоны. Естественно, что на обустройство на новом месте также требовались определенные суммы. Да ведь не одна Дидона прибыла с деньгами, любой переселенец что-то имел. Вероятно, для закупок продовольствия, постройки города и содержания гарнизона карфагеняне сложились в одну казну. Где разместить казну? Только в храме, под защиту божества. Где строился храм? Как правило, над какой-нибудь пещерой (примеров сотни, Дельфы, скажем).

То, что такое казнохранилище было у карфагенян, не вызывает сомнения. Во-первых, это единственно разумный способ подготовиться и избежать неприятностей. Во-вторых, легенды о сокровищах на пустом месте не роятся. Вспомним хотя бы нашего Стеньку Разина. Всем известно, что сокровища у него были. Всем известно, что у него их при аресте не оказалось. Всем даже известно, в каких урочищах на Волге они зарыты. В дело будто бы вмешалась нечистая сила, которая сторожит сундуки и которой "крестьянский революционер" продал душу.

Остается только выяснить, в пещере под каким храмом надлежит искать первоначальный капитал карфагенян, ибо, зная богобоязненность древних финикийцев, которую у них переняли ортодоксальные евреи, есть основания рассчитывать на то, что даже перед лицом неминуемой смерти они не притронулись бы к имуществу бога, тем более самого свирепого и кровожадного, которому они "скармливали" взрослых и детей. Имя его вычисляется легко. Дидона, как уже говорилось, сторела, добровольно взшла на костер, то есть принесла себя в жертву богу войны Молоху. Если б это была рядовая, очередная жертва, на погибель послали бы ребенка. Но если народ решил послать к Молоху своим заступником царицу, значит, дело

было не шуточное. Это хорошо увязывается с сообщением о приставаниях полудикого африканского князька-кочевника Ярба. Вряд ли он рассчитывал на телесные утехи (своего добра хватало), а вот жениться на царице и стать царем быстро богатящего Карфагена он мог надеяться. Что оставалось в этом случае карфагенянам? Устранить субъект алчных вожелений любителя верблюжьего молока. Понимала это и Дидона, и своей смертью уничтожила царскую власть в Карфагене. А чтобы жертва не пропала даром, карфагеняне и "подарили" свою царицу Молоху, а деньги спрятали в его подземном храме. Пусть знает: им для него никого и ничего не жалко.

Так что единственный способ найти сокровища Дидоны — это глобальная геосейсмическая разведка (с целью выявления пустот под землей) на территории старого Карфагена.

ДВЕ РОССИЙСКИЕ ТАЙНЫ

Сегодня всем известное Куликово поле представляет собой огромный комплекс пахотных черноземных полей, рошиц, асфальтовых и грунтовых дорог. Сел и деревень почти нет, кроме знаменитого села Монастырщина у истоков Дона. Весной и осенью там несусветная черная грязь, летом — такая же черная пыль, а так как воды и больших лесов нет, то и почти постоянная трудно выносимая жара.

На предполагаемом месте дубравы, где прятался засадный полк двоюродного брата Дмитрия Донского, серпуховского князя Владимира Андреевича и его шурина князя Боброк-Волынского, ныне посаженная в канун шестисотлетия битвы довольно чахлая и непролазная рошица. Посадка этой рошицы была явной ошибкой, так как на много лет исключила возможность каких-либо археологических раскопок на этом месте.

Но дело в том, что до сих пор никто толком так и не знает — где именно было — и происходило ли вообще — Куликовское сражение, поэтому как и посадка роши, так и установление памятного монумента и постройка церкви носят скорее символический характер. Поиски на Куликовом поле начались еще в начале прошлого века, когда местные помещики велели своим крестьянам свозить предметы, найденные на полях вокруг сел Монастырщина и Хворостянка к ним в усадьбы. О некоторых находках древнего оружия в XIX веке упоминали исследователи того времени, однако ни одна из них до наших дней так и не дошла. Из того, что имеется — лишь несколько нательных крестов-энколпионов и наконечники двух копий и одной сулицы могут быть с уверенностью отнесены к XIV веку.

В 1980 году взвод саперов обшарил окрестности сел армейскими металлоискателями, но результатом их почти месячной работы стала лишь куча ржавого металлолома преимущественно машинно-тракторного происхождения.

Иными словами — за более чем шестьсот лет, прошедших после Куликовской битвы, на нем не было найдено НИЧЕГО, что явно и недвусмысленно указывало бы на то, что битва произошла именно здесь. А ведь, согласно летописям, это было одно из самых крупных сражений за несколько веков. На довольно узком пространстве сошлись две огромные армии, большей частью конные. Где-то стояли обозы, раскинулись шатры ставок Мамаю и Дмитрия Донского. Письменные источники позволяют историкам с точностью чуть ли не до метра установить местонахождение ставок, обозов армий. Путь русской и ордынской армий прослежен по городам и весям, известны места переправ через Дон и Красивую Мечу. Известно все — но ничего на этом месте нет.

В 1992 году на Куликовом поле работала совместная экспедиция Государственного Исторического музея и Тульского музея археологии. Экспедиция была на сей раз оснащена современными металлоискателями, позволяющими обнаружить копейку на полуметровой глубине пахотного слоя. День за днем, рассыпавшись цепочкой, уходили исследователи в безбрежные поля, методично, квадрат за квадратом, обшаривая чернозем. Находки были интересные — бронзовая конская скребница, перекрестие меча или сабли, серебряная фибула-заколка, но ничего определенно относящегося к Куликовской битве опять найдено не было.

Непонятно также, куда исчезли кости убитых русских и ордынских воинов. Можно предположить, что русских увезли, но кочевники явно должны были остаться где-то рядом. Несколько лет экспедиция ГИМ копала через все поле длинную траншею, пытаясь найти захоронение —

пусто. Человеческих костей не было. Конские, коровьи, даже медвежьи — есть, а человеческих нет и все.

На фоне этого правдоподобно звучат высказывания некоего московского математика, который путем, очевидно, математических выкладок выяснил, что Куликовская битва происходила в Москве на Кулишках, то есть в районе Старой площади, где, как известно, помещалось ЦК КПСС. Существует также не менее идиотское мнение, что битвы вообще не было, так как кочевники к XIV веку вымерли сами, ибо от долгого сиденья в седле они к половой зрелости становились полными импотентами и свой род продолжить уже никак не могли.

Итак, ясно, что или масштабы битвы преувеличены, или происходила она все-таки где-то в другом месте, а не на Куликовом поле.

Археологии просто не известны случаи, когда на месте столь большого сражения не находили бы ничего, что хоть как то прояснило бы ситуацию. Обломки оружия, наконецники стрел — тучами стрелы застилали солнце — обрывки кольчуг, пластины панцирей, фрагменты конской упряжи, — все это обязано быть на месте битвы, и если бы это все на Куликовом поле было, то их бы непременно нашли.

Сейчас из-за финансовых сложностей поиски на Куликовом поле практически прекратились. Публикаций на эту тему в уцелевших археологических сборниках почти нет. Никто из серьезных исследователей эту тему не поднимает. Музей "Куликовская битва" давным-давно не пополняется материалами. А то, что в нем уже было из подлинников XIV века, к Куликовской битве относится очень и очень приблизительно.

В русской истории таким образом существует обширная лакуна, белое пятно, которое могло бы быть исследовано, если бы власти уделили этому внимание. Но может быть и так, что и не нужно ничего искать, а принять на

веру красивую, героическую легенду и затвердить ее в мозгах у поколений: было вот так и там!

Другая тайна ближе к нам по времени, тем не менее шуму она наделала даже больше.

На рассвете 19 октября 1812 года в полусожженной и разграбленной Москве повсюду раздавался стук копыт и громыхание колес – Великая армия покидала город. После 35 дней пребывания в городе, оставив в госпиталях несколько тысяч нетранспортабельных раненых и больных, наполеоновские войска начали свое убыстрявшееся с каждым днем бегство из России. Мимо Калужской заставы между двумя гранеными колоннами, увенчанными двуглавыми орлами, по Калужской же дороге шло войско – более 14 тысяч конницы всех родов, 90 тысяч пеших, обозы, артиллерийские парки, 12 тысяч нестроевых марки-тантов со своими колясками навсегда уходили из Москвы. Сам император, окруженный полками старой гвардии, покинул столицу России лишь около полудня.

В Московском Новоспасском мужском монастыре еще и сегодня можно видеть древние гробницы ближайших родственников первых русских царей с пробитыми в белокаменных крышках неровными дырами. Сокровища в гробницах искали французы. Александр I не ответил Наполеону ни на одно из трех его мирных предложений – и в отместку Наполеон велел саперам взорвать Кремль. С Кремлем справиться саперам не удалось – в руинах оказались лишь некоторые участки стены, две башни, здание Арсенала, Филаретовская и Успенская звонницы. Но Кремлевские соборы, монастыри, множество богатейших домов были ограблены подчистую.

"Мы тащили за собой все, что избегло пожара. Самые элегантные и роскошные кареты ехали вперемешку с фургонами, дрожками и телегами с провиантом. Эти экипажи, шедшие в

несколько рядов по широким русским дорогам, имели вид громадного каравана. Взобравшись на верхушку холма, я долго смотрел на это зрелище, которое напоминало мне войны азиатских завоевателей. Вся равнина была покрыта этими огромными багажами, а московские колокольни на горизонте были фоном, который довершал эту картину” — эти строки из дневника неизвестного французского офицера были опубликованы в России лишь недавно.

Впрочем, сам Наполеон не считал свое отступление бегством. В приказе войскам говорится о марше в Смоленск, где будто бы были подготовлены зимние запасы для армии. “По-прежнему желая атаковать Кутузова, он двинулся дальше ускоренным темпом, собираясь в результате ожидаемой им победы отбросить Кутузова за Калугу и решив разрушить оружейный завод в Туле...” — писал маркиз де Коленкур в своих мемуарах о походе в Россию. Однако армия была иного мнения и хорошо осознавала, что в Москву им более не вернуться. Поэтому и у солдат в ранцах, и у офицеров в повозках были спрятаны все ценности, которые им удалось найти в Москве.

Но уже через два дня движения на обочинах дороги стали оставаться брошенные зарядные ящики и обозные телеги. “Лошадей пало много”, — писал де Коленкур 21 октября. Еще через три дня под Малоярославцем, выехав перед рассветом на утреннюю рекогносцировку, сам Наполеон едва не попал в плен казакам. Если бы казаки знали, с кем столкнулся их разъезд на дороге... “Не подлежит сомнению, что император был бы убит или взят в плен” — де Коленкур, бывший в той стычке рядом с Наполеоном, знал, что писал. Именно после этой схватки император издал приказ о подготовке армии к долгому и быстрому маршу. Часть обозов было велено бросить.

Судьба Великой армии была предрешена.

Однако надежды еще оставались. "Всем казалось, что Смоленск означает конец лишений", — продолжал маркиз де Коленкур. От Можайска до Смоленска 300 километров, французы преодолели этот путь за две недели. Обочины Смоленской дороги превратились в одно большое кладбище с безымянными могилами. "2-го мы были в Семлеве, 3-го — в Славкове, где мы увидели первый снег. — Записки де Коленкура отличаются необыкновенной точностью. — 9 ноября около полудня мы вновь увидели Смоленск". Часть войск вместе со старой гвардией и императорским конвоем вошла в город, остальные расположились в окрестных селениях. Войска собирались долго, подтягивались отставшие. Армию надо было реорганизовать. "Я сжег много экипажей и повозок", — сообщал де Коленкур.

Филипп-Поль граф де Сегюр — генерал и писатель, находившийся в свите Наполеона в чине адъютанта, в 1824 году издал свои мемуары, в которых позднейшие исследователи выделили одну только фразу: "От Гжатска до Михайловской деревни между Дорогобужем и Смоленском в императорской колонне не случилось ничего замечательного, если не считать того, что пришлось бросить в Семлевское озеро вывезенную из Москвы добычу: здесь были потоплены пушки, старинное оружие, украшения Кремля и крест с Ивана Великого. Трофеи, слава, все блага, ради которых мы все жертвовали всем, стали нам в тягость, теперь дело не о том, каким образом украсить свою жизнь, а в том, как спасти ее. При этом великом крушении армия, подобно большому судну, разбитому страшной бурей, не колеблясь, выбрасывала в это море льда и снега все, что могло затруднить и задержать ее движение!"

Остатки разбитой армии покинули Россию, но уже через пять лет бывшие офицеры ее стали проситься обратно — за своими ценностями, брошенными, закопанными, утопленными где-то на пути своего отступления. Кому-то

и в самом деле разрешали приехать, но, как правило, память наполеоновских служак удерживала лишь ужасы бегства — голод, холод, казаков и что никаких сокровищ из России им вывезти не удалось.

Однако фраза графа де Сегюра, едва только мемуары прочли в Москве, подвигла на поиски “московской добычи” и многих соотечественников. Смоленский генерал-губернатор Н. И. Хмельницкий первым послал людей обследовать озеро Семлевское, известное также и под именем Стоячее. Сокровищ обнаружить не удалось. Но поиски не прекратились. Несколько лет искала пушки приехавшая из Петербурга команда предприимчивых людей — но тоже безрезультатно.

Еще раз берега Семлевского озера увидели кладоискателей в канун подготовки к столетию Бородинской битвы, когда по всей России собирали все, что имело отношение к французскому вторжению в Россию. В Смоленской губернии было собрано немало добра, оставшегося после французов — ружья, повозки, нашлись даже мундиры, но Семлевское озеро хранило свою тайну.

Потом всем в России надолго стало не до каких-то там наполеоновских сокровищ.

К ним вернулись в хрущевские времена — забытые ныне уже комсомольские отряды организовали экспедицию в Семлево под эгидой газеты “Комсомольская правда”. Многим, наверное, помнятся захватывающие репортажи оттуда — вот приехали, скоро начнем искать, вот-вот найдем... Вот уже ищем и скоро-скоро... Снимались filmy, показывались по телевизору. Ажиотаж был большой.

Искали аж двадцать лет — последний “комсомолец” уехал из Семлева в 1981 году. Никто не слышал голоса историков и археологов о бесполезности поисков. Парни плавали на лодках, ныряли, спускали водолазов, сваривали на берегу конструкции из железных листов — будто бы понтоны, устраивали поблизости взрывы из найденных в

окрестных лесах боеприпасов Великой Отечественной. Проезжали и зимой, в огромные проруби опять спускали водолазов. Пытались наладить металлоискатели, для чего опускали озеро проводами. Размах поисков был нешуточный. Кончилось дело потоплением понтонов, полным разрывом компании и абсолютной безрезультатностью поисков.

Лишь потом кладоискатели прислушались к историкам, которые почему-то утверждали, что позолоченный крест с колокольни Ивана Великого вообще был обнаружен в Кремле, прислоненным к стене собора, и благополучно водружен на место, о чем в архивах сохранились рапорты, к географам, почему-то утверждавшим, что за сто пятьдесят лет изменилась и топонимика названий и сама природа этих мест, к метеорологам, которые доказывали, что в осеннюю предзимнюю распутицу ну никак французам нельзя было проташить пушки и обозы по болотам и лесам к озеру — и зачем это им было делать, бросавшим и до и после Смоленска целые батареи просто на дороге?

На современной карте-двухверстке вокруг самого райцентра Семлева озер нет. Озеро Стоячее существует, но находится оно на речке Дыма в десяти километрах от райцентра, и дорог туда нет. Семлевское озеро не попало на карту потому, что стремительно заболачивается и каждый год уменьшается в размерах. От него до старой Смоленской дороги — полкилометра. Есть основания полагать, что во времена нашествия двенадцати язык оно было видно с тракта. В принципе французы вполне могли бы дойти до него, но вряд ли им удалось бы провезти тяжеленный обоз по сплошным болотам, не замерзающим иногда и в декабре. Вспомним, что первый снег в 1812 году выпал в Смоленской губернии лишь 3 ноября.

И что все-таки за ценности тащили с собой французы. Как было дело с крестом — уже понятно. Но что это за "украшения Кремля"? А "старинное оружие" — что имел

в виду граф де Сегюр? Видимо, это были оклады с драгоценных икон, ободранные французами, да образцы холодного оружия из кремлевского арсенала. Вряд ли всего этого было много — ну, может быть, несколько повозок.

В легендах о кладах всегда надо начинать с выяснения — откуда ценности и могли ли они оказаться там, куда указывает легенда. Клад Наполеона — не исключение. Конечно, французы увозили из сожженной Москвы много. Но, так сказать, государственного значения эти ценности не имели. Государственную ценность для французов могли иметь две вещи — продовольствие для людей и фураж для лошадей, но никак не серебро и не "старинное оружие".

Кстати, московский генерал-губернатор граф Федор Васильевич Ростопчин в своих "Записках о 1812 году" упоминал о том, что из Москвы были вывезены все наиболее чтимые иконы, а также серебряные люстры, подсвечники, ризы, оклады книг из большинства церквей и соборов, а те, что увезти не успели, были надежно спрятаны монахами монастырей и самими священниками.

Французы уносили в ранцах немало — и почти все это было собрано окрестными крестьянами или увезено на Дон во вьюках казаков атамана Платова.

Поэтому реально можно говорить об утоплении французами лишь части своего артиллерийского парка.

9 января 1836 года российский подполковник, чья фамилия канула в Лету, написал такой рапорт: "В бытность мою в Вяземском уезде, где находится Семлевское озеро, желая собрать на месте сколь можно ближайšie об означенном событии сведения, мне удалось узнать, что действительно после общего отступления французской армии помещик села Семлева г-н Бирюков отправил в земский суд 40 лафетов, но пушек от них за всеми тогдашними разведываниями не найдено, из чего следовало заключить, что означенные орудия не были везены дальше Семлева и

плачевное положение ретировавшейся от Вязьмы французской армии заставило бы воспользоваться Семлевским озером, чтобы укрыть в нем добычу и бесполезные в то время орудия". Подполковник был абсолютно прав — если что и лежит в болоте около озера, так это сорок наполеоновских пушек. Размеры полевых орудий известны — полтора-два метра, вес тоже — около пятисот килограммов. Провезти их без лафетов к озеру просто немыслимо — французы попросту свалили орудия в ближайшие трясины, покрытые сверху тонким слоем воды. Ныне эти болота далеко от места поисков всех экспедиций последних лет, хотя обнаружение орудий современными глубинными металлоискателями вполне реально. Нормальная экспедиция, которую организовали бы поисковики-профессионалы, потребовала бы не так много средств и времени, чтобы либо окончательно разрушить эту легенду, либо подтвердить существование наполеоновского клада. Но на многое рассчитывать не приходится — главное, разгадать бы загадку...

ЧЕТЫРЕ ВЕКА В ПОИСКАХ “ЛИБЕРЕИ”

Неизвестно, что в этой загадке для читателя интересней — сама библиотека русского царя Иоанна Грозного или история ее поисков? И с чего лучше начать?..

Наверное, с конца.

16 сентября 1997 года, в самые дни празднования 850-летия Москвы — юбилей, кстати, очень спорный — разве что дань уважения конкретно к князю Юрию Долгорукому, — мир облетела сенсационная весть: 87-летний московский пенсионер Апалос Иванов в личной беседе с мэром Москвы Юрием Лужковым сообщил ему, что **знает местонахождение знаменитой библиотеки Ивана Грозного!** Пенсионер полагал, что, если библиотека не будет найдена в указанном им месте, то “дальнейшие ее поиски вообще бессмысленны”.

Пенсионер ослеп, как он сам выразился, от “бытовых причин”. А вот организаторы встречи рассказали корреспонденту ИТАР-ТАСС Евгению Евдокимову, что “почти все исследователи, подошедшие близко к известной библиотеке, теряли зрение”. Правда, организаторы не поделились, каким именно образом искатели “теряли” зрение: ведь они подходили вплотную к открытию государственной важности или, лучше сказать, планетарного значения!.. Зато поведал об этом Юрию Михайловичу Лужкову сам пенсионер Апалос Иванов: долгое время работая в Кремле, он однажды уже побывал в тех подземельях, где “забыта” библиотека, а то, что она до сих пор “не обнаружена”, объясняется “строгим режимом секретности” за кремлевскими стенами. Из этого можно сделать вывод, что за-

гадки библиотеки в принципе не существует, и те, "кому положено", о ее местонахождении прекрасно осведомлены. А. Иванов добавил, что передает эти сведения именно Ю. Лужкову лишь потому, что он человек, которому пенсионер "безгранично доверяет".

Интересно, что на сообщение ИТАР-ТАСС мгновенно откликнулся другой старец – маститый академик Д.С. Лихачев, один из крупнейших в мире знатоков Древней Руси. "Вместо раздувания ажиотажа вокруг поисков и тайны библиотеки Ивана Грозного, – сказал академик, – нам важнее было бы спасти книжные сокровища, которые гибнут в наши дни". Дмитрий Сергеевич объяснил свое заявление тем, что, "даже если библиотеку Ивана Грозного обнаружат, находка не будет представлять большой научной ценности (в средствах массовой информации ее ценность явно преувеличивается), ведь "значительную часть этого собрания составляли церковные книги, которые Софья Палеолог привезла на Русь из Византии, чтобы молиться на своем родном языке". Хотя академик и привел потом примеры нескольких пожаров в библиотеках – Пулковской обсерватории, Академии наук, Адмиралтейства, исторического факультета Петербургского университета, – в которых за последние годы погибли многие тысячи редких книг, хотя академик и убежден, что, "раз от огня страдают главным образом антикварные отделы", это "свидетельствует об одном: кто-то греет на этом руки, и пожары покрывают кражи", – тем не менее его позиция совершенно ясна: Д.С. Лихачева мало интересуют содержащиеся в государственной библиотеке давным-давно утраченные или вовсе не известные миру произведения Тацита, Вергилия, Юлия Цезаря, Тита Ливия, Аристофана, Цицерона, Гелиотропа, Заморета, Эфана, Бафнаса...

Впрочем, директор Центра археологических исследований Александр Векслер в тот же день "обнадежил население", заявив, что библиотека Ивана Грозного, конечно

же, дело интересное, и он, директор Центра, надеется, что она будет обнаружена. "Подземелья Москвы полны сокровищ", — сказал ученый корреспонденту и добавил, что возглавляемый им Центр ведет в Москве масштабные археологические исследования, которые "уже дали блестящие результаты".

Как видно, в вопросе поисков и ценности библиотеки русского государя ученый мир, как и на протяжении почти всего XX века, занял всего лишь выжидательную, если не сказать **скептическую**, позицию. Оно и понятно: куда легче просто давать направо и налево интервью по тому или иному вопросу, чем собраться с силами да и опуститься на дно того самого подземелья, где "полно сокровищ". Апалос Иванов хотя бы и впрямь излазил их вдоль и поперек.

В который уже раз возникла проблема с созданием штаба поисков.

История самих поисков диктует: если организуется "штаб", это наверняка может означать лишь то, что поисками опять займутся 2–3 энтузиаста, а XX век знает их поименно. В числе первых был Игнатий Яковлевич Стеллецкий, затем "заразивший" В. Осокина, И.Е. Кольцов, Е.А. Фенелонов, А. Иванов и сочувствующие им. Вот, пожалуй, и все. Но зато какие люди! О некоторых из них следует рассказать подробнее.

Апалос Иванов, будучи инженером, в 1930-х годах получил задание "определить кубатуру" храма Христа Спасителя. 5 декабря 1931 года здание стерли с лица земли, но до этого прискорбного факта Иванов обнаружил "потайной ход в восточной стене бывшего храма". Пройдя тридцать четыре ступени вниз, исследователь оказался в просторном тоннеле — "добротном", как он сам выразился. Высота хода была более роста человека. По тоннелю, А. Иванов дошел до развилки. Один ход вел к Кремлю, второй уходил вправо, к Саймоновскому проезду.

Инженер нашел там и "прикованные ржавыми цепями скелеты", и "железные двери", разделяющие отсеки переходов. Дальше ему не удалось исследовать подземный ход: железную дверь, находившуюся в цокольной стене храма, опечатали сотрудники НКВД, поставив надежную охрану, а выход из-под земли к Москве-реке замуровали кирпичной кладкой.

А. Иванов все сокрушался, что не исследовал по-настоящему отсеки: он уже тогда был "болен" библиотекой русского царя и считал, что она может находиться в подвале или подземном тоннеле... позднейшего храма! Однако прошли годы, инженер много повидал подземелий и даже вплотную приблизился к находке библиотеки.

Так что ж это за библиотека?

История распорядилась так, что, в первую очередь, отвергла сослагательное наклонение в отношении самой себя. Обстоятельства же или силы, способные превращать сослагательное наклонение в действительное, не спешат показаться миру. В разное время, но по совершенно одинаковому сценарию "стореги" и "догорают" лучшие и полнейшие библиотеки планеты. Достаточно припомнить одну лишь Александрийскую! Наступит время, и человечество перестанет знать свою историю: отсутствие архивов – вот то страшное, что может нас ожидать. Иван Грозный, блестящий писатель и мыслитель своего времени, это как раз прекрасно осознавал. Потому и принялся за составление Свода Истории Человечества, в основу собираясь положить уже существующий "Хронограф" и... материалы собственной библиотеки! К "Хронографу" XVI века мы еще вернемся. А пока запомним это обстоятельство и заглянем на 100 лет ранее – в 1472 год.

Великий князь Московский Иван III Васильевич овдовел и женился на византийской царевне Софье Палеолог, получив "в приданое" уникальную библиотеку, принадлежавшую последнему императору Византии Константину XI, а к тому времени – семейную реликвию Палео-

логов. Племянница императора Софья (Зоя), обнаружив Москву деревянной и пережив в ней незначительный пожар, тут же выписала из Италии знаменитого художника и архитектора Аристотеля Фиораванти и велела ему построить под Кремлем белокаменный тайник — для “приданого”. Она же и подсказала, как считают историки, Ивану Васильевичу перестроить Кремль, и с XV века Московский Кремль сделался белокаменным, а это свойство было перенесено и на саму Москву, которую “белокаменной” зовут до сих пор.

Сын Ивана III Василий III Иванович привлек для перевода имеющихся в “либерее” книг монаха Максима Грека. Переводя “Толковую Псалтирь”, Максим заодно сделал и опись “либереи”. Это отражено в “Сказании о Максиме Философе”.

Неизвестно, каким образом передавалась библиотека от Ивана III сыну Василию, а от Василия — Ивану Грозному. Есть мнения, что и внук, и даже сын Ивана Третьего почему-то добывали для себя эту библиотеку, разыскивая ее по тайникам. Якобы и Иван, и Василий **замуровывали** книгохранилище. С чем это было связано, не совсем понятно, если не следовать логике “проклятия”, о котором будет сказано ниже. Как бы то ни было, “либерей” всегда была любимым и лелеемым Иваном Грозным сокровищем. В какой бы дворец он не переезжал, от дворца царя Ивана всегда проводили тайный ход к библиотеке, дабы государь всегда имел возможность оказаться в хранилище и прикоснуться к заветным фолиантам. Списки, свитки и книги в библиотеке были на разных языках, но в основном на латыни, греческом и древнееврейском...

Во время Ливонской войны в 1565–1566 годы в Россию привезли пленных ливонцев и расселяли по разным провинциальным городам, в основном во Владимир. Их сопровождал Дерптский пастор Иоанн Веттерман. Встретившись с Иваном Грозным в Александровской слободе,

пастор получил предложение от царя заняться переводом древних книг на русский язык. Побывав в хранилище и увидев собственными глазами сокровище, о котором по Европе ходили слухи, Тартуский пастор онемел от столь великого числа редкостей и раритетов, произведений и имен в одном подземелье. Протянув время с окончательным ответом, Веттерман якобы занялся работой над переводами, а на самом деле составил каталог государевой сокровищницы. В начале XVII века в "Хронике" Ф. Ниенштедт как раз описывал приключившееся с Дерптским пастором в России. Вероятно, список Ваттермана "всплыл" в 1822 году, когда профессор Дерптского же университета Христиан Дабелов обратился в некоторые городские архивы Эстляндии с просьбой прислать ему интересные исторические публикации и документы. Из Пернова (Пярну) ему пришел пакет, где лежали два исписанных листочка. Текст был написан на старонемецком языке чернилами, к тому времени почти выцветшими:

"...Сколько у царя рукописей с востока. Таковых было всего до 800... Ливиевы истории, Цицеронова книга Де республика и восемь книг Историарум. Светониевы истории о царях... Тацитовы истории. Вергилия Энеида и Итх..."

"Итх..." – это "Итхифалеика", популярная среди современников Вергилия, но ко времени Смуты на Руси уже считавшаяся утерянной. Кроме известных гимнов Пиндара, библиотека содержала и другие его стихотворения, о которых не знал никто. Историческая же часть "либерей" была самой полной: историки были представлены почти все и в полном объеме!

Сделав копию со списка, Дабелов отправил документ обратно в Пернов.

Дерптский же профессор Вальтер Клоссиус в 1826 году

приехал в Пернов ознакомиться с этим списком в подлиннике, но... списка уже не было в наличии!.. Клоссиус скрупулезно и терпеливо разыскивал "либерек" в Москве, но не нашел. В конце прошлого века Страсбургский ученый Эдуард Тремер, испросив высочайшего соизволения императора Александра III, специальным зондом исследовал землю под сооружениями Московского Кремля. Его поиски не дали результата, хотя он очень надеялся на подвалы — подклеточный этаж теремного дворца, возведенного как раз на белокаменных погребках. Подтверждением блестящей возможности мелькнуло тогда сообщение, что в теремном дворце под мусором и бочками с дегтем обнаружена небольшая дворцовая церковь. Горько сожалел о неудаче, в момент отъезда из России Э.Тремер сказал: "Наука поздравит Россию, если ей удастся отыскать свой затерянный клад".

Вопрос о библиотеке Ивана Грозного разжег в России ученую полемику. Русские историки тоже, наконец, принялись за поиски клада. Начали раскапывать Кремль. Тему задал не иностранец Тремер, — дискуссии затихали и разгорались с новой силой еще с 1724 года, с заявления пономаря московской церкви Иоанна Предтечи Конона Осипова. Для Петра I Осипов уже искал библиотеку, позже он написал в Канцелярию Фискальных дел в Петербурге доношение, в котором опять заявлял, что в подземелье Кремля имеются "две палаты", заставленные до потолка сундуками с неизвестным содержимым. На них "замки вислые превеликие, печати на проволоке свинцовые; и у тех палат по одному окошку, а в них решетки без затворок". На допросе Осипов показал, что узнал все это от дьяка Василия Макарьева, бывшего при смерти. Макарьев наткнулся на хранилище во времена царевны Софьи. Тайники были возле Тайницких ворот, и выходил Макарьев к реке Неглинной в Круглую башню...

Тогда Сенат решил провести раскопки. Искали подзе-

мелья у Тайницких ворот на Житном дворе, на площади против Иностранной коллегии (там нашлись погребца), напротив колокольни Ивана Великого, у Цейхгаузской стены в Круглой башне, в Тайницких воротах... Найти ничего не смогли или не успели: за пономарем обнаружилась казенная недоимка, и порешили, что пономарь Осипов нарочно имитировал бурную и важную деятельность, якобы преследующую государственный интерес, а на самом деле имеющую цель открутиться от государственного казенного долга. Однако, как справедливо заметил еще В. Осокин, хитрость пономаря, если она и была в той истории, никак не роняет тень сомнения на существование библиотеки русского царя вообще... По следам Конона Осипова и прошлись раскопки конца XIX века во главе с князем Н.С. Щербатовым. Но ничего искатели не нашли.

Идея раскопок не умерла. В начале века ее подхватил Игнатий Яковлевич Стеллецкий. Почти полвека занимался он проблемой "либереи", "заразив" ею в 1947 году молодого писателя Василия Осокина, и еще многих. В 1914-м Игнатий Яковлевич ездил в Пярну. Нашел-таки заветные листки с пометкой "W"! А ведь исчезли они почти за сто лет до того. Сфотографировать документ у энтузиаста-ученого не было денег, да и качество текста, еле видного из-за выцветших чернил, оставляло желать лучшего. Стеллецкий переписал его от руки... И листки с пометкой "W" исчезли опять!.. У Игнатия Яковлевича не было на руках ни одного доказательства, кроме этой собственноручной записи, а СССР и Эстония не ладили. После Великой Отечественной войны, в августе 1945 года профессор И.Я. Стеллецкий поехал в Ригу, потому что тамошние исследователи старины упомянули о библиотеке Ивана Грозного... Игнатий Яковлевич скончался в 1949 году, так и не завершив главного своего труда, не отыскав государственной "либереи".

Археологические тайны, а библиотека Ивана Грозного

относится к разряду именно таковых, если они не поддаются разгадке на протяжении веков, конечно, обрастают легендами, суевериями, "знаками". Неспроста возникло упоминание о "слепоте", подстерегающей людей, **почти** нашедших разгадку и блуждавших где-то около библиотеки. Интересно было бы узнать о состоянии здоровья прошлых искателей "из простых" — Конона Осипова, Василия Маркарева, Фуникова, Веттермана, Джерома Горсея, которому Иван Грозный самолично подарил Библию из своей библиотеки, теперь хранящуюся в Британском Музее. Состояние здоровья и личные и семейные дела царствовавших особ нам хорошо известны. Ведь и в самом деле бытовало и бытует мнение, будто Софья Палеолог была колдуньей и наложила на хранилище книг и рукописей не больше и не меньше — "проклятие фараонов", о коем узнала из древнего пергамента, свитка, хранившегося в той же библиотеке!

Мы знаем непростую судьбу Иоанна IV. Истинный любитель "либерей" и старинных знаний, прекрасно ориентировавшийся в мировой истории, особенно античной, Иван Грозный после юношеских удач претерпел много потрясений, сказавшихся не только на его личном здоровье и судьбе, но и на судьбе и здоровье России. Известно, что с 1564 года и почти до самой своей смерти Иван Грозный прожил в Александровской слободе, но это не совсем верно: покинув Москву, он много и долго искал пристанища — Коломенское, Вологда, Александров... Возвращался и жил вне Кремля... Отчего бы?... Только ли мятежи и боярские домогательства были тому причиной? Не навис ли над ним рок "проклятия"?.. Александров, фактически на двадцать лет превратившийся в столицу Руси, тоже не удовлетворял царя: он рвался из него, но не мог вырваться. Очень просто все списать на душевную болезнь, как это проделал А.К. Толстой, но не все пока объяснимо, и тема эта тоже ждет исследователя скрупулезного и честно-

го. Ведь доподлинно известно, что царь собирался даже **эмигрировать!**.. Предоущая, предвосхищая все дальнейшее, что произойдет с ним, с детьми и с Россией, он не знал только одного — **почему?** Философский вопрос "За что?", конечно, тоже мог бы прозвучать, но он, к счастью, уже глубоко исследован специалистами по последним годам Ивана Грозного, царя Федора, царя Бориса и Смутного времени. И, не зная "Почему?", царь продолжал возить за собой пресловутую библиотеку... Последние три года, после безобразного убийства будущего наследника и сына Ивана, Иоанн Грозный находился **в смутном разуме**. А славная династия Юриковичей кончилась на безвольном и слабоумном Федоре.

Борис Годунов искал библиотеку царя! И тоже плохо кончил. Искал ее Лжедмитрий!.. Судьба его известна. Хотя специалистам, окунувшимся в полную тайн историю этого царя, также известно, что "Лже-" очень даже мог быть (и скорее всего был) **настоящим** царевичем Димитрием!..

Поисками библиотеки занялся Наполеон Бонапарт, войдя в Москву!..

Может быть, гениальность Михаила Илларионовича в том и состоит, что, не пересилив полководца и сдав ему Москву, Кутузов очень надеялся на одну слабость императора — любовь к древностям? Он **знал, чем будет заниматься в Кремле Наполеон!** Положивший начало крупным изысканиям в Египте, Наполеон, конечно же, не мог пройти мимо загадки библиотеки Ивана Грозного. И, конечно же, подобрался к находке вплотную!.. Непревзойденный полководец все последующие годы, которых тоже оставалось около двадцати (как у царя Ивана после выезда из Москвы), проиграл все свои битвы. Реставрация, происшедшая очень ненадолго — всего на сто дней, — на самом деле была не триумфом, не взлетом, а началом окончательного падения Наполеона: под строгим надзором он скончался от неизвестной болезни, вероятно, все же отравленный од-

ним из приближенных. А слепота Апалоса Иванова – вдруг болезнь не “бытовая”?..

Рано умер Игнатий Яковлевич Стеллецкий, скоропостижно скончался писатель и энтузиаст поисков Василий Осокин, правда, много успевший сделать для популяризации самого факта существования библиотеки. Кажется, недаром в систему поиска включились все же люди с феноменальными, “колдовскими” способностями – лозоходец И.Е. Кольцов, экстрасенс Ю. Шуртин и другие.

Чтобы перейти к версиям, следует немного рассказать о том, что происходило с “либереей” при Иване Грозном.

Устав от мятежей и сопротивления бояр, в 1564 году царь Иоанн, собрав “пожитки”, с царицей Марьей и детьми выехал насовсем из Москвы. Это было 3 декабря, в воскресенье, и должно было выглядеть как обычный отъезд на богомолье в Коломенское... В том-то и дело, что так не выглядело! Царский поезд был не только неожиданно мрачно-величественен, но и длинен чрезвычайно: несколько сотен подвод! **Так** на богомолье не ездят. Москва закипела было, ибо привыкла вить веревки из **мягкого** царя, но быстро осеклась, поняв: это он серьезно! И затаилась, дожидаясь, когда сам объявит – что с ним. Гнетущее состояние столицы длилось около месяца...

Царь забрал с собой не только иконы и кресты: он сложил на подводы всю одежду и драгоценности, а также **“деньги и всю свою казну”**. Что это значит? Дело в том, что **деньги** понимаются Александровской летописью отдельно, а **казна**, в которую входят бумаги, грамоты, **книги** – отдельно. А необычайно большая вооруженная охрана, сопровождавшая царя, означать, что, конечно, все это неспроста.

И правда, царь был в Коломенском две недели. Но не задержался там! Был в Троице. И там не задержался. Был где-то еще... Окончательно остановился Иван в Александровой слободе. И вот оттуда – направил в Москву грамоты с фактическим ультиматумом: или отречение, или опа-

ла на бояр! То ли Грозный имел тонкий расчет, то ли впрямь всерьез отрекался?

Тут следует сделать небольшое отступление. Почему сказано, что Грозный был **мягкий** царь?.. Да потому, что, вероятно, прозвище Грозный он получил, как говорится, "от противоположного": начитанный интеллигентный царь, один из умнейших и **добрейших** людей своего времени, был царем лишь номинальным. Этим всегда пользовались сначала бояре, потом инородцы-опричники. Да, возможно, царь был вспыльчив, но это скорее была не та грозная вспыльчивость в известном понимании, а эмоционально-импульсивные порывы, в один из которых, **говорят**, он нечаянно убил сына Ивана, ударив его посохом. А может, нет? Может, в который раз взял вину на себя, убитый родительским и государским горем?.. Как бы то ни было, Грозным его можно было назвать лишь в насмешку. Что наверняка и произошло, но XVI век еще не знал кавычек.

Под давлением **народа** бояре... уступили царю! Еще одно, косвенное, подтверждение мягкости царя: народ в таких ситуациях становится очень чуток. Правда, бедный народ не знал, что началась опричнина, от которой ему сильно достанется...

Но нас сейчас интересует лишь **казна**: поскольку речь идет о "всей казне", разночтения здесь не предполагаются, — значит, библиотека была при царе! Это подтверждается тем, что в начале или середине 1565 года, проезжая во Владимир через Александров, "либерею" видел Веттерман. Однако в документах после этого исчезают какие бы то ни было упоминания о библиотеке. Есть косвенное подтверждение, что библиотека существовала и в 1581 году: англичанин Джером Горсей принял от царя в подарок Библию... Горсей приезжал в Александров (открытие краеведа из Александрова М. Куницына).

Царь возвратился в Москву, но в Кремле ему было неуютно, и он поселился в новом дворце — на опричном

дворе, где чувствовал себя комфортнее. Это было за рекой Неглинной, на Воздвиженской улице. Квадратный, огромных размеров двор, обнесенный высокой каменной стеной с тремя воротами, надежнее, чем Кремль, защищал государя от напастей. Охрана не дремала никогда! 500 стрельцов несли постоянный караул. Царские палаты, хозяйственные постройки, а рядом — приказы. Не здесь ли была спрятана библиотека?.. Не к этим ли подвалам поначалу шел подземный ход, позднее выведенный к Храму Христа? На территории в 8 гектаров, занимаемых царским двором, вполне могла быть размещена и "казна".

Впрочем, на новом месте царь прожил тоже недолго. А пожар 1571 года сжег дотла дворец. Тогда сторела вся Москва.

И решил царь переселиться в Вологду! Там и к торговле ближе, и все же Север — исток великой Руси, начало Юриковичей. В Вологде давно уже по приказу Ивана Грозного строился каменный город, чтобы назваться столицей Руси. Но... судьба воспротивилась перенесению столицы: в Вологде в 1571 году начался чумной мор. Заложённые в 1556 году "град белокаменный" и Соборная церковь Успенья Пресвятой Богородицы остались от царя Вологде на память. А ведь, живя в Вологде, государь самолично установил контакт и хорошие отношения с англичанами. А ведь, защищенная от любых набегов непроходимыми лесами, Вологда еще долго представляла и представляет до сих пор место, где удобно и приятно было бы царствовать. Но Иван не находил в этом для себя ни радости, ни покоя. Недостроенный Благовещенский собор отдали под пороховой склад, а многочисленные подземные ходы и подвалы, построенные в первую очередь, ни по какой надобности не использовали. А может, использовали да умолчали?..

Копали и обследовали Соборную гору еще в XVII веке: архиепископ Вологодский Симон раскопал часть подземных сооружений и нашел серебро и украшения. А камень

пошел на достройку архиерейского дома. В XVIII веке из той же Соборной горы брали кирпич для Воскресенского собора и архиерейского подворья, что и зовут сейчас Вологодским Кремлем. Говорят, есть глубокий тайный ход под рекой Вологдой, соединяющий Кремль со Спасо-Прилуцким монастырем на окраине города.

Государь жил больше в Александрове, чем в Москве. Приезды его в столицу бывали короткими, да и то все реже и реже. Лишь обезумевший после смерти сына Ивана, возвратился царь за гробом в Москву в 1581 году и уже до смерти не уезжал. Привез ли библиотеку? И нужна ли была она ему в отмеренные до могилы три года?.. Позаботился ли о перевозе "казны"? Известно: подвод в царском поезде было очень мало. А может, догадавшись о "проклятии", замуровал навсегда?..

Исследователи называют наиболее вероятными места, где можно обнаружить библиотеку: Москва — Кремль или — Александров. Несколько лет назад возникла вологодская версия, но она мало правдоподобна. Первые две версии признаются и ученым миром.

Следом за энтузиастами по проблемам поиска и тайны библиотеки Ивана Грозного высказывались в печати и ученые: популярность темы не ослабевает, и историки как бы вынуждены реагировать, хотя и не любят вмешательства дилетантов. С другой стороны, трудно назвать дилетантами, например, писателя В. Осокина, краеведа из Александрова Михаила Николаевича Куницына (пребывание Ивана Грозного в Александрове воссоздано им с почти календарной точностью) или реставратора музея из Вологды Николая Федьшина. Правда, ученые имеют, как правило, свое категорическое мнение, сильно охлаждающее пыл. В конце прошлого века в России сформировалась и просуществовала довольно долго "скептическая школа", пытавшаяся доказать убогость древней русской культуры, а следовательно — и невозможность существования каких бы то ни было руко-

писей и книг... Очень постарался С.А. Белокуров, собравший материалы, доказывающие, что никакой библиотеки Ивана Грозного никогда не было. Старания энтузиастов немного поутихли. Но ведь главным доводом Белокурова было мнение Петра Аркудия и польско-литовского посла Льва Сапегы, посланных в Москву в 1601 году на поиски библиотеки, о которой говорила вся Европа. Конечно же, посланцы библиотеки не нашли, да в сердцах и написали в Ватикан, что-де русские дворяне – и те непросвещенны, ходят летом в шубах да ши лаптем хлебают: какая уж тут, извините, культура да библиотека! Понятно, и Ватикан, и западные противники русской культуры, очень ревностно относившиеся к любым ее проявлениям, мнение миссионеров папы постарались всячески раздуть.

Но были и есть другие ученые. М.Н. Тихомиров во времена Н.С. Хрущева возглавлял Комиссию по поискам библиотеки, распущенную при Л.И. Брежнев. Изрядная доля скептицизма – вполне обоснованного – присуща мнениям и Б.А. Рыбакова, и Сигурда Оттовича Шмидта. Очень конструктивное предположение высказывали в разное время А.А. Зимин и В. Кучкин: а что, если библиотека давным-давно найдена и книги уже разошлись по научным хранилищам? Такое вполне могло быть. Учитывая "строгую секретность" в Кремле и некомпетентность "компетентного" НКВД в вопросе принадлежности клада, библиотеку Ивана Грозного вполне могли без ажиотажа оприходовать и передать "по назначению", не объясняя, откуда она возникла. Ныне покойный заведующий отделом рукописей Российской государственной библиотеки (бывшей "Ленинки") профессор Виктор Яковлевич Дерягин в 1993 году говорил:

"У нас хранится 600 тысяч рукописей, из них 60 тысяч древних, более трехсот греческих (в основном византийских). Некоторые из них

относятся еще к VI веку н. э. Вполне возможно, что среди них есть и книги Софьи Палеолог. А кроме нашей библиотеки, уникальные древние рукописи есть в библиотеке РАН в Санкт-Петербурге и Государственном Историческом музее в Москве”.

С трудом верится, что такое количество древностей могло поступить в архив или библиотеку “молча”, не вызвав **хотя бы** вопроса **хотя бы одного** из ученых: откуда книги? Ведь и отделы, и сами библиотеки возглавляли и возглавляли не дворники... Где-нибудь да было бы отмечено, чья и откуда коллекция. Тем более столько известных авторов в одном собрании – такие “поступления” бывают не каждый день. Может, следовало бы поискать, не было ли поступлений?..

Да! Было! Было поступление!

Читаем газету “Труд” за 22 ноября 1944 года:

“В шкафах Государственной библиотеки СССР имени В.И. Ленина хранится много тысяч древних рукописей и рукописных книг. Среди других здесь находятся **пять** книг большого формата в старинных кожаных переплетах из **личного собрания Ивана Грозного**... Крупнейший специалист древнерусских рукописных книг профессор Г.П. Георгиевский... говорит: “Книги хорошо сохранились. Листы их почти не пожелтели от времени. Изумительные рисунки, мастерски выполненные лучшими художниками XVI века, сохранили до настоящего времени яркость своих красок”.

Наверняка этот “след” может дать определенный, если не окончательный результат.

ЗЛАТОМ КИПЯЩАЯ МЯГКАЯ РУХЛЯДЬ

(СУДЬБА МАНГАЗЕИ)

"Лета 7105 (1597) году Юрье Долгушин усть-цълемец, да литовский полоненик, да Смирной пинежанин лавелец первые Мунгазею проведали Надъм реку, а на другой год Таз реку. А воевода первый в Мунгазеи Мирон Шоховской".

Это летописное свидетельство совершенно не соответствует действительности, ибо еще в конце XV века новгородский безымянный книжник писал в сказании "О чело-вечех незнаемых в Восточной стране": "На Восточной стране, за Югорскую землю над морем живут люди самоеды, зовомые Малгонзеи". Более того, русские промышленники освоили этот район столь основательно, что пушной промысел там стал малоприбыльным. Требовался опорный пункт для дальнейшего освоения Сибири и уничтожения в ней всякого ценного зверя.

Назначенный воеводой в 1600 году Мирон Шаховской отправился из Тобольска на кочах, однако, попав в бурю, потерял все суда. Тогда он продолжил путь по земле, но на Пуре на него напала "пуровская и енисейская само-ядь", в результате чего часть стрельцов погибла, а сам Шаховской был ранен. Существует версия, что этой операцией руководили и оплатили ее русские промысловики, не желавшие появления в Мангазейском уезде официальных лиц, которые наверняка стали бы мешать им обворовывать казну. Дальнейшая судьба его отряда долгое время

была неизвестна, поэтому первыми воеводами, посланными на выручку Шоховского и построившими Мангазею, считались Василий Масальский и Савлук Пушкин. Однако дендрологический анализ самых ранних венцов срубов показал, что спилены они в 1600 году, а положены весной 1601, то есть до прибытия подмоги. Следовательно, первым воеводой Мангазеи, начавшим строительство острога, был Шоховской, вскоре, вероятно, от ран умерший.

В 1607 году тут уже была крепость, кремль. Тогда же возник и посад.

Царский наказ предписывал новым воеводам пригласить в острог лучших самоедов и сказать им жалованное слово:

“Прежде приходили к ним в Мангазею и Енесею вымичи, пустозерцы и многих государевых городов торговые люди, дань с них воровством брали на себя, а сказывали на государя. Обиды, насильства и продажи от них были им велики, а теперь государь поставил в их земле острог от торговых людей беречь, чтобы они жили в тишине и покое и ясак платили в казну без послушанья. Велено также было послать служилых людей, переписать самоедов и взять в острог заложников. Сюда же собрать торговых и промышленных людей и объявить им, чтоб не смели торговать заповедными товарами — панцирями, шеломами, копьями, саблями, топорами, ножами и вином, а другим торговать вольно, платя десятину в казну”.

По “Росписному списку 1625 года” город Мангазея снаружи имел такой вид. С приезда — в стене башня Спасская, проезжая, четырехугольная, а под ней двое ворот; башня Успенская, угловая от речки Остеровки; башня Ра-

тиловская, угловая; башня Давыдовская, от реки Таз угловая, четырехугольная, и башня Зубцовская. Городские стены по 1,5 сажени (3,2 метра), вокруг города — 131 сажень (240 метров). Внутри острога находились две церкви — Троицкая и Успенская, — воеводский двор, съезжая изба, таможня, гостинный двор, торговая баня, амбары и лавки, тюрьма и избы населения. Постоянно проживающих в то время было около 100 человек, зато временно — промышленных и торговых — до 1000. “Женок беспутных” и опустившихся ярыжек-пропойц никто не считал.

Все время между острогом и посадом шла необъявленная война, сменявшиеся воеводы и городские головы не уставали жаловаться друг на друга царю. Например, воевода Жеребцов писал на голову Курдюка Давыдова: “Стрельцы и козаки проигрались зернью доната, а Курдюк де сам скупщикает, дает зернщикам стрельцам и козакам деньги... Говорил ему в розряде, и при служилых людях, и при целовальниках, что он, Курдюк, так делает не гораздо, что служивым людям дает деньги в рост, и служилые люди от него проигрались доната”. Наконец, во время воеводства Кокорева и Палицына, который поддержал посад, дело дошло до пушечной пальбы между воеводами.

Невозможно подсчитать количество ясачного инородного населения в мангазейском уезде. Воеводы отписывали в Москву, что здесь “люди кочевые и не сидячие, а живут, переходя с места на место и с реки на реку”. Но из того, что, скажем, род Кислой Шапки (11 человек) платил 21 соболя, видно: мангазейцы отдавали соболей гораздо меньше, чем ясачные люди других сибирских уездов: везде полагался минимум 5 соболей с человека, а иные платили и по 10 и по 12. Притом мангазейские чиновники инородцы хотя и платили ясак за аманатов (заложников), но в то же время получали государево жалованье — олово и одекуй, и если этого жалованья, отписывали воеводы, “дать им слишка, то ясака они принесут больше, а без

жалованья платят мало, а иные и совсем ничего не дают". "Когда же приходят к зимовьям, то бросают ясак через окно в избу и чрез окно же ясачные сборщики отдаривают инородцев одекуем, оловом и хлебом. Мангазейские инородцы боятся входить в избы, чтобы ясачные сборщики не захватили их в аманаты, а сами не выходят к ним из изб, опасаясь от них смертных убийств, и потому сидят с аманатами, запершись".

Кормили аманатов отчасти хлебом, а большей частью падалью и собачьим кормом "юколой", состоящей из сушеной перегнившей рыбы, "подаваемой" в полужидком виде. То же "кушанье" из мяса называлось "порса".

Хотя пища эта и не роскошная, но ценилась довольно дорого: пуд порсы стоил рубль.

Цифры ясачного сбора показывают, что иногородцы мангазейские доставляли в государеву казну значительный доход: таких сборов мягкой рухляди (пушнины) не было ни в одном сибирском городе. Но были и другие разнообразные доходы, собираемые с торговых и промышленных людешек, — городовые, чрезвычайные и десятинные.

Самой выгодной статьей денежных доходов, как и повсюду в государстве, была продажа вина и медовухи. До 1620 года продажа эта в Мангазее была вольная, ею занимались все, даже воеводы, и сильно наживались. Но 1620 году на эту продажу обратил внимание тобольский воевода князь Иван Куракин и сделал донос в Москву:

"Сказывали служилые люди, которые бывали в Мангазее, что Иван Биркин посылал в Турухань на продажу свое вино и мед и взял за то больше восьми тысяч рублей... Если продавать там (в Мангазее) по 15 рублей ведро, то 150 ведер будет 2250 рублей, а прибыли — 2070 рублей. А если продавать вино и мед на мягкую рухлядь, то можно ожидать прибыли вдвое".

Московское правительство немедленно запретило торговлю и открыло государев кабак.

Чтобы представить, о каких суммах идет речь и почему Мангазея называлась златокипящей, приведем лишь пример некоего Ивана Афанасьева. В 1623 году он "угонял" двух черных лисиц – одну в 30 рублей, другую в 80 рублей. Даже если допустить, что Афанасьев – голь перекатная, то на эти деньги на Руси он мог купить: 20 десятин земли (20 р.), прекрасный дом (10 р.), 5 лошадей (10 р.), десять коров (15 р.), 70 овец (20 р.), полсотни птицы (3 р.) – полное богатое хозяйство. И у него б еще осталось про "черный" день.

Тот же тобольский воевода Куракин устроил еще одну бучу, отписав царю, "что торговые и промышленные люди ходят кочами от Архангельска на Карскую губу и на волок в Мангазею и что немцы нанимали русских людей, чтобы их от Архангельского города провели в Мангазею". Куракин высказал опасения, что оным путем могут воспользоваться немцы для торговли с сибирскими инородцами, так как уже были с их стороны попытки. "А по здешнему, государь, по сибирскому смотря делу, некоторые обычаи немцам в Мангазею торговать ездити позволить не можно. Да и не токмо им ездити, и русским людям морем в Мангазею от Архангельского города ездить не велеть, чтоб, на них смотря, немцы дороги не узнали и, приехав бы, воинские многие люди сибирским городам какие порухи не учинили".

Те торговые люди, которые рассказали Куракину о попытках немцев, и не подозревали, что эти рассказы принесут им же великое горе и великие убытки. Перепуганное правительство под страхом опалы и казни запретило морской путь в Мангазею, а на другом пути – на волоке между реками Мутной и Зеленой – велено было поставить острог-таможню. Одного из рассказчиков, Еремку Савина,

даже велено "за то бити нещадно, чтоб, на то смотря, иным было неповадно воровством смуту сеять".

В конечном счете эти меры явились губительными для Мангазеи, так как торговым и промышленным людям были отрезаны все пути для контрабанды.

Однако торговых людей ждал еще один удар. Новое таможенное правило предписывало головам: "Буде мягкая рухлядь у людей свыше ста рублей сорок соболей, то такую ценную рухлядь отбирать на государя, а владельцам выдавать из казны деньги за вычетом десятой пошрины". На Руси та же "рухлядь" стоила куда как дороже, поэтому промышленные и торговые люди пришли в ужас, узнав о распоряжении 1621 года. По упомянутому правилу можно было провозить сорок соболей в 100 рублей, но если сорок стоят 101 рубль, то весь ценный товар надо отдавать в казну. Нет нужды объяснять, кто выиграл от этого: таможенные головы и целовальники. Тут без серьезных подарков и подношений обойтись уже было нельзя.

И все-таки Мангазея еще оставалась золотым дном не только для государевой казны, но и для простых людишек. Контингент последних был представлен жителями практически всех губерний. Из таможенной книги 1641 года видно, что через Мангазею в июне и июле проехали на Русь 247 человек: пинежан — 62, устюжан — 44, важенян — 21, сольвычегодцев — 17, мезенцев — 7, вологжан — 5, усольцев — 6, двинян — 4, гостиной московской сотни — 4, патриарших крестьян — 2, Сергиева монастыря — 2, тюменцев — 3, тобольчан — 6 и т.д.

Как велики были денежные суммы, посылаемые торговыми людьми с доверенными лицами для закупки шкур пушных зверей? В 1637 году Надейка Свешников послал в Мангазею приказчика с тремя людьми и дал им 5500 рублей. В следующем году он уже бил челом государю, что посланный приказчик помер, а люди его живут в Сибири на Лене, "проживают и пропивают тут живот мой". Ука-

занная сумма свидетельствует об очень серьезных оборотах. И это не удивительно. Ведь за год в среднем через Мангазею проходило от 100 до 150 тысяч шкур мягкой рухляди: соболей, песцов, лисиц, бобров...

К концу царствования Михаила город Мангазея стал приходить в упадок. Еще в 1627 году торговые и промышленные люди сообщали, что вокруг Мангазейского города, Туруханского зимовья, вверх по Енисею и внизу Нижней Тунгуски соболи и бобры "опромышлялись", и они, люди, начали ходить в верхние места Тунгуски, где соболи добры и всякого зверя много. Выходит, первой причиной упадка Мангазеи было оскудение того богатства, которым прежде славился уезд. Вторая — жестокая таможенная власть и сопряженные с ней неизбежные и неокупаемые взятки и поборы. О третьей читаем в одной из челобитных: ясачные люди тунгусы на промыслах и в лесах и в зимовьях промышленников "убивают, мучат, жгут, отнимают хлебные запасы, всякие промышленные орудия, соболь и платье". В 1642 году тунгусы убили 20 незваных охотников, в 1643 — 35, а в некоторые годы убивали по 100 и более. В 1642 году кочи, прибывшие с моря, замерзли в реке Таз, и русским людям пришлось побросать свои товары, и от того торги и промыслы принесли только убыток.

Наконец, и стечение обстоятельств сыграло определенную роль. С 1641 по 1644 год в город не пришло ни одного коча с хлебом: все были разбиты в Обской губе штормами. В Мангазее настал великий голод, жители питались "собачьим костьем". В довершении ко всему в 1643 году город почти весь выгорел: воеводский двор, государевы амбары, съезжая изба, частично — городские стены и посад.

Воеводам был послан наказ: немедленно отстраивать острог, — а в ответ поступила челобитная: "Нам, холопям твоим, острог ставить на горелом месте некем: нас в Мангазее служилых людишек всего 94 человека, да из них 70 посылаются на государевы годовые, двухгодовые и

трехгодовые службы по ясачным зимовьям и с ясаком в Москву, 10 человек сидят в тюрьме (город сторел, тюрьма не сторела!), и остается в Мангазейском городе для бережения государевой казны всего 14 человек. На твои государевы службы поднимались, должая великими долгами. Жены и дети наши, живучи в Мангазейском городе, терпят глад, а теперь и должаться не у кого, потому что город запустел”.

Собственно говоря, уже с того времени, как иссяк источник богатства в округе, как “соболи опромышлялись”, Мангазейский город опустел. Он еще мог служить как зимовье и как таможня, и для сбора ясака, но не как административный и торговый центр уезда. Эта роль должна была перейти к Туруханскому зимовью.

В 1672 году по царскому приказу жители и стрелецкий гарнизон были переведены в Туруханское зимовье. На его месте возник новый город — Новая Мангазея.

И она погибла, остался Туруханск...

АРХЕОЛОГИЯ НА ДНЕ МОРСКОМ

Погребенные под слоем ила и воды корабли и города всегда будоражили воображение. Не успело отгреметь эхо трагедии "Титаника", происшедшей в ночь с 14 на 15 апреля 1912 года, как десятки авантюристов стали строить планы добычи со дна морского несметных богатств, перевозившихся на этом "самом гигантском за всю историю человечества судне". Увы, "Титаник", как выяснилось лишь в 1985 году, находится на немислимой глубине — 3800 метров! Только в последние десятилетия и только объединенными усилиями нескольких государств, при финансовой поддержке крупнейших фирм и корпораций мы смогли получить с борта гиганта некоторые предметы и само изображение несчастного корабля...

Не менее значительны, хотя и менее известны за давностью, другие истории затонувших судов. Многие герои посвятили поискам затонувших кораблей и сокровищ целую жизнь. Морская (подводная) археология, в отличие от "наземной", часто связана с поиском, когда между событием и искателем почти нет временного разрыва. Потому здесь, как в скифских или древнеегипетских погребениях, трудно отделить действительность от истории: жрецы, которые вчера хоронили царя и закладывали в усыпальницу золото и драгоценности, сегодня руководят бандой грабителей, обшаривающих некрополь; капитан, потерпевший кораблекрушение, нанимает индейцев-ныряльщиков, и они за нитку бус достают со дна 30 тонн золота инков, упакованного в ящики... Непонятно, кто кого грабит... И все это, тем не менее, История.

Самая умеренная статистика говорит о том, что за время существования мореходства затонуло не менее миллиона морских и речных судов. А это означает (по статистике же), что в известных искателям опасных для судоходства районах, как правило, на мелководье, в среднем на каждые 30 квадратных километров приходится один потерпевший крушение корабль. Даже не зная этих цифр, одержимые люди бросались в не менее опасные плавания в надежде разбогатеть. И многие, кстати, сделали на этом гигантские состояния! Это обстоятельство еще больше подогревает интерес. Но к тому времени, когда профессиональные археологи занялись затопленными памятниками, громадное количество исторических свидетельств было уничтожено навсегда, безвозвратно утеряно человечеством. А находки, особенно на затонувших кораблях, не могут быть незначительными: они, как правило, легко поддаются датировке и дают исследователям бесценный материал — срез жизни из вполне конкретного времени. Несмотря на то, что удачливые искатели сокровищ многое загубили, нельзя не признать, что все же именно они заложили основы подлинной подводной археологии, чем вполне заслужили то, чтобы в истории сохранились их имена — Кип Вагнер, Эдвард Таккер, Мел Фишер, Роберт Стенки... Последний, бельгийский, водолаз, разработал методику подводных археологических исследований. Мел Фишер организовал крупнейший в США Центр подводной археологии. Эдвард Таккер, специализируясь на подводной добыче цветных металлов, очень скоро "заболел" археологией и привлек к своей работе Менделя Л. Петерсона, профессионального археолога. А Кип Вагнер, найдя сокровища и расплатившись с кредиторами, а также (ценными находками) с поддерживавшими его музеями, — свою долю сокровищ потратил почти целиком на организацию частного музея. Созданная Вагнером фирма сегодня занята научно-обоснованными поисками (работа в архивах) и профессиональной

добычей со дна сокровищ, обеспеченной новейшей техникой — приборами, инструментами — и технологией.

Однако наш рассказ не об этих увлекательных приключениях.

История первая — о могучем монгольском флоте, сведений о котором практически не сохранилось.

Великий Чингисхан, завоевавший полмира, наверно, не мог себе представить, что когда-нибудь ему может понадобиться **морской флот**. Кочевники не жаловали даже рек, видя в них не столько средство для жизни, сколько водное препятствие: не раз их останавливали и даже отрезвляли воды, вдоль которых росли и богатели города земледельцев и ремесленников. Вынужденно форсируя крупные реки, завоеватели доверялись своим коням, с которыми они, будто кентавры, составляли чуть ли не одно целое, — известен способ переправы, при котором кочевник просто держится за хвост плывущей лошади (реже — собаки).

И вот последователь великого предка не менее легендарный Кублахан, завоевав Корею, Вьетнам (Чампа), а с падением в 1276 году Ханчжоу установив и полный контроль над Китаем, захотел присоединить к своим победам и маленькую Японию... Собрал весь Китайский флот (как известно, монголы включали в свои войска завоеванных государств, и те в дальнейших военных действиях пользовались почти такими же правами завоевателей, что и сама монгольская армия), в следующем 1277 году Кублахан обрушил его, числом 900 кораблей-джонок и 40 тысяч воинов, на крайнего восточного соседа. Не готовые к вторжению воинственные японцы терпели поражение... но помог внезапный шторм: разметав весь флот монголов и погубив не менее трети судов, морская стихия унесла жизни 15 тысяч завоевателей.

На Бога, как говорится, надейся... Мудрые японцы сообразили, что монголы вряд ли успокоятся. В заливе Хокато, где и произошла битва, они в короткий срок укрепили

и сделали менее доступным берег. На пути к столице император Камеяма приказал построить высокую стену наподобие Великой Китайской стены. И хотя монголы ее, Великую, преодолели и она не спасла Китай от разорения, Камеяма рассудил правильно: там воевали сухопутные войска, а к японской стене, протянувшейся на 12 миль, придет "морская пехота"... И все же никакой мудрец не мог предположить, что монгольская армада всего через четыре года вырастет до... **четыре с половиной тысяч кораблей!** Именно такой флот, в составе которого было 150 тысяч обученных "батыров", подступил к острову Кюсю в 1281 году. За спиной решительно настроенных полководцев Кублахана были две легкие победы — над защитниками островов Ики и Такасима... Поистине впечатляющее зрелище предстало перед войском японского императора: повсюду, куда хватал глаз, морское пространство было заполнено чужеземными кораблями. А с них уже высаживались и шли на приступ восточной твердыни тьмы вкусивших победы воинов. На этот раз Японию могло спасти только чудо. Но чуда, как известно, дважды не бывает...

Японцам тоже не занимать решительности и храбрости. Воспитанные на древних традициях самураи стойко сдержали первый натиск врага и были готовы биться до последнего вздоха. Но силы были слишком неравными, а флоты монголов и японцев отличались абсолютно разными "весовыми категориями". Впрочем, опытные в боевых искусствах самураи добились даже некоторого успеха: юркие их лодчонки окружили авангард монгольской армады и стали короткими дерзкими вылазками наносить существенный урон как боевой силе, так и техническому состоянию флота. И монголы, обладавшие обитыми металлом массивными кораблями, предприняли единственное, что могли в этой ситуации: они отступили! Полководцы Кублахана увели джонки к острову Хирадодзима, чтобы залечить раны, местами не такие уж и незначительные.

На следующий день на рассвете опытные командиры намеревались применить другую тактику. Японцы знали, что в распоряжении агрессора великое открытие китайцев, и они умеют им пользоваться: в XIII веке у монголов уже были китайские **пороховые пушки!**..

Всю ночь в храмах Японии молили Бога обрушить на врага свой гнев. Все японцы, от мала до велика, не сомкнули глаз, многоустно повторяли великую мольбу... Единую мольбу к Всевышнему: поразить завоевателя!

И Бог услышал. Когда флот Кублаханя подошел к японскому берегу и часть воинов штурмом взяла стену, а другая часть, еще ночью обойдя укрепление, ждала своего часа, чтобы вклиниться в ряды защитников, и уже разгорелся нештучный бой, **над островом пронесся неожиданный страшный тайфун!** В течение нескольких минут "божественный ветер", почти не затронув японских строений, вероятно, защищенных еще и 12-мильной стеной, на этот раз не просто разметал монгольский флот: он разбивал корабли о берег, друг о друга, о дно!.. Мало кто из воинов, не вовлеченных в штурм, остался в живых. Атаковавших на суше, тайфун швырял и разбивал о стену! Тех же, кто успел проникнуть за нее, встречали решительность и боевое искусство самураев.

Можно сказать, в один миг Кублахан лишился 4000 кораблей и 100 тысяч отборного войска. Никогда больше монголы не предпринимали попыток завоевать Страну Восходящего Солнца, а также никогда более не держали реального военно-морского флота. И водные преграды продолжали преодолевать по-старому — ухватившись за хвост лошади (или собаки).

Совсем недавно один из местных жителей Кюсю обнаружил в прибрежных камнях древнюю личную печать монгольского воина с надписью, из которой можно было заключить, что он являлся "тысяцким" командиром (возглавлял тысячу воинов). К тому же дата, стоявшая на ней —

1277 год, — говорила о том, что этот военачальник участвовал в обеих акциях — и 1277, и 1281 годов. Вторая для него стала последней.

Ровно через 7 веков, в 1980 году, японский археолог Торао Мозаи нашел остатки монгольского флота — остовы кораблей, шлемы, луки и стрелы, копья, офицерскую саблю. И — каменные ядра к легендарным монгольским пушкам! К сожалению, сами пушки пока не найдены...

S

Опустив подробности гибели "Титаника", которые всем давно известны, нельзя не рассказать о последствиях поисков затонувшего корабля-гиганта. Конечно, как всякое событие мирового масштаба, это кораблекрушение с первых дней обросло слухами и домыслами, но потом они успокоились и не поднимались со дна житейского моря. Нам они понадобятся для информации, ибо события постепенно развивались... Во-первых, много после крушения говорилось о героях и трусах той ночи. К примеру, директор-распорядитель фирмы "Уайт Стар", хозяин "Титаника" Брюс Исмей, почти в одиночку захвативший целую шлюпку и спасшийся на ней, навсегда покрыл позором свое имя. А вот миллионер Джон Джекоб, наоборот, уступил свое место в шлюпке женщине, а сам вернулся на обреченный корабль...

Несправедливо обвиненный и проживший с пятном позора 50 лет, скончавшийся, так и не дождавшись реабилитации, Стенли Лорд, капитан лайнера "Калифорния", был изгнан со службы. На суде его обвинили в том, что он совершил самый страшный морской грех — не оказал помощь терпящим бедствие! Судьи доказали, что огни, которые видели с тонущего "Титаника", были судовыми огнями "Калифорнии"... Через год после смерти мужественного Стенли Лорда, в 1963 году Хенрик Наэсс, капитан норвежского промыслового судна "Самсон", признался на

радио, что в ночь с 14 на 15 апреля 1912 года видел не только огни, но и белые ракеты "Титаника", однако поспешил уйти от неприятностей, ибо... **принял ракеты за сигнал американского патрульного корабля**, который его преследовал. Видно, "Самсон" занимался незаконным ловом в Атлантике. Однако Наэсс, конечно же, тоже прожил несладкую жизнь: ничего не зная о "Титанике", он через несколько дней сумел убедиться, сверив данные прессы со своим вахтенным журналом, что и он тоже виновник гибели полутора тысяч человек.

Рикошетом судьба отплатила и прозорливому писателю приключенческого жанра Моргану Робертсону, за 14 лет до гибели "Титаника" описавшему в романе "Тщетность" это событие. В книге масса ошеломительных совпадений, вплоть до количества шлюпок, винтов и труб "Титана" (!) — так назван суперлайнер Робертсоном. Совпало все — даже время, место и встреча с айсбергом. Однако писателя никто не назвал прозорливым (как это следовало бы ожидать), никто не посетовал на то, что не вняли его предупреждению. Наоборот, роман "Тщетность" мир предал анафеме, а вместе с ним — и самого писателя, назвав его дьяволом. Свой жизненный путь Морган Робертсон завершил как графоман: писал много, но его никто не печатал...

Находки 1985 года и последующих лет вновь привлекли внимание к "Титанику". Глубоководный аппарат "Арго", созданный специально для таких операций, сфотографировал лежащий на днище с наклоном в сторону донной расщелины "Титаник". Кроме того, корабль и дно вокруг него обследовались геологической системой для подводной гидролокации. Американцы и французы, участвовавшие в совместных исследованиях, в 1986 году в чем-то не сошлись и занялись поисками самостоятельно друг от друга: предполагается, что на борту "Титаника" осталось примерно 250 миллионов долларов в золоте и драгоценностях. Впро-

чем, и те и другие объяснились с общественностью, обещав не продавать и не обменивать найденные ценности и предметы, а организовать из них передвижной музей.

В 1987 году французы при помощи глубоководной подлодки "Наутилус" извлекли со дна 800 предметов ("Наутилус" был снабжен высокочувствительным роботом-манипулятором) и сделали около 12 тысяч снимков снаружи и внутри корабля...

Вот тут-то и закипели вдруг настоящие страсти. Робин Гарднер и Дан Ван дер Ват выдвинули невероятную, на первый взгляд, версию о судьбе суперлайнера. Изучив материалы архивов морского флота за 50 лет, два этих исследователя обнаружили двойника гиганта — суперлайнер "Олимпик". Он строился в те же годы и на тех же верфях, что и "Титаник"... Однако несчастья преследовали "Олимпик" с первых дней — с момента спуска на воду 20 октября 1910 года: он врезался в дамбу! И за два года, прошедшие с этого дня, ремонт и возмещение ущерба заставили хозяев раскошелиться на сумму, почти равную той, в какую вылилось строительство "Олимпика". Брюс Исмей и лорд Пирри (владелец верфей "Харленд энд Уолф") были теперь почти разорены. И они задумали "преступление века", на которые так богат именно XX век, — потопить "Олимпик" под именем "Титаника" и получить за это страховку, исчисляющуюся на сегодня 52 миллионами фунтов стерлингов. Хозяева были бы рады потопить "Олимпик" и под своим именем, но его никто уже не брался страховать: в деловом мире информация поставлена лучше, чем в сфере государственной власти... Для обеспечения безопасности ни в чем не повинных пассажиров авторы проекта-аферы задумали послать в район плаванья мнимого "Титаника" другое судно, которое "случайно" подберет терпящих бедствие людей. Впрочем, послать судно следом было бы уж слишком откровенной акцией, потому решили оставить "Титаник" в одиночестве... всего на неделю!

Как выяснилось, зря. "Заколдованный" на неудачу "Олимпик" уже через три дня после начала рейса встретил злополучный айсберг.

Однако поведение капитана компании Эдуарда Дж. Смита говорит о том, что благородная забота о судьбе пассажиров – слишком лестная для хозяев корабля легенда. Во-первых, Смит как раз и был первым капитаном "Олимпика": реально беспокоясь о пассажирах, компания остереглась бы назначать "провального" капитана на новый рейс – независимо от того, под каким именем отходил от причала суперлайнер. Неудачник Смит **был готов выполнить любой приказ** дирекции беспрекословно – вот причина, по которой он остался капитаном переименованного "Олимпика". На пассажиров господам Брюсу Исмею, Пирри и Джону Пирпонту Моргану (владельцу "Уайт Стар") было наплевать. Именно поэтому за несколько часов до катастрофы у дежурных наблюдателей изъяли бинокли, а **за несколько минут до удара об айсберг** Смит приказал повернуть лайнер бортом к смертельно опасному морскому скитальцу... Создается впечатление, что второе (мифическое) судно компании и впрямь существовало: для того, чтобы **отбуксировать заранее обнаруженную ледяную глыбу в нужную точку океана!**

В качестве основного доказательства своего "открытия" Гарднер и Ван дер Ват приводили отказ 55 человек от поездки всего за несколько часов до отхода лайнера. Среди них – и лорд Пирри, и Джон Морган, и его приятель и партнер Генри Фрик, и Роберт Бэкон, посол США во Франции, и известный толстосум Джордж Вандербильт. Морган, "почувствовав себя плохо", выгрузился с "Титаника" в Саутгемптоне, при этом **прихватив с собой собрание произведений искусства** (не оставив его плыть до места назначения, то есть не надеясь, что произведения дойдут благополучно!).

Настоящий "Титаник", под другим именем, безмятежно

бороздил океаны сначала в составе Королевских морских сил, затем под флагом компании "Уайт Стар лайн". И закончил свою удачную жизнь в 1935 году. Такова версия штукатурки Робина Гарднера и историка Дана Ван дер Вата.

Во всяком случае, ответ будет зависеть от того, насколько успешным окажется дальнейшее исследование (а может быть, и поднятие?) затонувшего суперлайнера начала века.

S

Третья история – о пиратах. Правда, не совсем о них.

В июне 1692 года мощное землетрясение в Карибском море и гигантская волна цунами почти начисто снесли с лица земли Порт-Ройал, звезду пиратской Ямайки. Землетрясение сопровождалось погружением морского дна и изменением береговой линии острова. От бывшего Порт-Ройала в результате осталась лишь одна треть. Погибло около 2000 человек, несколько десятков стоявших в гавани судов и 1800 зданий города.

В 1953 году Эдвин А. Линк на специально оснащем и лично им оборудованном для подводной археологии судне "Си Дайвер" начал работу у берегов Порт-Ройала. Город образовался в 1655 году, после захвата острова англичанами, из первоначально существовавшего форта, который до того времени переходил из рук в руки от англичан к испанцам, и наоборот. Легендарный капитан Блад, благородный пират, о котором любят читать российские подростки, конечно же, герой чисто литературный: имея прекрасную гавань и удобный для защиты от врага укрепленный берег, Порт-Ройал в то кровавое время был пристанищем самых отъявленных злодеев с 1658 года и рос как на дрожжах. После смерти Генри Моргана (пират не литературный, а исторический) официально Порт-Ройал перестал быть прибежищем "джентльменов удачи", но население его было, с точки зрения очевидцев, "самым весе-

лым" на побережье. Грабеж, происходивший на море, продолжался и в городе. За любой товар драли по три шкуры не менее разбойные торговцы, за спиной которых стояли свои городские бандиты. Пьянство и разврат в Порт-Ройале повергали в уныние даже отъявленных пиратов, заходивших в гавань отдохнуть и отъестся.

Место, таким образом, было все же проклятым. Через десять лет оставшийся и заново отстроенный город уничтожил пожар. Потом пронеслось несколько ураганов, и Порт-Ройал перестал существовать, занесенный мощным слоем ила и песка.

Старинные карты, составленные, впрочем, уже после гибели пиратской столицы, все же давали надежду, что застигнутые врасплох богатые склады награбленных ценностей все же сохранились. Ныряльщики XIX и XX веков своими глазами убедились в этом, подтверждая наличие под водой старинных развалин.

Первое включение грунтососа не дало результатов. Разочаровавшийся было Эдвин Линк вдруг догадался, что расчищает... тротуар! И в самом деле: передвинув заборный шланг всего на несколько метров и начав качать, он наткнулся на долгожданные находки. Среди них — уникальная: латунные часы, изготовленные Полем Блонделем в 1686 году, всего через 6 лет зафиксировавшие время катастрофы — без 17 минут полдень...

Обследованы лишь склады, магазин и кухня богатого дола. Линк, с сожалением расставаясь с "пиратским Вавилоном", надеялся, что это лишь начало. Экспедиция Роберта Маркса потом нашла таверну, два необрушенных здания и... сундук с драгоценностями с испанских галеонов, потерпевших крушение в составе флотилии в 1691 году!

Тут же оживился местный рэкет: бандиты потребовали у Маркса своей доли, грозя прикончить членов экспедиции. Традиции Порт-Ройала оказались живучи. Однако вме-

шалась полиция, и для археологов, и так ежедневно подвергавших риску свою жизнь, все обошлось.

Экспедиция Маркса работала 9 лет, но обследовала лишь часть затонувшего города. В настоящее время работы ведут совместно правительство Ямайки и Институт подводной археологии при Техасском университете.

ИСПЫТАНИЕ СПОРЫМ НАВОЛОКОМ

(ПОЧТИ ПОГИВШАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ)

В конце XVI века голландцы, фактически добившиеся независимости от Испании, решили активно развивать торговлю с восточными странами. Но на морских просторах хозяйничали испанцы и португальцы. Голландцы, равно как и англичане, чтобы попасть в экзотические страны Индокитая, и думать не смели о пути через Атлантический океан и мыс Доброй Надежды. Ничего не оставалось, как попытаться открыть северо-восточный морской путь. Сначала в эти воды двинулись три английских корабля под водительством Виллоуби, два погибли у берегов Кольского полуострова, а третий дошел до Холмогор. Его капитан Р. Ченслер потом попал в Москву, был принят Иваном Грозным (1554 год). В итоге англичане не смогли открыть новый восточный проход, однако открыли для себя богатый северный рынок. Иван Грозный живо оценил перспективу внешней торговли через Белое море, и между Россией и Англией были установлены дипломатические отношения. Однако иностранные лазутчики под видом купцов стали активно "осваивать" русский север. Англичанин Мерик предлагал своему королю план захвата земель до Волги, другой — Штаден — носился с "проектом обращения Московии в английскую провинцию". Царям, единолично распоряжавшимся богатствами севера, такое пришлось не по душе, поэтому в устье Северной Двины построили город Архангельск, дальше которого иностранцев не пускали.

Неудачи англичан не смутили голландцев, они попытались самостоятельно отыскать среди льдов и торосов северо-восточный путь в Китай и Индию. В первую экспедицию 1594 года их корабли дошли до севера Новой Земли — Оранских островов, но вынуждены были повернуть обратно из-за сложных ледовых условий. Вторая — достигла острова Вайгач на юге Новой Земли, но тоже натолкнулась на непроходимые льды. Наконец — третья экспедиция, в которой участвовало два корабля (одним командовал Ян Рийп, вторым — Гем Скерк, штурманом экспедиции был Виллем Баренц; он участвовал во всех трех экспедициях, хотя формально и не считался их руководителем), открыла для западноевропейцев Шпицберген (нашим поморам он был давно известен). После этого пути кораблей разошлись: Рийп не пошел дальше на восток, а Баренц решил обогнуть северную оконечность Новой Земли, потому что по предположению средневекового географа Меркатора, оставалось лишь еще немного пройти, повернуть на юг и достигнуть берегов Китая.

В конце августа 1596 года корабль обогнул самый северный мыс Новой Земли — мыс Желания и повернул в Карское море. Здесь его затерли льды, и голландцы вынуждены были зимовать. Это была первая зимовка западноевропейцев в таких северных широтах.

Первым делом голландцы нашли место с пресной водой, затем перетащили на берег необходимые вещи, а главное, видя надвигающуюся зиму и невозможность выбраться на чистую воду, поставили в течение нескольких недель дом, материалом для которого послужили корабельные доски и плавник, в избытке "поставляемый" сибирскими реками (чего не сообразил до них капитан Виллоуби у берегов Северного Мурмана, погубив 66 человек команды).

В начале голландцев было семнадцать, но уже в сентябре скончался плотник, а в январе еще один член экипажа не выдержал суровой зимовки. До июля 1597 года им

пришлось претерпеть много всего: и от медведей, и от зимы, и от полярной ночи, и от цинги. Выживший участник экспедиции Де Фер оставил подробный дневник плавания и зимовки. Этот дневник был сразу опубликован после возвращения в 1598 году, и у нас переведен в 1936 году. В то время он стал бестселлером, потому что по увлекательности не уступает "Робинзону Крузо", а по правдивости далеко оставляет позади.

Ближе к весне голландцы стали задумываться, как им выбраться из ледяного плена. Но корабль был настолько прочно зажат льдами, что спасти его не представлялось реальным. Располагая одной лодкой, они надшили ее борта, другую сделали и, перетаскив лодки до чистой воды, под самодельными парусами двинулись на юг вдоль западного побережья Новой Земли. Маршрут голландцы хорошо знали (карта этих мест, ими составленная, еще и в XIX веке была самой точной).

В самом начале пути умерли Баренц и еще два члена экспедиции. Де Фер ничего не сообщил о месте их захоронения. Оставшиеся четырнадцать человек, совершенно обессиленные, буквально "доползли" до южного края Новой Земли, не имея уже и продовольствия, но на свое счастье здесь они встретили поморов, русских промышленников, активно осваивавших Новую Землю еще с XV века. Поморы выручили их хлебом. Затем, ведомые Гемом Скерком, голландцы пересекли очень опасное место — горловину Белого моря, и оказались в устье реки Дроздовой. Отсюда они добрались до Колы, самого крупного поморского торгового центра (иначе — Кольский острог), и здесь встретили судно Яна Рийпа, с которым дошли до Шпицбергена. Рийп с тех пор, как они расстались у острова Медвежий, сходил в Голландию и с товарами снова пришел в Колу. На этом корабле остатки экспедиции Баренца и вернулись на родину.

Только в XVIII веке помору Савве Лошкину удалось обойти кругом Новую Землю, что это остров (Татищев, например, в 1739 году писал, что не знает, соединяется ли Новая Земля с Америкой или нет).

Такова история этой экспедиции. А дальше началась "тайная археология", захватившая как Шпицберген, так и Новую Землю.

О Баренце не вспоминали до тех пор, пока не началась активная экспансия норвежских промышленников на Шпицберген и Новую Землю во второй половине XIX века. Они пытались вытеснить наших поморов, чьи промыслы к тому времени, мягко говоря, захирели. Норвежцы сознательно уничтожали археологические свидетельства первоначального освоения русскими этих территорий по вполне понятным причинам: территории-то еще не имели государства-хозяина. Так исчезли сотни могил, стоянок, зимовий, были сожжены памятные и надгробные кресты поморов.

В 1871 году норвежец по фамилии Карлсен достиг Ледяной гавани (поморы называли ее Спорый Наволок) — того места, где зимовал Баренц, — и тут его глазам открылось зимовье, дом, нетронутый, заледеневший, как бы законсервированный. Внутри норвежец обнаружил мушкетеры, посуду, утварь и даже записку Баренца Рийпу. Все это он забрал. Потом здесь несколько раз побывали англичане, продолжая изымать материальные останки, в результате чего памятник стал разрушаться (хотя место это крайне труднодоступное, сейчас ближайшая метеостанция находится в 80 километрах).

Наконец, царское правительство сподобилось заявить свои права на Новую Землю, а вот до Шпицбергена у него руки так и не дошли (этот архипелаг в 1925 году вошел в Норвежское королевство).

В советское время на Новой Земле работали геологи и топографы, внося свою "лепту" в "освоение" зимовья Баренца: каждый брал, что приглянется. В 1970-х годах туда

была отправлена археологическая экспедиция под руководством Д. Кравченко, которая доручила памятник, почти устранив в работе научную методику.

Но всему приходит конец. Приближалось 400-летие со дня смерти Баренца – великого штурмана, пользующегося уважением у всех мореплавателей. Голландцы свято берегут свои традиции, мы тоже помним героев, чьими именами названы наши моря. В 1993 и 1995 годах были организованы две российско-голандские экспедиции, руководил которыми заведующий группой арктической археологии института археологии РАН В. Старков. С помощью новейших технических средств и методик экспедиция раскопала остатки зимовья и собрала практически весь материал (вплоть до корабельных гвоздей).

Прежде всего был изучен сам дом, вернее, его останки и фундамент. Зимовье представляло собой жилище размером 8х6 метров, посреди дома находился камин, который топился вчерную: в потолке была дыра, к которой шла труба, сделанная из бочек. Крышу голландцы застелили парусиновым брезентом и шкурами убитых медведей. Были сооружены нары. Но мореходы почему-то не построили сени, как всегда делали поморы, поэтому температура внутри наверняка была минусовая на протяжении всего зимовья. К тому же в четырех стенах они устроили три двери. Непонятно, как они выжили при такой "вентиляции". Поморы были более приспособлены к подобным условиям, потому что знали, куда и на что идут. А голландцы в первую же ночь в доме (писал Де Фер) попробовали топить углем с корабля и чуть не угорели насмерть. Потом они собирали плавник, выброшенный сибирскими реками, но таскали его издалека, так как поставили дом в видимости корабля. (Кстати, в 1993 году на берегу были подобраны останки какого-то судна, но пока полной уверенности, что это корабль Баренца, – нет. Сейчас они в Москве на экспертизе.)

Из утвари последней археологической экспедиции достались сосуды, в основном битые, так как целые вывез еще Карлсен. Благодаря вечной мерзлоте сохранилось очень много тканей, кожи от обуви, несколько монет, пули, тысячи гвоздей, металлическая посуда, даже на берегу моря в пяти метрах от уреза воды нашли очень красивую оловянную тарелку. Из костей попадались медвежьи, песчовые и птичьи. Но главной находкой оказалась свинцовая пластинка-полуфабрикат (из таких на месте лили пули), на которой читалось всего три буквы "BAR". Голландцы сделали графологическую экспертизу по имеющимся автографам Баренца и доказали, что это его рука. Трудно сказать, зачем он писал это. Скорее, от тоски.

Успех экспедиции налицо: впервые в северных широтах исследован памятник, описание которого оставил его житель. Полевые работы завершены навсегда, так как раскопки велись до материка, зимовье законсервировано на случай создания музея в будущем, до сих пор идет реставрация, систематизация и анализ. Работа затруднена тем, что находки поделены между Москвой, Архангельском и Амстердамом. На месте зимовья сейчас стоит крест, который водрузил Д. Кравченко, и памятная каменная плита, которую в 1995 году положили голландцы.

И все-таки успех не полный: кое-что так и не нашли. Археологи обследовали все места, где могли бы находиться могилы Баренца и его товарищей, копали в заливе Иванова — наиболее вероятном месте, но тщетно. Правда, надежда не потеряна, такие случаи из практики известны, если... Если голландцы не похоронили своих товарищей по морскому обычаю. Возможно, у них не было ни времени, ни сил, возможно, даже к берегу они не могли подойти из-за ледяного поля. Де Фер же об этом ничего не сообщил.

Могилы Баренца — лишь одна тайна Новой Земли из тех, которые оставили нам иностранцы, уничтожая памят-

ники более раннего присутствия в этих местах поморов. Когда у российской науки появятся деньги, археологических тайн Новой Земли точно поубавится.

Ну а основная тайна самого Баренца носит скорее мистический, чем археологический характер. Подобно Тутанхамону, имя его преследует смерть на Шпицбергене в городе Баренцбурге. С момента его появления здесь постоянно гибнут шахтеры и разбиваются самолеты. Уж не протестует ли дух Баренца против того, что архипелаг отошел к Норвегии, а не к Голландии?..

МИФ О ДЖОНЕ ФРАНКЛИНЕ

Как всякое событие, ставшее историческим, реальная судьба пропавшей экспедиции сэра Джона Франклина всего за какое-то десятилетие обросла легендами. Удивительно: мифы, кажется, не стали более притягательными, чем подлинная история полярного похода. Это свойство Севера.

Мальчишки России конца прошлого — начала нынешнего века бредили Севером, и эта болезнь как-то независимо от исторических катаклизмов перекинулась в советское время. Поколения и поколения жаждали быть полярниками — радистами, летчиками, капитанами... Впрочем, интерес этот еще более давний: на Северной вахте с незапамятных времен пионеры Руси — поморы, Дежнев и Хабаров, Витус Беринг, Седов... Интерес или, скажем, страсть к полярным приключениям не ослабевали и в Европе (Нансен, Амундсен), и в Америке (влюбившийся в Север Джек Лондон). И это тоже свойство Севера.

Когда речь заходит об экспедиции капитана Франклина, приходит на ум полный романтики и трагических пересечений роман Вениамина Каверина "Два капитана". Как иногда похоже! Не столько совпадают обстоятельства, сколько заблуждения, чувства, полутона... И — знаки.

Еще мальчишкой Джон Франклин "понюхал" пороху и морского духа: с 14 лет служил во флоте, в пятнадцать он участвовал под командованием знаменитого адмирала Нельсона в разгроме датского флота под Копенгагеном. Плавал с Мэтью Флиндерсом в Австралию — занимался гидрографическими исследованиями. Терпел кораблекрушение. И снова воевал, участвовал в разгроме французского

и испанского флотов в битве при Трафальгаре 1805 года. А в 1814-м под Новым Орлеаном получил ранение...

В 1818 году впервые Франклин попал на Север и был им покорен. Произошло это в удивительном для нас (теперь!) походе, организованном британским адмиралтейством для поиска Северного пути в Америку: следуя бытовавшему представлению о том, что на самом полюсе Ледовитый океан в обширных пространствах свободен от льда, командование приказало двум судам – “Доротее” и “Тренту” – пройти сквозь льды в полярные воды, пересечь их и, добравшись до противоположного ледового кольца, найдя в нем проход, дойти до Гавайских островов. Правда, первоначальной задачей было всего-навсего достичь Шпицбергена и обследовать его. Капитаном “Трента” был назначен Джон Франклин. И, хотя результат был плачевным, а суда, попавшие в ледовый плен, едва не были раздавлены, Франклин и его штурман Джордж Бак (будущий капитан Бак) навсегда “прикипели” к Арктике.

Капитан Франклин возглавил свою первую экспедицию по поиску Северо-Западного пути из Атлантики в Тихий океан уже в следующем, 1819 году. Была и еще экспедиция – 1825–1826 годов. Соотечественники знали и любили своего героя.

И вот 19 мая 1845 года состоялось торжественное отплытие новой экспедиции под руководством сэра Джона Франклина: два парусника, “Эребус” и “Террор”, отправились выполнять ту же задачу – впервые пройти Северо-Западным морским путем. Франклин был капитаном “Эребуса”, капитаном “Террора” – Крозье.

Франклин писал жене несколько раз. Последнее его письмо, оптимистическое и подробное, на шестнадцати страницах, Джейн Франклин получила в августе. Оно было написано на Китовых островах. Жены членов команды тоже получили письма. Например, Осмер, эконом с “Эребуса”, писал жене, чтобы их ждали домой в 1846 году, а в пись-

ме Фицджермса говорилось, что "на судне с утра до вечера не умолкает смех". Надежды участников экспедиции были самыми радужными.

Одна только Джейн знала: не все в порядке. И беспокоилась гораздо прежде того времени, когда уже следовало беспокоиться. Экспедицию все-таки постигла долгая, растянувшаяся на два года трагедия. Джейн обладала хорошей интуицией, но еще она знала то, чего не знали другие. Произошло это накануне отплытия.

Франклину нездоровилось. Он спал на диване, а Джейн сидела рядом и шила флаг, который муж должен был взять с собой. Подумав, что Франклину холодно, закончив работу, Джейн набросила флаг мужу на ноги. Проснувшись и заметив это, Франклин сказал спросонок: "Почему меня прикрыли флагом? Разве ты не знаешь, что флагом покрывают покойников?" Это был знак, думала Джейн, и потому беспокоилась с самого начала. Она старалась не думать об этом, но не думать не могла. Пыталась уйти в работу по подготовке экспедиции — это она позаботилась о множестве столь необходимых для команды мелочей, создававших комфорт в нелегком путешествии. Библиотека в 1200 томов, даже доска для игры в триктрак и живая обезьянка — ее рук дело...

Закончился 1846 год, а от Франклина — никаких вестей. Прошла вторая годовщина со дня отплытия, прошел и 1847 год... Прошло три года!

Трудно обвинять власти в бездейственности. Во-первых, экспедиция на Север была уже не первой, и потому запасов продовольствия на кораблях (24 офицера и 102 матроса) было заготовлено на три года. К тому же было известно, что Американский (Канадский) Север изобилует дичью, рыбой, оленями (карибу), и при нехватке провианта опытные полярники, из которых в основном и состояла экспедиция, всегда смогут добыть пропитание на месте. Во-вторых, неспроста экспедицию возглавлял 59-летний Фран-

клин: английские власти ценили не только его опытность и способность в тяжелейших условиях принять единственно правильное решение. Учитывая прошлые походы, капитан Франклин настоял на усилении обшивки судов (правда, за счет ходовых качеств). С момента освоения Канадского Севера многие герои обследовали прежде неведомые берега и воды и нанесли их на карты. Франклин располагал и данными собственных походов, и данными походов Кука, Макензи, а значительно раньше — Дэвиса, Баффина, и современников — Джона и Джеймса-Кларка Россов (дядя и племянник), Парри, Бака, Диза и Симпсона, других исследователей.

Отсутствие известий от Франклина вызвало волнение общественности, она стала бить тревогу и обвинять адмиралтейство именно в бездеятельности. Надо сказать, большую роль в этом сыграла Джейн Франклин. Ее сердце чувствовало беду.

В 1847 году, не имея сведений из похода, адмиралтейство стало готовить спасательные экспедиции.

Джейн настаивала, чтобы спасатели пошли к устью реки Больших Рыб. И ошибка адмиралтейства состоит в том, что оно назначило целых три экспедиции — в Берингов пролив, в устье Макензи и к проливу Ланкастер, но не вняло предчувствию вдовы.

Когда спасатели отплыли к месту назначения, всем показалось, что они подготовлены плохо и наспех, и едва прозвучала критика в адрес адмиралтейства, сразу же стали готовить следующую спасательную экспедицию. В январе 1848 года в Берингов пролив отплыл на "Плавере" капитан Мур. В марте из Канады отправился пеший отряд спасателей Джона Ричардсона и доктора Джона Рея. В мае на "Энтерпрайзе" и "Инвестигейтере" к проливу Ланкастер отплыл Джеймс Кларк Росс. С ним Джейн послала письмо супругу: "Любовь моя, если ты получишь это письмо, пусть облегчит оно твои страдания".

Через год, не получив положительных результатов, адмиралтейство объявило, что любое судно, которое сможет оказать помощь пропавшей экспедиции, получит в награду 20 тысяч фунтов стерлингов. Однако в мае 1849 года оно отказалось продать леди Франклин два лихтера, которые Джейн за свой счет хотела отправить на поиски в район устья реки Больших Рыб. В июне она отправилась на Оркнейские, а затем на Шетландские острова.

В ноябре вернулись ни с чем в Англию Ричардсон и Росс. Доктор Рей остался продолжать поиски. Росс же нашел только "исключительно тяжелые ледовые условия". В самом деле, и на севере и на юге района (где и застряли суда Франклина) в те годы сложилась тяжелая ледовая обстановка. Однако адмиралтейство, не внимая Джейн Франклин, рассказывавшей о своих беседах с мужем перед его отъездом, продолжало посылать корабли на поиски Франклина глубоко на север, в то время как на юге оставался один только Рей. "Энтерпрайз" во главе с капитаном Коллинсоном и "Инвестигейтер" под командой Мак-Клура отправились к острову Мелвилл, чтобы обследовать его. В апреле суда "Леди Франклин" и "София" направились в пролив Веллингтон. Экспедицию возглавлял капитан Пенни. К острову Банка отошли "Феликс" и "Мэри". Эту экспедицию финансировала Компания Гудзонова залива, а возглавлял 73-летний Джон Росс! Экспедиция была организована и Североамериканскими Штатами (вышла из Нью-Йорка в мае). В мае же экспедиция, возглавляемая капитаном Остином, отправилась из Англии на четырех судах, чтобы пройти на запад от пролива Ланкастер и оттуда выслать санные поисковые группы к острову Мелвилл и к мысу Уолкер. 12 судов отправились на поиски, которые охватывали практически весь Север! Но, к сожалению, только там, где погибла экспедиция Франклина, не было никого.

А Джейн в своих обращениях к адмиралтейству про-

должала настаивать на том, что следует искать в устье реки Больших Рыб, потому что, зажатый льдами, Франклин покинул суда и отправился к устью пешком. Так оно и было! Невероятно, до чего же верным может быть интуитивное прозрение женщины. Любящей женщины! И это не все: леди Франклин заявляла, что именно там можно будет что-то узнать от эскимосов.

Она купила 90-тонное судно "Принс-Альберт" и оснастила его для арктического похода, который возглавил Чарлз Форсайт. Судно вышло из Абердина 5 июня 1850 года. Капитан Форсайт не имел опыта плавания в Арктике, а доктор Сноу, прибывший из Канады, был вовсе не доктором, а авантюристом, правда, искренне желавшим найти Франклина. Попав в тяжелую ледовую обстановку, вместо того чтобы искать пути на юг, Форсайт, уже руководимый "доктором" Сноу, стал пробиваться на север, где собралось уже девять экспедиционных кораблей, — наверно, беспрецедентный случай в истории!

Чтобы не возвращаться с пустыми руками, "спасатели" решили доплыть хоть куда-нибудь. Мимо острова Бичи Форсайт провел "Принс-Альберта" в восточный сектор пролива Веллингтон. "Потолкавшись" в общей суতোлке еще немного, Форсайт и Сноу нашли кусок выцветшего брезента и обглоданные бараньи и говяжьи кости, а также кусок каната длиной 44 фута. В этот же вечер они развернулись, а первого октября были уже на родине.

Однако через неделю после отплытия "Принс-Альберта" на острове Бичи были обнаружены следы первой зимовки Франклина! К сожалению, в гурии (пирамиде из банок, камней и т. д., обозначающей стоянку) не было найдено указаний на то, куда отправились "Эребус" и "Террор" далее. Безрезультатно закончился и 1851 год.

В июне экспедицией руководил упорный канадец Уильям Кеннеди, человек долга, причем веривший в успех предприятия. Врача на "Принс-Альберт" Джейн теперь тоже по-

добрала настоящего... Но и "настоящие" вернулись ни с чем: Кеннеди не дошел 150 миль до места гибели Франклина, руководствуясь не картами, а своими ощущениями при взгляде на окружающий пейзаж. Собираясь отплыть в Англию, Кеннеди был настигнут новой экспедицией адмиралтейства. Одно из судов — "Норд-Стар" — встретило "Принс-Альберта", и капитан передал Кеннеди записку от леди Джейн, в которой ему предписывалось... присоединиться к судам этой новой экспедиции, идущей на север! Видимо, всякое терпение кончается, и Джейн Франклин устала быть последовательной. Однако большинство команды "Принс-Альберта" отказалось продолжать поиски, и 7 октября 1852 года "Принс-Альберт" пришвартовался в Абердинском порту.

Вдова Франклина купила другое судно — "Изабеллу". В апреле 1853 года под командованием Кеннеди "Изабелла" отправляется к берегам Сибири, а адмиралтейство в то же самое время отправило на Север последнее судно с предписанием сэру Белчеру ПРЕКРАТИТЬ ПОИСКИ: с 1845 года прошло слишком много лет, чтобы надеяться на то, что кто-то из команды Франклина остался жив, потому незачем было подвергать опасности еще жизни многих. Леди Франклин получила уведомление от адмиралтейства, что если Франклин до 31 марта 1854 года не будет найден, то имена всех офицеров и матросов "Эребуса" и "Террора" будут вычеркнуты из списков адмиралтейства.

В ответ Джейн Франклин, уже несколько лет носившая траур, сняла траур и отказалась хлопотать о вдовьей пенсии!

Через 21 день после того, как решение адмиралтейства вступило в силу, доктор Рей, занимавшийся нанесением на карту последних неоткрытых участков Северо-Западного прохода, встретил эскимоса по имени Инукпужюк, у которого висела на шее золотая лента с фуражки английского моряка... 16–17 мая Рей купил у этого и других эс-

кимосов серебряные ложку и вилку с инициалами Френсиса Ричарда Мойры Крозье. Правда, не зная об этом, Рей решил, что это вещи Мак-Клура, о котором вот уже несколько лет, с 1850 года, не было вестей.

В дело вступил живой эскимосский "телефон"! Большая группа эскимосов пришла к Рею для торговли: они принесли орден, принадлежавший Франклину, и серебряную пластинку с его именем. А еще — 23 вилки и ложки с "Эребуса" и "Террора", скальпель, нож, куски золотой цепочки, части футляра от золотых часов, компас и лоскут фланелевой рубашки. А самое важное — они рассказали Рею историю пребывания каблунов (белых людей) на острове Кикерктак (остров Короля Вильгельма). С этих событий и началось раскрытие тайны пропавшей экспедиции Франклина. Тем не менее вот уже полтора века не могут найти могилу самого сэра Джона Франклина, исчезла большая жестяная коробка, в которой хранился судовой журнал, нет четкой картины, раскрывающей причину массовой гибели людей в то время, когда, даже не имея возможности плыть, они могли пешком переместиться в устье реки Больших Рыб и проделать обратный путь по реке, вдоль берегов которой достаточно возможностей выжить. Найденные и обследованные гурии в четырех точках, где останавливалась редущая группа первопроходцев, не содержали самого главного — судовых документов. Хотя в одном гурии найдена капсула (почему-то не запечатанная), а в ней — листок с записями. Первая сделана в мае 1847 года и дает координаты первой зимовки на острове Бичи. А также дальше: "Поднялись проливом Веллингтон до 77-го градуса северной широты и вернулись вдоль западного берега острова Корнуоллис. Сэр Джон Франклин командует экспедицией. Все благополучно. 27 мая, понедельник, 1847 год. Отряд, состоящий из двух офицеров и шести матросов, сошел с судна. Гм. Гор, лейтенант. Ч.В. Де-Во, штурман". Вторая

запись относилась уже к апрелю 1848 года. В ней говорилось о том, что корабли попали в ледовый плен еще 12 сентября 1846 года, 22 апреля 1848 года 105 человек во главе с капитаном Ф.М. Крозье покинули корабли, а 26 числа "выходят к Рыбьей реке Бака". Сообщалось о смерти Джона Франклина 11 июня 1847 года и смерти Гора (без указания даты). Судя по тому, что возле гурия были разбросаны самые необходимые, особенно для моряков, вещи, можно было догадаться, что люди были сильно истощены и поэтому оставили их.

Находку сделал Хобсон из экспедиции Мак-Клинтока, организованной вдовой Франклина после того, как адмиралтейство отказалось от дальнейших поисков в 1857 году. Кроме того, обнаружили шлюпку, которую тащили на санях франклиновцы, возвращавшиеся на корабль из бухты Террор. В шлюпке было два скелета, возле одного из них вдоль бортов стояло по ружью, у каждого один ствол был заряжен, лежало 5 пар часов, 15 серебряных ложек, 11 серебряных вилок, из них 8 — с гербом Франклина. Человек на носу шлюпки умер первым, а тот, что на корме, был готов к обороне, но скончался от истощения.

Самое главное: чуть западнее мыса Глэдмен Мак-Клинток обнаружил скелет молодого человека, который потом, при тщательной экспертизе найденных в плохом состоянии документов, оказался Гарри Пегларом, моряком с "Террора". А это означало, что хоть один человек из экспедиции Франклина, но прошел Северо-Западным проходом! Цель экспедиции Джона Франклина была все же достигнута.

В 1860 году энтузиаст-полярник Чарлз-Френсис Холл предпринял самостоятельные поиски, позже он совершил еще несколько путешествий на Север, в результате чего... разочаровался в эскимосах! Холл умер в 1871 году при попытке покорить Северный полюс.

Американец Фредерик Шватка на судне "Иоутен" от-

правился на поиски документов Франклина, но попытка была безуспешной.

Экспедиция Руала Амундсена 1903 года, имеющая уже иные цели, все же проделала ту работу, которой пренебрегли предшественники: похоронила все останки, которые удалось обнаружить.

В 1930 году для поисков могилы Франклина и тайника с документами канадское правительство организовало воздушную экспедицию, закончившуюся ничем. Канадские вооруженные силы предпринимали попытку и в 1967 году... Безрезультатно.

История, начавшаяся знаком (флаг, укравший сонного сэра Джона Франклина), таким же мистическим знаком и завершается, причем, если знак на протяжении полутора столетий продолжает появляться вновь и вновь, возможно, она бесконечна, как легенда о "Летучем Голландце". В апреле 1851 года бриг "Реновэйшен" под командой капитана Коварда вблизи от Ньюфаундленда заметил льдину с впаянными в нее двумя парусниками — предположительно "Эребусом" и "Террором". Однако, вопреки морским правилам, Ковард не приказал обследовать корабли, чему первый офицер Симпсон подчинился. Провели расследование, и даже состоялся суд над капитаном, но патента он не лишился и был оправдан, хотя морской суд и выразил ему презрение при вынесении оправдательного приговора. Дело в том, что в момент встречи с парусником у Коварда была высокая температура, и он действительно мог принять неправильное решение.

Через пятьдесят лет, в 1907 году, французский пароход заметил льдину с вмерзшим в нее парусником старого типа.

Событие 1851 года явно противоречит рассказам эскимосов о том, что один парусник утонул у них на глазах, раздавленный льдами, а второй те же льды выбросил на

берег. Событие 1907 года противоречит этим рассказам наполовину.

Может быть, воды смыли "Террор" до 1851 года и он действительно кочует по Атлантике?

В любом случае история пропавшей экспедиции Франклина является ярким примером героизма, любви и верности. А вот о том, что же произошло на острове Короля Вильгельма (Кикерктаке) на самом деле, мы, наверное, никогда не узнаем.

ИСКУССТВО ГРАБИТЬ . . .

. . . УМЫШЛЕННО

Всё началось с находки в развалинах Дибана камня с еврейской надписью, которая сообщала о победе царя моавитов Месы над израильтянами. Узнав о находке, французский лингвист Клермон-Ганно решил купить надпись для Лувра. Но пока он ждал из Франции деньги, благочестивые бедуины взорвали камень, который никоим образом не относился к Корану. Действительно, камень Месы датировался 840 годом до н.э. На самом же деле бедуины решили, что, продавая надпись кусками, они выручат больше денег. Впрочем, в Лувре надпись восстановили.

Тут можно было бы поставить точку, если бы вслед за этим на "черном" рынке Иерусалима, как грибы после дождя, не стали появляться древнееврейские надписи на глиняной посуде того же IX века. Не было никаких сомнений, что речь идет об одном и том же виде письменности. Цены на антиквариат резко подскочили.

Первыми "загорелись" немцы и уполномочили своего консула в Иерусалиме скупить всю посуду с надписями за 20 тысяч талеров. Продавцом являлся антиквар Шапира, хорошо известный ученому миру. Он уже не раз продавал (или выступал посредником) весьма ценные рукописи Британскому музею и Берлинской государственной библиотеке. Все они были подлинные.

Почти свершившуюся сделку сорвал Клермон-Ганно.

Совсем молодой лингвист, работавший переводчиком при французской миссии, обратил внимание на то, что "посудные" надписи появились сразу после находки камня Месы. Лингвист даже обнаружил орфографические ошибки, указывавшие на автора, как на человека без специального образования. Но немцы не придали этому большого значения: в конце концов, древний автор мог и должен был быть полуграмотным, он ведь не раввин, а рядовой домовладелец.

Тогда Клермон-Ганно взял на себя роль детектива. Он обошел все гончарные мастерские Иерусалима и его окрестностей и отыскал ту, где делалась "древняя посуда с древними надписями". Здесь же он нашел и образцы моавитского письма, которым пользовались мошенники.

Произошел скандал. Немцы аннулировали сделку и спасли свои музеи от позора, а Клермон-Ганно нажил себе смертельного врага в лице антиквара.

Прошли годы, и в 1883 году Шапира вновь поразил ученый мир. На этот раз он предложил Британскому музею купить древнейшую рукопись, которая содержала пятую книгу Моисея — Второзаконие. Рукопись нашли бедуины в пещере неподалеку от восточного берега Мертвого моря. Она была завернута в черное полотно и "набальзамирована по египетскому образцу". Уже это должно было бы насторожить английских экспертов (в самом деле, зачем бальзамировать рукопись? У нее же нет внутренностей!), но вышло наоборот: факт бальзамирования посчитали неопровержимым доказательством подлинности, так как в те годы еще не были открыты все тайны египетских парасхитов (могильщиков). К тому же текст значительно отличался от позднейшего, канонического, что тоже расценили как подтверждение подлинности. Англия решила купить рукопись, ориентировочно датированную 896 годом до н.э. Шутка ли — обладать документом, написанным спустя поколение после Соломона и постройки храма. Англичан

не остановила даже сумасшедшая цена, предложенная антикваром, — миллион фунтов стерлингов. Тем не менее осторожность взяла верх. К делу привлекли самых опытных лингвистов и языковедов под руководством знатока древнееврейских рукописей доктора Гинсберга. Он охотно давал интервью английским газетам. Первое время отношение Гинсберга к рукописи было скептическим, но постепенно в ежедневных отчетах о ходе дешифровки стала появляться уверенность: буквы рукописи почти полностью копировали камень Месы, следовательно, она была очень древней.

Через месяц в Лондоне объявился Шарль Клермон-Ганно. Он уже стал маститым ученым и одну за другой издавал книги о восточных древностях. Клермон-Ганно приехал, чтобы лично подержать в руках ценную рукопись, которая взбудоражила всю Англию.

В Британском музее не возражали, но неожиданно воспротивился Шапира. В категорической форме он потребовал не допускать к работе француза, который уже нанес ему непоправимый финансовый и моральный ущерб в Иерусалиме. Из опасения, что Шапира продаст рукопись немцам, англичане приняли его условия.

Но Клермону-Ганно все-таки удалось просмотреть небольшой фрагмент рукописи. Этого оказалось достаточно, чтобы обнаружить фальшивку. Текст содержал ошибки, которые опытному лингвисту были видны с первого взгляда. Клермон-Ганно даже определил, какие разделы древнееврейской грамматики изучал автор подделки, а какие оставил без внимания по лени или из-за нехватки времени. Тогда вспомнили, что и некоторые немецкие ученые догадывались о подделке и советовали Клермону-Ганно "не ввязываться в это дело и не причинять себе и другим лишние хлопоты": немцы, вероятно, хотели впоследствии обвинить британских ученых в элементарной некомпетентности.

Некоторое время английские газеты замалчивали эту тему, понимая, в какую глупость поверили и как разнесли ее по белу свету, и только в марте 1884 года было опубликовано короткое сообщение: "В номере роттердамской гостиницы застрелился мужчина".

Это был Шапира.

Вместе с собой антиквар унес тайну появления рукописи. Так и не удалось узнать, сам ли Шапира изготовил рукопись или поручил кому-нибудь. Но факт его самоубийства как будто говорит о том, что антиквар стал жертвой фальсификаторов, доверившись им без всякой проверки текста.

. . . НЕНАРОКОМ

Во второй половине XIX века юг России буквально накрыла волна всевозможных подделок, что диктовалось большим спросом на античные вещи из курганов и раскопанных городищ. Подделывали даже предметы, которых в принципе не могло быть в Северном Причерноморье, например, этрусские расписные вазы. Фальшивки заполонили частные русские собрания, "ольвийские древности" обнаружили в музеях Кракова, Франкфурта-на-Майне и Парижа. За них были уплачены огромные деньги. Власти не вели никакой борьбы с мошенниками, так как, скорее всего, сами были в доле.

Вершиной фальсификации стала тиара Сайтафарна (шлемообразный головной убор персидских царей и римских пап), которую изготовил одесский ювелир И. Рахумовский — человек, не имеющий никакого художественного образования, подлинный самородок провинциального белорусского городка Мозырь. Без каких-либо учителей он достиг таких вершин в ювелирном деле, что, когда пере-

брался в Киев, там не нашлось ни одного гравера, который мог бы чему-нибудь научить Рахумовского.

В 1892 году тридцатилетний ювелир переселился в Одессу. Здесь его никто не знал, поэтому сразу рассчитывать на хорошие заказы не приходилось. Мастер попал в сети ловких мошенников, которые предложили ему делать фальшивый антиквариат по представляемым копиям. От него не скрывали, что копии будут использоваться для подарков влиятельным лицам, но именно как копии или оригинальные вещи на античные мотивы. Рахумовский устраивал жуликов больше других ювелиров, так как один выполняет работу чеканщика, гравера и ювелира. Он согласился, потому что задумал шедевр — золотой "Саркофаг со скелетом". Миниатюрную вещицу Рахумовский хотел украсить рельефами, которые изображали бы этапы человеческой жизни. Скелет размером с палец ювелир решил сделать из 167 двигающихся частей. (Впоследствии он получил за саркофаг золотую медаль в Париже.)

Весной 1896 года Европу облетело известие, что Лувр за огромные деньги приобрел найденную на юге России золотую тиару скифского царя Сайтафарна. Всех поражало художественное исполнение. На нижнем фризе изображались сцены из жизни скифов, на верхнем — мифы из "Илиады". Между ними, по кругу, была изображена городская стена с башнями и греческая надпись: "Царя великого и непобедимого Сайтафарна. Совет и народ ольвиополитов". Отсюда следовало, что золотую "шапку" подарили знатному скифу жители города Ольвии, причем сделали это по решению всего народа.

Сайтафарн был известен ученому миру из почетного декрета в честь Протогена: во II веке до н.э. царь "прибыл в Канкит и требовал даров" с ольвиополитов. Ученые Лувра напрямую связали это событие с появлением тиары, не удосужились даже поинтересоваться деталями происхождения вещи, и последняя заняла почетное место в витрине

музея. Между тем сотрудникам Лувра стоило бы поближе познакомиться с прежним хозяином тиары.

В феврале 1896 года в Вене объявился одесский торговец древностями Ш. Гохман, который предложил императорскому музею купить некоторые древние вещи из клада, случайно обнаруженного в окрестностях Ольвии. До этого он побывал в Британском музее, но там Гохман имел репутацию проходимца, и англичане отказались даже взглянуть на тиару. А вот венцы купились, мысль о подделке даже не пришла им в головы. Но на их счастье у музея не оказалось тех денег, которые Гохман хотел получить за антиквариат. Тогда одесский жулик отдал тиару двум венским подельникам, поручив продать ее за максимально высокую цену. Венцы, взяв рекомендательные письма, отправились в Париж и через влиятельных и уважаемых людей предложили тиару Лувру. Ученые авторитеты братья Рейнаки, знаменитые эпиграфисты Фукар и Олло, директор национальных музеев Франции Кемпфен подвергли тиару самому дотошному анализу и не нашли ничего подозрительного. А надпись, выполненная по всем законам древнегреческой эпиграфики и совпадающая по шрифту с протогеновским декретом, убедила экспертов в подлинности тиары. Она была приобретена за 200 тысяч франков золотом.

Надо сказать, что российские ученые не признали тиару, приобретенную Лувром, подлинной. Представлялось невероятным, чтобы о столь крупной находке не было ни сплетен, ни слухов. Такую же точку зрения высказал и немецкий ученый Фуртвентлер. Он отмечал, что изображения на тиаре грешат разностильностью, которую античный мастер допустить не мог. Но французы лишь снисходительно улыбались и все "происки" ученого мира приписывали зависти.

Через год в Одессе состоялся судебный процесс против Гохмана, которого коллекционер Суручан обвинял в

продаже подделок. На процессе первый раз упомянули имя Рахумовского, предполагаемого автора тиары Сайтафарна. Опять пошли всевозможные толки и пересуды, но французы и на этот раз "отбились": речь уже шла не о подделке или подлиннике, а о чести французской Академии наук, которая не могла позволить себе так обмшуриться.

Прошло семь лет, и парижская газета "Матэн" опубликовала статью некоего Элина, работника "фабрики" подделок произведений искусства. Этот ювелир объявил, что именно он автор тиары, которую изготовил по спецзаказу. Элина разоблачили на следующий день: как выяснилось, названный им заказчик умер за четыре года до того, как "сделал заказ".

"Матэн" не собиралась сдаваться и скоро опубликовала еще одну статью русского ювелира, который утверждал, что изготовление тиары — дело рук Рахумовского. Последний — честный человек и не ведал, что творит для мошенников. Еще одно письмо прислала в редакцию проживавшая в Париже русская дама, которой Рахумовский признавался, что видел свое детище в Лувре, но боится заявлять об авторстве.

На некоторое время тиара стала гвоздем сезона. Посмотреть на нее собиралось столько же народа, сколько впоследствии — на то место, где висела украденная "Джоконда". Одновременно в Одессе был допрошен полицией Рахумовский. Он сознался в авторстве, но отрицал свою причастность к продаже. Рахумовский изъявлял готовность прибыть в Париж и расставить все точки над *i*. Лувр предоставил ему такую возможность, тиару убрали из экспозиции, а главным экспертом по вопросу о подлинности тиары назначили уже известного нам Клермона-Ганно, к тому времени профессора Сорбонны и члена Академии.

Рахумовский приехал в Париж и тут же был атакован корреспондентами, хотя расследование держалось в тайне. На все вопросы, как ему удалось достичь таких вершин в

подделке античных памятников, Рахумовский со смехом отвечал:

— Да это не искусство, это мелочь, безделица! Вот если бы вы видели мой саркофаг!

Расследование заняло около двух месяцев. Рахумовский предъявил сделанные им эскизы четырех фрагментов. Клермон-Ганно "пытал" его в течение восьми часов, надеясь поймать на мелочах, но ничего не добился. Рахумовский даже назвал книги, из которых брал сюжеты во время создания тиары. Это были очень популярные в то время книги "Русские древности в памятниках искусства" и "Атлас в картинках к Всемирной истории". В них имелись некоторые графические искажения, все они "перекочевали" на тиару. Но Клермон-Ганно не хотел сдаваться даже перед очевидным. Он предложил Рахумовскому по памяти изготовить часть тиары. Она оказалась точной копией того, чем гордился Лувр. Больше французы сопротивляться не могли. Братья Рейнаки, правда, еще некоторое время отстаивали возможность того, что тиара подлинная и лишь доделанная современным реставратором. Но их никто не слушал. Тиару передали в музей современного искусства, но потом вернули в Лувр, где она находится и теперь в отделе подделок.

Конец этой истории вряд ли пришелся бы по душе американским сценаристам. Рахумовский закончил жизнь в полной неизвестности и даже неизвестно когда. Гохман, в отличие от Шапира, стреляться не стал и после революции эмигрировал в Германию. Вскоре в одной частной берлинской коллекции появился серебряный позолоченный ритон с рельефными фигурками скифов. После войны газеты сообщили, что Лувр приобрел новый "памятник античной тореветики первостепенного значения". На этот раз отрезвление наступило мгновенно. Из Москвы пришло сообщение А. Передольской, что аналогичный ритон хранится в Историческом музее в коллекции подделок. Изобра-

жения на обоих ритонах скопированы с всемирно известной вазы из кургана Куль-оба.

Весьма вероятно, что и к продаже ритонов приложил руку вездесущий Гохман.

...ПО СОВЕСТИ

Летом 1931 года директор музея естественной истории в Нью-Йорке, набирая телефон центрального полицейского управления, продолжал другой рукой держаться за голову, бессильный совладать с собой. Шутка ли! Из музея украли почти 400 экспонатов древнеиндейского сакрального обихода. Тут впору не за голову, а за пистолет хвататься, чтобы сохранить в этих святых стенах хоть честь ученого.

— Скажите охране музея, чтобы никого не выпускали из здания, и ждите, — предупредила дежурная по городу.

S

Эрасмуссен расследовал кражи произведений искусства и вернул на место уже не один украденный холст (собственно, единственным темным пятном в его послужном списке был хвост карликового динозавра, вероятно, отломанный не в меру ретивым школьником). Новое дело представлялось ему элементарным: невозможно украсть такое количество реликвий и уйти незамеченным: рано или поздно, а что-нибудь всплывет на подпольном рынке. Еще только собираясь на место происшествия, он отрядил двух подчиненных проверять алиби самых активных охотников за музейными древностями. А подъезжая к музею, послал других осмотреть здание снаружи.

Но эти меры оказались напрасными. Поздоровавшись с директором, Эрасмуссен попросил отвести его к обо-

краденным витринам. Директор же в ответ протянул список на 20 страницах и объяснил, что классического ограбления с битьем стекол и отключением сигнализации не было. В музее проводилась плановая ревизия запасников, во время которой и обнаружилась "недостача" в особо крупных размерах, причем исключительно в отделе индейских древностей.

Эрасмуссен пробежал взглядом список.

— Что-то не пойму: эти вещи вовсе не из первого ряда. В музее можно было бы пожить куда как лучше. Впрочем, преступник или преступники, вероятно, не желали привлекать внимание похищением известных вещей. Такие и обнаружить быстрее и продать сложнее.

— Наверное, вы правы, — вздохнул директор.

— Когда была предыдущая ревизия экспонатов?

— Десять лет назад.

Глаза Эрасмуссена потухли. С таким "долгим" грабеджом он еще не сталкивался, хотя уже было понятно, что вор — один из сотрудников музея со стажем, ибо вынести за один раз столько предметов невозможно: требовался, по крайней мере, доверху груженный пикап. Значит, выносили постепенно.

— А вы проверяли, — спросил Эрасмуссен, — в витринах у вас сейчас подлинники?

— Не все, — помялся директор, — самые ценные экспонаты мы от греха подменяем копиями.

— Ну, пойдете в закрома.

Подземное хранилище-запасник состояло из множества пеналов, защищенных металлическими дверями. Директор распахнул одну из них. Эрасмуссен прошелся по длинной комнате. Стены были заставлены стеллажами и коробками с археологическими и этнографическими находками, которые внутри лежали вповалку. Взять отсюда предмет не составляло труда, можно было бы даже оставить бумагу, создавая иллюзию непотревоженного объема.

— Тут находки из резервации племени пима, — объяснил директор. — При ревизии не досчитались 163 предмета.

— А остальные?

— Это в соседней комнате, — сказал директор, — культура племени мерикопа.

— Что общего у этих племен?

— Считается, что они потомки культуры хохокам — бесследно исчезнувших.

— А есть ли что-нибудь общее у исчезнувших экспонатов?

— Большая часть их как будто предназначалась для священнодействий. Но точно это не докажешь: на данном этапе исследований редко можно сказать наверняка, связан орнамент на конкретном сосуде с культом предков или нет. А индейцы в некоторых вопросах религии на сотрудничество не идут: боятся мести духов. Вот когда археолог находит предмет прямо в киве, тогда другое дело, тут все ясно. Кива — это круглая полужемлянка, в которой собирались индейцы рода и священнодействовали, — пояснил директор.

— Примерная стоимость похищенного? — спросил Эрасмуссен.

— Это невозможно посчитать. Многие имеют только научную ценность, но никак не рыночную. Вот, например, № 191: "Амулет заклинательницы Киналик, начало нашего века. Плетеный круг, на котором размещены: отщеп с приклада убитого бледнолицего, обрывок тетивы, лоскут от шапки умершего брата, вырезанная картинка с табачной бандероли, ухо белки..." Такие продают туристам по два доллара за штуку. Ценность нашего только в том, что он настоящий и ни один индеец его не продаст, побоявшись мести духа Киналик. Кстати, амулет мы послали три года назад на выставку декоративного искусства, то есть он еще был на месте.

— А вот № 36: глиняный расписной сосуд в виде толстого мужчины, около 1000 года? — спросил Эрасмуссен.

— Это, безусловно, ценная, но не очень дорогая вещь. Полгода назад, если мне не изменяет память, ее фотографировали для какого-то художественного альбома. Специализирующиеся на этом издательства — финансовое подспорье музею.

— Получается, у вас тут не хранилище, а проходной двор.

— Ну знаете! Это чересчур.

Эрасмуссен уже не сомневался, что вор у него в кармане.

По крайней мере, основной, так как могли быть и проходные "любители сувениров", вроде фотографов.

— Пойдемте-ка в ваш кабинет, — сказал Эрасмуссен, — и составим список всех, кто за последние десять лет имел доступ в эти две комнаты.

— Начинайте с меня...

S

Директор не только сумел представить список работавших, но и снабдил его собственными комментариями на полях, а к списку украденного добавил фотографии...

Сидя в своем кабинете над бумагами, Эрасмуссен первым делом поразмыслил над версией: может, воровали только те вещи, которые путешествовали по выставкам? Таких еле набралось на четверть. Версия отпала.

Потом он сходил в отдел, "курировавший" нетрадиционные церкви и секты: ведь эта публика без ритуальных и освященных штучек, как бойскаут без рюкзака и галстука в походе.

Но и тут получил от ворот поворот: новоявленные пророки и ясновидящие, объяснили ему, сами мастерят амулеты и талисманы; это их бизнес. Не родился еще в среде черно-белых магов такой дурак, который бы позарился на

истуканов вымершего народа, ведь они уже проиграли более могущественным духам. Наш контингент покупает только египетские мумии по 30 долларов за унцию в базарный день.

Впрочем, копию со списка похищенного сняли на всякий случай.

Эрасмуссен вернулся к себе вполне довольный: у него оставались только две версии — клептомания и коллекционирование. А на этом он собаку съел.

Из работников музея Эрасмуссен решил в первую очередь заняться Кеннеди и Саккетом — этнографом и археологом, занимавшимся культурой хохочаков. К ним он добавил их ассистентов и двух лаборанток. Получилась шайка грабителей национального достояния.

Поразмыслив, Эрасмуссен вычеркнул из списка Саккетта. Зачем ему сначала выкапывать вещь, везти в музей, вносить в опись, класть на полку и потом — воровать?! Он бы прекрасно мог сунуть ее в карман прямо в раскопе, как поступил Шлиман с Троянским кладом.

Но тут взгляд Эрасмуссена наткнулся на приписку директора. Последний характеризовал Саккетта как типичного ученого, то есть не от мира сего. Например, приезжая на городище, Саккет стрелял из лука и там, где падала стрела, начинал копать и, как правило, ничего путного не находил. Но не расстраивался, потому что проповедовал теорию разумного ожидания.

Эрасмуссен вписал Саккетта обратно и вычеркнул Кеннеди: этнографа, согласно характеристике, отличала такая преданность науке, что иной раз он ночевал в музее, не желая ни на секунду расставаться со "своими" сокровищами, и часто ругал своего ассистента, который от занятий наукой пытался выкроить время на собственные молодости удовольствия. "Впрочем, если этот Кеннеди такой энтузиаст дела, как он мог не заметить отсутствия стольких

экспонатов?” — подумал Эрасмуссен и набрал номер директора музея.

— И не мудрено, — ответил тот. — У нас полтора миллиона предметов культуры хохокам.

— А почему я его сегодня не видел?

— Так они же все в экспедиции! Мы потому и ревизию проводили, чтобы зимой не мешать. Но завтра вы их увидите: я послал телеграмму.

— Премного благодарен, — буркнул Эрасмуссен и пошел домой.

S

Утром Эрасмуссен только успел отправить подчиненного за кофе и сэндвичами, как зазвонил телефон.

— Мне нужен следователь, который занимается кражей из музея.

— Да.

— Я знаю имя вора.

— А кто говорит?

— Мне не хотелось бы называться.

— Согласен. Слушаю.

— Это Кеннеди из отдела индейских культур. Он сегодня как раз вернулся в город.

— У меня сложилось о нем иное впечатление.

— У вас сложилось правильное впечатление. Дело в том, что он уносит вещи не для продажи и не в домашнюю коллекцию, а возвращает их индейцам, потомкам хохокам. Они живут в резервации Скоаквик возле городка Снейктаун. Кеннеди считает, что ученые лишили их исконной культуры, обманом забрав все священные и обрядовые предметы, которые передавались из поколения в поколение и которые делали их единым племенем, а не сбродом. Даже могилы их предков Саккет разграбил.

— Может, вы все-таки назоветесь?

— Только я не советую ехать с обыском в Снейктаун прямо сейчас. В домах вы ничего не найдете.

— А где искать?

— А не надо искать. Дождитесь великого индейского праздника солнцеворота: краснокожие сами все вынесут. Они так десять тысяч лет делают.

— Я подумаю...

S

Из 400 пропавших экспонатов во время облавы удалось вернуть около 300. Тем не менее суд присяжных оправдал Кеннеди. А вот наука не простила. Его должность в музее занял ассистент.

...ДУРАКОВ

В 1950 году Уильям Котрелл, рыбак из штата Нью-Джерси, шел вдоль пустынного пляжа в заливе Санди-Хук. Ботинком он подцепил какой-то блестящий предмет. Им оказался золотой испанский дублон 1713 года. Котрелл позвал приятеля, и они нашли еще один дублон. В последующие дни окрестные жители нашли на пляже еще пять золотых монет. Журналисты, узнав о находках, поспешили объявить это сенсацией. После этого скучный дачный поселок и его пляж на берегу залива превратились в места паломничества кладоискателей. Те приезжали сотнями, потом их начали считать на тысячи. Хозяева пляжа разбили его на участки и за деньги разрешали перекапывать их на любую глубину. Тем, кто приехал первыми, повезло отыскать еще несколько дублонов. Ажиотаж поднялся необычайный. Электрички, автобусы и машины привозили из Нью-Йорка целые армии алчных кладоискателей. Однако первые "счастливишки", застолбившие участки, не пускали конкурентов на свою территорию. Из-за этого произошло множество драк, так что пришлось вмешаться полиции штата. Не

имея современных металлоискателей, многие приезжали с собаками, специально натасканными во время войны на поиски бомб. Десять суток, почти без перерывов люди и звери рыли песок. Ушлые торговцы доставили сюда целые горы лопат, граблей и кирок. Цены на них существенно отличались от магазинных, но кладоискатели не скупились. Наконец, перебрал и просеяв весь песок пляжа, увязнув по колено в хлипкой топи, охотники за дублонами стали покидать залив Санди-Хук. Всего они нашли 23 дублона, а владельцам пляжа и торговцам скобяным товаром заплатили несколько сот тысяч долларов.

Сотрудники национального исторического музея пытались утешить горе-кладоискателей. Через прессу они сообщили, что данный залив в прежние времена охотно посещался джентльменами удачи. Обнаруженные монеты — это пиратский клад, зарытый на берегу и размывтый прибоем. Большая его часть — давно в море.

Однако более "умные" люди задавали вполне конкретный вопрос римских юристов: кому это выгодно? И в самом деле, хорошо нагрели руки на "пиратском кладе" только местные жители, дачники и торговцы лопатами и сеткой (у нас она называется "рабица"), через которую просеивали песок. Очень много фактов указывало на то, что это дело рук опытного жулика, организовавшего мистификацию. Но до суда дело не дошло. На что могли жаловаться обманутые кладоискатели? Ведь никто не заставлял их покупать одну лопату по цене десяти.

Впрочем, не все подобные истории заканчиваются так печально и глупо. Один мой знакомый, используя прибор по определению цветных металлов в земле, как-то утром прошелся по пляжу Серебряного бора. Ему досталось очень много бутылочных пробок и фольги от сигарет, но в то же время он набрал граненый стакан золотых и серебряных нашейных цепочек...

4. Лингвоотступление и "ненаучная" история	196
5. Лирическое отступление из истории Египта в историю Хеттии	198
ПЕРВОЕ РУЖЬЕ	203
ГОРОД-ПРИЗРАК ЗИМБАВВЕ	207
СОКРОВИЩА МАЙЯ	217
1. Оракул, или Деяния одержимого монаха	218
2. Энтузиасты и "отцы археологии"	222
3. Откуда пришли первоамериканцы?	231
4. Упадок майя. Загадка без отгадки	235
5. Чичен-Ица	239
6. Первая героиня Америки, или Консулы-археологи	244
ЗОЛОТОЙ КУРГАН	250
ОСТРОВ СЕЙ ПОНТА СВЯТОЙ	264
ПОТЕРЯННАЯ "ВЕНЕЦИЯ" ЭТРУРИИ	271
ДЕЛО ОБ ИСЧЕЗНУВШЕЙ КИММЕРИДЕ (Урок античной географии)	284
ТРИ "ПРОСЧЕТА" АГАСИКЛА	297
ПОТЕРЯННЫЙ СКЛАД ГРАВИТЕЛЯ	313
ЦАРСКАЯ ГРОВНИЦА ПОД КУРГАНОМ	318
РОДОНАЧАЛЬНИК АРХЕОЛОГИИ (Записки сумасшедшего)	327
ДВЕ РОССИЙСКИЕ ТАЙНЫ	333
ЧЕТЫРЕ ВЕКА В ПОИСКАХ "ЛИБЕРЕИ"	343
ЗЛАТОМ КИПЯЩАЯ МЯГКАЯ РУХЛЯДЬ (Судьба Мангазеи)	359